

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (4)

2013

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленева

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2013

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2013

© Редколлеги журнала «Поволжская археология», 2013

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E. P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A. E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologic.pro>

© Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 2013

© Mari State University, 2013

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Editorial Board of Journal, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Зеленцова О.В., Ситдииков А.Г. К юбилею археолога
(Ю.А. Зеленева – 60 лет) 6

Статьи

Никитин В.В. Некоторые проблемы раннего неолита
лесной полосы Среднего Поволжья 11

Соловьев Б.С. Культурные компоненты Усть-Ветлужского могильника 18

Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии
эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье.
Полевые исследования 40

Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии
эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье.
Кабинетно-аналитические исследования 64

Яблонский Л.Т. Раннесарматский рыцарь 104

*Демкин В.А., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Ельцов М.В.,
Удальцов С.Н., Каширская Н.Н.* Подкурганые палеопочвы
нижневолжских степей как индикаторы динамики климата
за историческое время 126

Ставицкий В.В. Погребальный обряд тешской группы
мордовских могильников III–VII вв. 143

Никитина Т.Б. Поясные кошельки/сумочки в средневековых
могильниках Ветлужско-Вятского междуречья 151

Вихляев В.И. Расселение мордвы в III – начале XIII вв. 162

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Отражение социальной
стратификации в погребальной обрядности кочевников
степного Предкавказья золотоордынского времени:
продолжение дискуссии 171

Иванов В.А. Проблема формирования «имперской культуры»
Золотой Орды и ее роли как ареалообразующего фактора
для народов Урало-Поволжья 179

Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды
(по данным археологии) 189

Публикации

<i>Валиев Р.Р., Пигарев Е.М., Мухамадиев А.Г., Ситдииков А.Г.</i> Археологические исследования «Больничного бугра» Селитренного городища 2006–2009 гг.	212
<i>Полубояринова М.Д.</i> Торговый инвентарь с Болгарского городища	252
<i>Кубанкин Д.А., Сергеева О.В.</i> Клад с Увекского городища (случайная находка 1994 года)	259
<i>Федулов М.И., Волков А.В.</i> Предметная коллекция могильника «Кукшылиды» в фондах Чувашского национального музея (по материалам раскопок П.П. Ефименко 1926 г.)	272
<i>Воробьева Е.Е., Калыгина Ж.С.</i> Погребальная посуда Тихвинского некрополя г. Царевококшайска: предварительные итоги изучения	279
<i>Воробьева Е.Е., Иванова Ю.Н.</i> Нательные кресты царевококшайских некрополей (к вопросу систематизации)	291
<i>Шигапов М.Б.</i> Исследования городища Кашан I в 2012 году	299
Список сокращений	307
Правила для авторов	309

CONTENTS

Zelentsova O.V., Sitdikov A.G. On the anniversary of archaeologist
(Yu.A. Zeleneev is 60 years old)6

Articles

Nikitin V.V. Some problems of early neolithic
of forest belts of the Middle Volga 11

Solov'ev B.S. Cultural components of the Ust-Vetluzhsky burial 18

Chizhevsky A.A. Initial period of investigation the Late Bronze
and Early Iron ages in Volga-Kama area. Field studies 40

Chizhevsky A.A. Initial period of investigation the Late Bronze
and Early Iron Ages in Volga-Kama area. Office analytical studies 64

Yablonsky L.T. Early Sarmatian knight 104

Demkin V.A., *Demkina T.S.*, *Khomutova T.E.*, *Yeltsov M.V.*,
Udaltsov S.N., *Kashirskaya N.N.* Underkurgan paleosoils
of the Lower Volga steppes as indicators of climate dynamics
during historical time 126

Stavitsky V.V. The funeral rite of teshskaya group
of Mordovian burials in III–VII centuries 143

Nikitina T.B. Waist pouches/bags from medieval burial places
of the Vetluga-Vyatka interfluvium area 151

Vikhlyaev V.I. Settling of the mordovians
in the IIIrd – the early XIIIth centuries 162

Chkhaidze V.N., *Druzhinina I.A.* Reflection of social stratification
in funeral ceremonialism of nomads of steppe Ciscaucasia
in the Golden Horde time: discussion continuation 171

Ivanov V.A. The problem of formation of the Golden Horde's
«imperial culture» and its role as an area-forming factor
for peoples of the Ural-Volga region 179

Rudenko K.A. Nomads in Bulgar Ulus of the Golden Horde
(according to archeology) 189

Publications

<i>Valiev R.R., Pigarev E.M., Mukhamadiev A.G., Sitdikov A.G.</i> Archaeological research of the «Bolnichny bugor» of the Selitrennoe settlement in 2006–2009	212
<i>Poluboyarinova M.D.</i> Trading stock from the Bolgar settlement	252
<i>Kubankin D.A., Sergeeva O.V.</i> A hoard from the Uvek settlement (accidental find in 1994)	259
<i>Fedulov M.I., Volkov A.V.</i> Subject collection of burial ground «Kukshylidy» in the funds of the Chuvash national museum (on materials of excavations by P.P. Efimenko in 1926)	272
<i>Vorob'eva E.E., Kalygina Zh.S.</i> The funeral ware of the Tikhvinsky necropolis of the Tsarevokokshaisk: preliminary results of the study	279
<i>Vorob'eva E.E., Ivanova Yu.N.</i> Body's crosses of Tsarevokokshaisk necropolises (to the question of systematization)	291
<i>Shigapov M.B.</i> Investigations on the settlement Kashan I in 2012	299
List of abbreviations	307
Rules for authors	309

К ЮБИЛЕЮ АРХЕОЛОГА (Ю.А. ЗЕЛЕНЕЕВУ – 60 ЛЕТ)**© 2013 г. О.В. Зеленцова, А.Г. Ситдигов**

Статья посвящена 60-летию юбилею кандидата исторических наук, доцента Марийского государственного университета Юрия Анатольевича Зеленева. Основной сферой его научных интересов и исследовательской деятельности является археология золотоордынского времени и средневековая история народов Поволжья. Под его руководством проводились исследования многих средневековых памятников, при этом особо следует отметить его роль в изучении столиц Золотой Орды в Нижнем Поволжье. Он стал одним из создателей и руководителем Центра археолого-этнологических исследований в МарГУ, организатором охранно-спасательных раскопок в Республике Марий Эл и на соседних территориях. На сегодняшний день Ю.А. Зеленева является автором и соавтором более 160 научных и научно-методических работ, а также редактором 9 сборников научных трудов и заместителем главного редактора журнала «Поволжская археология».

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Марий Эл, Ю.А. Зеленева, средневековье, золотоордынское время, археологические исследования.

Творческий путь ученого – это поиски, радости открытий, разочарования от неудач, обретения и утраты. Немногим, преодолевая трудности и преграды, удастся остаться в науке и стать признанным ученым. Со временем вклад каждого в формирование новых знаний становится виден все более отчетливо.

В российской археологии, пожалуй, трудно найти проблему, которая привлекает такое большое количество исследователей, как археология золотоордынского времени. Изучение места и роли этого одного из крупнейших государств Европы в эпоху средневековья объединяет большое количество исследователей разных стран и сегодня. Современные подходы в изучении памятников этого времени расширяют наши представления об уровне развития Золотой Орды и влияние на культуру разных народов Евразии.

Рассматривая труды по археологии Золотой Орды невозможно создать целостное представление об этом на-

правлении без изучения научного творчества Юрия Анатольевича Зеленева. В своих работах он на большом фактическом материале рассматривает широкий спектр проблем материальной культуры золотоордынского времени и средневековой истории народов Поволжья. Под его руководством проводились исследования на многих средневековых памятниках в Республиках Марий Эл, Мордовия, Чувашия, Татарстан, Удмуртия, а также в Тверской, Ярославской, Московской, Костромской, Владимирской, Рязанской, Нижегородской, Ульяновской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Волгоградской и Астраханской областях. Особое значение имеют его полевые исследовательские работы, организаторская деятельность по изучению столиц Золотой Орды в Нижнем Поволжье.

Работы по изучению проблем Золотой Орды Юрий Анатольевич начал с участия в раскопках Селитренного, Царевского и Водянского городищ

в составе Поволжской археологической экспедиции под руководством Г.А. Федорова-Давыдова и продолжает работать в этой теме до сих пор. Им опубликованы исследования по истории золотоордынских городов Поволжья, а также о мордве в составе Улуса Джучи. После смерти Германа Алексеевича в стенах Марийского госуниверситета усилиями Юрия Анатольевича возрождена Поволжская экспедиция, которая совместно с Институтом археологии РАН и Институтом истории АН РТ ежегодно проводит планомерные раскопки Селитренного городища и стала базой для обучения студентов-историков работе археолога, центром межрегионального сотрудничества.

В этом году Юрий Анатольевич Зеленева отмечает 60-летний юбилей. Насыщенный событиями его жизненный путь тесно связан со становлением его яркой личности и признанного ученого-археолога.

Юрий Анатольевич родился 9 июля 1953 года в пос. Кемля Ичалковского района Мордовской АССР. В 1970 году после завершения Ичалковской средней школы поступил на историко-географический факультет Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева по специальности «история», где с первого курса увлекся археологией. Еще будучи студентом он принимал участие в экспедициях университета, а в 1973 году провел первые самостоятельные археологические разведки по территории Ичалковского района Мордовии и в Починковском районе Горьковской области. Первым учителем в археологии у него был М.Ф. Жиганов, с которым он принимал участие в раскопках Волчихин-

ского и Абрамовского могильников. В студенческие годы многое воспринял от других археологов Мордовии: П.Д. Степанова, В.И. Ледяйкина, В.Н. Мартынова, В.И. Вихляева, И.М. Петербургского, В.Н. Шитова, В.Д. Артемовой, со многими из которых он до сих пор поддерживает дружеские и творческие контакты.

Увлечение археологией определило его профессиональный выбор, и после окончания с отличием университета Юрий Анатольевич в 1975 году поступил в аспирантуру Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики по специальности «археология». Научным руководителем в годы аспирантуры и учителем на долгие годы стал для него профессор Г.А. Федоров-Давыдов.

После окончания аспирантуры с 1978 по 1984 г. работал сначала младшим научным сотрудником на кафедре всеобщей истории, а потом ассистентом на кафедре дореволюционной отечественной истории Мор-

довского госуниверситета. В 1984 году он переезжает в столицу Марийской АССР – город Йошкар-Олу. Здесь Юрий Анатольевич по конкурсу был избран на должность преподавателя кафедры всеобщей истории и на этой кафедре он работает по сей день. В Марийском госуниверситете он занимал должности старшего преподавателя, доцента и заведующего кафедрой регионоведения, начальника научно-исследовательского сектора университета. С 2002 по 2005 годы находился в докторантуре Института археологии РАН, а с 2005 по 2012 годы работал в Институте по договору в качестве старшего научного сотрудника Отдела охранных раскопок и принимал активное участие в охранных исследованиях на территории различных субъектов РФ.

Научные интересы Ю.А. Зеленева связаны со средневековой археологией и историей Поволжья. В 1996 году он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Погребальный обряд мордвы и этнокультурные процессы в Волго-Окском регионе в VI–XI вв.», в которой впервые были систематизированы элементы погребального обряда, определены общие черты и различия, характерные для мокши и для эрзи, прослежено изменение погребальной практики во времени.

Юрий Анатольевич много сил и терпения отдает преподавательской деятельности. И это дает результат – планомерная работа со студентами, а потом с аспирантами позволила ему воспитать хороших учеников и подготовить в аспирантуре Марийского государственного университета 5 кандидатов исторических наук, которые защитились и успешно работают в археологии. Именно благодаря этим

усилиям Юрия Анатольевича в Марийском университете сформирована мощная археологическая база, включающая опытных археологов, способных качественно и оперативно выполнять археологические работы любой сложности.

Хорошие организаторские способности Юрия Анатольевича и его инициативность способствовали созданию в Марийском государственном университете Центра археолого-этнологических исследований, который занимается исследованием древней и средневековой истории народов Поволжья и этнологическим изучением современного населения. В настоящее время Центр, руководимый им, выполняет исследования по археологии позднесредневековых городов на территории Республики Марий Эл и в Поволжье в целом, а также этнологией сельского населения Марийского края. В рамках центра под руководством Юрия Анатольевича проводится обследование объектов археологического наследия как на территории республики, так и за ее пределами. В последние годы особенно значимыми были работы в зоне предполагаемого затопления водохранилища Чебоксарской ГЭС, что позволило провести учет всех археологических объектов Юринского района, определить их современное состояние и мероприятия, которые необходимо провести для предотвращения их гибели.

Юрий Анатольевич является организатором охранно-спасательных работ в Республике Марий Эл и на соседних территориях. Для Марий Эл большое значение имеют масштабные раскопки, которые под его руководством в 2008–2012 годах осуществляются в районе строительства

городских объектов Йошкар-Олы. Только в зонах застройки исторической части города вскрыто более 5000 кв.м. Тысячи находок пополнили фонды Национального музея Марий Эл и расширили знания по истории города. Эти данные усилиями юбиляра оперативно вводятся в научный оборот, выпускается научно-популярная литература по результатам раскопок и научные статьи об укреплениях и материальной культуре Царевококшайска.

Несмотря на активную экспедиционную, педагогическую и организаторскую деятельность, Юрий Анатольевич много и успешно публикуется и редактирует научные издания. В 1987–2012 годах в Марийском государственном университете вышло 9 сборников научных трудов под редакцией Ю.А. Зеленева. В 1994–2001 годах он был ответственным секретарем журнала «Финно-угроведение». В настоящее время является заместителем главного редактора журнала «Поволжская археология». Он является членом постоянного оргкомитета Международной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвя-

щенной памяти профессора Г.А. Федорова-Давыдова, которая проводится раз в два года. На сегодняшний день Юрием Анатольевичем издано 166 научных и научно-методических работ, среди которых монографии, статьи в престижных изданиях и разделы в коллективных исследованиях. Значимым является его участие в обобщающих трудах.

Имя Юрия Анатольевича известно большинству археологов, историков Поволжского региона и далеко за его пределами. Он пользуется заслуженным авторитетом, и его неутомимая энергия многих побуждает к активным действиям как в научных исследованиях, так и в вопросах сохранения культурного наследия нашей страны. Статьи о нем помещены в изданиях Марийского государственного университета (Ученые МарГУ. – Йошкар-Ола, 2002), в «Археологической энциклопедии Волгоградской области» (2009), в книгах «Культурная элита Мордовии» (Саранск, 2009), «Исследователи археологии и этнологии Чувашии» (Чебоксары, 2004).

Мы сердечно поздравляем Юрия Анатольевича с юбилеем и желаем

ему новых открытий, интересных экспедиций, сенсационных находок, а главное – крепкого здоровья и осуществления всех задумок и планов!

В настоящем номере журнала помещены статьи и публикации, написанные друзьями и коллегами нашего многоуважаемого юбиляра.

Информация об авторах:

Зеленцова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); olgazelentsova2010@yandex.ru

Ситдииков Айрат Габитович, кандидат исторических наук, зав. кафедрой К(П)ФУ; зав. НЦАИ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

**ON THE ANNIVERSARY OF ARCHAEOLOGIST
(YU.A. ZELENEEV IS 60 YEARS OLD)
O. V. Zelentsova, A. G. Sitdikov**

The article is devoted to the 60th birth anniversary of Yuri Anatolyevich Zelenev, Candidate of Historical Sciences, and Associate Professor of Mari State University. The principal spheres of his scientific interests and research activities include the archaeology of the Golden Horde period and medieval history of the peoples inhabiting the Volga region. Yu. A. Zelenev has coordinated research on many medieval sites, and his role in the study of the Golden Horde capital cities in the Lower Volga area should be particularly noted. Being among its founders, he headed the Center for archeological and ethnological research with Mari State University and organized rescue and salvage excavations in the Mari El Republic and adjacent territories. Yu. A. Zelenev is the author and coauthor of over 160 scientific and methodical works, editor of 9 collections of research papers, and deputy editor of the “Povolzhskaya Arkheologia” (“The Volga Region Archaeology”) journal.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, Mari El, Yu. A. Zelenev, the Middle Ages, the Golden Horde period, archaeological research.

About the Authors:

Zelentsova Olga V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; olgazelentsova2010@yandex.ru

Sitdikov Ayrat G. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статьи

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО НЕОЛИТА ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2013 г. В.В. Никитин

Ставится под сомнение культурная принадлежность ранненеолитических комплексов с плоскодонной посудой, украшенной в технике накола, на территории Марийского Поволжья. Определяется ряд проблем неолитизации Среднего Поволжья: 1) могут ли служить культурным и хронологическим признаком различия в использовании сырья (илистое и глиняное) и примесей в тесте для керамики; 2) проблема установления нижней хронологической границы процесса неолитизации; 3) роль социального фактора в процессе неолитизации; 4) проблема вычленения культуроопределяющих признаков; 5) роль первоисточников и проблема их полноценного использования; 6) проблема выделения оригинальной ранненеолитической культуры в регионе. На основе комплексного анализа материальной культуры носителей плоскодонной с накольчатым орнаментом керамики Марийской низины выделяется дубовско-отарская культура, родственная самарской и верхневолжской, связанная происхождением с лесостепным елшанским образованием.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, ранний неолит, самарская культура, верхневолжская культура, елшанская культура, дубовско-отарская культура, плоскодонная керамика, накольчатый и прочерченный орнамент.

Ранний неолит средневолжского региона начал изучаться А.Х. Халиковым в начале 1950 годов стационарными исследованиями приустьевой части р. Камы и в левобережья марийского течения р. Волги ряда стоянок с оригинальной посудой, украшенной в технике накола или прочерка (Халиков, 1969, с. 40 и след.). С 1980 г. исследованием этой группы памятников занимается В.Никитин (Никитин, 1996, с. 96–114). В результате были получены обширные коллекции материальной культуры, позволяющие дать подробную характеристику ранненеолитических образований в Марийской низине: изучено 36 построек (Никитин, Соловьев, 2002, с. 55–58), учтено более 800 сосудов, несколько

десятков тысяч каменных предметов (Никитин, 2011).

Сосуды тонкостенные (при наличии единичных более толстых) в пределах 0,3–0,6 см. Формовочная масса плотная, однородная, без видимых искусственных примесей. Способ формовки ленточный и лоскутный. По предварительному анализу небольшой серии черепков из Дубовского III поселения Ю.Б. Цетлин (Никитин, 2011, с. 146–148) предположил, что на поселении бытовали, скорее всего, в разное время две родственные группы населения, которые в качестве исходного сырья для сосудов использовали различные виды илистого сырья (одни – природный ил, другие – илистую глину). Более ранняя груп-

па использовала илистое сырье в чистом (природном) состоянии и в него не добавлялись никакие искусственные примеси. Более поздняя группа использовала похожее, но все-таки несколько иное илистое сырье, в которое добавлялся шамот, дробленые черепки в концентрации от 1:3 до 1:6. Их присутствие указывает на то, что традиция была достаточно устойчивой (т.е. она воспроизводилась гончаром неоднократно). Гончарные традиции второй группы сложились, вероятнее всего, где-то за пределами данного поселения и были принесены сюда в готовом виде, поскольку здесь среди изученных материалов не было зафиксировано случаев использования природного ила в сочетании с искусственной примесью шамота. Из этого анализа следует, что на поселении существуют две технологические традиции приготовления сырья. Первая базируется на природных илах без применения искусственных добавок, вторая – на основе илистых глин с применением в качестве отощителя мелкого шамота. Обе технологические линии (в определенном хронологическом горизонте) сосуществуют и применяются в зависимости от источника сырья. Данный предварительный анализ также показывает, что оформление внешней поверхности посуды не зависит от состава формовочной массы, так как одинаковые орнаментальные приемы имеются на сосудах и первой и второй технологической традиции. Исходя из этих наблюдений, можно обозначить проблему причинно-следственных составляющих технологии формовочных масс. Имея два вида базового сырья (ил и илистые глины) необходимо выяснить технологические возможности

той и другой сырьевой базы. Видимо, илы более пластичны, а илистые более жирные. Первые в силу специфического естественного образования в стоячих водоемах (озера, старицы, затоны и т.п.), постепенного наращивания минералов и органики приобретают готовую (однородную) массу, пригодную для изготовления глиняных предметов без дополнительных составляющих. Вторые формируются в прибрежных участках рек и ручьев. Основная составляющая – мелкие частицы глины, песка и других минералов более тяжелых, чем остатки органики выпадают в осадок, а легкие частицы вымываются и уносятся течением. Образовавшиеся вдоль русла отложения в разных местах (в зависимости от ландшафта: лес или степь) могут отличаться степенью запесоченности, что влияет на жирность источника. Жирность же сырья и определяет необходимость добавления отощителя. Поскольку в лесной полосе природно-климатическая ситуация способствует формированию и первого и второго источников, то оба они активно используются. Вопрос состоит в том, в какой календарный период активнее используются тот или другой источник. В теплое время года возможны оба варианта, зимой же старицы и озера покрыты слоем льда и недоступны, а илистые глины более доступны, т.к. большинство мелких лесных рек зимой не замерзают. Отсюда не исключено, что эти два рецепта формовочных масс обусловлены природными возможностями освоенной территории и вряд ли могут служить этнокультурным или хронологическим репером.

Статистически обработано свыше 800 сосудов. Основная форма посуды

– плоскодонная банка с прямыми или незначительно выпуклыми боковинами (горшок). Часть посуды украшена наколами или прочерками. Орнамент разрежен и располагается в основном в верхней и нижней трети сосуда, иногда украшается плоское-плосковогнутое дно. Днища плоские (от 90% до 100%) при наличии округлодонных чаш. Выделено четыре типа посуды: 1 – горшковидный – 48%; 2 – баночный прямостенный – 42%; 3 – профилированный – 4%; 4 – чашевидные – 6%. Характерная черта – пояс округлых ямок по краю горла (на 72% от всей посуды), на отдельных памятниках присутствуют от 64% (на Сутырском V), до 100% (на Нижней Стрелке I). В единичных случаях отмечен желобок по ямочному ряду горловины (на Дубовском III и VII, Отарском VI, Сутырских V и XI), представляя только 0,6 % от всей посуды. Крайне редко применяется орнаментальная нарезка по торцу горловины (4%).

Картографирование памятников с чистыми комплексами плоскодонной посуды с накольчатым и нарезным орнаментом показывает, что их концентрация в основном в левобережье Средней Волги, т.е. в Марийской низине. Самая восточная стоянка расположена в приустьевой части р. Камы (Щербеть II) (Габяшев. 2003, с. 36–63), а западная – в низовьях р. Оки (Велетьма II, см.: Жилин, Энговатова, 1992). Между этими точками стационарными работами изучены стоянки в устье р. Дорогучи (Нижняя Стрелка IV), в устье р. Большая Кокшага (Сосновая Грива), в устье р. Шаленки (Отары XVIII); поселения в устье р. Ветлуги: Сутыри V (две постройки), Сутыри VII (одна постройка), на Воложке Дубовское III (13 построек), Дубовское

VIII (6 построек), на р. Шаленке Отарское VI (16 построек). Кроме того, собран материал ранне-неолитической поры (разведки, раскопки многослойных памятников) еще в 60 пунктах. Существенным является наличие постоянных долговременных поселений с системой стоянок и кратковременных стойбищ, свидетельствующих о сложной социальной организации общества, формирующейся на развитии базовых принципов коллективно-целевых программ жизнеобеспечения, заложенных еще на бескерамической стадии каменного века.

Отмечая принципы топографического размещения поселков и кратковременных стойбищ, по набору каменного инвентаря – индикатора основных хозяйственных направлений, планиграфии интерьера жилищ, наличия отдельных производственных и жилых построек в раннем неолите и «позднем мезолите», мы сталкиваемся с проблемой хронологического разделения искусственно созданного разграничения процесса неолитизации в лесной полосе. Здесь вырисовывается проблема определения признаков неолита, в особенности в лесной полосе, где уже в конце мезолитической эпохи (по принятой у нас периодизации) возникли не только предпосылки к переходу на более высокий уровень социального и экономического развития в силу возросших возможностей организации жизнеобеспечения, позволивших получать избыток продуктов и делать запасы, но и более рационально выстраивать организационную систему жизнедеятельности коллектива. Все это вело к улучшению условий жизни, а в итоге к демографическому взрыву, отразившемуся в резком увеличении постоян-

ных поселений на грани мезо-неолита (Никитин, 1996, с. 13–14), обеспеченного интенсификацией традиционных форм хозяйственной деятельности, регулируемых уже целевых временных или сезонных коллективов формирующимся органом старейшин. Создается примитивная специализация отдельных отраслей экономического обеспечения, грядущий прообраз ремесленных образований.

Свидетельством наступивших преобразований в экономической деятельности могут привлекаться появившиеся нововведения в наборе каменного инвентаря в позднемезолитическое время: широкий ассортимент деревообрабатывающих орудий (клинья, топоры, долота, тесла, стамески, ложки, скребла, крупные скобели), позволяющие производить различные деревообрабатывающие операции, начиная с валки деревьев до расщепления бревен на доски, последующей их обработкой, вплоть до шлифовки. В связи с этим встает проблема определения места и времени начала данного процесса. Насколько мне известно, в Поволжье нет убедительных аргументов, свидетельствующих о непрерывном поступательном развитии и дальнейшем вращении культуры мезолита в неолитическую. Пока, с некоторой долей вероятности, мы можем привлечь в качестве некоторого «эталона» материалы Марийского Поволжья, где изучены многочисленные комплексы материальной культуры мезолита и раннекерамические, достаточно корректно сопоставимые и не противоречащие гипотезе плавного и безболезненно вливающихся носителей керамики в местную мезолитическую среду.

Комплексное сопоставление материалов раннеолитического периода (имеется в виду территория Волжского бассейна) не дает ответа на вопрос первичного появления здесь керамики. Существующие абсолютные даты в том виде, в котором известны, слишком условны и противоречивы. В любом случае они не дают оснований для серьезных культурно-хронологических построений. Любой предполагаемый очаг распространения керамики не дает четкой цепочки проникновения. Отдельные элементы или формальные признаки (форма, венчик, дно, орнамент и пр.) нигде не подаются в комплексе, в лучшем случае приводятся единичные экземпляры в качестве доказательства родства (биконический, профилированный, коническое дно и т.д.), но это прошедшее время. Что было привычно и принято в конце 50-х годов прошлого столетия, не приемлемо на данном этапе. Сейчас значительно (в разы) расширилась источниковая база, требующая от ученого, претендующего на серьезные обобщающие построения, владения этими источниками и не только по отдельным (выборочным) публикациям, уводящих исследователя к далеким связям через огромные расстояния, без каких-либо связующих признаков между сравниваемыми предметами.

В последнее время стало обыденным выхватывать из контекста коллекции, серии дат или других естественных анализов удобные для своих схем моменты. В итоге ученые не получают всей информации или же используют искаженную (невольнo) картину истинного положения вещей, ведущую к ухудшению и до этого давно «испорченного телефона». Отсюда следующая проблема – проблема перво-

источника. Мы все смертные и знаем условия хранения коллекций каменного века в вузовских и региональных хранилищах. Если их не опубликовать при жизни исследователя, то нет никакой гарантии, что они уцелеют для будущих поколений археологов. Публикация материалов раскопанных памятников способствовала бы решению еще одной проблемы – проблемы выделения культур и культурных общностей, объединенных системой культуроопределяющих элементов.

Рассматривая ранненеолитические комплексы (в основном керамические) лесостепного и лесного Поволжья, исследователи выделяют ряд культур (елшанская, самарская, волгоуральская, верхневолжская), характеризующихся наличием двух типов посуды: 1 – плоскодонная и остро/шиподонная с накольчатым и прочерченным орнаментом, 2 – близкие формы, но с гребенчатым орнаментом. Хронологическая позиция второго комплекса неустойчива и определяется в пределах от раннего до позднего неолита. Из этого круга выпадают чистые комплексы плоскодонной с накольчатым орнаментом посуды типа Щербетской II, Дубовской III, Велетьминской II (ввиду отсутствия здесь конических днищ и гребенчатых орнаментов), присутствующие в определенном количестве во всех культурах Поволжья в раннем неолите. Данный тип посуды был выделен Ю.Б. Цетлиным еще в начале 1980-х годов, который предложил обозначить его термином «волго-окская неолитическая культура» (Цетлин, 1982, с. 162.) Позже этот тезис был поддержан В.В. Никитиным (Никитин, 2002, с. 303).

В системе верхневолжской культуры данная группа посуды была от-

несена к более древнему периоду, чем группа с гребенчатым орнаментом (Костылева, 1987, с. 7).

Включение данного типа посуды в любое из указанных здесь культурных образований непременно приводит к явному противоречию с основными показателями формы и орнаментации как самарской, так и верхневолжской гончарной традиции. Выходит, что посуда щербетьско-дубовского типа представляет оригинальную этнографическую группу, генетически близкую культурам елшанского круга, распространение которой возможно по двум направлениям: 1 – связана с верхневолжской культурой раннего этапа; направление движения вниз по Волге и далее вверх по Каме; 2 – связана с елшанской культурой (не на ранних этапах); отпочковавшиеся от этой культуры коллективы одновременно продвигались по Волге и ее притокам в пределах среднего течения. Одни коллективы, заняв Самарское Поволжье и Волго-Уральское междуречье, создали самарскую культуру, вторые по правобережным притокам (Ока и Сура) двинулись к Волге, по которой рассредоточились в низинных районах волго-окского (в том числе и Марийской низины) бассейна.

Как известно, в основных ранне-неолитических памятниках елшанской, самарской и верхневолжской культур ограничен набор каменного инвентаря в силу многослойности изученных памятников. Это обстоятельство не позволяет в полной мере воссоздать хозяйственную модель, как впрочем, и отсутствие постоянных поселков делает невозможным реконструкцию семейно-общинного устройства, что, в свою очередь, не позволяет сопоставлять уровень

социально-экономических отношений рассматриваемых культур. Данное обстоятельство выдвигает проблему реконструкции социально-экономических отношений в ранне-неолитических коллективах. Естественно предположить более высокую степень общественного развития населения ранне-неолитической елшанской культуры от предшествующих ей мезолитических образований, но предмета сравнения нет.

Сложность определения степени родства со степными культурами Нижней Волги или лесостепной (елшанской) затрудняет и поиски первичного источника или очага распространения плоскодонной посуды с накольчато-прочерченным (резным) орнаментом. С одной стороны, мы отмечаем характерные нижеволжские черты: преобладающая прямостенная плоскодонная банка, треугольный накол в отступающей технике, с другой – елшанские: профилированность, ямочный пояс по краю горла, насечки, орнаментация среза венчика (отмечаются профилированная на Отарской VI – 1%, Дубовское VIII – 5,5; орнаментация среза венчика соответственно 1,3% и 5,5%; ямочный пояс под краем венчика отмечен на посуде всех изученных памятников от 86 до 100%).

Отсюда возникает еще одна проблема – нет четких культуроопределяющих признаков елшанского гончарного комплекса. Естественная составляющая формовочной массы сосудов не может служить культурным признаком, т.к. она отражает только состояние источника сырья и

вряд ли запесоченные или илистые глины и илы Самарского Поволжья могут существенно отличаться от таковых на Средней Волге или Каме.

Касательно материалов Марийского Поволжья (как, впрочем, и всего комплекса плоскодонной посуды с накольчато-прочерченным орнаментом без присутствия в нем гребенчатых орнаментов и конических днищ) можно с уверенностью указать на нижеволжские истоки опосредовано через елшанскую культуру параллельно с формированием средне-волжской культуры.

И, наконец, проблема определения культурного статуса неолитического образования с керамическими комплексами плоскодонной посуды. Поскольку в обзорах ранне-неолитических культур Поволжья не находится места для марийских древностей, то из этого следует: 1 – признать марийские (подобные им) образования вариантом родственной культуры (верхне-волжской, самарской), 2 – выделить данный тип памятников в отдельную культуру (что было бы, на мой взгляд, более правильно) и по территории концентрации их назвать культуру дубовско-отарской. Для такого статуса данная группа памятников имеет общую территорию Поволжья, ограниченную на востоке устьем Камы, на западе – устьем Оки, топографию расселения, планиграфию поселков и типы построек, а также общую (сложившуюся еще на докерамической стадии) технолого-типологическую традицию каменной индустрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Габяшев Р.С.* Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. – Казань, 2003.

2. Жилин М.Г., Энговатова А.В. Стоянка Велетьминская 2 – памятник накольчатой керамики на Нижней Оке // РА. – 1992. – № 1. С. 95–109.
3. Костылева Е.Л. Хронология, периодизация и локальные варианты верхне-волжской ранненеолитической культуры // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987.
4. Никитин В.В. Каменный век Марийского края. (Тр. МАЭ. Т. IV). – Йошкар-Ола, 1996.
5. Никитин В.В. Культура носителей посуды с накольчатым орнаментом в лесной полосе Среднего Поволжья (к проблеме происхождения) // Тверской археологический сборник. Вып. 5. – Тверь, 2002.
6. Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья. (Тр. МАЭ. Т. IX). – Йошкар-Ола, 2011.
7. Никитин В.В., Соловьев Б.С. Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) // Тр. МАЭ. Т. VII. – Йошкар-Ола, 2002.
8. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969.
9. Цетлин Ю.Б. Неолитическая керамика стоянки Ивановская VII // КСИА. – 1982. – № 169.

Информация об авторе:

Никитин Валерий Валентинович, доктор исторических наук, Марийский НИИЯ-ЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

SOME PROBLEMS OF EARLY NEOLITHIC OF FOREST BELTS OF THE MIDDLE VOLGA

V.V. Nikitin

The cultural identity of the Early Neolithic assemblages of flat-bottomed stroke-ornamented pottery, discovered in the territory of the Mari Volga region is contested. A number of problems concerning the process of the Middle Volga region Neolithization are identified, namely: 1) whether the differences in the use of raw materials (silt and clay) and temper types for ceramic fabric can serve as cultural and chronological features; 2) the problem of fixing the lower chronological limit of the process of Neolithization; 3) the role of the social factor in the process of Neolithization; 4) the problem of the culture determining features identification; 5) the role of primary sources and the problem of their fully fledged use; 6) the problem of identifying the original Early Neolithic culture in the region. Based on a comprehensive analysis of the material culture of the flat-bottomed stroke-ornamented pottery people who had inhabited the Mari Depression, it is possible to identify the Dubovskoye-Otary culture that is similar with the Samara and the Upper Volga ones and genetically related to the forest-steppe Yelshanka formation.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, the Early Neolithic, the Samara culture; the Upper Volga culture, the Yelshanka culture, the Dubovskoye-Otary culture, flat-bottomed ceramics, stroked and incised ornamentation.

REFERENCES

1. Gabyashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia BC)*. Kazan: “Fän” Publ. (in Russian).
2. Zhilin, M. G., Engovatova, A. V. 1992. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 95–109 (in Russian).

3. Kostyleva, E. L. 1987. *Khronologiya, periodizatsiya i lokal'nye varianty verkhnevolzhskoi ranneneoliticheskoi kul'tury (Chronology, Periodisation and Local Variations of the Early Neolithic Upper Volga Culture)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
4. Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo kraia (Stone Age of the Mari Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IV. Yoshkar-Ola (in Russian).
5. Nikitin, V. V. 2002. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 5. Tver, 293–303 (in Russian).
6. Nikitin, V. V. 2011. *Rannii neolit Mariiskogo Povolzh'ia (Early Neolithic of the Mari Vloga Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IX. Yoshkar-Ola (in Russian).
7. Nikitin, V. V., Solov'ev, B. S. 2002. *Poseleniia i postroiki Mariiskogo Povolzh'ia (epokha kamnia i bronzy) (Settlements and Dwellings of the Mari Volga Region: Stone and Bronze Ages)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) VII. Yoshkar-Ola (in Russian).
8. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Tsetlin, Yu. B. 1982. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 169, 7–12 (in Russian).

About the Author:

Nikitin Valeriy V. Doctor of Historical Sciences. Mari El Language, Literature and History Research Institute named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

КУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ УСТЬ-ВЕТЛУЖСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2013 г. Б.С. Соловьев

Статья посвящена анализу культурных компонентов Усть-Ветлужского могильника, расположенного на левом берегу Чебоксарского водохранилища вблизи пос. Юрино Республики Марий Эл. Могильник относится к позднему бронзовому веку и датируется началом II тыс. до н.э. Погребальный обряд и инвентарь указывают на неоднородность населения, оставившего могильник. На основе анализа вещевого комплекса и аналогий выделены два субстрата. Первый, преобладающий, связан с нижнекамскими и волго-окскими сейминско-турбинскими, второй – с лесостепными абашевско-покровскими группировками. Отмечаются следы значительной культурной интеграции двух разнородных групп населения. Рассматривается вопрос о присутствии в могильнике носителей средневожской абашевской культуры. В целом, комплексы Усть-Ветлужского могильника отражают появление в Марийском Поволжье нового синкретического населения.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, поздний бронзовый век, сейминско-турбинский феномен, могильник, погребальный обряд, погребальный инвентарь, культурные компоненты, миграции.

В 2001–2006 гг. недалеко от пос. Юрино, районного центра Республики Марий Эл, автором статьи исследовался Усть-Ветлужский могильник сейминско-турбинского типа (далее – СТ). Памятник, частично разрушенный Чебоксарским водохранилищем, занимал вершину и южный край обширной дюнной гряды, расположенной на стыке левого берега р. Волги и правого берега р. Ветлуги (рис. 1). Вскрыто 934 кв.м, выявлено 10 достоверных и 7 условных захоронений. Значительную часть коллекции составляют сборы в размытой части дюны. Получены калиброванные радиоуглеродные даты, охватывающие XX–XVIII вв. до н.э. (Юнгнер, Карпелан, 2005, с. 112). Материалы частично опубликованы (Соловьев, 2003а, с. 188–192; 2003б, с. 50–72; 2005, с. 103–111; 2010, с. 56–78; Соловьев, Шалахов, 2006, с. 168–174).

Наиболее ярко неоднородность населения, оставившего могильник, отражает погребальный инвентарь: 40 медно-бронзовых и 14 кремневых

предметов (в выборке отсутствуют игла, 2 шила, желобчатые кольца – одно из них рассыпалось при расчистке, второе представлено небольшим деформированным обломком). Медно-бронзовые изделия характеризуются по классификации, основанной на выделении конечных типологических разрядов (Черных, Кузьминых, 1989).

Сейминско-турбинская серия – 67,6% выборки.

Кельты: К-6 – с горизонтальными линиями под торцом втулки – 2 экз. (рис. 6: 1; 7: 15); К-10 – с «лесенкой», опоясывающей верх тулова – 1 экз. (рис. 6: 6); К-14 – с «лесенкой» и двумя «усатыми» треугольниками – 2 экз. (рис. 6: 4; 7: 16); К-16 – с «лесенкой» и вертикальной комбинацией: треугольник-два ромба-треугольник – 1 экз. (рис. 6: 3). Геометрические фигуры заштрихованы.

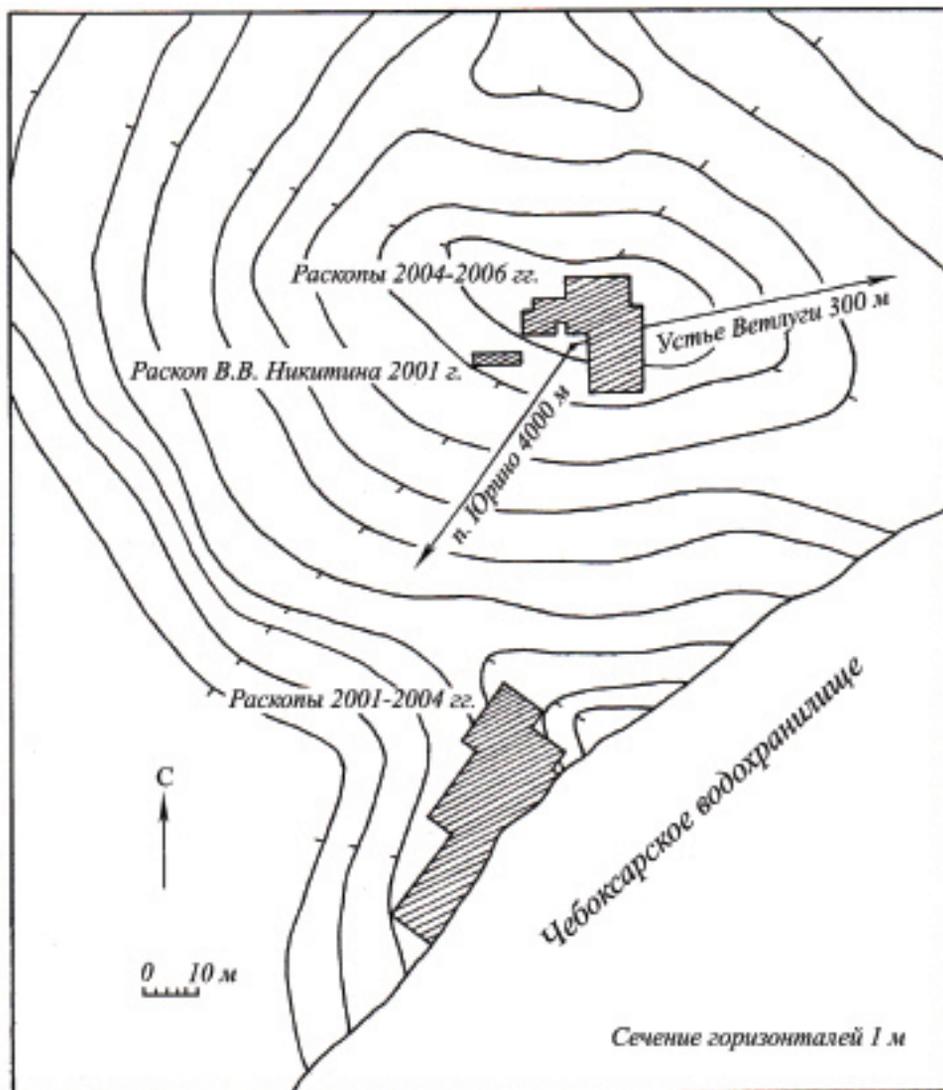

Рис. 1. План могильника. Инструментальная съемка автора 2005 г.

Общесейминские разряды *K-10*, *14* тяготеют к западной зоне; *K-6* в основном локализуется в Турбино; *K-16* присущ группировке, оставившей Сейминский могильник (Черных, Кузьминых, 1989, с. 39, 46–48). Негатив *K-10* найден недалеко от Усть-Ветлуги вблизи д. Юльялы Горномарийского района Республики Марий Эл (Кузьминых, 1976а, с. 226–227). Два экземпляра оригинальны: с че-

тырьмя горизонтальными линиями и равнобедренным «усатым» треугольником (рис. 6: 2); с «лесенкой» и окаймленной прямоугольными треугольниками вертикально полосой: треугольник-два ромба-треугольник (рис. 6: 5). Основу декора второго орудия составляет орнаментальная схема разряда *K-14*, схожие, но не тождественные, параллели прослеживаются на некоторых сейминско-турбинских

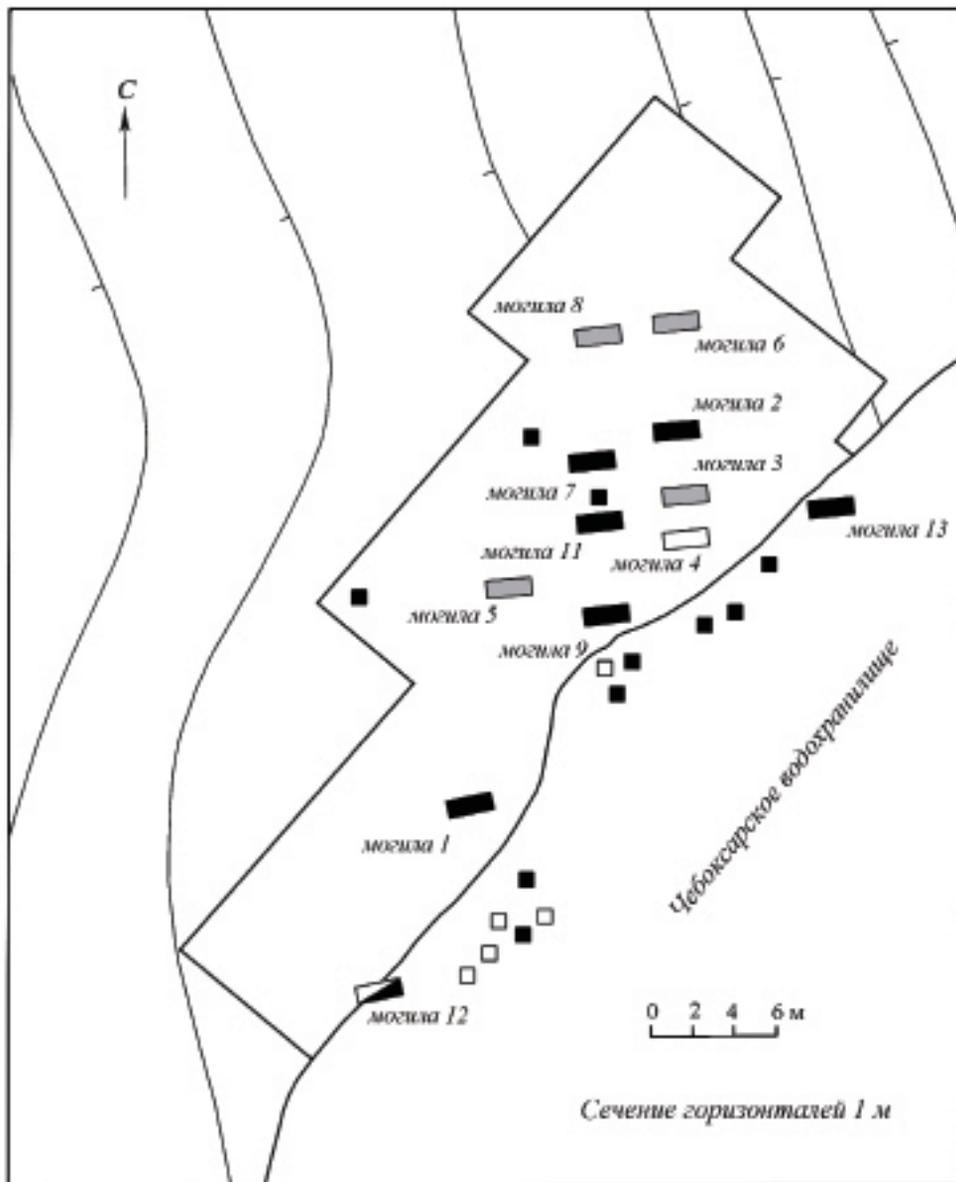

Рис. 2. Прибрежная площадка. Погребения: 1 – с сейминско-турбинским, 2 – евразийским, 3 – смешанным инвентарем, 4 – «пустое», 5 – отдельные находки. Могила 1–4, 6, 12 – достоверные, остальные условные.

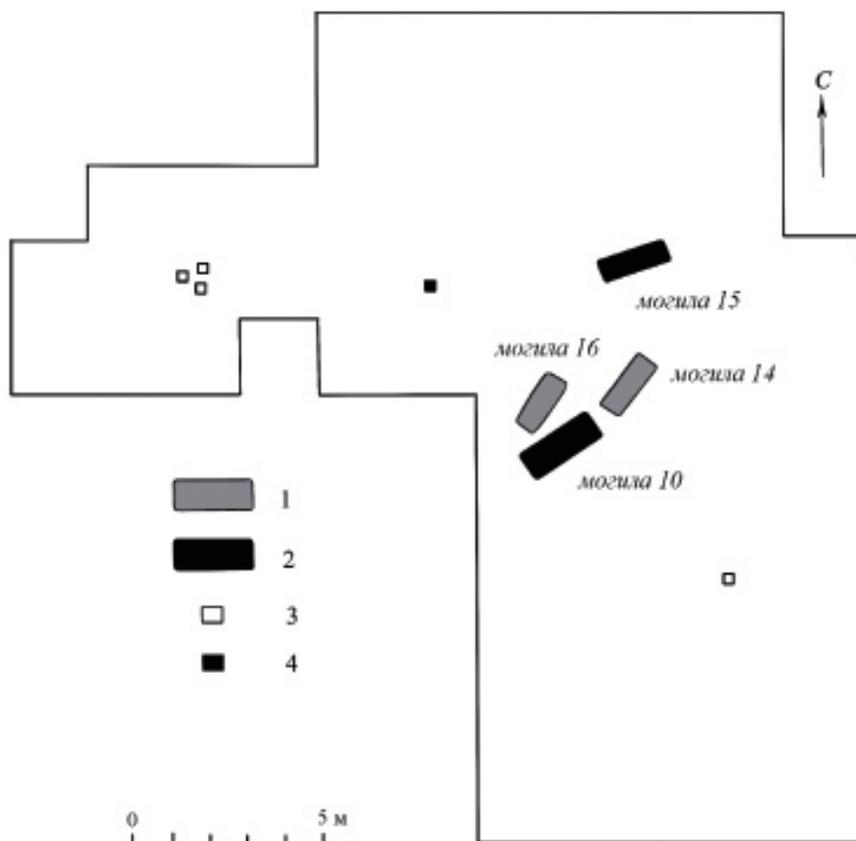

Рис. 3. Погребения на холм: 1 – с евразийским, 2 – смешанным инвентарем; 3 – керамика, 4 – кремень.

и ранних самусьско-кижировских кельтах (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 20: 1; Сериков, Корочкова и др., 2008, рис. 1: 10).

Ножи-кинжалы пластинчатые: *НК-2* – листовидно-подтреугольные без выделенного черенка, с широкой пяткой – 2 экз. (рис. 7: 3, 10); *НК-4* – листовидные без выделенного черенка, с прямой или слегка закругленной пяткой – 3 экз. (рис. 7: 1, 13, 14); *НК-6* – с подтреугольным или листовидным клинком, черенком, обозначенным «плечиками» – 6 экз. (рис. 5: 9; 7: 2, 12, 17–19); *НК-20* – с мелкозубчатым лезвием, коротким квадратным насадом, подчеркнутым небольшим уступом – 1 экз. (рис. 7: 11). Представляют преимуще-

ственно восточноевропейские типы (Черных, Кузьминых, 1989, с. 92–95, 103–104, рис. 51; 53–56; 60: 4–8; Икаеито, 2002, р. 65–68; Сериков, Корочкова и др. 2008, рис. 2: 3, 4, 6–9; Кузьминых, 2011б, с. 34). Пилка обнаружена в синташтинском погребении могильника у г. Березовой (Моргунова, Халяпин, 2003, с. 226–227, рис. 1: 2).

Кремневые орудия. К ним относятся концевые ножи-вкладыши со скошенным острием – 2 экз. (рис. 7: 7, 9) и треугольно-усеченные наконечники стрел с прямым, закругленным, вогнутым основанием – 12 экз. (рис. 7: 4–6, 8; 8–10), составлявшие основу колчанов сейминско-турбинских воинов, захоронения Турбино и Ростовки

содержали до 11 подобных экземпляров (Бадер, 1964, с. 37, 38, 40, рис. 24; Матющенко, Синицына, 1988, с. 16, рис. 17).

Евразийская серия – 32,4% выборки. Изделия этой группы, встречающиеся на сейминско-турбинских памятниках (Черных, Кузьминых, 1989, с. 64–65, 79–80, рис. 25; 26; 42–45; 57: 9–13; 58: 8–11; 71: 1–8; Кузьминых, 2011а, с. 242; 2011б, с. 34–35), являются продукцией производственных очагов ранней фазы Евразийской металлургической провинции (Черных, Авилова и др., 2002, с. 17, рис. 13, 15).

Ножи-кинжалы с листовидным клинком: *НК-12* – с выделенным сравнительно узким черенком – 2 экз. (рис. 5: 5; 8: 3); *НК-14* – с намеченным перекрестьем или резким переходом в фигурный черенок, треугольной пяткой – 4 экз. (рис. 5: 7; 8: 2, 4, 5); *НК-16* – с перекрестьем-перехватом, треугольной и округлой пяткой – 2 экз. (рис. 5: 6, 8). К разряду *НК-14* условно отнесено орудие, вырезанное из прокованной пластины (рис. 8: 1), в частности, такая технология применялась мастерами доно-волжской абашевской культуры (Пряхин, Саврасов, Вистунова, 2001, с. 90, рис. 22: 8).

Тесло *ТД-2* – плоское с широкой пяткой (рис. 5: 4).

Огромное количество подобных ножей и тесел содержат многочисленные абашевские, синташтинско-потаповские, покровские, петровские, раннесрубные комплексы (Черных, 1970, с. 110, рис. 52: 9, 11; 57; 58; Пряхин, 1976, рис. 23; 27: 1, 3, 8–11; 28: 9–20; Зданович, 1988, рис. 30: 2, 8; Пряхин, Беседин и др., 1989, рис. 4: 4; Пряхин, Саврасов, 1998, с. 30, 31, 34, рис. 2: 1; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 29: 1; 30: 2, 3; Дремов,

1996, рис. 7: 4; Кузнецов, Семенова, 2000; рис. 9: 8; 10: 4; 11: 1–4; 12: 1, 5; 13: 9; Семенова, 2000, рис. 5: 2, 4, 8; Обыденнов, Горбунов и др., 2001, рис. 23: 7; 59: 14; 75: 6, 7, 10; Кузьмина и др. 2003, рис. 4: 3; Дегтярева, 2010, рис. 37; 46, 48, 51, 52; Лопатин, 2008, рис. 3: 5). Три ножа: два с ромбической пяткой, один с узким черенком происходят из средневожских абашевских захоронений (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 9: 9; Соловьев, 1984, рис. 3: 2). Территориально близкие случайные находки *НК-14*, *16* и *ТД-2*: Альменево, Черки, Уланово, Суринское, Чебоксарский и Свияжский уезды бывшей Казанской губернии и др. (рис. 9) относятся к абашевским и срубным древностям (Тихонов, 1960, табл. VIII: 23, 28, XXIII: 2; Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 27: 2; Черных, 1970, рис. 48: 24; Археологическая карта Татарской АССР, 1985, №№ 252, 570, 601, табл. III: 3, 20).

Наконечники копий с листовидным пером, ромбическим или уплощенным стержнем, круглой втулкой – 3 экз.: *КД-4* – кованый с разомкнутой втулкой (рис. 8: 12); *КД-30* – литой, с манжетой и подтреугольным ушком (рис. 8: 13); *КД-32* – литой, с раструбной втулкой, ушком (рис. 8: 11).

По одному экземпляру *КД-4* найдено в позднеабашевском, покровском, потаповском захоронениях: Кондрашкино, Покровск, Утевка VI (Черных, 1970, рис. 45: 12; Пряхин, Беседин и др., 1989, рис. 4: 1; Кузнецов, Семенова, 2000, рис. 12), шесть в синташтинских погребениях: Синташта, Танаберген, Каменный Амбар 5, Большой Караган, Жаман-Каргала 1 (Дегтярева, 2010, с. 122–124, рис. 61: 2–7). Судя по имеющимся материалам, такие наконечники, являются

продукцией синташтинской металлообработки, сохранявшей стереотипы производства Циркумпонтийской металлургической провинции (Дегтярева, Кузьминых, 2003, с. 293, рис. 2: 1; Дегтярева, 2010, с. 122–124)¹.

Большинство находок *КД–30* соотносится с покровскими древностями: Покровск, Карамыш, Березовка, Большая Плавица, Ивановский разъезд (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 43: 3, 4; Дремов, 1997, рис. 3: 7; Мельников, 2003, рис. 1: 4; Лопатин, 2008, рис. 3, 6). Предполагается формирование длинноперых покровских вариантов под сейминским влиянием в лесостепной зоне, короткоперых – на границе нижневолжской степи и лесостепи (Кривцова-Гракова, 1955, с. 63; Черных, 1970, с. 113; Лопатин, 2008, с. 226)². Изделия *КД–32* содержат поздняяковские и алакульские коллекции, оригинальная плоская форма стержня сближает усть-ветлужский экземпляр с наконечником *КД–30* из с. Благодатное Саратовской области (Черных, Кузьминых, 1989, с. 79–80, рис. 43: 5; 45: 3, 5; Челябинов, 1992, рис. 6: 1; 26: 1).

Браслеты У–8 прутковые с подтреугольным сечением, заостренными уплощенными концами – 2 экз. (рис. 8:

6, 7) наиболее характерны для абашевской общности (Кузьмина, 2002, с. 61). Встречены в погребениях вольско-лбищенской культуры: могильник Тамар-Уткуль IV, курган 4 (Дегтярева, 2010, с. 71–72, рис. 28: 3, 4).

Кремневые изделия. Треугольно-усеченные наконечники стрел, широко использовавшиеся евразийскими популяциями эпохи бронзы (Зданович, 1988, рис. 30: 16–21, 31: 1–5; Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, рис. 3: 16–27; 6: 11–14; 37: 1, 2; Епимахов, 2002, рис. 4: 6; 7: 3; 9: 13–15; 11: 11, 15–17; 24: 1; 32: 3–14; 37: 3–5; Кузнецов, Семёнова, 2000, рис. 11: 24; 12: 17), в погребениях Усть-Ветлуги сопровождались евразийским (рис. 4: 4; 8: 6, 7) и смешанным (рис. 5: 2; 6: 4; 7: 1; 8: 11) инвентарем. Для средневожской абашевской культуры они нехарактерны.

Особенности погребального обряда. Оригинальная структура кладбища состояла из основной прибрежной площадки, включавшей вытянутые под углом к берегу параллельные ряды могил, ориентированных вдоль волжского русла, и небольшой компактной группы погребений на холме, расположенном в 60 м к северу (рис. 1–3). Семь захоронений сопровождалась сейминско-турбинским, шесть – евразийским, три – смешанным инвентарем, одно – «пустое» (рис. 2; 3). Среди типично сейминско-турбинских неглубоких труположений и, возможно, кенотафов (рис. 4: 1–4; 5: 3), выделяются две могилы с углисто-зольными прослойками, насыщенными мелкими жжеными костями – остатки кремации на стороне? (рис. 4: 5; 5: 2). Привлекают внимание следы деревянного каркаса и обширное пятно охры, перекрывавшее могильную яму (рис. 4: 5). Парал-

¹ Экземпляр из Кондрашкинского кургана считается импортом из синташтинской среды (Дегтярева и др., 1998, с. 92; Дегтярева, 2010, с. 124). Наконечник из западносибирского СТ-могильника Ростовка так же связывается с петровско-абашевскими (синташтинскими) древностями (Черных, Кузьминых, 1989, с. 65, 262, рис. 25: 1).

² Известны находки в Сейме (3 экз.), один в Бор-Ленве (1 экз.), вне сейминско-турбинского ареала: Курск, Алексин и др. (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 44: 1–3; Кузьминых, 2011а, с. 247).

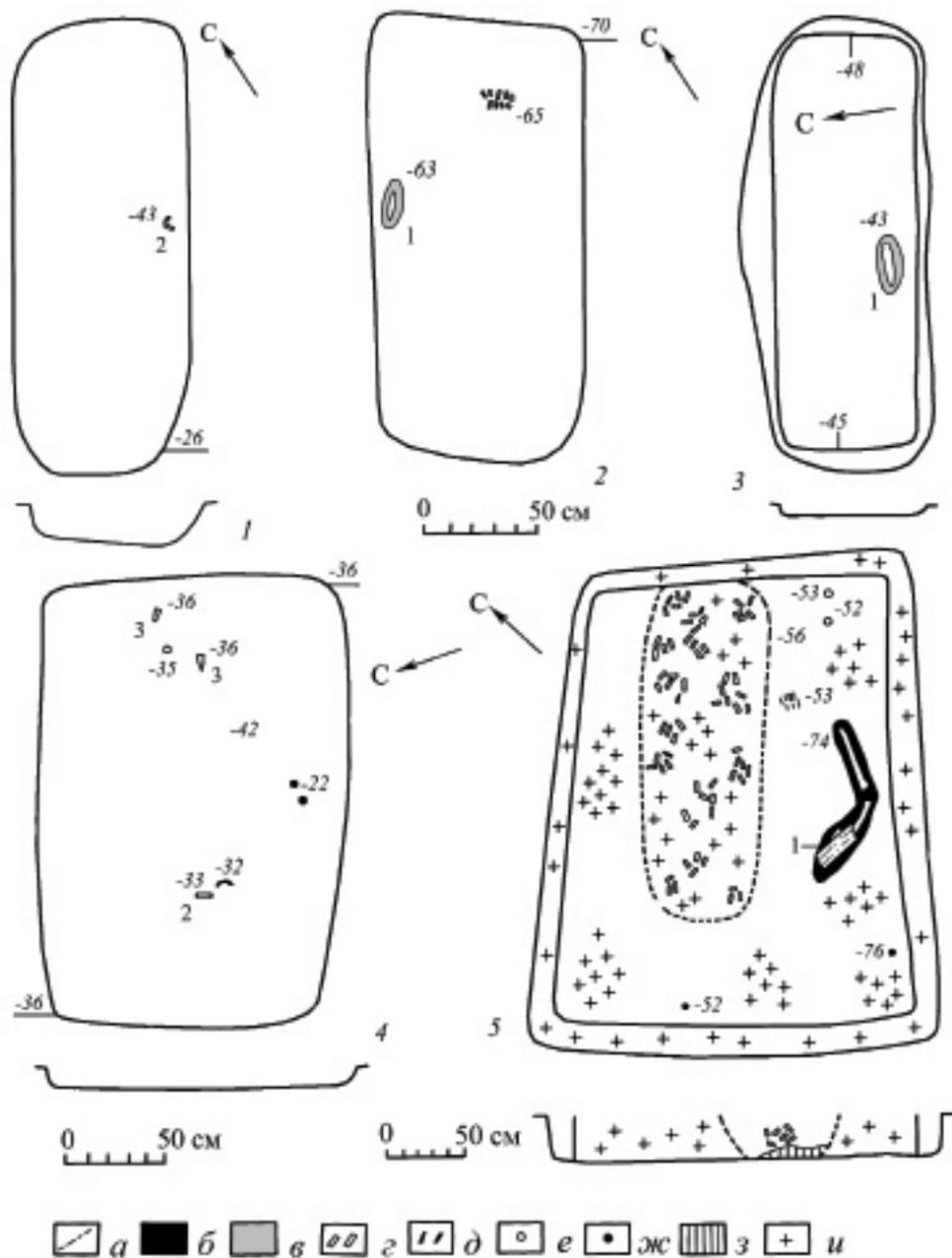

Рис. 4. Погребения: 1, 2, 4 – с евразийским, 3, 4 – сейминско-турбинским инвентарем: 1 – погр. 16, 2 – погр. 14, 3 – погр. 3, 4 – погр. 4, 5 – погр. 1; 1 – нож, 2 – браслет, 3 – кремневый наконечник стрелы, а – контуры пятен, б – углистое заполнение, в – серое гумусное заполнение, г – жженная кость, д – зубы, е – керамика, ж – кремь, з – прокол, и – угли.

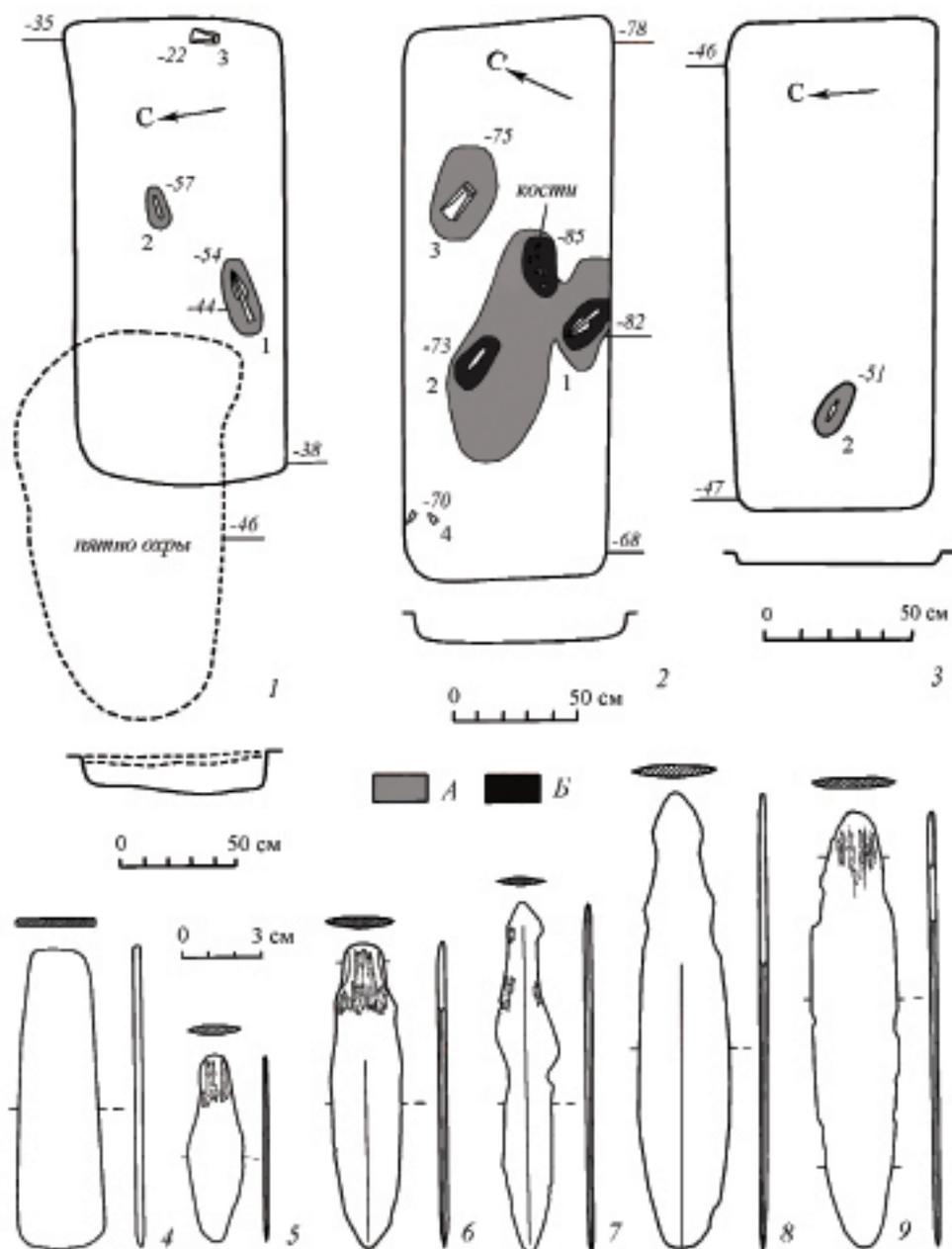

Рис. 5. Погребения: 1, 2 – со смешанным, 3 – евразийским инвентарем; 1 – погр. 10, 2 – погр. 5, 3 – погр. 3; 1 – наконечник копья, 2 – нож, 3 – кельт, 4 – кремневый наконечник стрелы, А – серое гумусное заполнение, Б – черное углистое заполнение. Инвентарь: 4–8 – евразийский, 9 – сейминско-турбинский; 4, 7 – погр. 12, 5 – погр. 14, 6 – погр. 10, 9 – погр. 9, 8 – сборы.

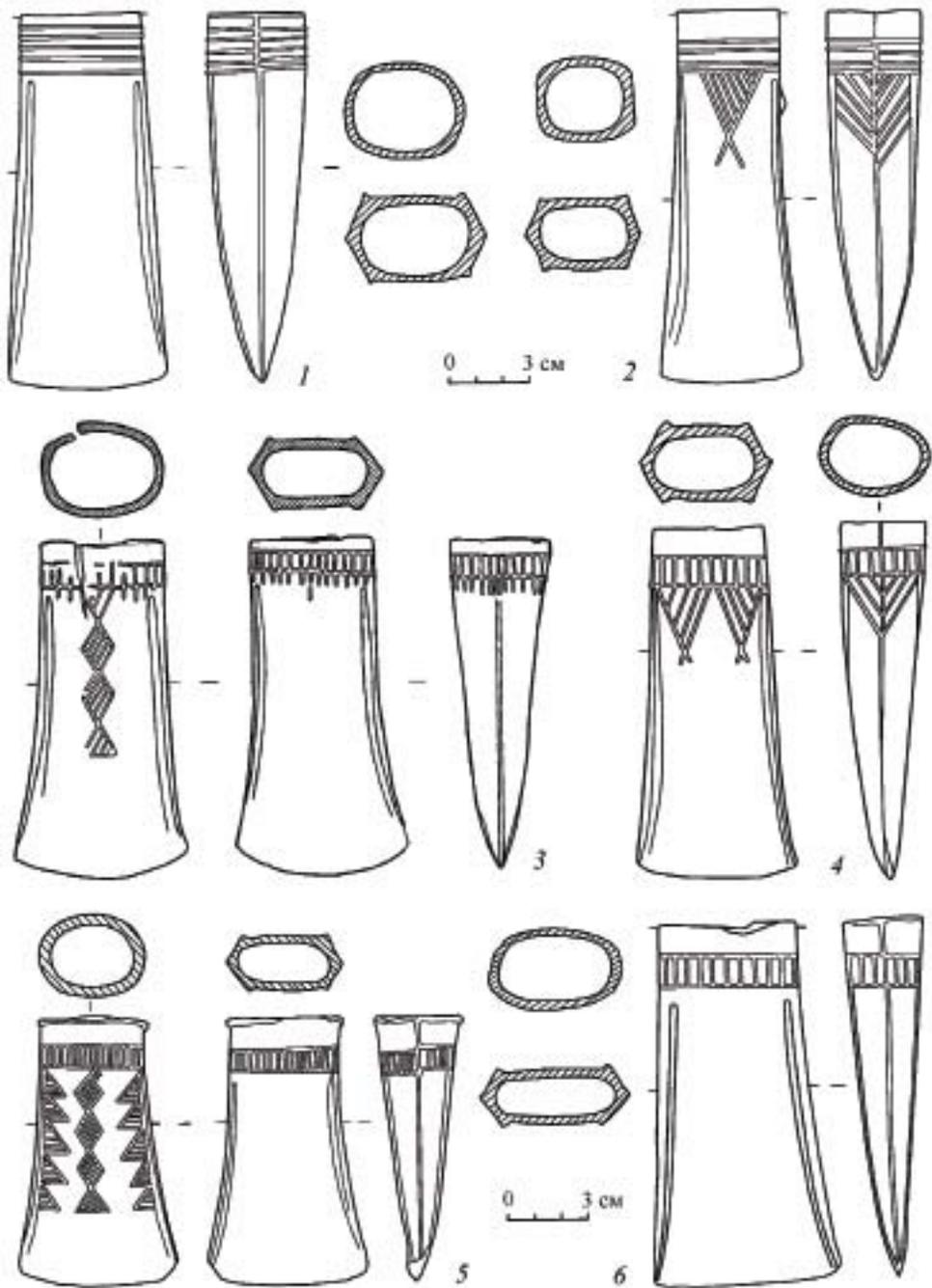

Рис. 6. Погребальный инвентарь, сейминско-турбинская серия:
 1, 2 – находки на площади могильника, 3 – погр. 15, 5 – погр. 10, 4, 6 – сборы.

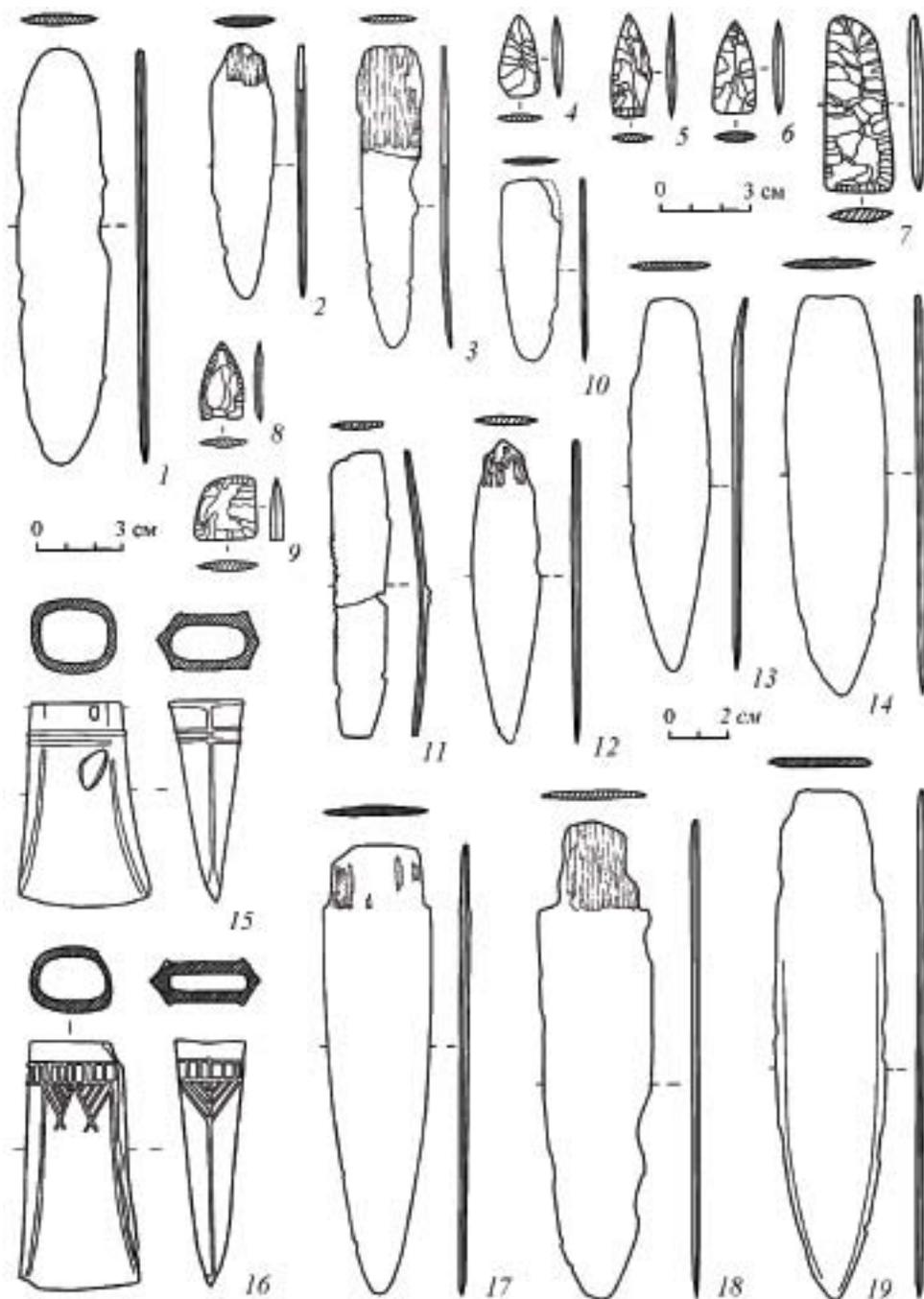

Рис. 7. Погребальный инвентарь, сейминско-турбинская серия:
 1 – погр. 15, 6 – погр. 6, 12 – усл. погр. 7, 15 – усл. погр. 11, 16, 17 – погр. 12,
 18 – погр. 1, 19 – погр. 2, остальное – сборки.

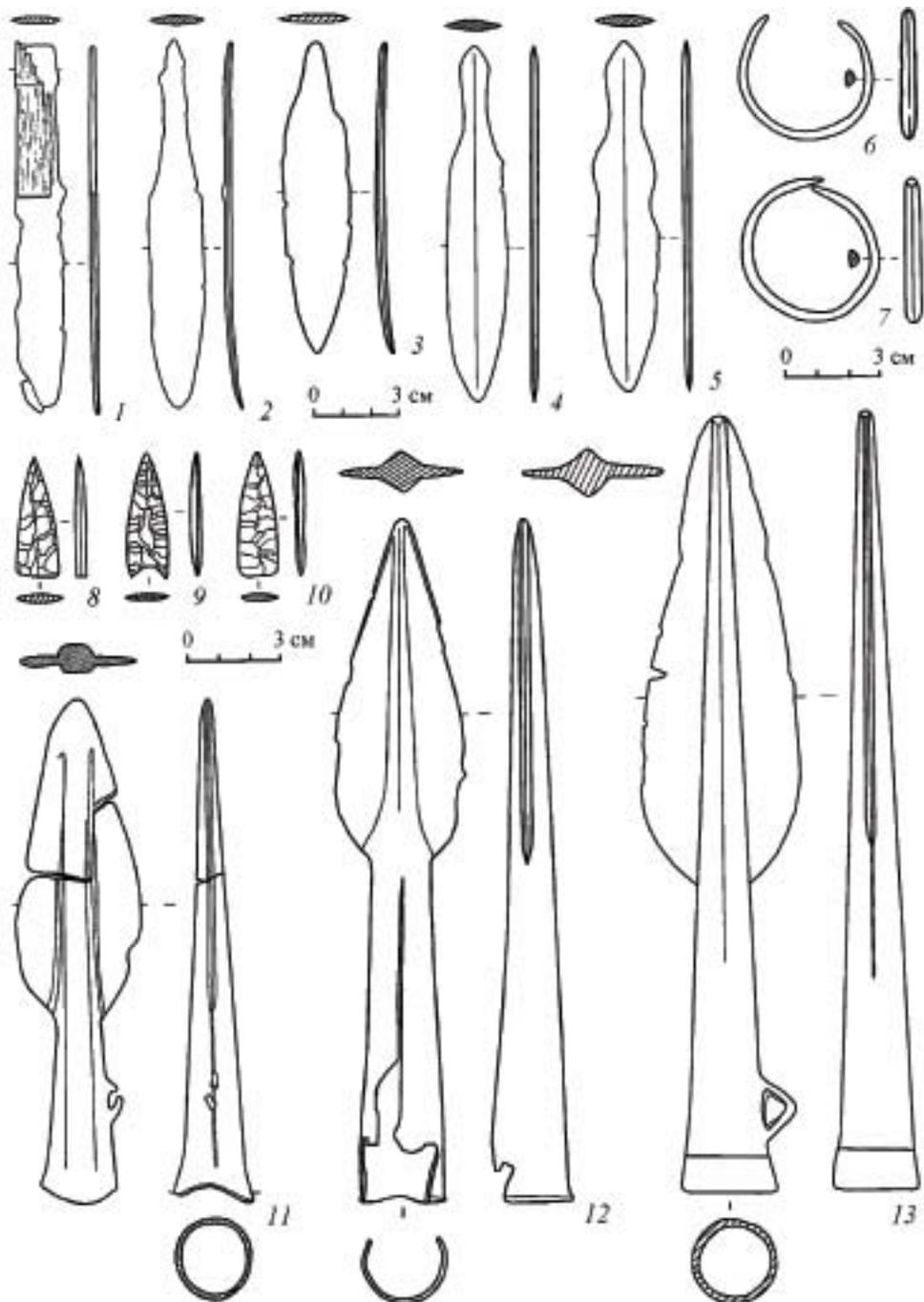

Рис. 8. Погребальный инвентарь, евразийская серия: 1 – усл. погр. 8, 4 – погр. 3, 5 – усл. погр. 5, 6, 7, 9 – погр. 6, 10, 11 – погр. 15, 13 – погр. 10, остальное – сборки.

лели этим элементам обряда прослеживаются в погребальной практике многих евразийских сообществ конца среднего – начала позднего периодов эпохи бронзы (Мерперт, 1961, с. 147–149; Пряхин, 1977, с. 60; Соловьев, 1984, с. 85; Горбунов, 1986, с. 43–44; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, с. 54–56; Кузьмина, 1992, с. 7–9; Семенова, 2000, с. 169; Большов, 2003, с. 25; Кузьмина, Михайлова, Субботин, 2003, с. 218, рис. 4: 1; Мельников, 2003, с. 240; Лопатин, 2008, с. 221)³.

Перейдем к анализу культурных составляющих Усть-Ветлуги.

Сейминско-турбинский компонент. Исходя из концепции СТ-феномена и географического расположения памятника, следует полагать, что этот компонент составлял ядро мигрантов, двигавшихся вдоль Волги с Нижней Камы на Оку и Верхнюю Волгу. Очевидно, он включал представителей западносибирских культур елунинско-кротовского круга, характеризующихся керамикой, украшенной валиками, оттисками печатно-проташенного и мелкошагающего гребчатого штампа (Соловьев, 1988, с. 21–43; 2000, с. 37–41; Корочкова, 2011, с. 22–25). Фрагменты подобной посуды найдены на площади могильника (Соловьев, 2003б, рис. 5: 4). По типолого-морфологическим и химико-металлургическим характеристикам металлокомплекса Усть-Ветлуга проявляет наибольшее

сходство с окскими Сейминским и Решенским могильниками (Кузьминых, 2011а, с. 250). Подтверждением служит таблица 1. Добавим, что кельты *К-14, 16*, пилка *НК-20* (рис. 6: 3, 4; 7: 11) наиболее близки орудиям Сеймы (Бадер, 1970, рис. 32, 34, 41), а планировка прибрежной площадки (рис. 2) почти полностью соответствует планиграфии Решного (Черных, Кузьминых, 1989, с. 19–20).

Евразийский компонент. К сожалению, его идентификацию затрудняет расплывчатый спектр аналогий, очерчивающих широкий круг степных и лесостепных, в основном «колесничных» сообществ.

Вероятно, из числа претендентов следует исключить синташтинские и петровские популяции, скорее всего, не имевшие непосредственных контактов с «лесными» восточноевропейскими СТ-группировками. Ниже устья Камы наконечники копий с вильчатым стержнем, кельты, пластинчатые ножи неизвестны (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 1, 2). Касаясь преимущественно синташтинских и петровских аналогий (Дегтярева, 2010, с. 90, 122, рис. 34, 61) узкообушного втульчатого топора-клевца Малиновского II (Халиков, 1980, табл. 38, 1), наконечников *КД-4* Усть-Гайвинского, Сейминского (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 25: 2, 3; 26: 3), Усть-Ветлужского могильников, вспомним гипотезу, объясняющую широкое распространение «абашевско-синташтинских» вещей разветвленной системой «торговли металлом» бронзового века Центральной Евразии (Zhang, 2009, p. 17–25).

Абашевская версия. По мнению Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, абашевская диаспора составляла основу евразийского субстрата вос-

³ Конструкции, подсыпка охры, следы применения огня, включая кремацию, известны в западносибирских могильниках со значительными инородными включениями. Единственное европейское СТ-трупосожжение обнаружено на северо-западе Финляндии (Ikaheimo, 2002, p. 65–68).

Таблица 1

Аналогии медно-бронзовым изделиям Усть-Ветлуги в нижекамских и волго-окских сейминско-турбинских коллекциях

КТР	Нижекамская группа		Волго-окская группа	
	Памятник	Кол-во	Памятник	Кол-во
<i>КД-4</i>			Сейма	1
<i>КД-30</i>			Сейма	3
<i>КД-32</i>			Решное	1
<i>НК-2</i>	Мурзиха I	1	Решное	2
<i>НК-4</i>			Решное	1
<i>НК-6</i>	Мурзиха I, Красный Яр, Березовка, Соколовка	7	Сейма, Решное, Туровское	13
<i>НК-12</i>			Сейма	5
<i>НК-14</i>	Мурзиха I	1	Сейма, Решное	2
<i>НК-16</i>				
<i>НК-20</i>	Мурзиха I	1	Сейма	2
<i>К-6</i>			Сейма, Решное, Воймежное	3
<i>К-10</i>	Базяково III	1	Сейма, Решное	4
<i>К-14</i>			Сейма, Решное	6
<i>К-16</i>			Сейма	6
<i>ТД-2</i>			Сейма, Решное	2

точноевропейских СТ-сообществ; среднекамские коллективы активно взаимодействовали с южноуральским, волго-окские – с «местным» и средне-волжским вариантами АКЮ, в комплексах нижнего Прикамья подобные проявления менее значительны (Черных, Кузьминых, 1989, с. 222–224, 228, 274–275).

Для нас, прежде всего, представляет интерес абашевское население Марийско-Чувашского Поволжья и Ветлужско-Вятского междуречья. Всего 13 км отделяет Усть-Ветлугу от знаменитого Пепкинского кургана (Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966), 4 км – от Юринской стоянки, где найдена керамика, близкая посуде правобережного могильника Пикшик (Соловьев, 2000, с. 69, рис. 48: 4). Все же, вычленив в Усть-Ветлуге местный абашевский компонент практически невозможно. Утверждая обратное,

С.В. Большов упоминает ножи *НК-14* и наконечник *КД-30* (Большов, 2007, с. 70–71, рис. 1: 8, 9; 4: 2), как и изделия *КД-4*, *НК-12*, *ТД-2*, являющиеся продукцией многих металлообрабатывающих центров Евразийской металлургической провинции. Связь с рассматриваемым регионом единственной территориально близкой находки *КД-30* (бывшая Симбирская губерния) не установлена (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 44: 3), а браслеты *У-8* характерны для всей АКЮ⁴. Проблема усугубляется почти полным отсутствием в «лесных» абашев-

⁴ С собственно абашевскими древностями связан лишь один экземпляр *НК-30* из позднего доновожского могильника Селезни 2 (Пряхин, Моисеев, Беседин, 1989, рис. 9:10). В средневожских абашевских коллекциях разряд *У-8* представлен 9 экземплярами – 12,7% от числа учтенных браслетов (Большов, 2003, с. 32, рис. 20: 14).

ских могильниках предметов труда и вооружения, кроме шильев, представленных литейной формой узковислобушного топора с овальной втулкой и тремя почти полностью сточенными ножами НК-12, 14: Пепкино, Абашево, Олгаши, Малый Кугунур. Главное, в Усть-Ветлуге нет сосудов и сложно-составных головных украшений, маркирующих средневожскую абашевскую культуру (Ефименко, Третьяков 1961, рис. 10–14; Пряхин, 1977, рис. 11; 13; Большов, 2006, рис. 13, 14).

Рассматриваемый вопрос требует комментария к концепции сейминско-турбинско-абашевской конфронтации, предполагающей частичное истребление, насильственную инкорпорацию, вынужденную западную миграцию средневожских абашевцев (Большов, 2006, с. 121, 124–126, 153–154).

Основой первого тезиса служит спорная посылка о сейминско-турбинской принадлежности кремневых треугольно-черешковых т.н. «сейминских» наконечников стрел из средневожских абашевских захоронений с признаками насильственной смерти: Пепкино, Абашево, Верхние Олгаши и др. Такие наконечники, считающиеся также чирковскими (Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, с. 24), абашевскими (Кузьмина, 1992, с. 59, 70–71), сейминско-турбинскими заимствованиями от абашевцев (Кузнецов, 2004, с. 145–154), встречены всего в двух СТ-комплексах. При этом два экземпляра из Турбинского могильника (всего учтено 189 наконечников стрел) справедливо связываются с инородным (абашевским) компонентом (Бадер, 1964, с. 98; Кузьмина, 1992, с. 69–71), а коллекцию Сейминской дюны, ввиду наличия материалов чирковской культуры, нельзя использовать для строгих

заклучений (Бадер, 1970, с. 121)⁵. Для восточного СТ-ареала характерна более массивная «псевдосейминская» форма с закругленным черешком (Матющенко, Синицына, 1988, рис. 36: 1; 45: 1; 58: 13–18).

Остальные тезисы аргументируются наличием в Усть-Ветлуге средневожского абашевского компонента (вопрос разобран выше) и волго-вятским обликом керамики сейминско-турбинских и абашевских могильников Волго-Очья. Абашевский субстрат Сеймы и Решного мог принадлежать населению, оставившему эти наиболее западные комплексы АКЮ: Кухмарь, Орлово 1, Новое Никитино и др. Появление последних объясняется дисперсным распространением в лесной зоне Восточной Европы абашевских популяций, некоторые из которых какое-то время сохраняли этническое «лицо» (могильники типа Кухмарьского), другие связали свою судьбу с историей СТ-феномена (Сейма, Решное, Галичский клад) (Кузьминых, 1997, вклейка). Причинно-следственная связь сейминско-турбинской экспансии и волго-окских абашевских могильников, безусловно имевших средневожские корни, гипотетична. Таким образом, все положения рассматриваемой концепции – всего лишь постулаты, требующие весомых доказательств. Для решения этой проблемы необходимо специальное исследование, базирующееся на конкретном фактическом материале.

⁵ Треугольно-черешковые наконечники с жальцами широко распространены в средневожских и волго-окских чирковских комплексах: Кубашево, Чирки, Юрино, Костино 2, Липовка 3 и др. (Соловьев, 2007, с. 33, рис. 5: 20–35, 37).

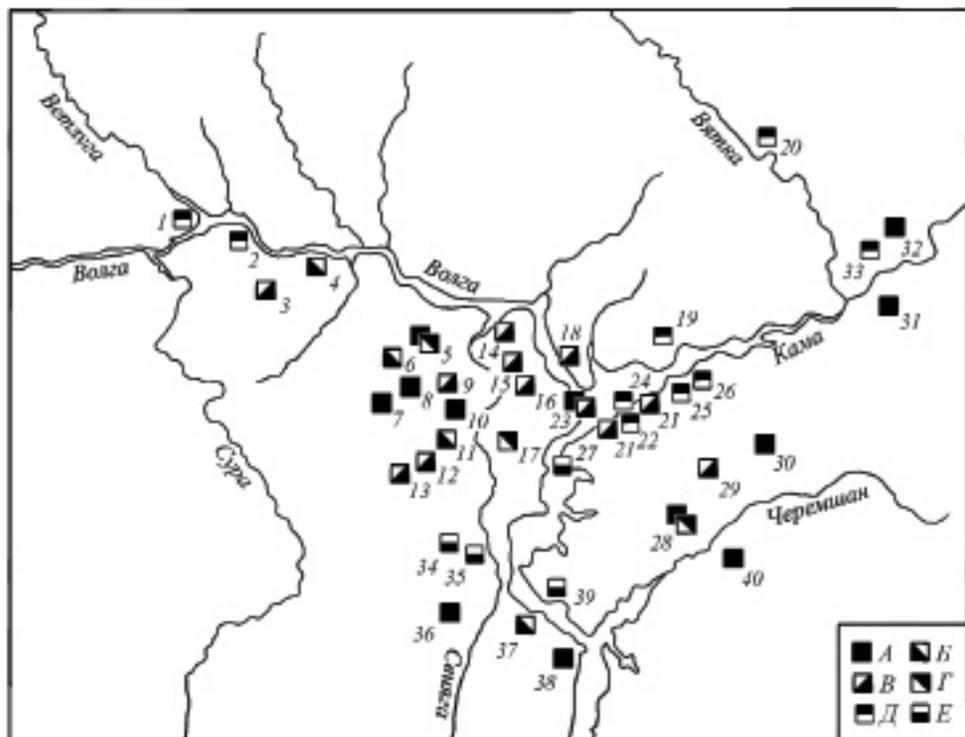

Рис. 9. Сейминско-турбинские и покровские памятники, находки предметов евразийских типов (кроме абашевских узковислобушных топоров) на границе лесной и лесостепной зон Поволжья и Нижнего Прикамья: 1 – Усть-Ветлуга, 2 – Юльялы, 3 – б.в. Чебоксарский уезд, 4 – Яндашево, 5 – Альменево, 6 – Яльчики, 7 – Тояба, 8 – Первомайское, 9 – Тиньгаши, 10 – Шам-Бульхчи, 11 – Паново, 12 – Черки, 13 – Курбаши, 14 – б.в. Свияжский уезд, 15 – Коргуза, 16 – Уланово, 17 – Большое Фролово, 18 – Ташкирмень, 19 – Березовский, 20 – Донаурово, 21 – Новое Муратово, 22 – Соколовский, 23 – Малиновка, 24 – Мурзихинский, 25 – Красноярский, 26 – Баяковский, 27 – Ново-Мордовский II, 28 – Старое Муратово, 29 – Ерыкла, 30 – Старое Ильдеряково, 31 – Чистополь, 32 – б.в. Елабужский уезд, 33 – Елабуга, 34 – Новорурьинский I, 35 – Ишеевский, 36 – Ртицево, 37 – Криуши, 38 – Мордово, 39 – Краснозвездинский I, 40 – Нижняя Якушка. А – массивнообушные топоры, Б – литые наконечники копий с ромбическим стержнем, В – ножи с треугольной и прямой пяткой, в том числе с перекрестьем и перехватом, Г – плоские тесла, Д – сейминско-турбинские могильники, Е – покровские курганы.

Покровская версия. Памятники т.н. покровского типа относятся различными исследователями к покровской, покровско-срубной, срубной покровско-мосоловской, донской покровско-абашевской культурам, раннему этапу срубной общности, переходному времени перерастания доно-волжской абашевской культуры в срубную (Припадчев, 2009, с. 13–47). Фактически данный термин маркирует своеобраз-

ные лесостепные комплексы, совмещающие позднеабашевские и раннесрубные культурные элементы.

Неоднократно отмечались покровско-сейминско-турбинские параллели, сильное покровское влияние в бассейне Оки, контакты нижекамских сейминско-турбинских и раннесрубных группировок (Кривцова-Гракова, 1955, с. 63; Бадер, 1964, с. 140; Кузьминых, 1976, с. 44; Черных Кузьми-

ных, 1989, с. 223, 275; Малов, 1989, с. 93; Халиков, 1989, с. 66–67, 77; Лопатин, 2008, с. 226). Последнюю точку зрения косвенно подтверждает наличие на севере лесостепной зоны (рис. 9) покровских могильников: Ишеевский, Краснозвездинский II, Новонуреньский I и находок массивнообушных Г-образных втульчатых топоров (Буров, 1974, с. 39–60, рис. 2, табл. 13; 14: 1), типичных для захоронений покровского времени (Кузьмина, Михайлова, Субботин, 2003, с. 219). Подобные орудия (разряд Т-2) содержат нижнекамские и окские сейминско-турбинские коллекции Мурзихи I, Соколовки, Сеймы (Черных, Кузьминых, 1989, с. 128, рис. 70: 5–8). Любопытно, что ишеевский и краснозвездинский курганы сочетают покровские и потаповские черты (Кузнецов, Семенова, 2000, с. 134).

Особое внимание привлекает устькамский Новомордовский II могильник. Комплекс: нож НК-14, остро-реберный сосуд с прочерченным линейным и гребенчатым зигзаговым орнаментом, кремневые треугольно-усеченные наконечники стрел, вначале связывался с ранними срубными древностями, затем включен в первый (займищенский) этап приказанской культуры (Халиков, 1965, с. 148; 1980, с. 22–23, табл. 6: 453). При необходимости культурно-хронологической переоценки займищенских материалов, по-прежнему актуально мнение об их покровско-абашевской подоснове и принадлежности к покровско-синташтинскому этапу бронзового века Поволжья и Приуралья (Халиков, 1976, с. 48–49; 1989, с. 66–67, 71). Аналогии сосуду можно найти среди покровской посуды Самарского Поволжья (Семенова, 2000, рис. 9, 10–18).

Керамика, собранная на месте разрушенного Соколовского могильника вместе с сейминско-турбинскими и евразийскими медно-бронзовыми изделиями: кельтом, двумя пластинчатыми ножами, массивнообушным втульчатым топором (Косменко, Казаков, 1976, с. 228–232, рис. 1, 2), считается абашевской (Черных, Кузьминых, 1989, с. 230). Данной точке зрения противоречат нетипичные для абашевской посуды скошенные внутрь и заостренные венчики, шнуровые оттиски, сплошные вертикальные зигзаги в нижней части орнаментального поля. Авторы публикации, указав на отсутствие точных аналогий, отметили близость соколовской и полтавкинской керамики Бережновского II могильника. В настоящее время на территории лесостепного Поволжья выделяются синхронные покровским раннесрубные комплексы т.н. бережновского типа с полтавкинскими реминисценциями (Семенова, 2000, с. 157, 161–171, рис. 15; Кузнецов, Семенова, 2000, с. 134). Отметим морфологические и орнаментальные параллели сосудов Соколовки и Нового Мордово II: сглаженное ребро, сочетание линейных и зигзаговых композиций.

К сожалению, хронологическая позиция ближайших к Усть-Ветлуге срубных памятников Чувашии: Новое Байбатырево, Уразмаметево, Тигашево, Новые Шимкусы и др. остается неясной, хотя некоторые из них считаются ранними (Ефименко, Третьяков, 1961, с. 105–110; Мерперт, 1962, с. 7–21; Халиков, 1969, с. 217; Каховский, 1987, с. 48–55, 63–64; Лоцманова, 2010, с. 140–166). В этой связи представляют интерес находки в Сурско-Свияжском междуречье мас-

сивнообушных втульчатых топоров: Альменево, Первомайское, Большая Тояба, Новопоселенная Тояба, Шам-Булыхчи (рис. 9: 5, 7, 8, 10).

Очевидно, именно с лесостепным абашевско-покровским населением, сопровождавшим сейминско-турбинские группировки, связано появление на юге лесного Поволжья евразийских изделий: литых наконечников с округло-ромбическим стержнем пера; массивнообушных втульчатых топоров; плоских тесел; ножей с перекрестьем-перехватом, прямой и закругленной пяткой (рис. 9). О присутствии этого субстрата в Усть-Ветлуге могут свидетельствовать наконечник *НК-30* и ножи *НК-16*, имеющие многочисленные покровские аналогии. Не отрицая сейминско-абашевского взаимодействия, отметим, что вопрос о «чисто» абашевском, тем более средневолжском, компоненте Усть-Ветлуги (разряды *НК-12, 14, У-8*) остается открытым.

Учитывая долю евразийской серии и мнение о запрете передачи чуждому населению «этнических» сейминско-турбинских изделий, технологии их изготовления и секретов сплавов (Черных, Кузьминых, 1989, с. 274), следует полагать, что чужеродный субстрат составлял треть общины, хоронившей на кладбище. Предполагается невысокий социальный статус инкорпорантов в сейминско-турбинских сообществах (Черных, Кузьминых, 1989, с. 226). Материалы Усть-Ветлуги не позволяют выделить доминирующий компонент. Сопровождавшиеся одним металлическим предметом «бедные» захоронения 1–3, 7–11, 13, 14, 16, 17 (к ним отнесена могила 6 с двумя браслетами) и «богатый» комплекс 12 содержали как сейминско-турбинские,

так и евразийские изделия (рис. 5: 4, 5, 7, 9; 7: 12, 16–19; 8: 1, 4–7). Особый интерес представляет смешанный инвентарь: кельты, пластинчатые ножи, евразийские копья (рис. 5: 6; 6: 3, 5; 7: 1; 8: 11, 12) престижных погребений 10, 15 (рис. 5: 1, 2), вероятно, принадлежавших лидерам общины или представителям доминирующего клана (Соловьев, 2010, с. 63). Любопытно отсутствие наконечников копий с вильчатым стержнем – одного из важнейших элементов сейминско-турбинского вооружения. Экземпляр *КД-4* (рис. 8: 12) предполагает наличие евразийских воинских захоронений.

Данное явление служит подтверждением интенсивных интеграционных процессов. Ряды погребений, прослеженные в основной части кладбища, скорее всего, оставлены близкородственными или семейными коллективами (рис. 2). В могилах 2, 3, 6 восточного ряда найдены ножи *НК-6, 14*, браслеты *У-8* (рис. 7: 19; 8: 4, 6, 7). Условные захоронения 7, 8, 9, 11 центрального ряда представлены кельтом, пластинчатыми ножами, подражанием *НК-14*; рядом располагалось погребение 5 с ножом *НК-14*, поблизости залегали кельт и пилка (рис. 5: 9; 6: 1; 7: 2, 11, 15; 8: 1, 5). От почти полностью смытого западного ряда остались собранные на пляже сейминско-турбинские и евразийские изделия и могила 1, характеризующаяся сочетанием ножа *НК-6* с нетипичными для европейского сейминско-турбинского погребального обряда деревянным креплением стенок ямы, применением огня, возможно, кремации (рис. 2; 4: 5; 7: 18). Очевиден синкретический облик коллективного? захоронения 12 и социально-значимых комплексов 10, 15.

Завершая тему, необходимо коснуться еще одной проблемы. На прибрежной площадке прослежен культурный слой, содержащий немногочисленную поздневолосовскую, атликасинскую, «валиковую», чирковскую керамику (Соловьев, 2005, с. 103, рис. 3: 6–11, 21, 22). Мелкие фрагменты поздневолосовской посуды найдены в засыпи могилы 1, а неполный развал чирковского сосуда залегал вблизи ножа НК-14, отнесенного к условному захоронению 7. Связь керамики с погребениями, часто перерезавшими культурный слой, доказать невозможно, отметим лишь, что эти керамические группы хорошо представлены на расположенных поблизости поселениях синкретического этапа чирковской культуры (Соловьев, 2000, рис. 60: 11–34). Не вызывает сомнения участие в сейминско-турбинском феномене представителей западносибирских культур кротовско-елунинского

круга, характеризующихся «валиковой» керамикой. Имеются убедительные свидетельства контактов (см. материалы поселений Туровское, Воймежное, Березовая слободка 2, 3) сейминско-турбинских и чирковско-фатьяноидных группировок (Кузьминых, 2011а, с. 242, 244, 250). Возможность их взаимодействия подтверждается радиоуглеродной хронологией фатьяновско-балановских и сейминско-турбинских памятников (Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005, с. 97, табл. 3: 1; Юнгнер, Карпелан, 2005, с. 12; Черных, Кузьминых, Орловская, 2011, табл. 5-а, b, 11-а, b).

Таким образом, комплексы Усть-Ветлуги отражают появление в Марийском Поволжье нового синкретического населения, основу которого составляли носители сейминско-турбинских и, очевидно, покровских культурных традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. – Казань, 1985.
2. Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. – М.: Наука, 1964.
3. Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. – М.: Наука.
4. Большов С.В. Средневожская абашевская культура (по материалам могильников) // Тр. МАЭ. Т. VIII. – Йошкар-Ола, 2003.
5. Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.). – Йошкар-Ола, 2006.
6. Большов С.В. Сейминско-турбинские могильники Поволжья и курганы абашевской общности // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). – Йошкар-Ола, 2007.
7. Буров Г.М. Медно-бронзовый век Ульяновского Поволжья. – Ульяновск, 1981.
8. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара, 1994.
9. Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья. – Уфа, 1986.
10. Дегтярева А.Д., Попова Т.М., Кизина Н.Г., Асрединов В.М. Технологические особенности изготовления металлического инвентаря погребения воина – колесничего Кондрашкинского кургана // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. – Воронеж, 1998.

11. *Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В.* Результаты аналитического исследования металла могильника Кривое Озеро // *Виноградов Н.Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Приложение 1. – Челябинск, 2003.

12. *Дегтярева А.Д.* Истоки металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. – М.: Наука, 2010.

13. *Дремов И.И.* Материалы из курганов у с. Березовка Энгельского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // *Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2.* – Саратов, 1997.

14. *Епимахов А.В.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. – Челябинск, 2002.

15. *Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // *РА.* – 2005. – № 4.

16. *Ефименко П.Н., Третьяков В.П.* Абашевская культура в Поволжье // *МИА.* – 1961. – № 97.

17. *Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. – Свердловск, 1988.

18. *Каховский Б.В.* Исследования курганов срубной культуры и болгарского городища на юге Чувашии в 1985 г. // *Исследования по древней и современной культуре Чувашии.* – Чебоксары, 1987.

19. *Корочкова О.Н.* Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и Подтаежном Тоболо-Иртыше: факторы, механизмы, динамика: Автореф. дис. ... док. ист. наук. – М., 2011.

20. *Косменко М.Г., Казаков Е.П.* О некоторых памятниках эпохи бронзы в устье Камы // *СА.* – 1976 – № 2.

21. *Кривцова-Гракова О.А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // *МИА.* – 1955. – № 46.

22. *Кузнецов П.Ф.* Пепкинский курган как отражение конфронтации в начальный период формирования новой культурно-исторической эпохи бронзового века Европы // *Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2.* – Самара, 2004.

23. *Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Памятники потаповского типа // *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век.* – Самара, 2000.

24. *Кузьмина О.В.* Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. – Самара, 1992.

25. *Кузьмина О.В.* Украшения абашевской культуры // *Проблемы археологии Евразии.* – М., 2002.

26. *Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П.* Курганный могильник эпохи бронзы Владимирский I // *Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3.* – Самара, 2003.

27. *Кузьминых С.В.* Литейная форма из Козьмодемьянского музея // *СА.* – 1976а. – №2.

28. *Кузьминых С.В.* О химическом составе металла Соколовского могильника // *Проблемы археологии Поволжья и Приуралья.* – Куйбышев, 1976б.

29. *Кузьминых С.В.* О находке медного топора в районе поселения Воймежное 1 // *Древние охотники и рыболовы Подмосковья по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежное 1.* – М., 1997.

30. Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // КСИА. – 2011а. – Вып. 225.
31. Кузьминых С.В. Металлические изделия // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. – Екатеринбург-Сургут, 2011б.
32. Лопатин В.А. Курган у Ивановского разъезда в Саратовском правобережье // Археология восточно-европейской лесостепи. – Вып. 6. – Саратов, 2008.
33. Лоцманова О.В. Памятники срубной культуры Сурско-Свияжского междуречья // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности. – Чебоксары, 2010.
34. Малов Н.М. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // Археология восточно-европейской степи. Вып. 1. – Саратов, 1989.
35. Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск, 1988.
36. Мельников Е.Н. Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Пластица // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары, 2003.
37. Мерперт Н.Я. Абашевские курганы Северной Чувашии // Абашевская культура в Среднем Поволжье // МИА. – 1961. – № 97.
38. Мерперт Н.Я. Срубная культура Южной Чувашии // МИА. – 1962. – № 111. (Тр. Куйбышев. археол. эксп. Т. IV).
39. Моргунова Н.Л., Халяпин М.В. Новые исследования памятников эпохи бронзы в Центральном Оренбуржье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары, 2003.
40. Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н. Тюбак: поселение бронзового века на Южном Урале. – Уфа, 2001.
41. Припадчев А.А. Погребальные памятники покровского типа донской лесостепи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2009.
42. Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. – Воронеж, 1976.
43. Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. – Воронеж, 1977.
44. Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. – Воронеж, 1989.
45. Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни – 2. Курган доноволжской абашевской культуры. – Воронеж, 1998.
46. Пряхин А.Д., Саврасов А.С. Ножи – кинжалы с перекрестьем и ромбическим окончанием черенка в абашевском и срубном мирах (к развитию производственных традиций) // Археологические памятники Среднего Поочья. – Вып. 7. – Рязань, 1998.
47. Пряхин А.Д., Саврасов А.С., Свистова Е.Б. Металлообработка доно-волжских абашевцев и развитие традиций производственной деятельности в эпоху поздней бронзы // Доно-волжская абашевская культура. – Воронеж, 2001.
48. Семенова А.П. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара, 2000.
49. Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Бронзовый век Урала: новые перспективы // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. – Том. I. – М., 2008.
50. Соловьев Б.С. Раскопки Мало-Кугунурской курганной группы // Новые памятники археологии Волго-Камья. (АЭМК. Вып. 8). – Йошкар-Ола, 1984.

51. *Соловьев Б.С.* Валиковская керамика в Среднем Поволжье (к вопросу о сейминско-турбинском феномене) // Этногенез и этническая история марийцев. (АЭМК. Вып. 14). – Йошкар-Ола, 1988.

52. *Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья. (Тр. МАЭ. Т. VI). – Йошкар-Ола, 2000.

53. *Соловьев Б.С.* Об абашевском компоненте Юринского могильника // Абашевская историко-культурная общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары, 2003а.

54. *Соловьев Б.С.* Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (по раскопкам 2001 г.) // Новые археологические исследования в Поволжье. – Чебоксары, 2003б.

55. *Соловьев Б.С.* Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. – 2005. – № 4.

56. *Соловьев Б.С.* Хронологические рамки балановской культуры в Волго-Камье // Проблемы первобытной и средневековой археологии Волго-Камья. – АЭМК. – Вып. 30. – Йошкар-Ола, 2007.

57. *Соловьев Б.С.* К вопросу о социально-значимых погребениях сейминско-турбинского типа // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5. – Йошкар-Ола, 2010.

58. *Соловьев Б.С., Шалахов Е.Г.* Воинское погребение Юринского могильника // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. – Чебоксары, 2006.

59. *Тихонов Б.Г.* Металлические изделия на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. – 1960. – № 90.

60. *Халиков А.Х.* Ново-Мордовские курганы // МИА. – 1965. – № 130.

61. *Халиков А.Х.* Покровско-абашевский этап эпохи бронзы Поволжья и Приуралья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). – Куйбышев, 1976.

62. *Халиков А.Х.* Приказанская культура // САИ. – Вып. В1–24. – М.: Наука, 1980.

63. *Халиков А.Х.* Поволжье в покровское время // Археология восточноевропейской степи. Вып. 1. – Саратов, 1989.

64. *Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М.* Пепкинский курган // Тр. МАЭ. Т. III. – Йошкар-Ола, 1966.

65. *Челяпов В.П.* Засеченский курганный могильник. – Рязань, 1992.

66. *Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. – 1972. – № 172.

67. *Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В.* Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к закату // РА. – 2002. – № 1.

68. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древнейшая металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989.

69. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б.* Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – Вып. 2. – М., 2011.

70. *Юнгнер Х., Карпелан К.* О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // РА. – 2005. – № 4.

71. *Janne Ikaheimo*. Arheogisista tutkimuksista alisessa Oulujokilaaksossa 1995–2000 // *Arkeologia suomessa – arkeologi i Findland*. – Helsinki, 2002.

72. *Liangren Zhang*. Metal trade in Bronze Age Central Eurasia // J. Mei and Th. Rehren. *Metallurgy and Civilisation: Eurasia and Beyond Archetype*. – London, 2009.

Информация об авторе:

Соловьев Борис Степанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (г. Йошкар-Ола, Россия); srb@inbox.ru

CULTURAL COMPONENTS OF THE UST-VETLUZHSKY BURIAL

B.S. Solov'ev

The cultural components of the Ust-Vetluga burial ground site, which is located on the left bank of the Cheboksary water reservoir, near Yurino village, the Mari El Republic, are analyzed in the article. The burial ground refers to the Late Bronze Age, dating from the early 2nd millennium BC. The burial rite and the grave goods point out to the heterogeneity of the population that had left the burial ground. The analysis of the artifact assemblage and the existing analogies made it possible to identify two substrata. The first, and dominant, one is associated with the Seima-Turbino population groups from the Lower Kama and the Volga-Oka river regions, while the second refers to the forest-steppe Abashevo-Pokrovsk groupings. There are traces of significant cultural integration of the two heterogeneous population groups. The question of the presence of the Middle Volga Abashevo culture people in the burial ground is discussed. In general, the complexes of the Ust-Vetluga burial ground site reflect the emergence of a new syncretic population in the Mari Volga river region.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, the Late Bronze Age, the Seima-Turbino phenomenon, burial ground, burial ritual, grave goods, cultural components, migrations.

REFERENCES

1. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1985. *Arkheologicheskaiia karta Tatarskoi ASSR. Predvolzh'e (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Cis-Volga Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
2. Bader, O. N. 1964. *Drevneishie metallurgi Priural'ia (Ancient Metallurgists of Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Bader, O. N. 1970. *Bassein Oki v epokhu bronzy (Oka River Basin in the Bronze Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Bol'shov, S. V. 2003. *Srednevolzhskaiia abashevskaiia kul'tura (po materialam mogil'nikov) (Abashevo Culture in the Middle Volga Basin: by Materials from Burial Grounds)*. Series Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) VIII. Yoshkar-Ola (in Russian).
5. Bol'shov, S. V. 2006. *Lesnaia polosa Srednego Povolzh'ia v epokhu srednei bronzy (problemy kul'turogeneza pervoi poloviny II tys. do n.e.) (The Forest Area of the Middle Volga Region in the Middle Bronze Age: Problems of the Cultural Genesis in the 1st Half of the II Millennium BC)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).
6. Bol'shov, S. V. 2007. In *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv. IV Khalikovskie chteniia (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities: 4th Khalikov Readings)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskii poligraficheskko-izdatel'skii kombinat" Publ., 70-82 (in Russian).

7. Burov, G. M. 1981. *Medno-bronzovyi vek Ul'ianovskogo Povolzh'ia. Putevoditel' po arkhelogicheskim pamiatnikam (Copper-Bronze Age of Ulyanovsk Volga Region. A Guide Through Archaeological Sites)*. Ulyanovsk: "Privolzhskoe Knizhnoe Izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
8. Vasil'ev, I. B., Kuznetsov, P. F., Semenova, A. P. 1994. *Potapovskii kurgannyi mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge (Potapovo Burial Ground of the Indo-Iranic Tribes on the Volga)*. Samara: Samara State University (in Russian).
9. Gorbunov, V. S. 1986. *Abashevskaya kul'tura Iuzhnogo Priural'ia (Abashevo Culture of the Southern Cis-Urals)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical Institute (in Russian).
10. Degtiareva, A. D., Popova, T. M., Kizina, N. G., Asredinov, V. M. 1998. In *Dono-Donetskiy region v epokhu srednei i pozdnei bronzy (Don and Donets Rivers Area in the Middle and Late Bronze Age)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
11. Degtiareva, A. D., Kuz'minykh, S. V. 2003. In Vinogradov, N. B. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoye Ozero v Iuzhnom Zaural'e (The Bronze Age Cemetery of Krivoye Ozero in Southern Trans-Urals)*. Appendix 1. Chelyabinsk: "Iuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
12. Degtiareva, A. D. 2010. *Istoki metalloproduktstva Iuzhnogo Zaural'ia v epokhu bronzy (Beginnings of Metal-Working in Southern Trans-Urals in the Bronze Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Dremov, I. I. 1997. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Okhrana i issledovaniia v 1996 g. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region. Conservation and Research in 1996)* 2. Saratov: Historical-Cultural Heritage Committee within the Saratov Oblast Administration (in Russian).
14. Epimakhov, A. V. 2002. *Iuzhnoe Zaural'e v epokhu srednei bronzy (Southern Trans-Urals in the Middle Bronze Age)*. Chelyabinsk: Southern Ural State University (in Russian).
15. Epimakhov, A. V., Khenks, B., Renfrew, A. C. 2005. In *Rossiiskaya Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 92-102 (in Russian).
16. Efimenko, P. N., Tret'yakov, V. P. 1961. *Abashevskaya kul'tura v Srednem Povolzh'e (Abashevo Culture in the Middle Volga Region)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 97 (in Russian).
17. Zdanovich, G. B. 1988. *Bronzovyi vek Uralo-Kazakhstanskikh stepei (Bronze Age of the Ural-Kazakhstan Steppes)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
18. Kakhovskii, B. V. 1987. In *Issledovaniia po drevnei i sovremennoi kul'ture Chuvashii (Studies on the Ancient and Present-Day Culture of Chuvashia)*. Cheboksary: Research Institute at the Council of Ministers of Chuvash ASSR, 48-55 (in Russian).
19. Korochkova, O. N. 2011. *Vzaimodeistvie kul'tur v epokhu bronzy v Srednem Zaural'e i Podtaezhnom Tobolo-Irtyshe: faktory, mekhanizmy, dinamika (Interaction of Bronze Age Cultures in Middle Trans-Urals and Sub-Taiga Part of the Tobol and Irtys Rivers Basin: Factors, Mechanisms, Dynamics)*. Doct. Diss. Thesis. Moscow (in Russian).
20. Kosmenko, M. G., Kazakov, E. P. 1976. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 228-231 (in Russian).
21. Krivtsova-Grakova, O. A. 1955. *Stepnoe Povolzh'e i Prichernomor'e v epokhu pozdnei bronzy (Steppe Volga and the Black Sea Region in the Late Bronze Age)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 46 (in Russian).
22. Kuznetsov, P. F. 2004. In *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ia (Issues of Archaeology of Ural and Volga Regions)* 2. Samara, 146-154 (in Russian).
23. Kuznetsov, P. F., Semenova, A. P. 2000. In Kabytov, I. S. (ed.-in-chief). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. The Bronze Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 122-152 (in Russian).
24. Kuz'mina, O. V. 1992. *Abashevskaya kul'tura v lesostepnom Volgo-Ural'e (Abashevo Culture in Volga-Ural Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical Institute (in Russian).

25. Kuz'mina, O. V. 2002. In Munchaev, R. M. (ed.). *Problemy arkheologii Evrazii (K 80-letiiu N. Ya. Merperta) (Problems of Archaeology of Eurasia: to 80th Anniversary of N. Ya. Merpert)*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology, 157-174 (in Russian).
26. Kuz'mina, O. V., Mikhailova, O. V., Subbotin, I. P. 2003. In *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 3. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 217-260 (in Russian).
27. Kuz'minykh, S. V. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 226-227 (in Russian).
28. Kuz'minykh, S. V. 1976. In *Problemy arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (Issues of the Volga and Ural Regions)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 42-44 (in Russian).
29. Kuz'minykh, S. V. 1997. In Engovatova, A. V. (ed.). *Drevnie okhotniki i rybolovy Podmoskov'ia po materialam mnogosloinogo poseleniia epokhi kamnia i bronzy — Voimezhnoe I (Ancient Hunters and Fishermen of the Moscow Region According to the Materials of the Stone and Bronze Ages Multilayered Site Voymezhnoye I)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
30. Kuz'minykh, S. V. 2011. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 225, 240-262 (in Russian).
31. Kuz'minykh, S. V. 2011. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *Satyga XVI: seiminsko-turbinskii mogil'nik v taezhnoi zone Zapadnoi Sibiri (Satyga XVI: Seima-Turbino Cemetery in Taiga Zone of Western Siberia)*. Yekaterinburg: "Ural'skii rabochii" Publ., 32-37 (in Russian).
32. Lopatin, V. A. 2008. In *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi lesostepi (Archaeology of East-European Forest-Steppe)* 6. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 211-233 (in Russian).
33. Lotsmanova, O. V. 2010. In Berezina, N. S., Mikhailov, E. P. (eds.). *Kul'turnaia spetsifika Volgo-Surskogo regiona v epokhu pervobytnosti (Cultural Specifics of the Volga and Sura Rivers Region in Prehistoric Time)*. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities (in Russian).
34. Malov, N. M. 1989. In *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 1. Saratov: Saratov State University, 82-99 (in Russian).
35. Matiushchenko, V. I., Sinityna, G. V. 1988. *Mogil'nik u derevni Rostovka vblizi Omska (The Burial Ground at Rostovka Village near Omsk)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
36. Mel'nikov, E. N. 2003. In Kuz'mina, O. V. (ed.). *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitie, nasledie (Abashevo Cultural and Historical Community: Genesis, Evolution, Heritage)*. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities, 239-247 (in Russian).
37. Merpert, N. Ya. 1961. In Efimenko, P. N., Tret'yakov, V. P. *Abashevskaya kul'tura v Srednem Povolzh'e (Abashevo Culture in the Middle Volga Region)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 97, 111-156 (in Russian).
38. Merpert, N. Ya. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* IV. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 111, 7-21 (in Russian).
39. Morgunova, N. L., Khaliapin, M. V. 2003. In Kuz'mina, O. V. (ed.). *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitie, nasledie (Abashevo Cultural and Historical Community: Genesis, Evolution, Heritage)*. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities, 225-229 (in Russian).
40. Obydenov, M. F., Gorbunov, V. S., Muravkina, L. I., Obydenova, G. T., Garustovich, G. N. 2001. *Tiubiak: poselenie bronzovogo veka na Iuzhnom Urale (Tyubyak: the Bronze Age Settlement in Southern Ural)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).
41. Pripadchev, A. A. 2009. *Pogrebal'nye pamiatniki pokrovskogo tipa donskoi lesostepi (Funerary Sites of the Pokrovka Type in the Forest-Steppe of the Don River Basin)*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).
42. Priakhin, A. D. 1976. *Poseleniia abashevskoi obshchnosti (Settlements of the Abashevo Cultural Unity)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

43. Priakhin, A. D. 1977. *Pogrebal'nye abashevskie pamiatniki (The Abashevo Funeral Sites)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
44. Priakhin, A. D., Besedin, V. I., Levykh, G. A., Matveev, Yu. P. 1989. *Kondrashkinskii kurgan (Kondrashkinsky Barrow)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
45. Priakhin, A. D., Moiseev, N. B., Besedin, V. I. 1998. *Selezni-2. Kurgan dono-volzhskoi abashevskoi kul'tury (Selezni-2, a Barrow of the Abashevo Culture in the Don and Volga Basins)*. Series: *Arkheologicheskie pamiatniki Donskogo basseina (Archaeological Sites of the Don River Basin)* 3. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
46. Priakhin, A. D., Savrasov, A. S. 1998. In *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Pooch'ia (Archaeological Sites of Middle Oka Area)* 7. Ryazan (in Russian).
47. Priakhin, A. D., Savrasov, A. S., Svistova, E. B. 2001. In Priakhin, A. D., Besedin, V. I., Zakharova, E. Yu., Savrasov, A. S., Safonov, I. E., Svistova, E. B. *Dono-volzhskaia abashevskaiia kul'tura (Abashevo Culture in the Don and Volga Rivers Basin)*. Voronezh: Voronezh State University. Chapter IV (in Russian).
48. Semenova, A. P. 2000. In Kabytov, I. S. (ed.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dni. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. The Bronze Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 152-208 (in Russian).
49. Serikov, Yu. B., Korochkova, O. N., Kuz'minykh, S. V., Stefanov, V. I. 2008. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal, 2008)* I. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 341-346 (in Russian).
50. Solov'ev, B. S. 1984. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Novye pamiatniki arkheologii Volgo-Kam'ia (Recently Discovered Sites of the Volga and Kama Basin Archaeology)*. Series: *Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land)* 8. Yoshkar-Ola: Mari Research Language, Literature, and History Institute, 84-90 (in Russian).
51. Solov'ev, B. S. 1988. In *Etnogenez i etnicheskaia istoriia mariitsev (Ethnic Genesis and Ethnic History of the Mari People)*. Series: *Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land)* 14. Yoshkar-Ola, 21-43 (in Russian).
52. Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga River Region)*. Series: *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* VI. Yoshkar-Ola (in Russian).
53. Solov'ev, B. S. 2003. In Kuz'mina, O. V. (ed.). *Abashevskaiia kul'turno-istoricheskaiia obshchnost': istoki, razvitie, nasledie (Abashevo Cultural and Historical Community: Genesis, Evolution, Heritage)*. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities, 188-192 (in Russian).
54. Solov'ev, B. S. 2003. In Mikhailov, E. P. (ed.). *Novye arkheologicheskie issledovaniia v Povolzh'e (New Archaeological Research in the Volga Region)*. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities, 50-72 (in Russian).
55. Solov'ev, B. S. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 103-112 (in Russian).
56. Solov'ev, B. S. 2007. In Nikitin, V. V., Solovyev, B. S. (eds.). *Problemy pervobytnoi i srednevekovoi arkheologii Volgo-Kam'ia (Piat' desiat let Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii) (Issues of the Prehistoric and Medieval Archaeology of the Volga – Kama Area: 50 Years of the Mari Archaeological Expedition)*. Series: *Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land)* 30. Yoshkar-Ola, 26-50 (in Russian).
57. Solov'ev, B. S. 2010. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 5. Yoshkar-Ola: Mari State University, 56-69 (in Russian).

58. Solov'ev, B. S., Shalakhov, E. G. 2006. In Mikhailov, E. P. (ed.). *Issledovaniia po drevnei i srednevekovoi arkheologii Povolzh'ia* (Research on Ancient and Medieval Archaeology of the Volga Region). Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities, 168-174 (in Russian).
59. Tikhonov, B. G. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii* (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 90, 40-50 (in Russian).
60. Khalikov, A. Kh. 1965. In *Novoe v sovetskoii arkheologii* (New Discoveries of the Soviet Archaeology). Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii* (Materials and Studies in the Archaeology) 130, 143-148 (in Russian).
61. Khalikov, A. Kh. 1976. In *Problemy arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (neolit i bronzovyi vek)* (Issues of Archaeology of the Volga Region and Cis-Urals: Neolithic and Bronze Age). Kuybyshev, 45-55 (in Russian).
62. Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura* (The Prikazanskaya Culture). Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov* (Corpus of Archaeological Sources) VI–24. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
63. Khalikov, A. Kh. 1989. In Mironov, V. G. (ed.). *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi* (Archaeology of East-European Steppe) 1. Saratov, 66-82 (in Russian).
64. Khalikov, A. Kh., Lebedinskaia, G. V., Gerasimova, M. M. 1966. *Pepkinskii kurgan (abashevskii chelovek)* (Pepkino Burial Mound: the Abashevo Human). Series: *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) III. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
65. Cheliapov, V. P. 1992. *Zasechenskii kurgannyi mogil'nik* (Zasechensky Tumular Necropolis). Ryazan: s. ed. (in Russian).
66. Chernykh, E. N. 1972. *Drevneishaia metallurgii Urala i Povolzh'ia* (Ancient Metallurgy of Ural and Volga Region). Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii* (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 172. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
67. Chernykh, E. N., Avilova, L. I., Orlovskaia, L. B., Kuz'minykh, S. V. 2002. In *Rossiiskaia Arkheologiia* (Russian Archaeology) (1), 5-23 (in Russian).
68. Chernykh, E. N., Kuz'minykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgii Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen)* (Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (Seyma-Turbino Phenomenon)). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
69. Chernykh, E. N., Kuz'minykh, S. V., Orlovskaia, L. B. 2011. In Chernykh, E. N. (ed.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov* (Analytical Studies of the Laboratory of the Natural Science Methods) 2. Moscow: "Taus" Publ., 24-62 (in Russian).
70. Iungner Kh., Karpelan K. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiia* (Russian Archaeology) (4), 112 (in Russian).
71. Ikaheimo, J. 2002. Arheogisista tutkimuksista alisessa Oulujokilaaksossa 1995–2000. In *Arkeologia suomessa – arkeologi i Findland*. Helsinki.
72. Zhang Liangren. 2009. Metal trade in Bronze Age Central Eurasia. In Mei, J., Rehren, Th. *Metallurgy and Civilisation: Eurasia and Beyond Archetype*. London (in Russian).

About the Authors:

Soloviev Boris S. Candidate of Historical Sciences. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; srb@inbox.ru

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ВОЛГО-КАМЬЕ. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2013 г. А.А. Чижевский

В истории изучения финала бронзового и раннего железного веков Волго-Камья можно выделить четыре периода, отличающиеся направлениями, спецификой методов и форм исследования. Их хронологические рамки связаны с этапными работами исследователей, которые преодолевали прежние рамки и порождали новые парадигмы. В данной статье рассматривается первый, начальный период исследований позднего бронзового и раннего железного веков в Волго-Камье (конец XVIII в. – начало 1920-х годов). Он начался с открытия первых памятников и накопления материалов, а завершился выделением археологических культур и построением периодизации первобытной археологии. Это был период деятельности Императорского археологического общества, в том числе и в Поволжье. Было положено начало традиции Археологических съездов в Казани. В конце XIX в. – начале XX вв. древности Волго-Камья привлекают внимание финских археологов. Итоги начального периода были подведены в монографиях А.М. Тальгрена, которые также поставили новые задачи перед исследователями.

Ключевые слова: археология, Волго-Камский регион, поздний бронзовый век, ранний железный век, история изучения, ананьинская культура.

Понятие «ананьинская проблема» было сформулировано В.Н. Марковым около 20 лет назад (Марков, 1994, с. 48–88). Основное содержание данного термина заключалось в понимании нерешенности проблемы выделения признаков, объединяющих памятники северо-востока Восточной Европы в рамках единого культурного или надкультурного образования, будь-то ананьинская культура, ананьинская культурно-историческая общность или ананьинская культурно-историческая область. В.Н. Марков отмечал, что выявление этих признаков связано с решением вопросов «происхождения, материальной культуры и хронологии» памятников «ананьинского мира» (Марков, 1994, с. 49). Таким образом, ананьинская проблема затрагивает не только вопросы, связанные с изучением раннего железного века, но и финал эпохи

бронзы, когда закладывались основы культур ананьинского времени. Поэтому историю изучения ананьинской проблематики необходимо начинать с эпохи поздней бронзы, а затем рассматривать историографию собственно раннего железного века.

Согласно работам Т.С. Куна, периодизация истории науки основана на смене парадигм, связанной с кризисом предшествующих идей, и через научную революцию формированием новых исследовательских моделей (Кун, 2003). В настоящее время в истории изучения финала бронзового и раннего железного веков Волго-Камья можно выделить четыре периода, отличающиеся направлениями, спецификой методов и форм исследования. Хронологические рамки периодов связаны с этапными работами исследователей, которые устанавливали определенные парадигмы

– рамки исследования, преодоление которых, благодаря трудам нового поколения исследователей, породило новые парадигмы.

Начальный период становления археологии бронзового и раннего железного веков (конец XVIII в. – начало 1920-х гг.), начавшийся с накопления материалов и обоснования возможности познания жизни древних народов по археологическим источникам, закончился выделением археологических культур и построением периодизации первобытной археологии. Этапными работами для этого периода были монографии А.М. Тальгрена (Tallgren, 1911; 1916; 1919), которые подвели итоги начального периода и поставили новые задачи перед исследователями.

На протяжении первого периода изучения археологии Волго-Камья исследователи не разделяли памятники бронзового и раннего железного веков, относя и те и другие к бронзовому веку. Поэтому исследовательские подходы, работа на памятниках археологии и программные решения исследовательских центров были едины для эпохи бронзы и раннего железа. Учитывая это, изучение истории исследования поздней бронзы и раннего железного века начального периода необходимо рассматривать в едином ключе и в одном разделе.

Первые свидетельства о поселениях раннего железного века в Волго-Камье появились в XVIII в. Об Уфимском «Чортовом» городище вскользь упоминает П.И. Рычков (рис. 1) как о раннем татарском городище, где в прошлом проживали ногайские ханы (Рычков, 1762, с. 194). Значительно более полная информация была получена во время исследова-

Рис. 1. П.И. Рычков. Портрет.

ния территории Российской империи «Второй академической экспедицией» академика П.С. Палласа. Территория по р. Белой была обследована отдельным отрядом под руководством Н.П. Рычкова, сына упомянутого ранее П.И. Рычкова, который выявил, произвел осмотр и топографическую съемку городищ Кара-Абыз близ д. Изяк (рис. 2) и «Чортова» (Бирского) в окрестностях Бирска. Кроме того, на этих памятниках была собрана лепная керамика. На территории Нижнего Прикамья им было осмотрено Елабужское «Чортово» городище и снят его топографический план (рис. 3). В материалах городища впоследствии была выявлена керамика раннего железного века (Рычков, 1770, с. 44–50, 140–141, 148–151; Археологическая, 1976, № 665, 979).

Дальнейшее накопление знаний по эпохе бронзы и раннему железному веку в Волго-Камье связано с находками древних предметов, которые были зафиксированы в заметке из Журнала Министерства внутренних дел за 1844 год. В ней говорилось о находках ко-

Рис. 2. Городище Кара-Абыз, съемка Н.П. Рычкова. План.

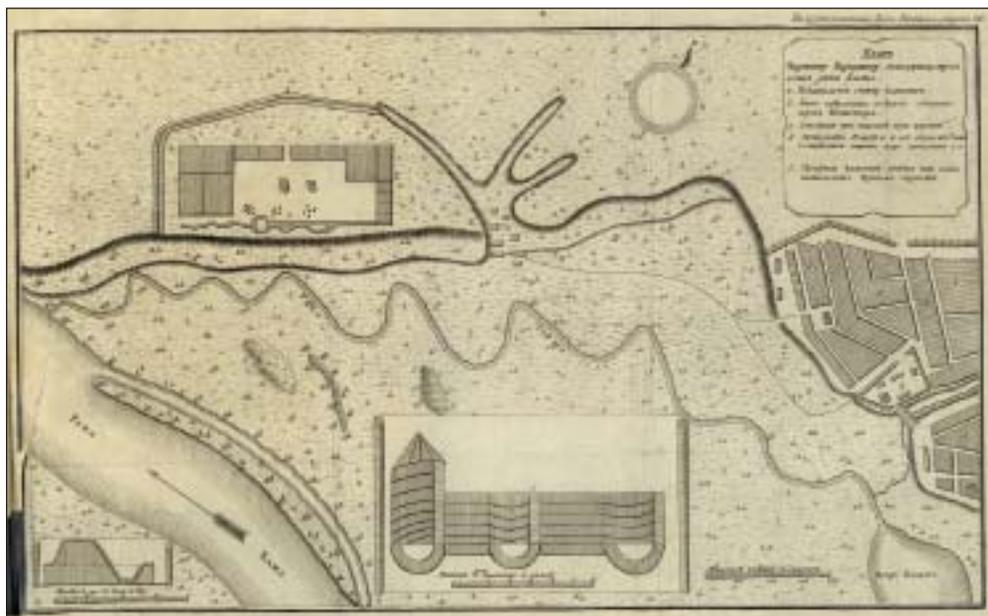

Рис. 3. Городище «Чортово» Елабужское, съемка Н.П. Рычкова. План.

стей и старинных предметов: копий, стрел и украшений – из места, «обведенного с нагорной стороны рвом и земляным валом». В 60-е годы XIX в. этот памятник назвали Пижемским городищем (Древности, 1844, с. 514).

Несколько позднее было получено известие о находках древних предметов, происходящих с Ананьинской дюны. Они привлекли внимание священника Елабужской Покровской

церкви Михаила Ардашева, который упомянул о двух курганах около д. Ананьиной и находках в них человеческих костей, медных копий и других медных предметов (Ардашев, 1917, с. 6, 7). К сожалению, информация, изложенная им в рукописной статье «Этнографические сведения об удельных крестьянах подгородных деревень», поступившей в Русское Географическое общество в 1849 г.,

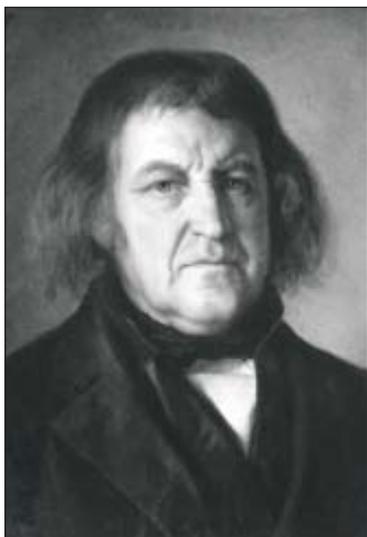

Рис. 4. И.В. Шишкин. Портрет.

Рис. 5. П.В. Алабин. Фотография.

была опубликована только в 1917 г. Д.К. Зелениным.

В начале 1850-х годов информация о «Могильнике» у д. Ананьино заинтересовала уроженца г. Елабуги профессора Московского университета К.И. Невоструева. Уже в 1856 и 1857 гг. К.И. Невоструев и городской голова Елабуги И.В. Шишкин (рис. 4), отец художника И.И. Шишкина, пытались получить в удельном ведомстве Вятской губернии разрешение на раскопки могильника, но ведомство, управлявшее имуществом и землями, приписанными к царской фамилии, отказало в их прошении, оставив за собой право проведения раскопок на «казенных» государевых землях (Невоструев, 1871а, с. 595–632). В итоге первые раскопки Ананьинского могильника с научной целью провел в 1858 г. при содействии И.В. Шишкина П.В. Алабин (рис. 5), в то время помощник управляющего Вятской удельной конторой, вскоре опубликовавший результаты своих однодневных «раскопок» (Алабин, 1859а–1859; 1860; Худяков, 1923; Кузьминых, Чи-

жевский, 2009а; 2009б, с. 29; Черных, 2010, с. 61). На некрополе было вскрыто 46 (точнее 48) погребений и каменные сооружения.

Вместе с могильником (рис. 6) на дюне были найдены материалы позднего бронзового века (Алабин, 1859а–1859; 1860, с. 87–120), позднее выделенные в отдельный памятник – Ананьинскую стоянку (Уваров, 1881, № 168–170; Збруева, 1937, с. 104–109; Халиков, 1980, с. 116 и др.). В дальнейшем этот памятник неоднократно осматривали и раскапывали исследователи XIX в., фиксируя при этом находки позднего бронзового и раннего железного веков (Лерх, 1866; Невоструев, 1871а; 1871б; Aspelin, 1877а, с. 49; Шестаков, 1879; Уваров, 1881, с. 13, рис. 3482, 3490; Малахов, 1882, с. 15; Tolmatschew, 1890, S. 1; Пономарев, 1892; Спицын, 1893, с. 13; Толмачев, 1896; Baye, 1897, p. 20, fig. X, XI; Нефедов, 1899; Tallgren, 1919).

Материалы почти всех раскопок Ананьинского могильника были опубликованы крайне неполно, полевая документация не сохранилась. В этом

Рис. 6. Ананьинский могильник. Пейзаж И.И. Шишкина.

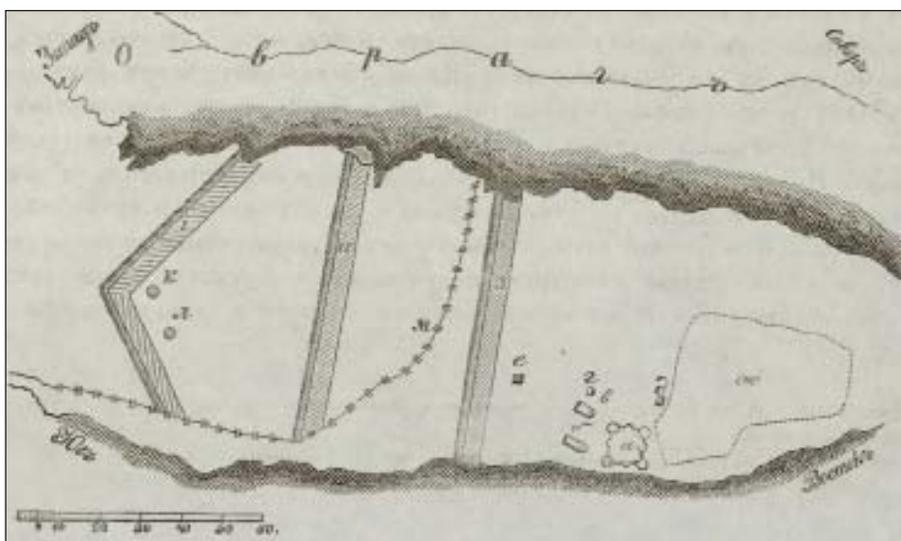

Рис. 7. Городище «Чортово» Елабужское. План И.И. Шишкина.

ряду выделяются работы П.А. Пономарева, которые признаны наиболее тщательными в методическом отношении полевыми исследованиями XIX в. (Кузьминых, Чижевский, 2009а, с. 7). Отличается своей полнотой публикация этих исследований, в которой П.А. Пономарев дал развер-

нутое и достаточно полное описание изученных им погребений, а также предположил существование на месте Ананьинского могильника двух разновременных памятников: некрополя бронзового века и поселения каменного века, к которому он относил находки каменных предметов из межмо-

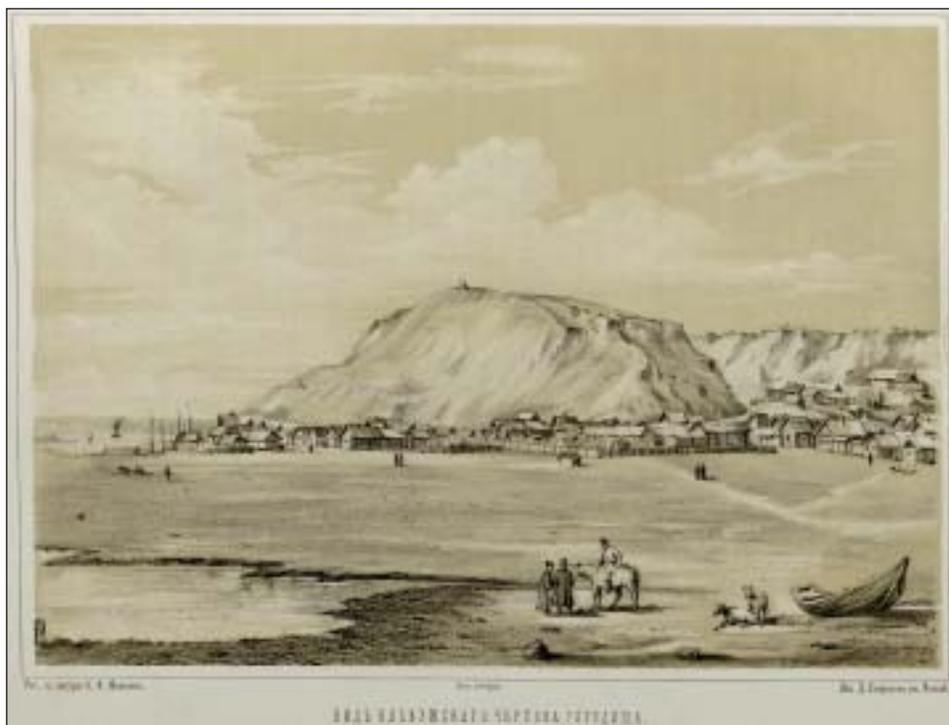

Рис. 8. Вид Елабужского «Чёртова» городища. Рисунок И.И. Шишкина.

гильного пространства (Пономарев, 1892, с. 405–438).

Устойчивый интерес к древностям, возникший у П.В. Алабина после раскопок Ананьинского могильника, выразился в осмотре им в 1859 г. ряда памятников Вятской губернии – Тихогорского I, Усть-Нечкинского и Лебяжского городищ и раскопках в 1865 г. Пижемского городища (Алабин, 1859; 1865, с. 1–9; Спицын, 1893, с. 55, 57).

К городищенской проблематике обратился в 1871 г. К.И. Невоструев. При описании городищ болгарского времени он упомянул ряд памятников, на которых впоследствии были выявлены слои раннего железного и позднего бронзового веков: Тетюшское, Ташкирменское и Елабужское (Чортово). План «Чортова» городища по поручению К.И. Невоструева составил великий русский художник

И.И. Шишкин (рис. 7, 8) (Невоструев, 1871в, с. 545, 546, 573, 576–592).

В 1871 г. опубликовал результаты своих изысканий на памятниках раннего железного века Р.Г. Игнатъев. В Уфимской губернии он вслед за Н.П. Рычковым обследовал «чудские» городища: Бирское (Чортово) и «Соколей» («Соколок»), а также Уфимское (Чортово) (Игнатъев, 1871, с. 156).

В дальнейшем изучение древностей позднего бронзового и раннего железного веков сосредоточилось в руках коллекционеров – любителей древности.

Самым первым известным частным коллекционером древностей Волго-Камья был малмыжский почтмейстер Новиков. Его встретил А. Гумбольдт во время путешествия по России в 1829 г., однако подробная информация о его коллекции не известна (Худяков, 1933б, с. 68). Во

Рис. 9. А.Ф. Лихачев. Фотография.

Рис. 10. В.И. Заусайлов. Фотография.

второй половине XIX – начале XX вв. наиболее крупные собрания имели казанские коллекционеры А.Ф. Лихачев, В.И. Заусайлов, Н.Ф. Высоцкий и пермские – А.Е. и Ф.А. Теплоуховы, В.А. Волегов, М.Н. Зеликман и др. (Анучин, 1879–1880, с. 23–24; Штукенберг, 1901, с. 5; Спицын, 1902, с. 1–19; Александров, 1906, с. 1–6; Катанов, 1920, с. 37, 39–41; Шмидт, 1928, с. 146, 167).

Обращение к памятникам эпохи поздней бронзы и раннего железного века у А.Ф. Лихачева происходит в 60-е годы XIX в. (рис. 9). В 1865 г. по рекомендации П.И. Лерха он становится членом-сотрудником Императорского археологического общества и с тех пор начинает активную исследовательскую деятельность (Летопись, 1868, с. 362; Худяков, 1922, с. 9). Он предпринимает разведочные исследования в окрестностях сс. Болгары, Маклашеевка, Полянки Спасского уезда, а также вблизи г. Казани, где им были выявлены Бакалдинская I, II и Кукушкинская I стоянки (Износков, 1895, с. 226; Халиков, 1980, с. 6, 109); кроме того, он производит закупки у

крестьян находок древних бронзовых вещей (Лихачев, 1891, с. 121, 123; 1891а, с. 132, 133), которые в дальнейшем послужили основой коллекций Национального музея РТ (Худяков, 1922, с. 3, 11).

В 1880 г. Н.П. и А.Ф. Лихачевы производят раскопки первого в Волго-Камье некрополя эпохи поздней бронзы – Полянского I могильника (Chudjakov, 19266, S. 26–35), часть погребальных комплексов которого была впоследствии отнесена к финалу бронзового века. Материалы памятника не были введены в научный оборот и публиковались лишь частично (Штукенберг, 1901, табл. IV, 19, 20; Tallgren, 1911; Chudjakov, 19266), полноценная публикация могильника была произведена А.Х. Халиковым (1980, табл. 18).

Другим собирателем древностей, материалы которого в настоящее время хранятся в Национальном музее Финляндии, был коммерсант и банкир В.И. Заусайлов (рис. 10). Он увлекся археологией после IV Археологического съезда в Казани в 1877 г. (Кузьминых, 2012, с. 180–185). Его коллекция,

созданная путем покупок у собирателей и скупщиков древностей, была одной из самых крупных в России и насчитывала по данным А.М. Тальгрена 10935 предметов (Tallgren, 1916, с. 6). После русско-японской войны банк «Печенкин и К», совладельцем которого являлся В.И. Заусайлов, разорился. Был объявлен банкротом и сам Заусайлов, а его коллекция была продана государственному Историческому Музею Финляндии¹. По материалам своей коллекции В.И. Заусайлов подготовил публикацию с 70 таблицами иллюстраций (Кузьминых, 2012, с. 181). Она была разделена на несколько выпусков, но вышел в свет лишь первый из них (Заусайлов, 1884, с. 1–6). Материалы из собрания В.И. Заусайлова были опубликованы позднее в книгах А.М. Тальгрена (Tallgren, 1916, р. 18–41; 1918) и А. Еуропеуса (Äygarä, 1933). Несмотря на их неполноту, эти публикации каменных, медных и бронзовых предметов из коллекции В.И. Заусайлова способствовали формированию базы данных по археологии эпох бронзы и раннего железа региона.

В Перми коллекционировать древние чудские вещи первым начал В.А. Волегов (1807–1864), управляющий пермскими имениями Строгановых (рис. 11). Хозяин поместья – известный археолог граф С.Г. Строганов обязал управляющего все археологические находки из пермских владений отправлять в Петербург для формирования своей коллекции, ныне хра-

нящейся в Эрмитаже. В.А. Волегов, исполняя волю Строганова, настолько увлекся древностями, что сам с 30-х годов XIX в. стал собирать личную коллекцию археологических предметов (Мельников, 1840, с. 4; Спицын, 1902, с. 4). Коллекция была не просто собранием древних вещей, но подвергалась первичному анализу и обработке. Для полноты учета В.А. Волегов производил первичное описание обстоятельств мест находки. Кроме того, он делал попытки проведения археологических раскопок и разведок на чудских городищах Пермской губернии (Волегов, 1861, с. 38–39).

А.Е. Теплоухов (рис. 12), главный лесничий пермских имений Строгановых, начал формирование своей личной коллекции с покупки древностей умершего В.А. Волегова (Спицын, 1902, с. 4). В 1867 г. он заводит археологический дневник и начинает поездки по территории Пермской губернии с целью производства археологических изысканий. В дневнике он фиксирует сведения о купленных предметах и местах находок древних вещей. Кроме того, формирование коллекции осуществлялось через лесных смотрителей, которым он поручил осуществлять эти закупки (Спицын, 1902, с. 6, 7). С самого начала А.Е. Теплоухов относится к своему собранию как ученый: отыскивает аналогии, систематизирует коллекции, некоторые предметы везет для определения в музеи Германии и Италии (Спицын, 1902, с. 8–10; Овчинникова, 1999, с. 19–27). По материалам своих коллекций он подготовил шесть статей, две из которых были опубликованы в Австрии и Германии (Китова, 2010, с. 167).

После смерти в 1885 г. А.Е. Теплоухова коллекция перешла в пожиз-

¹ Музей был основан в 1893 г. как государственный Исторический Музей Финляндии и лишь с 1918 г. стал именоваться Национальным Музеем Финляндии (официальный сайт музея – http://www.nba.fi/en/nationalmuseum/history_of_museum_and_building).

Рис. 11. В.А. Волегов.
Портрет.

Рис. 12. А.Е. Теплоухов.
Фотография.

Рис. 13. Ф.А. Теплоухов.
Фотография.

ненное владение его старшего сына Ф.А. Теплоухова (рис. 13), который продолжил и даже увеличил закупки древних вещей (Спицын, 1902). При посещении его А.А. Спицыным в 1898 г. Ф.А. Теплоухов дал разрешение на обработку и публикацию данной коллекции (Спицын, 1902, с. 16). Большая часть ее представляла собой вещи эпохи средневековья и гляденовского времени, но небольшая подборка относится к ананьинским древностям (Спицын, 1902, с. 21).

Внимание общественности к археологическим исследованиям в Волго-Камье было привлечено после IV Археологического съезда, прошедшего в Казани в 1877 г., когда по инициативе его участников было создано Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Императорском Казанском университете (Лихачев, 1891а, с. 131; Худяков, 1922, с. 9). На съезде был разработан устав Общества, утвержденный министром народного просвещения 18 марта 1878 г. Создание ОАИЭ дало толчок к широким полевым исследованиям в Волго-Камье: производились закупки научной литературы и древних предметов,

осуществлялись выезды для обследования и раскопок археологических памятников (Лихачев, 1891а, с. 132). Вся публикационная и иная деятельность, в том числе и полевые исследования, велась на средства членов общества (Измайлова, 1999, с. 136).

Далеко не все результаты полевых исследований были опубликованы, и мы знаем о них лишь по отдельным сохранившимся предметам и небольшим сообщениям в протоколах ОАИЭ. В ряду таких раскопок работы П.Д. Шестакова на Ананьинском могильнике (Шестаков, 1879, с. 72–73), С.К. Кузнецова и М.В. Малахова на городище Ройский Шихан (Кузнецов, 1884, с. 326–329), П.А. Пономарева на городище Сорочьи Горы (Пономарев, 1884, с. 323–325; 1884а, с. 77–78).

Крупнейшим исследователем древностей позднего бронзового и раннего железного веков был П.А. Пономарев (рис. 14). Он обратился к археологии в конце 70-х годов XIX в. и на протяжении 40 лет, вплоть до 1919 г., проводил полевые археологические исследования (Худяков, 1920, с. 247). Одним из первых им было изучено Аргыжское городище (Богатырь) раннего желез-

ного века, но лишь часть материалов из этих раскопок и значительно позже была введена в научный оборот Л.И. Вараксиной (1929, с. 83–121).

Восьмидесятые годы XIX в. были временем наиболее интенсивного изучения бронзового века. В археологию Волго-Уралья приходят Н.Ф. Высоцкий, С.К. Кузнецов, А.А. Спицын, Ф.А. Теплоухов, А.А. Штукенберг.

Знаковым для археологии Волго-Камья стал 1881 год. 16 мая этого года П.А. Пономаревым был сделан программный доклад на заседании ОАИЭ, в котором он впервые обосновал различия между болгарскими и ананьинскими древностями, причем последние он относил к эпохе бронзы (Протоколы, 1885, с. 64–68, Пономарев, 1884, с. 324–325). Исследователь предложил ОАИЭ сосредоточить свои усилия на изучении «бронзового века Камы и Вятки», так как здесь, кроме Ананьинского могильника, были выявлены новые некрополи и городища добулгарской эпохи. На основании этого доклада была принята программа исследования памятников бронзового века Нижнего Прикамья, результатом которой стали работы на Ананьинском могильнике в 1881 г. (Пономарев, 1892, с. 405–438), а также раскопки и разведки на ряде «костеносных» городищ: Аргыжское, «Кирюшкин городок», Ройское, Сорочьи Горы, Тихогорское I (Малахов, 1882; Кузнецов, 1884, с. 326–329; Пономарев, 1884, с. 323–325; 1884а, с. 77–83; 1914, с. 2, 3). А.А. Спицын подчеркивал впоследствии, что честь открытия «костеносных» городищ принадлежит именно П.А. Пономареву (Спицын, 1893, с. 47). Не остался в стороне и А.А. Спицын, который проводит обследование древностей Вятской гу-

бернии, включающие, кроме разведок, и небольшие раскопки Скорняковского городища (Спицын, 1881).

Среди членов Общества археологии, истории и этнографии были не только коллекционеры-любители, но и специалисты-естественники: геологи, врачи, ветеринары. Часто они входили и в другое общество – Общество естествоиспытателей, которое также занималось изучением древностей. Активную разведочную деятельность осуществлял известный коллекционер, профессор хирургии Императорского Казанского университета Н.Ф. Высоцкий (рис. 15), который выявил комплекс Малоотарских стоянок и поселения эпохи бронзы у с. Победилово (Износков, 1895, с. 226). Вместе с другим крупным археологом-любителем и геологом профессором А.А. Штукенбергом (рис. 16) он произвел обследование и раскопки стоянок у сс. Карташиха, Новомордово, Отары и Атабаево, позднее отнесенных к позднему бронзовому веку (Поляков, 1880, с. 65, 70–74; Штукенберг, Высоцкий, 1885, с. 6–7, 52–73; Высоцкий, 1908, с. 436–447; 1920, с. 26–36; 1923, с. 32–37). В процессе раскопок на Малоотарской стоянке были выявлены котлованы жилищ и могильник «Большой бугор», но полевая документация не велась или не сохранилась (Высоцкий, 1908, с. 438–441).

В 1881 г. А.А. Штукенбергом была приобретена «парадная» ананьинская секира, найденная близ Воткинского завода Сарапульского уезда. Изучив находку, исследователь атрибутировал ее как знак власти (Малахов, 1882, с. 214; Протоколы, 1885, с. 66; Штукенберг, 1903, с. 64–65). В начале 1880-х гг. Н. Савельев, учитель

Рис. 14. П.А. Пономарев.
Фотография.

Рис. 15. Н.Ф. Высоцкий.
Фотография.

Рис. 16. А.А. Штукенберг.
Фотография.

с. Свиные Горы, произвел осмотр и раскопки Свиногорского городища («Коровашек»). В процессе работ был произведен разрез вала городища, вероятно, самый первый в практике археологии Волго-Камья бронзового века (Савельев, 1884, с. 119–120). В 1882 г. подобный разрез вала на городище Ройский Шихан сделал М.В. Малахов совместно с С.К. Кузнецовым (Малахов, 1882, с. 220).

Одним из активных археологов-любителей был профессор Императорского Казанского университета, крупный ученый-геоморфолог П.И. Кротов, ученик А.А. Штукенберга (рис. 17). Он начал свою деятельность вскоре после Археологического съезда в Казани. В результате почти 30-летней разведочной деятельности он открыл серию стоянок эпохи бронзы на р. Волге, Мёше, Свияге и Вятке, в том числе Кулаевскую стоянку (Кротов, 1879, с. 89–95; Износков, 1895, с. 226–227).

Итогом полевой деятельности ОАИЭ стало создание музея и выставки предметов из раскопок П.А. Пономарева и А.А. Спицына на VII Археологическом съезде в 1887 г. (Худяков,

1923, с. 74). Здесь же, на съезде, с докладом о находках бронзового века выступил А.Ф. Лихачев (1891, 1891а). Яркие археологические материалы и выступления привлекли внимание московских исследователей, и в конце 80-х – начале 90-х годов XIX в. в Волго-Камье проходит ряд экспедиций Московского археологического общества под руководством А.А. Спицына, Н.Г. Первухина, Ф.Д. Нефедова (Анучин, 1893, с. VII).

Начало их положил А.А. Спицын (рис. 18). В 1887 г. он провел исследования в Вятской губернии, а в 1888–1889 гг. продолжил работы на рр. Вятке, Каме, Пижме и Чепце (Спицын, 1889; 1893). Всего исследователь обследовал семь городищ бронзового века, которые получили название «костеносных»: Пижемское, Лебяжское, Буйское, Ройское, Аргыжское, Тихогорское I и Свиногорское (Спицын, 1893, с. 41–64). В двух монографиях (1889 г. и более развернуто 1893 г.) А.А. Спицын дал описание этих памятников, а в книге 1893 г. опубликовал фотографии находок, полученных в результате этих раскопок (Спицын, 1889; 1893). Кроме того, им приведена

Рис. 17. П.И. Кротов.
Фотография.

Рис. 18. А.А. Спицын.
Фотография.

Рис. 19. Ф.Д. Нефедов.
Фотография.

подробная сводка находок бронзового века, которая и сейчас представляет значительный интерес для исследователей эпохи бронзы и раннего железа (Спицын, 1893, с. 32–35).

В 1887–1888 гг. в рамках экспедиций Московского археологического общества в Глазовском уезде Вятской губернии работал Н.Г. Первухин, однако его усилия были сосредоточены на памятниках средневековья, поэтому древности позднего бронзового и раннего железного веков попадали в сферу его деятельности случайно. Таковы находки двудырчатого костяного псаля, кремневых наконечников стрел и каменного молота, точное местонахождение которых, к сожалению, им не указывается (Первухин, 1896, табл. V, 21, IX, 5, 9).

Завершает работы Московского археологического общества Ф.Д. Нефедов – известный писатель и журналист (рис. 19). В 1893–1894 гг. он проводит ряд археологических экспедиций в Прикамье. Им был открыт и раскопан Котловский могильник (27 погр.), обследованы Малиновское Большое городище, Свиногорское, Гроханьское, Уфимское (Чортово),

дообследован Ананьинский могильник (6 погр.). Материалы и полевой дневник раскопок были опубликованы, однако полевые чертежи не сохранились (Анучин, 1895; Нефедов, 1899). В 1893 г. Н.Ф. Нефедов произвел раскопки Пустобаевского могильника, известного с начала 60-х годов XIX в. (Алабин, 1865; Спицын, 1881, с. 14). Здесь он выявил погребения позднего бронзового века с бронзовым прорезным копьём, кремневым и сланцевым инвентарем (Нефедов, 1899). Богатые и прекрасно изданные материалы из раскопок Ф.Д. Нефедова способствовали расширению представлений об эпохе бронзы и раннего железного века Волго-Камья и существенно обогатили имевшиеся к тому времени коллекции.

Продолжается деятельность и местных исследователей. Так, в 1892 г. профессор кафедры всеобщей истории Казанского университета И.Н. Смирнов по поручению Императорской Археологической комиссии произвел исследования у с. Каракулино на месте находки бронзовых орудий (Смирнов, 1895, с. 263). Он вскрыл здесь четыре погребения, которые связал

с древностями бронзового века типа Ананьинского и других выявленных к тому времени могильников Прикамья (Смирнов, 1895, с. 267). В 1894 г. И.Н. Смирнов на основании данных о «чудских» ямах обследовал окрестности д. Калмаши и с. Мазунино Сарапульского уезда и приобрел у местного населения костяную острогу и медный кельт (Голдина, Черных, 2011, с. 11).

Серьезным вкладом в изучение бронзового века были раскопки Маклашеевского I и II могильников, проведенные П.А. Пономаревым в 1882, 1897 гг. и А.Ф. Лихачевым в 1886 г. (Худяков, 1920а, с. 117–118; 1923, с. 83–84; Chudjakov, 1926a, S. 14–26; Халиков, 1980, № 470). Результаты этих исследований были озвучены на заседании Общества истории, археологии и этнографии, но так и не были опубликованы (Протоколы, 1899, с. 8–9). Впервые эти материалы ввел в научный оборот М.Г. Худяков, который на основании краткого рукописного отчета П.А. Пономарева, хранившегося в Центральном музее ТАССР, подготовил публикацию этих памятников (Chudjakov, 1926a, S. 14–26; Худяков, 1930, с. 11–14). Несмотря на утрату полевой документации, раскопки могильника Маклашеевка II представляют собой профессиональное исследование, которое фиксировало не только погребальный инвентарь, но и элементы погребального обряда финала бронзового века.

В 1893 г. преподаватель естественной истории из г. Казани Н.А. Износков, брат председателя ОАИЭ, выявил Васильевскую стоянку бронзового века (Износков, 1895, с. 227).

В 1896–1897 гг. при раскопках Гляденовского костыща Н.Н. Новокре-

щенных и С.П. Сергеевым среди изделий конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. выявили серию предметов, позднее отнесенных к ананьинскому времени (Новокрещенных, 1914, табл. III, 6; VI, 2; IX, 8; X, 5; XI, 2, 43, 71, 72; XII, 2, 3, 8, 9; XIII, 19). Первым обратил внимание на наличие предметов ананьинской эпохи в Гляденовском костыще А.А. Спицын в 1901 г. (Спицын, 1901а, с. 228–269).

В 1897 г. на основании собственных впечатлений от посещения Ананьинского могильника, изучения музейных коллекций и приобретенных у местных крестьян предметов обзор материальной культуры Ананьинского могильника сделал президент Французского национального общества древностей барон Дж. де Бай (Baye, 1897).

В 1898 г. А.А. Спицын провел археологическое обследование памятников Нижнего и Среднего Прикамья. В их числе – Маклашеевское II (Городок), Зуевские городища, два городища Алтен-Тау, а также покупка предметов из могильника Релка (Спицын, 1916, с. 77, 88, 93). В том же году был раскопан Зуевский могильник (вскрыто 218 погребений), впрочем, так и не опубликованный при жизни исследователя (Худяков, 1933а).

В 1901 г. вышла обширная статья А.А. Штукенберга «Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы России», в которой были опубликованы многочисленные находки бронзового и раннего железного веков Волго-Камья. Кроме уже известных памятников и местонахождений, в ней были учтены и ранее не известные, такие, как Пустоморквашинский могильник, находки кельтов, наконечников копий и тесел у сс. Ата-

Рис. 20. Иллюстрация из книги Н.И. Булычева (1902), табл. IV.

Рис. 21. Иллюстрация из книги Н.И. Булычева (1902), табл. VI.

баево, Коротни (Ахмылово), Криуши, Мордово (Новомордово), Омары, Ташкирмень, Тетюши, Чирки и др. (Штукенберг, 1901). Впоследствии, в середине XX в., у этих населенных пунктов были найдены памятники позднебронзового и раннего железного веков.

По оценке М.Г. Худякова, начало XX в. стало временем упадка в археологии Волго-Камья (Худяков, 1923, с. 75). На общем фоне выделяется монография Н.И. Булычева «Древности из Восточной России» (1902; 1904), в которой автор дал развернутую публикацию археологических находок из

фондов Уфимского губернского музея и частных коллекций Приуралья. Подготовка материала в книгах производится в виде подробного описания обстоятельств и места находки с указанием его на географической карте региона, а также фотографических таблиц самих предметов (рис. 20; 21). В этой работе впервые появилась информация о находках финала бронзового и раннего железного веков, таких как могильник у с. Красный Яр на р. Белой с наконечниками копий маклашевского типа (Булычев, 1902, с. 7, табл. I, 2); описаны вещи из погребений в окрестностях г. Бирска (бронзовая булава кобанского типа, бронзовые бляхи и наконечник копья) (Булычев, 1902, с. 13, табл. IV, 8–12); опубликованы Дербедневский клад (Булычев, 1902, с. 15, табл. VI, 1–6; Кузьминых, 1981, с. 41–70) и находки на р. Ай и Куганак ананьинских наконечников копий (Булычев, 1904, с. 6, 7, рис. 1, табл. I, 4; Кузьминых, Трейстер, 2011, с. 166–169); введена в научный оборот каменная булава, найденная на р. Дема у д. Удрякбашево (Булычев, 1904, с. 12, табл. II, 2), а также бронзовые персидские фиалы, выявленные на р. Юрюзань и Куганак (Булычев, 1902, с. 33, табл. XIII, 1; 1904, с. 6, табл. I, 3; Кузьминых, Трейстер, 2011, с. 168). Таким образом, по качеству описания и системе подачи материала эта работа является предтечей сводов археологических источников или археологических карт.

В первое десятилетие XX в. продолжались исследования П.И. Кротова на р. Свияге (Малококузинская I стоянка) и Волге (Кокшайское поселение) (Кротов, 1905, с. 259–262). В 1909 г. на Свияге работал Г. Ахмаров, учитель и первый татарский археолог,

открывший в урочище «Мухша зияраты» Татарско-Азелевскую стоянку с керамикой атабаевского типа (Ахмаров, 1910, с. 406–407).

С ослаблением интереса российских ученых к древностям Волго-Камья усиливается интерес к ним со стороны финских археологов. Впервые внимание финских археологов к региону было привлечено еще в XIX в. Наибольший вклад в изучение Волго-Камья во второй половине столетия внес И.Р. Аспелин (рис. 22) (Aspelin, 18776). В 1872 г. проездом в Пермь и обратно он дважды посетил Ананьинский могильник и произвел там небольшие раскопки, которые дали весьма скромные результаты. Значительно успешнее была закупка у крестьян – более 600 предметов (Salminen, 2003, S. 54). В третий раз Аспелин посетил Ананьинский могильник в 1877 г., будучи участником IV Археологического съезда в Казани (Карпелан, Уйно, 2009, с. 16). Все эти предметы положили начало формирующейся коллекции Ананьинского могильника в Национальном музее Финляндии.

В 1908 г. А.М. Тальгрэн (рис. 23), ученик И.Р. Аспелина, для сбора материалов для диссертации о бронзовом веке лесной полосы Восточной Европы совершил первую ознакомительную поездку в Россию и познакомился с собраниями древностей бронзового и раннего железного веков, в том числе и волго-камскими, в Санкт-Петербурге, Москве и Казани. В 1909 г. А.М. Тальгрэн вновь посетил Россию, в д. Ананьино он произвел сборы подъемного материала и купил у местных крестьян коллекцию предметов (137 экз.), найденных на могильнике. Тогда же он посетил

Рис. 22. И.Р. Аспелин.
Фотография.

Рис. 23. А.М. Тальгрэн.
Фотография.

Рис. 25. В.А. Городцов.
Фотография.

городище Сорочьи Горы и Маклашевский могильники и провел здесь небольшие раскопки (Tallgren, 1909, p. 148–150; 1910; 1919, s. 62–65; 1927, s. 98–99). В 1915 г. А.М. Тальгрэн совершил длительную поездку в Россию с целью изучения археологических собраний в музеях Европейской и Азиатской частей империи и раскопок в Минусинской котловине. Первые он тогда побывал в недавно созданном Сарапульском музее. Итогом стала публикация, в которую вошли и предметы раннего железного века (рис. 24) (Тальгрэн, 1917, с. 20–24).

В 1910 г. к археологии бронзового и раннего железного веков Волго-Камья обратился В.А. Городцов (рис. 25). Во время работ на средневековых памятниках Нижегородского Поволжья он получил сообщения о находках на Волосовской дюне, где были выявлены погребения энеолита (позднее отнесенные к поздняяковской культуре позднего бронзового века) (Старший Волосовский могильник) и раннего железного века (Младший Волосовский могильник). В последнем он вскрыл 10 погребений, содержащих кельты меларского типа, бронзовые

украшения и железный нож (Городцов, 1914). По результатам раскопок исследователь отметил, что наиболее близкой к данному некрополю является культура Ананьинского могильника (Городцов, 1914, с. 50).

В 1909, 1910, 1912 гг. исследования Уфимского городища проводит ученица В.А. Городцова В.В. Гольмстен (рис. 26). Эти работы признаны первыми профессиональными археологическими раскопками в Башкирии. В 1909 г. В.В. Гольмстен осуществила рекогносцировочные раскопки на городище, в 1910 г. пятью траншеями исследовала его площадку. В 1912 г. был разрезан вал городища и продолжены работы на площадке. Публикация исследований «Чортова» городища не была осуществлена автором, лишь значительно позже часть материалов раскопок была введена в научный оборот А.В. Збруевой по коллекциям и полевым дневникам В.В. Гольмстен (Збруева, 1952, с. 303–307; Кузьминых и др., 2007, с. 10–12).

В 1911 г. В.В. Гольмстен получила информацию о разрушенных во время дачного строительства близ «Чортова» городища погребениях и, чтобы предотвратить дальнейшее разруше-

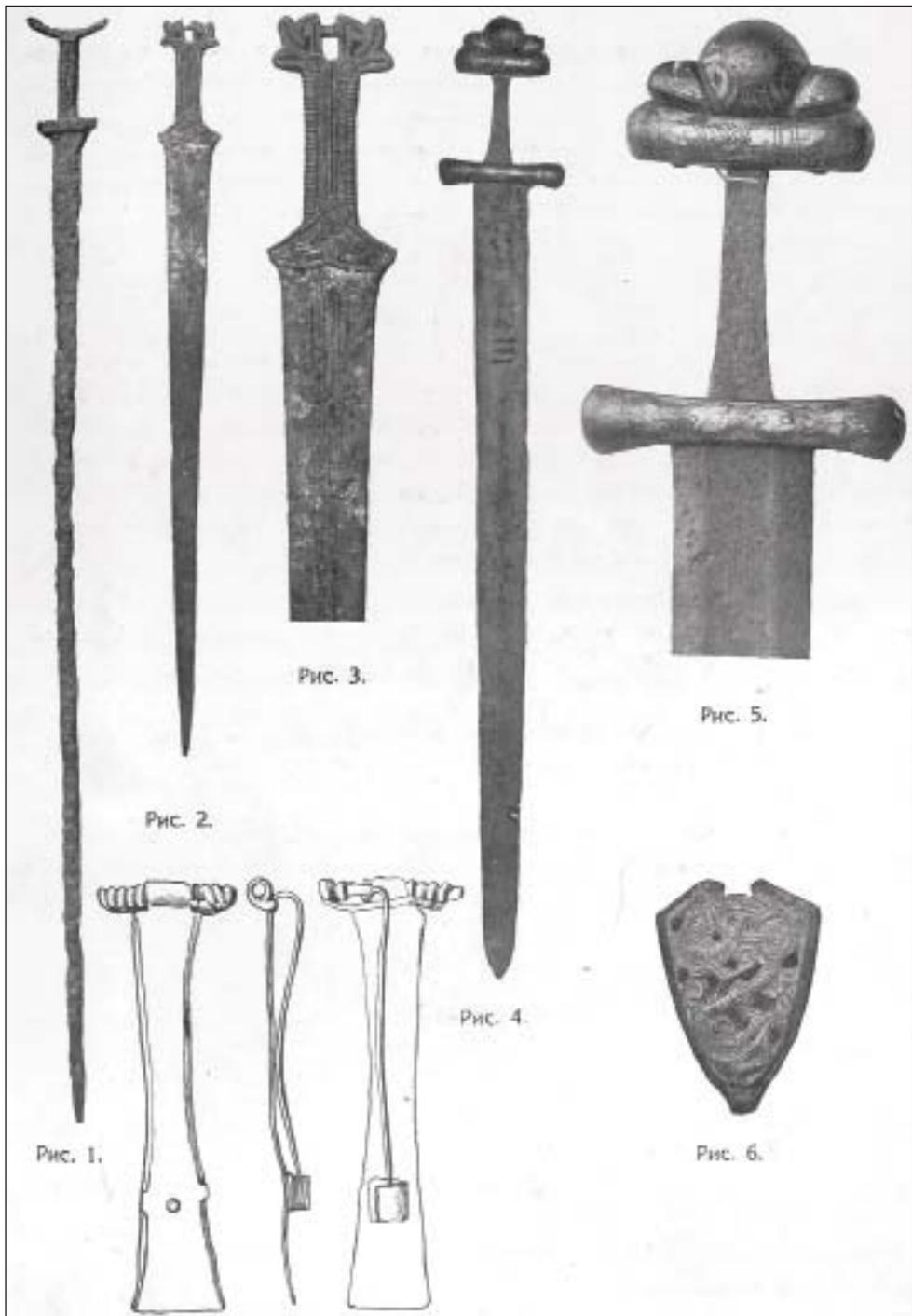

Рис. 24. Иллюстрация из статьи А.М. Тальгрена (1917), рис. 7, на позициях 1, 2, 3 представлены мечи раннего железного века.

Рис. 26. В.В. Гольмстен.
Фотография.

ние памятника, предприняла раскопки могильника, названного Уфимским. В 1911 г. В.В. Гольмстен выявила 14 погребений, которые были опубликованы на высоком методическом уровне с фотографическими таблицами вещей (Гольмстен, 1912; 1914). Полевые дневники раскопок 1912 г., когда были исследованы еще 14 погребений (Гарустович, Минеева, 2003, с. 8), не были опубликованы при жизни автора, они были введены в научный оборот лишь недавно (Овсянников, Яминов, 2003, с. 33–36). Сама исследовательница относила Уфимский некрополь к древностям типа Ананьинского и Зуевского могильников.

ского времени: керамику со сложношнуровым и ямочным орнаментом, глиняные женские фигурки и скульптурку лошади, пряслица, многочисленные костяные изделия, тигли и т.д. (Беркутов, 1914, табл. I–III). Благодаря исследованиям Л.А. Беркутова, была получена достаточно полная информация о материальной культуре носителей керамики со сложношнуровой орнаментацией, которая в дальнейшем легла в основу классической концепции А.В. Збруевой.

Дальнейшие полевые исследования памятников эпохи позднего бронзового и раннего железного веков приходятся уже на следующий этап изучения, который связан с советским периодом истории России.

Несмотря на неполную публикацию, материалы этих раскопок сыграли большую роль в археологии Волго-Камья. Полевые дневники и коллекции памятников, сосредоточенные в Государственном историческом и Уфимском губернском музеях (Кузьминых и др., 2007, с. 12), способствовали в дальнейшем по-

явлению концепции кара-абызской культуры и памятников переходного времени от ананьинской к пьяноборской культуре.

Завершают работы первого периода развития археологии Волго-Камья исследования Л.А. Беркутова на территории Сарапульского уезда Вятской губернии. Он произвел разведочное обследование городищ в Нижнем Прикамье, в том числе Каменный Лог, Машкаринское I, на современном уровне составил подробные топографические планы (Беркутов, 1914, с. 48, 49, 70–84). На ряде городищ (Усть-Нечкинское, Юшковское) были проведены археологические раскопки, которые дали материалы ананьин-

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алабин П.В.* Ананьинский могильник (близ города Елабуги) // ВГВ. – 1859а. – № 27.
2. *Алабин П.В.* Ананьинский могильник (близ города Елабуги) // ВГВ. – 1859б. – № 28.
3. *Алабин П.В.* Ананьинский могильник (близ города Елабуги) // ВГВ. – 1859в. – № 29.
4. *Алабин П.В.* Ананьинский могильник (близ города Елабуги) // ВГВ. – 1859г. – № 30.
5. *Алабин П.В.* Ананьинский могильник // ВРГО. – 1860. – Ч. XXIX, № 6.
6. *Алабин П.В.* Относительно нескольких древностей Вятского края. – Вятка: В губернской типографии, 1865.
7. *Александров А.И.* О трудах и занятиях по археологии, истории и этнографии заслуженного ординарного профессора Императорского Казанского Университета Н.Ф. Высоцкого // Историко-археологический музей заслуженного ординарного профессора Императорского Казанского Университета Н.Ф. Высоцкого. – Казань, 1906.
8. *Анучин Д.Н.* Отдел доисторических древностей. Антропологическая выставка // ИОЛЕАЭ. – 1879–1880. – Т. III, ч. 2.
9. *Анучин Д.Н.* От редакции // Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. МАВГР. Вып. 1. – М., 1893.
10. *Ардашев М.* Этнографические сведения об удельных крестьянах подгородных деревень // ИОИПК. – 1917. – Вып. 1.
11. Археологическая карта Башкирии. – М.: Наука, 1976.
12. *Ахмаров Г.* Отчет о поездке с археологической целью летом 1909 г. в Свяжский и Тетюшский уезды Казанской губернии // ИОАИЭ. – 1910. – Т. XXVI, вып. 4.
13. *Беркутов Л.А.* Разведки и раскопки, произведенные по поручению Сарапульского земского музея в 1910, 1912, 1913 годах // Известия Сарапульского земского музея. – М., 1914. – Вып. 4.
14. *Булычев Н.И.* Древности из Восточной России. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1902. – Вып. I.
15. *Булычев Н.И.* Древности из Восточной России. – СПб.: Товарищество художественной печати, 1904. – Вып. II.
16. *Вараксина Л.И.* Костеносные городища Камско-Вятского края // ИОАИЭ. – 1929. – Т. XXXIV, вып. 3–4.
17. *Волегов В.А.* Остатки древностей в Пермской губернии // Пермские Губернские Ведомости. – 1861. – № 3.
18. *Высоцкий Н.Ф.* Каменный век в Казанской губернии // ИОАИЭ. – 1908. – Т. XXIII, вып. 6.
19. *Высоцкий Н.Ф.* Следы каменного века в Казанской губернии. Очерк по доисторической археологии и антропологии северо-восточной России // ИСВАЭИ. – 1920. – Т. I.
20. *Высоцкий Н.Ф.* Село Карташиха в археологическом отношении // Казанский губернский музей за 25 лет. Юбилейный сборник статей. – Казань, 1923.
21. *Гарустович Г.Н., Минеева И.М.* Из истории археологических исследований в Башкортостане: Вера Владимировна Гольмстен // Уфимский археологический вестник. Вып. 4. – Уфа, 2003.

22. *Голдина Р.Д., Черных Е.М.* Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики. – Ижевск, 2011.
23. *Гольмстен В.Н.* Раскопки могильника близ Чертова городища под г. Уфой летом 1911 г. // Вестник Оренбургского учебного округа. Вып. 2, отд. 3. – Уфа, 1912.
24. *Гольмстен В.Н.* Могильник близ Уфы // Отчет о состоянии Московского археологического института за 1912–1913 гг. Приложение. – М., 1914.
25. *Городцов В.А.* Археологические исследования в окрестностях г. Муром // Древности. – 1914. – Т. XXIV.
26. Древности губернии Вятской // ЖМВД. – 1844. – Ч. 5.
27. *Заусайлов В.И.* Древние каменные орудия, собранные в пределах Казанской губернии. – Казань: Типография окружного штаба, 1884.
28. *Збруева А.В.* Ананьинский могильник // СА. – 1937. – Т. II.
29. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. – 1952. – № 30.
30. *Игнатъев Р. Г.* Курганы и городища Оренбургского края // Тр. I АС. – М., 1871.
31. *Измайлова С.Ю.* Петр Алексеевич Пономарев: ученый и общественный деятель Казани конца XIX – начала XX в. (новые материалы к биографии) // ГОМРТ. Ежегодник-99. – Казань, 1999.
32. *Износков И.А.* О находках и стоянках каменного века в Казанском уезде (по поводу археологических находок 1893–1895 гг.) // ИОАИЭ. – 1895. – Т. XIII, вып.3.
33. *Карпелан К., Уйно П.* Очерк о коллекции вещей из Ананьинского могильника близ Елабуги в Национальном музее Финляндии // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) – Елабуга, 2009. (Археология Евразийских степей. Вып. 8).
34. *Катанов Н.Ф.* Несколько слов о Казанских коллекционерах // КМВ. – 1920. – № 7–8.
35. *Китова Л.Ю.* Сергей Александрович Теплоухов // РА. – 2010. – № 2.
36. *Кротов П.И.* О некоторых местонахождениях каменных орудий в Вятской и Казанской губерниях // ИОАИЭ. – 1879. – Т. I.
37. *Кротов П.И.* О новых поселениях каменного века в Казанской губернии // ИОАИЭ. – 1905. – Т. XXI, вып.3.
38. *Кузнецов С.К.* Предварительное сообщение о результатах раскопок над Ройским Истоком, на границе Уржумского и Малмыжского уездов Вятской губернии, произведенных летом 1881 // ИОАИЭ. – 1884. – т. III.
39. *Кузьминых С.В.* Металлообработка срубных племен Закамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. – Казань, 1981.
40. *Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А.* Вера Владимировна Гольмстен: Материалы к биографии. – Самара: ООО «Офорт», 2007.
41. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский могильник: основные вехи исследований, коллекции и характер памятника // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). – Елабуга, 2009а. (Археология Евразийских степей. Вып. 8).
42. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). – Елабуга, 2009б. (Археология евразийских степей. Вып. 8).
43. *Кузьминых С.В.* Материалы к биографии Василия Ивановича Заусайлова (по материалам писем М.Г. Худякова, А.В. и В.А. Геркен // Актуальные вопросы археоло-

гии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета. – Казань, 2012.

44. *Кузьминых С.В., Трейстер М.Ю.* Клад на р. Куганак. Случайная находка 1860-х гг. // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье. – М.: Таус, 2012. – Т. 2.

45. *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: Аст, 2003.

46. *Лерх П.И.* Об Ананьинском могильнике // ОАК за 1865 г. – СПб., 1866.

47. *Летопись общества* // Изв. ИРАО. – СПб., 1868. – Т. VI.

48. *Лихачев А.Ф.* О некоторых археологических находках в Казанской губернии // Тр. VII АС. – М., 1891. – Т. 2.

49. *Лихачев А.Ф.* Следы бронзового века в Казанской губернии // Тр. VII АС. – М., 1891а. – Т. 2.

50. *Малахов М.В.* К антропологии Вятского края // Изв. ИРГО. – СПб., 1882. – Т. XVIII, вып. 4.

51. *Марков В.Н.* Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья. – Казань, 1994.

52. *Мельников П.И.* Дорожные записки // Отечественные записки. – СПб., 1840. – Т. XII.

53. *Невоструев К.И.* Ананьинский могильник // Тр. I АС. – М., 1871а. – Т. II.

54. *Невоструев К.И.* Елабужские древности // Тр. МАО. – М., 1871б. – Т. 3, вып. 2.

55. *Невоструев К.И.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Тр. I АС. – М., 1871в. – Т. II.

56. *Нефедов Ф.Д.* Археологические исследования в Южном Приуралье и Прикамье в 1893–1894 гг. // МАВГР. – 1899. – Т. III.

57. *Новокрещенных Н.Н.* Гляденовское костыще // Тр. ПУАК. – 1914. – Вып. XI.

58. *Овсянников В.В., Яминов А.Ф.* Исследования могильника у Чёртова городища в Уфе (1911–1912 гг.) // Уфимский археологический вестник. – Уфа, 2003. – Вып. 4.

59. *Овчинникова Б.Б.* У истоков уральской археологии. Теплоуховы // Изв. Уральского университета. – Екатеринбург, 1998. – № 8.

60. *Первухин Н.Г.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // МАВГР. – М., 1896. – Вып. II.

61. *Поляков И.С.* Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию, исполненная по поручению Императорской Академии наук // Зап. Имп. Академии наук. – СПб., 1880. – Т. 37, кн. I.

62. *Пономарев П.А.* Предварительное сообщение о результатах раскопок в Лаишевском уезде близ с. Шуран и дер. Сорочьих Гор, произведенных летом 1881 г. // ИОАИЭ. – 1884. – Т. III.

63. *Пономарев П.А.* О результатах раскопок в Лаишевском уезде близ с. Шуран и дер. Сорочьих Гор // ИОАИЭ. – 1884а. – Т. IV.

64. *Пономарев П.А.* Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжского края. I. Ананьинский могильник (археологический этюд) // ИОАИЭ. – 1892. – Т. X, вып. 4.

65. *Пономарев П.А.* По следам первобытных звероловов Камско-Вятского края: (Результаты летних экскурсий 1912 г.) // Приложение к ПЗОЕКУ. – 1912–1913 (1914). Год 44. – № 290.

66. Протоколы заседаний совета и общих собраний членов ОАИЭ при Императорском Казанском университете // ИОАИЭ. – 1885. – Т. IV.
67. Протоколы заседаний совета и общих собраний членов ОАИЭ при Императорском Казанском университете // ИОАИЭ. – 1899. – Т. XVI.
68. Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1770.
69. Рычков П.И. Топография оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1762. – Ч. 2.
70. Савельев Н. Заметка о насыпи на левом берегу реки Вятки, неподалеку от впадения ее в Каму // Тр. IV АС. – Казань, 1884. – Т. I.
71. Смирнов И.Н. Каракулинский могильник // ИОАИЭ. – Казань, 1895. – Т. XII, вып. 4.
72. Спицын А.А. Каталог древностей Вятского края. – Вятка: Изд. Губ. Стат. Комитета, 1881.
73. Спицын А.А. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края // Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края. Древнейшая судьба Вятской области. – Вятка: Изд. Губернского Статистического комитета, 1889.
74. Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. – М., 1893. – Вып. 1.
75. Спицын А.А. Гляденовское костыще // ЗРАО. – 1901. – XII, вып. I–II.
76. Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. – СПб., 1902. – № 26.
77. Спицын А.А. Заметки из поездки 1898 года // Изв. ИАК. – 1916. – Вып. 60.
78. Тальгрэн А.М. Два железных меча в Сарапульском музее // Изв. Общества изучения Прикамского края. – Сарапул, 1917. – Вып. 1.
79. Толмачев Н.А. Об остатках древности в пределах Казанской губернии // Тр. IV АС. – Казань, 1896. – Т. I.
80. Уваров А.С. Археология России: каменный период. – М., 1881. – Т. II.
81. Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. Вып. В 1–24. – М.: Наука, 1980.
82. Худяков М.Г. Петр Алексеевич Пономарев (1847–1919 гг.) // ИОАИЭ. – 1920. – Т. XXX, вып. 3.
83. Худяков М.Г. К посещению Казани В.А. Городцовым // КМВ. – 1920а. – № 7–8.
84. Худяков М.Г. А.Ф. Лихачев как археолог // Казанский губернский музей за 25 лет. – Казань, 1922.
85. Худяков М.Г. Ананьинская культура // КМВ. – 1923. – № 2.
86. Худяков М.Г. Могильник Маклашеевка II // Материалы Центрального музея Татарской АССР. – Казань, 1930.
87. Худяков М.Г. Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. // Материалы ГАИМК. – Л., 1933а. – Вып. 2.
88. Худяков М.Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов // Библиотека ГАИМК. – Л., 1933б. – № 13.
89. Черных Е.М. Изучение ананьинских памятников в Удмуртском Прикамье и современное ананьеведение // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2010. – Вып. 3.

90. Шестаков П.Д. Несколько слов о могильнике находящемся близ д. Ананьиной в 4 верстах от Елабуги // ИОАИЭ. – 1879. – Т. II.
91. Шмидт А.В. Археологическое изучение древностей севера СССР // Финно-угорский сборник / Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. – Л., 1928. – Вып. 15.
92. Штукенберг А.А., Высоцкий Н.Ф. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии // Тр. ОЕКУ. – 1885. – Т. XIV, вып. 5.
93. Штукенберг А.А. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы России // ИОАИЭ. – 1901. – Т. XVII, вып. 4.
94. Штукенберг А.А. Заметка профессора А.А. Штукенберга // ИОАИЭ. – 1903. – Т. XIX, вып. 1.
95. Äyräpää A. Über die Streitaxtkulturen in Russland // ESA. T. VIII. – Helsinki, 1933.
96. Aspelin J.R. Ages de la Pierre et du Bronze // Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloita – Antiquités du Nord Finno-ougrien. – Helsinki, 1877a. – Vol. I.
97. Aspelin J.R. Ananinon kalmisto/Nécropole d’Ananino // Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloilta. II. Rauta-aik. Antiquités du Nord finno-ougrien. – Helsinki-Helsingfors. 1877b. – Vol. II.
98. Baye le baron J. de. La nécropole d’Ananino (Gouvernement de Viatka, Russie) // Mémoires de la Société National des Antiquaires de France. – Paris: Librairie nilsson, 1897. – Vol. LVI (1895).
99. Chudjakov M. Die Ausgrabungen von P.A. Ponomarev in Maklaseevka im Jahre 1882 // FUF. – 1926a. – Bd. XVIII.
100. Chudjakov M. Die Keramik des begräbnisplatzes im dorf Poljanki // FUF. – 1926b. – Bd. XVIII.
101. Salminen T. Suomen tieteelliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935 (Summary: Lands of Conquest. Russia and Siberia in Finnish archaeology 1870–1935) // SMYA. – Helsinki. 2003. – Т. 110.
102. Tallgren A.M. Harakkavuorten kylässä. Päiväkirjastani Itä-Venäjältä. // Kyläkirjaston Kuvalehti. – 1909. – B.II.
103. Tallgren A.M. Sorotsji Gorin muinaislinna // Suomen Museo. – 1910. – №17.
104. Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland // SMYA. – 1911. – Т. XXV.
105. Tallgren A.M. Collection Zaoussailov an Musee historique de Finlande a-Helsingfors. – Helsinki, 1916. – Vol.I.
106. Tallgren A.M. Collection Zaoussailov au Musée National de Finlande a Helsingfors. Monographie de la section de l’âge du fer et l’époque dite de Bolgary. Helsinki, 1918. – Vol. II.
107. Tallgren A.M. L’époque dite d’Ananino dans la Russie orientale // SMYA. – 1919. – Т. 31:1.
108. Tallgren A.M. Ausgrabungen in Maklašeevka // Eurasia Septentrionalis Antiqua. – 1927. – Bd. I.
109. Tolmatschew N.A. Über die Urgrabhugel beim Dorfe Ananino // Separat-Abdruck eins gemeinsamen Versammlung der Deutschen und Wiener antropologischen Gesellschaften 1889 in Wien gehaltenen Vortages. – Wien, 1890.

Информация об авторе:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

INITIAL PERIOD OF INVESTIGATION THE LATE BRONZE AND EARLY IRON AGES IN VOLGA-KAMA AREA. FIELD STUDIES

A.A. Chizhevsky

The history of the study of the Late Bronze Age and the Early Iron Age in the Volga-Kama region can be divided into four periods, characterized by research trends, specific methods, and forms. Their chronological framework is associated with milestone works of key importance by researchers who would discard the previous frame and give rise to new paradigms. The initial period of the studies of the Late Bronze Age and the Early Iron Age in the Volga-Kama area (the late 18th century to the early 1920s) is discussed in the article. It started with first site discoveries and accumulation of materials, and completed with archaeological cultures identified and prehistoric archeology periodization formed. It was a period of activity of the Imperial Archaeological Society, which included studies in the Volga region. The tradition of holding Archaeological Congresses in Kazan was established. In the late 19th – early 20th centuries, the ancientries of the Volga-Kama region attracted the attention of Finnish archaeologists. The results of the initial period were summarized in the monographs by A. M. Tallgren that also formulated new challenges to researchers.

Key words: archaeology, the Volga-Kama river region, the Late Bronze Age, the Early Iron Age, research history, the Ananyino culture.

REFERENCES

1. Alabin, P. V. 1859. In *Viatskie gubernskie vedomosti (Vyatka Provincial Bulletin)*. Unofficial part. 4 July (27), 180-181 (in Russian).
2. Alabin, P. V. 1859. In *Viatskie gubernskie vedomosti (Vyatka Provincial Bulletin)*. Unofficial part. 11 July (28), 183-189 (in Russian).
3. Alabin, P. V. 1859. In *Viatskie gubernskie vedomosti (Vyatka Provincial Bulletin)*. Unofficial part. 18 July (29), 193-198 (in Russian).
4. Alabin, P. V. 1859. In *Viatskie gubernskie vedomosti (Vyatka Provincial Bulletin)*. Unofficial part. 25 July (30), 201-208 (in Russian).
5. Alabin, P. V. 1860. In *Vestnik Russkogo Geograficheskogo Obshchestva (Bulletin of the Russian Geographical Society)*. Part XXIX (6), section 2, 87-120 (in Russian).
6. Alabin, P. V. 1865. *Otnositel'no neskol'kikh drevnostei Viatskogo kraia (On Some Antiquities in the Vyatka Province)*. Vyatka: Provincial Typography (in Russian).
7. Aleksandrov, A. I. 1906. *Istoriko-arkheologicheskii muzei zaslužennogo ordinarnogo professora Imperatorskogo Kazanskogo universiteta N. F. Vysotskogo (Historical and Archaeological Museum of Merited Ordinary Professor of Kazan Imperial University N.F. Vysotskiy)*. Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).
8. Anuchin, D. N. 1880. In *Izvestiia Obshchestva liubiteli estestvoznaniia, antropologii i etnografii 1879 (Proceedings of the Emperor's Society of Amateurs of Natural Science, Anthropology, and Ethnography for 1879)* III (2) (in Russian).
9. Anuchin, D. N. 1893. Ot redaktsii (Editorial). In Spitsyn, A. A. *Priural'skii kraj. Arkheologicheskie razyskaniia o drevneishikh obitateliakh Viatskoi gubernii (The Cis-Urals Region. Archaeological Investigation of the Ancient Inhabitants of the Vyatka Province)*. Series: Materials on the Archaeology of Eastern Provinces of Russia 1. Moscow (in Russian).

10. Ardashev M. 1917. In *Izvestiia obshchestva izucheniia Prikamskogo kraia (Reports of the Society for the Study of the Kama River Region)* 1 (in Russian).
11. Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arkheologicheskaiia karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkiria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Akhmarov G. 1910. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)*. T. XXVI, vyp. 4 (in Russian).
13. Berkutov, L. A. 1914. In *Izvestiia Sarapul'skogo zemskogo muzeia (Bulletin of Sarapul Zemstvo (County Council) Museum)* 4. Moscow (in Russian).
14. Bulychev, N. I. 1902. *Drevnosti iz Vostochnoi Rossii (Antiquities from Eastern Russia)* I. Moscow: "Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova" Publ. (in Russian).
15. Bulychev, N. I. 1904. *Drevnosti iz Vostochnoi Rossii (Antiquities from Eastern Russia)* II. Saint Petersburg: "Tovarishchestvo khudozhestvennoi pečhati" Publ. (in Russian).
16. Varaksina, L. I. 1929. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXXIV (3-4), 83-112 (in Russian).
17. Volegov, V. A. 1861. In *Permskie Gubernskie Vedomosti (Perm Provincial Bulletin)* 3 (in Russian).
18. Vysotskii, N. F. 1908. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXIII (6) (in Russian).
19. Vysotskii, N. F. 1920. In *Izvestiia Severo-Vostochnogo arkheologicheskogo i etnograficheskogo instituta v gor. Kazani (News of the North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute in Kazan City)* I, 25-36 (in Russian).
20. Vysotskii, N. F. 1923. In *Kazanskii Gubernskii Muzei za 25 let (25 Years of Kazan Provincial Museum)*. Kazan, 32-37 (in Russian).
21. Garustovich, G. N., Mineeva, I. M. 2003. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 4. Ufa, 6-15 (in Russian).
22. Goldina, R. D., Chernykh, E. M. 2011. *Arkheologicheskaiia karta Karakulinskogo raiona Udmurtskoi Respubliki (Archaeological Map of the Karakulino District, Udmurt Republic)*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 18. Izhevsk (in Russian).
23. Gol'msten, V. N. 1912. In *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga (Bulletin of the Orenburg School District)*. Issue 2, section 3. Ufa, 9-36 (in Russian).
24. Gol'msten, V. N. 1914. In *Otchet o sostoianii Moskovskogo arkheologicheskogo instituta za 1912-1913 gg. (Report on the Situation in the Moscow Archaeological Institute for 1912-1913)*. Appendix. Moscow, 1-24 (in Russian).
25. Gorodtsov, V. A. 1914. *Arkheologicheskie issledovaniia v okrestnostiakh g. Muroma (Archaeological Investigations in the Suburbs of the Murom Town)*. Series: *Drevnosti (Antiquities)* XXIV (in Russian).
26. *Drevnosti gubernii Viatskoi (Antiquities of the Vyatka Province)*. 1844. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del (Journal of the Ministry of Internal Affairs)* 5 (in Russian).
27. Zausailov, V. I. 1884. *Drevnie kamennye orudiia, sobrannye v predelakh Kazanskoi gubernii (Ancient Stone Tools Collected on the Territory of the Kazan Province)*. Kazan: Typography of the Regional Staff (in Russian).
28. Zbrueva, A. V. 1937. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* II, 91-112 (in Russian).

29. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskiu epokhu (History of the Population of the Kama Basin in the Ananyino Time)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 30 = *Materialy i issledovaniia po arkhologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area)* V (in Russian).
30. Ignat'ev, R. G. 1871. In *Trudy I arkhelogicheskogo s"ezda (Proceedings of the 1st Archaeological Congress)*. Moscow, 153-158 (in Russian).
31. Izmailova, S. Yu. 1999. In *Gosudarstvennyi ob"edinennyi muzei Respubliki Tatarstan. Ezhegodnik-99 (Yearbook of the State United Museum of the Republic of Tatarstan for 1999)*. Kazan (in Russian).
32. Iznoskov, I. A. 1895. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XIII (3), 225-228 (in Russian).
33. Karpelan, K., Uino, P. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevskii, A. A. (eds.). *U istokov arkhologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: *Archaeology of the Eurasian Steppes* 8. Yelabuga: Yelabuga State Museum-Reserve; "Andersen" Publ., 13-23 (in Russian).
34. Katanov, N. F. 1920. In *Kazanskii muzeinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* 7-8, 36-37 (in Russian).
35. Kitova, L. Yu. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 166-173 (in Russian).
36. Krotov, P. I. 1879. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* I, 89-95 (in Russian).
37. Krotov, P. I. 1905. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXI (3), 259-262 (in Russian).
38. Kuznetsov, S. K. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* III (in Russian).
39. Kuz'minykh, S. V. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Language, Literature and History Institute, 41-70 (in Russian).
40. Kuz'minykh, S. V., Safonov, I. E., Stashenkov, D. A. 2007. *Vera Vladimirovna Gol'msten. Materialy k biografii (Vera Vladimirovna Golmsten. Materials to the Biography)*. Samara: "Ofort" Publ. (in Russian).
41. Kuz'minykh, S. V., Chizhevskii, A. A. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevskii, A. A. (eds.). *U istokov arkhologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: *Archaeology of the Eurasian Steppes* 8. Yelabuga: Yelabuga State Museum-Reserve; "Andersen" Publ., 6-12 (in Russian).
42. Kuz'minykh, S. V., Chizhevskii, A. A. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevskii, A. A. (eds.). *U istokov arkhologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: *Archaeology of the Eurasian Steppes* 8. Yelabuga: Yelabuga State Museum-Reserve; "Andersen" Publ., 29-55 (in Russian).

43. Kuz'minykh, S. V. 2012. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ia. K 65-letiiu studencheskogo arkheologicheskogo kruzha Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students' Archaeological Group in the Kazan University)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; "Yaz" Publ., 180-185 (in Russian).
44. Kuz'minykh, S. V., Treister, M. Yu. 2012. In Treister M. Yu., Yablonsky, L. T. (eds.). *Vlianiia akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priural'e (V—III vv. do n. e.) (Influences of Achaemenid Culture in the Southern Ural Region (5th—3rd Centuries BC))* 2. Moscow: "Taus" Publ., 166-169 (in Russian).
45. Kuhn, T. S. 2003. *Struktura nauchnykh revoliutsii (The Structure of Scientific Revolutions)*. Moscow: "Ast" Publ. (in Russian).
46. Lerch, P. I. 1866. In *Otchety Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1865 g. (Reports of the Imperial Archaeological Commission ashch 1866)*. Saint Petersburg (in Russian).
47. Letopis' obshchestva. 1868. In *Izvestiia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Bulletin of the Imperial Russian Archaeological Society)* VI. Saint Petersburg (in Russian).
48. Likhachev, A. F. 1891. In *Trudy VII arkheologicheskogo s"ezda v Iaroslavle v 1887 g. (Proceedings of the 7th Archaeological Congress in Yaroslavl)* 2. Moscow, 109-124 (in Russian).
49. Likhachev, A. F. 1891. In *Trudy VII arkheologicheskogo s"ezda v Iaroslavle v 1887 g. (Proceedings of the 7th Archaeological Congress in Yaroslavl)* 2. Moscow, 125-168 (in Russian).
50. Malakhov, M. V. 1882. In *Izvestiia Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (Reports of the Imperial Russian Geographic Society)* XVIII (4). Saint Petersburg, 199-228 (in Russian).
51. Markov, V. N. 1994. In *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Early Historical Sites of the Volga-Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Academy of Sciences of Tatarstan, 48-88 (in Russian).
52. Mel'nikov, P. I. 1840. In *Otechestvennye zapiski (Annals of the Fatherland)* XII. Saint Petersburg (in Russian).
53. Nevostruev, K. I. 1871. In *Trudy I arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 1st Archaeological Congress)* II. Moscow, 595-632 (in Russian).
54. Nevostruev, K. I. 1871. In *Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Papers of the Moscow Archaeological Society)* 3 (2). Moscow (in Russian).
55. Nevostruev, K. I. 1871. *O gorodishchakh drevnego Volzhsko-bolgarskogo i Kazanskogo tsarstva v nyneshnikh guberniiakh Kazanskoi, Simbirskoi, Samarskoi i Viatskoi (About the Fortified Sites of the Volga-Bulgarian and Kazan Kingdoms in the Present-Day Kazan, Simbirsk, Samara and Vyatka Provinces)*. Series: *Trudy I arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 1st Archaeological Congress)* II. Moscow: Synodal Typography (in Russian).
56. Nefedov, F. D. 1899. Series: *Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii (Materials on the Archaeology of Eastern Governorates of Russia)* III. Moscow: Imperial Moscow Archaeological Society (in Russian).
57. Novokreshchennykh, N. N. 1914. In *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Perm Scientific Archival Commission)* XI, 19-97 (in Russian).
58. Ovsiannikov, V. V., Iaminov, A. F. 2003. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 4. Ufa, 16-57 (in Russian).
59. Ovchinnikova, B. B. 1998. In *Izvestiia Ural'skogo universiteta (Bulletin of the Ural State University)* (8). Yekaterinburg, 19-27 (in Russian).
60. Pervukhin, N. G. 1896. In *Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii (Materials on the Archaeology of Eastern Governorates of Russia)* II. Moscow, 13-173 (in Russian).

61. Poliakov, I. S. 1880. In *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk (Bulletin of the Imperial Academy of Sciences)* 37 (I). Saint Petersburg, 1-81 (in Russian).
62. Ponomarev, P. A. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* III, 323-325 (in Russian).
63. Ponomarev, P. A. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* IV (in Russian).
64. Ponomarev, P. A. 1892. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* X (4), 405-438 (in Russian).
65. Ponomarev, P. A. 1912–1913 (1914). In *Prilozhenie k Protokolam zasedanii Obshchestva estestvoispytatelei pri Kazanskom universitete (Appendix to Proceedings of the Sessions of the Society of Naturalists Affiliated to the Kazan University)*. 44 Year, 290, 1-12 (in Russian).
66. Protokoly zasedanii soвета i obshchikh sobranii chlenov Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete (Proceedings of Sessions of the Council and General Meetings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to Kazan Imperial University). 1885. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* IV (in Russian).
67. Protokoly zasedanii soвета i obshchikh sobranii chlenov Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete (Proceedings of Sessions of the Council and General Meetings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to Kazan Imperial University). 1899. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XVI (in Russian).
68. Rychkov, N. P. 1770. *Zhurnal ili dnevnye zapiski puteshestviia kapitana Rychkova po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva v 1769 i 1770 godu (The Diary, or Daily Travel Notes of Captain Rychkov's Journey to Various Provinces of the Russian State in 1769 and 1770)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
69. Rychkov, P. I. 1762. *Topografiia orenburgskaia, to est' obstoiatel'noe opisanie Orenburgskoi gubernii (Orenburg Topography, i.e. Detailed Description of the Orenburg Province)* 2. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
70. Savel'ev, N. 1884. In *Trudy IV arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 4th Archaeological Congress)* I. Kazan, 118-120 (in Russian).
71. Smirnov, I. N. 1895. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XII (4). Kazan, 263-272 (in Russian).
72. Spitsyn, A. A. 1881. *Katalog drevnostei Viatskogo kraia (Catalogue of Antiquities of the Vyatka Region)*. Vyatka: Provincial Statistic Committee (in Russian).
73. Spitsyn, A. A. 1889. *Veshchestvennye pamiatniki drevneishikh obitatelei Viatskogo kraia. Drevneishaia sud'ba Viatskoi oblasti (Material Relics of the Earliest Residents of the Vyatka Land: the Earliest Fate of the Vyatka Region)*. Vyatka: Provincial Statistic Committee (in Russian).
74. Spitsyn, A. A. 1893. In Anuchin, D. A. (ed.). *Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii (Materials on the Archaeology of Eastern Provinces of Russia)* 1. Moscow: Typography of E. Lissner & Yu. Roman, 85-92 (in Russian).

75. Spitsyn, A. A. 1901. *Gliadenovskoe kostishche (Glyadenovskoe Kostishche (concentration of bones))*. Series: Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society) XII (1-2). Saint Petersburg: Typography of I. N. Skorokhodov (in Russian).

76. Spitsyn, A. A. 1902. *Drevnosti Kamskoi Chudi po kolleksii Teploukhovykh. Atlas risunkov s predisloviem A. A. Spitsyna (Kama Chud' Antiquities in Teploukhovs' Collection. An Album of Drawings with a Foreword by A.A. Spitsyn)*. Series: Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 26. Saint Petersburg: Typography of V. Bezobrazov and Co. (in Russian).

77. Spitsyn, A. A. 1916. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 60, 73-93 (in Russian).

78. Tal'gren, A. M. 1917. In *Izvestiia obshchestva izuchenii Prikamskogo kraia (Reports of the Society for the Study of the Kama River Region)* 1. Perm, 20-24 (in Russian).

79. Tolmachev, N. A. 1896. In *Trudy IV arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 4th Archaeological Congress)*. Vol. I. Kazan (in Russian).

80. Uvarov, A. S. 1881. *Arkheologiia Rossii. Kamennyi period (Archaeology of Russia: Stone Age)* II. Moscow: Synodal Typography (in Russian).

81. Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) VI–24. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

82. Khudiakov, M. G. 1920. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* KhKhKh (3), 245-260 (in Russian).

83. Khudiakov, M. G. 1920. In *Kazanskii muzeinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* (7–8), 117-118 (in Russian).

84. Khudiakov, M. G. 1922. In *Kazanskii Gubernskii Muzei za 25 let (25 Years of Kazan Provincial Museum)*. Kazan, 3-34 (in Russian).

85. Khudiakov, M. G. 1923. In *Kazanskii muzeinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* (2), 72-126 (in Russian).

86. Khudiakov, M. G. 1930. In *Materialy Tsentral'nogo muzeia Tatarskoi ASSR (Materials from the Central Museum of the Tatar Autonomous Republic)* (2). Kazan, 11-14 (in Russian).

87. Khudiakov, M. G. 1933. *Drevnosti Kamy po raskopkam A. A. Spitsyna v 1898 g. (Antiquities of the Kama Area by A. A. Spitsyn's Excavations in 1898)*. Series: Proceedings of the State Academy for the History of Material Culture 2. Leningrad (in Russian).

88. Khudiakov, M. G. 1933. *Dorevoliutsionnaia russkaia arkheologiia na sluzhbe ekspluatatorskikh klassov (Pre-Revolutionary Russian Archaeology on Exploitative Class's Service)*. Series: Library of the State Academy for the History of Material Culture 13. Leningrad (in Russian).

89. Chernykh, E. M. 2010. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istorii i filologiiia (Bulletin of the Udmurt University: History and Philology)* (3), 61-70 (in Russian).

90. Shestakov, P. D. 1879. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* II, 128-134 (in Russian).

91. Shmidt, A. V. 1928. In *Finno-ugorskii sbornik (Finno-Ugric Collected Papers)*. Series: Trudy Komissii po izucheniiu plemennogo sostava naseleniia SSSR i sopredel'nykh stran (Proceedings of the USSR and Neighboring Countries Ethnic Composition Committee) 15. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 135-242 (in Russian).

92. Shtukenberg, A. A., Vysotskii, N. F. 1885. *Materialy dlia izucheniia kamennogo veka v Kazanskoi gubernii (Materials for Studying of the Stone Age in the Kazan Province)*. Series: Proceedings of the Naturalists Society Affiliated to the Kazan University XIV (5). Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).

93. Shtukenberg, A. A. 1901. In *Izvestiia obshchestva arkeologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XVII (4), 165-213 (in Russian).
94. Shtukenberg, A. A. 1903. In *Izvestiia obshchestva arkeologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XIX (1) (in Russian).
95. Äyräpää, A. 1933. Über die Streitaxtkulturen in Rußland. *ESA* VIII. Helsinki.
96. Aspelin, J. R. 1877. Ages de la Pierre et du Bronze. *Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumusaloita – Antiquités du Nord Finno-ougrien* I. Helsinki.
97. Aspelin, J. R. 1877. Ananinon kalmisto = Nécropole d'Ananino. *Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloilta. Antiquités du Nord finno-ougrien*. II. *Rauta-aik*. Helsinki-Helsingfors.– Vol. II.
98. Baye le baron J. de. 1897. La nécropole d'Ananino (Gouvernement de Viatka, Russie). *Mémoires de la Société National des Antiquaires de France* LVI (1895). Paris: Librairie Nilsson.
99. Chudjakov, M. 1926. Die Ausgrabungen von P. A. Ponomarev in Maklaseevka im Jahre 1882. *FUF* XVIII.
100. Chudjakov, M. 1926. Die Keramik des begräbnisplatzes im dorf Poljanki. *FUF* XVIII.
101. Salminen, T. 2003. Suomen tieteiliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935 (Summary: Lands of Conquest. Russia and Siberia in Finnish archaeology 1870–1935). *SMYA* 110. Helsinki.
102. Tallgren, A. M. 1909. Harakkavuorten kylässä. Päiväkirjastani Itä-Venäjäältä. *Kyläkirjaston Kuvalehti* II.
103. Tallgren, A. M. 1910. Sorotsji Gorin muinaislinna. *Suomen Museo* 17.
104. Tallgren, A. M. 1911. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland. *SMYA* XXV.
105. Tallgren, A. M. 1916. *Collection Zaoussailov au Musée historique de Finlande à Helsingfors* I. Helsinki.
106. Tallgren, A. M. 1918. *Collection Zaoussailov au Musée National de Finlande a Helsingfors. Monographie de la section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary* II. Helsinki.
107. Tallgren, A. M. 1919. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. *SMYA* 31 (1).
108. Tallgren, A. M. 1927. Ausgrabungen in Maklašeevka. *Eurasia Septentrionalis Antiqua* I.
109. Tolmatschew, N. A. 1890. *Über die Urgrabhügel beim Dorfe Ananino*. Separat-Abdruck eins gemeinsamen Versammlung der Deutschen und Wiener anthropologischen Gesellschaften 1889 in Wien gehaltenen Vortages. Wien.

About the Author:

Chizhevsky Anrdei A., Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation, Russian Federation; chijevski@mail.ru

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ВОЛГО-КАМЬЕ. КАБИНЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2013 г. А.А. Чижевский

В статье рассматривается проблематика аналитических археологических исследований в начальный период изучения позднего бронзового и раннего железного веков в Волго-Камье (конец XVIII в. – начало 1920-х гг.). Автором выделены в рамках начального периода четыре основные проблемы, которые разрабатывались исследователями. 1. Периодизация и хронология памятников бронзового века и выделение из него памятников эпохи раннего железа в начале XX века. 2. Установление этнической принадлежности носителей археологических культур. 3. Топография поселений и интерпретация назначения и использования городищ. 4. Систематизация погребального обряда. В отдельный блок выделены локальные проблемы, к которым исследователи обращались спорадически: изучение керамики, системы хозяйства, социальной структуры, происхождения отдельных типов металлических изделий и др.

Ключевые слова: археология, Волго-Камский регион, поздний бронзовый век, ранний железный век, ананьинская культура, история изучения.

Проблематику кабинетно-аналитических исследований археологии поздней бронзы и раннего железного века начального периода, ввиду ее большого разнообразия, уместно разделить на четыре блока – четыре проблемы, на которых был сосредоточен исследовательский интерес во второй половине XIX – начале XX в. Кроме того, присутствуют и более мелкие, частные проблемы, которые не удалось объединить в рамках основных исследовательских направлений, они объединены в пятый блок локальных проблем.

1. Проблема бронзового века в Волго-Камье (периодизация и хронология) и выделения из него раннего железного века

Проблема бронзового века – ключевая в истории изучения первобытной археологии Волго-Камья. Во второй половине XIX и начале XX столетий памятники, относящиеся в настоящее время к раннему железному

веку, включались в перечень объектов бронзового века, несмотря на наличие в них изделий из железа. Основным, «реперным» памятником бронзового века считался Ананьинский могильник, время существования которого определялось от собственно бронзового века до его финала – перехода к раннему железному веку (Невоструев, 1871а, с. 630; Лихачев, 1891, с. 131; Пономарев, 1892, с. 7–8, 34; Нефедов, 1899, с. 45, 47). Неразрывно с этой проблемой была связана хронологическая атрибуция, так как именно хронологические определения, часто очень точные, позволяли исследователям относить памятники к той или иной эпохе.

Впервые проблема определения хронологической позиции памятников бронзового и раннего железного веков была затронута П.В. Алабиным (рис. 1) в статье по итогам раскопок Ананьинского могильника. Ключевым моментом в определении време-

ни существования некрополя было наличие в нем почти 100%, как он считал, кремации погребенных. Согласно существующей в середине XIX в. концепции, кремация являлась общим образом первобытного человечества и, таким образом, основным признаком первобытного – досредневекового – возраста могильников. На основании этого признака и аналогий со скифскими древностями Ананьинский могильник был отнесен к первым векам н.э. или же к последним векам до н.э. (Алабин, 1860, с. 111, 116).

В 60-е годы XIX в. после публикации материалов из первых раскопок Ананьинского могильника сложилось представление о нем как памятнике раннего железного века. В этом ключе писал Э. Эйхвальд, который, учитывая наличие в Ананьинском могильнике изделий, имеющих аналогии в скифском мире и сосуществовании здесь медных и железных орудий, относил некрополь к раннему железному веку и V в. до н.э. (Eichwald von, 1860, с. 458, 459). Его поддерживал П.И. Лерх, который на основании своих исследований «Могильника» датировал его периодом начала употребления железа (Лерх, 1866, с. 12–13).

Новая гипотеза о принадлежности эталонного – Ананьинского – могильника к бронзовому веку появилась несколько позже – в начале 70-х гг. XIX в.

Ее, как и собственно понятие «бронзовый век» для Волго-Камья, ввел К.И. Невоструев в статье «Ананьинский могильник» (рис. 2, 3), где он на основании аналогий с европейскими, прежде всего, гальштатскими, и азиатскими (ниневийскими и скифскими) материалами отнес его к бронзовому веку (Невоструев, 1871а,

Рис. 1. П.В. Алабин. Портрет.

с. 598, 629–631). Исходя из этих аналогий, а также наличия в материалах могильника изделий из камня и бронзы наряду с железными, К.И. Невоструев приходит к выводу о датировке Ананьинского могильника даже не концом бронзового века, а более ранним периодом бронзы, отнеся его «ко временам до Рождества Христова» (Невоструев, 1871а, с. 606, 630; 1871б, с. 188).

Примерно в это же время и независимо от К.И. Невоструева А.Ф. Лихачев выдвинул свою концепцию существования бронзового века в регионе. В докладе «Бытовые памятники Великой Болгарии» для II Всероссийского археологического съезда в Санкт-Петербурге в 1871 году, основываясь на предметах из своей коллекции, он обосновал наличие в Волго-Камье памятников бронзового века (Лихачев, 1876, с. 11–14;). Определение времени существования памятника А.Ф. Лихачев предлагал решать по совокупности выявленных на нем предметов (Шмидт, 1928, с. 149).

Реферат доклада в части, касающейся бронзового века, во многом

Рис. 2. Иллюстрация из статьи К.И. Невоструева «Ананьинский могильник», табл. I.

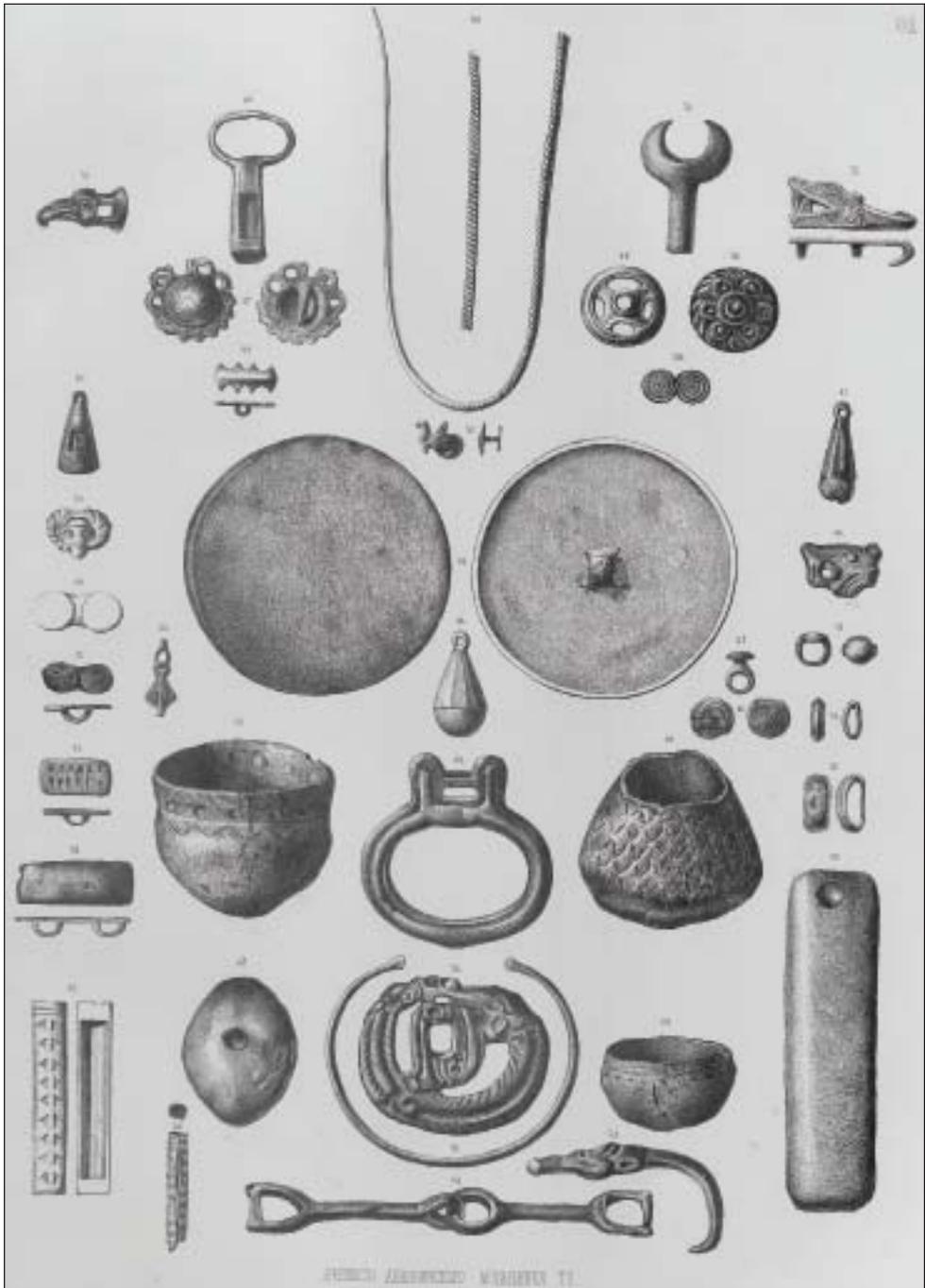

Рис. 3. Иллюстрация из статьи К.И. Невоструева «Ананьинский могильник», табл. II.

остался неопубликованным (Назипова, Измайлова, 2006, с. 61–62), однако его развернутое изложение дано в статье, написанной к VII археологическому съезду в Ярославле (Лихачев, 1891).

Бронзовый век А.Ф. Лихачев выделял как особый период на основании находок серий бронзовых предметов, в основном орудий труда и оружия, которые являлись маркерами эпохи бронзы (Лихачев, 1891, с. 130). Ананьинский могильник он датировал временем перехода от бронзового века к железному (Лихачев, 1891, с. 149).

Развивая свою гипотезу о наличии бронзового века в Волго-Камье, А.Ф. Лихачев сделал предположение о том, что переход к эпохе бронзы произошел без миграций нового населения, а формирование этносов бронзового века произошло на основе более раннего населения каменного века (рис. 4) (Лихачев, 1884, с. 12; 1886, с. 153). Спустя немногим более 10 лет, подобную точку зрения высказал барон Дж. де Бай, который рассмотрел основные точки зрения на хронологию Ананьинского могильника и предположил, что цивилизация эпохи железа была наследницей бронзового века и ее развитие в регионе происходило без участия новых этносов (Baue, 1897, p. 10).

С появлением новых данных и общим развитием археологии как науки во второй половине 70-х годов XIX в. стали формулироваться новые теоретические и методологические подходы к археологическому материалу. Одним из таких подходов являлся принцип культурного национализма, выразителем которого был финский исследователь И. Р. Аспелин (Салминен, 2011, с. 130). Первоочередной

задачей археологии он считал поиск национальных особенностей в археологическом материале (Aspelin, 1877в, с. 138, 139, 142). Так появилась гипотеза единой культуры бронзового века Европейской России и Западной Сибири. И.Р. Аспелин опирался при ее формулировании на идеи П.С. Палласа, который считал памятники Минусинской котловины древнефинскими (Aspelin, 1877а, с. 17; Салминен, 2011). Для обозначения этой культуры он ввел специальное понятие Алтайско-Уральского бронзового века (Аспелин, 1884, с. 7). В результате исхода из Саяно-Алтая, представители урало-алтайской культуры мигрировали сначала на Каму, а затем далее на запад. Подтверждением его гипотезы были, как он считал, предметы из Ананьинского могильника, сохранившие сибирские традиции. Сам некрополь, опираясь на скифские аналогии, И.Р. Аспелин датировал III в. до н.э. Так как железных предметов здесь было найдено немного и они имели формы, «типичные для бронзового века», он отнес некрополь к переходному времени от бронзового века к железному (Aspelin, 1877б, p. 102).

В поддержку мнения И.Р. Аспелина о датировке Ананьинского могильника переходной эпохой от бронзового к железному векам выступили председатель ОАИЭ П.Д. Шестаков (Шестаков, 1879, с. 131), М.В. Малахов (Малахов, 1882, с. 218) и И.Н. Смирнов (Смирнов, 1894, с. 257), а впоследствии и П.А. Пономарев (Пономарев, 1914, с. 2).

Переход от изучения единичных находок и единственного могильника к массовому материалу бронзового и раннего железного веков произошел в 80-х годах XIX в. Начало его связано

Рис. 4. Иллюстрация из статьи А.Ф. Лихачева «Скифские элементы в чудских древностях Казанской губернии», табл. III. На позиции 5 представлен псалий раннего железного века из окрестностей Билярска.

с уже упоминавшимся докладом 16 мая 1881 г. П.А. Пономарева, который предложил обширную программу изучения первобытных древностей Волго-Камья. В своем докладе исследователь обосновал разновременность средневековых булгаро-татарских и чудских городищ. Он отмечал, что, несмотря на факты размещения городищ обоих типов рядом друг с другом, нет никаких следов воздействия булгар на материальную культуру чудских городищ, что связано с разновременностью данных памятников (Пономарев, 1884, с. 325). По оценкам исследователей, доклад П.А. Пономарева является первой попыткой выделения разновременных культурных комплексов на одной территории в лесной и лесостепной зонах России (Шмидт, 1928, с. 173).

Развитием исследовательской программы П.А. Пономарева стала работа А.А. Спицына, в которой он сформулировал три основные проблемы бронзового века Волго-Камья: 1) в каких хронологических рамках находится бронзовый век Волго-Камья?; 2) в каком отношении он находится к среднеазиатской и западноевропейской культурам?; 3) существовало ли здесь самостоятельное изготовление бронзы? (Спицын, 1889, с. 5). Большим ограничением для решения этих задач была неизученность и немногочисленность памятников эпохи бронзы, причем последнее исследователь связывал со слабым распространением бронзового века в Прикамье (Спицын, 1889, с. 5). К бронзовому веку на основании находок литейных форм для выплавки бронзовых ору-

дий А.А. Спицын относил и «костеносные» городища (Спицын, 1881, с. 17–31; 1889, с. 11).

К мнению А.А. Спицына склонялся и Н.А. Толмачев, который, отталкиваясь от программы П.А. Пономарева, провел исследование городищ правобережья р. Камы в пределах Казанской губернии и на основании сходства с городищами Пермской губернии отнес их к концу бронзового века (Толмачев, 1896, с. 62, 94, 99).

В дальнейшем, за немногими исключениями, вопрос наличия в Волго-Камье бронзового века не подвергался сомнению. Таким исключением была статья Ф.А. Теплоухова, который продолжил исследования своего отца, известного коллекционера древностей А.Е. Теплоухова (Теплоухов, 1892; Овчинникова, 1999). В своей работе 1892 г. он сформулировал основные признаки определения предметов эпохи бронзы: это материал, из которого изготовлен предмет, и тождество с уже атрибутированными предметами бронзового века из других территорий (Теплоухов, 1892, с. 52). Исходя из сопоставления количества находок в Приуралье и Зауралье, исследователь приходит к выводу о том, что местное население не изготавливало бронзовые орудия самостоятельно, а привозило их из Сибири, и, как следствие, отдельного периода бронзового века в Приуралье не было, или он продолжался весьма ограниченное время (Теплоухов, 1892, с. 62, 63).

В 90-е годы XIX в. были выявлены новые могильники, которые позволили уточнить хронологию бронзового века Волго-Камья. Так, бронзовые орудия из Каракулинского могильника И.Н. Смирнов отнес к эпохе Геродота, а сами изделия определил как

импорты из Южной Сибири (Смирнов, 1895, с. 270–272).

В начале XX в. появляются работы, посвященные относительной хронологии культур эпохи бронзы и раннего железа. В 1901 г. А.А. Спицын высказал предположение о том, что ананьинская культура древнее пьяноборской, последняя, в свою очередь, является непосредственным продолжением ананьинской (Спицын, 1901, с. 7). В 1902 г., не углубляясь в подробности, он датировал Ананьинский могильник I–III вв. н.э. (Спицын, 1902, с. 21); впоследствии исследователь отмечал, что эта датировка основана на печальном недоразумении (Спицын, 1928, с. 335).

Статья А.А. Штукенберга (1901) была первой сводной публикацией предметов материальной культуры по бронзовому веку Волго-Камья, охватившей большую часть выявленных к тому времени артефактов. Она позволила дать общую характеристику бронзового века региона и на многие годы стала основным источником информации для исследователей по материальной культуре Волго-Камья. В этой работе А.А. Штукенберг подверг критике концепцию единого урало-алтайского бронзового века. Он отделял сибирские и центральноевропейские древности от камско-волжских, отмечая, что «восточная полоса Европейской России была более или менее обособленной областью развития культуры медного века» (Штукенберг, 1901, с. 3, 4; Худяков, 1917, с. 7). Несколько ранее подобные мысли высказал датский исследователь С. Мюллер, но А.А. Штукенберг пришел к этой гипотезе самостоятельно (Салминен, 2011, с. 135).

В 1891 г. П.И. Кротов на основании изучения мест находок каменных изделий Яранского уезда пришел к выводу, что они относятся не к каменному веку, а принадлежат обитателям финских городищ, среди предметов материальной культуры которых были бронзовые и железные предметы (Кротов, 1892, с. 389–391). Это наблюдение использовал А.А. Штукенберг, который констатировал возможность существования орудий из бронзы и камня в более поздние эпохи (Штукенберг, 1901, с. 2). Данное утверждение подготовило почву для выделения древностей типа Ананьинского могильника из бронзового века в железный, несмотря на наличие на этих памятниках бронзовых предметов.

Однако большая часть исследователей продолжала придерживаться старых представлений: в рамках бронзового века рассматривал в своих поздних работах П.А. Пономарев ананьинскую, костеносную и пьяноборскую культуры (1914), А.М. Тальгрэн (1916) и М.Г. Худяков (1923) относили к нему ананьинскую и костеносную культуры.

На этом фоне выделяются работы В.А. Городцова. В 1910 г. выходит его учебник «Бытовая археология», который был построен по принципу группировки древностей по культурным очагам и культурным влияниям (лучам) этих очагов.

Волго-Камье эпохи бронзы В.А. Городцов относил к зоне, развивающейся под большим влиянием археологических культур Сибири, считая эту территорию зоной «сибирского культурного течения» (Городцов, 1910, с. 274). В этой книге исследователь уже однозначно относит древности типа Ананьинского могильника к ранней поре

«железных орудий» (Городцов, 1910, с. 363). Позднее, на основании знакомства со статьей А.М. Тальгрэна о бронзовых наконечниках копий с отверстиями на крыльях пера (Tallgren, 1913, s. 115–123), он датирует его VIII–V вв. до н.э. (Городцов, 1915, с. 150).

Памятники раннего железного века Волго-Камья В.А. Городцов подразделял на три этапа. К самому раннему он относил Котловское поселение и могильник (рис. 6, 7), где не были встречены изделия из железа, но типы украшений были характерны для раннего железного века¹ (Городцов, 1910, с. 365, 366). К более позднему этапу были отнесены Ананьинский могильник и городище Грохань (рис. 2, 3, 5, 8) где встречались как бронзовые, так и железные вещи. И самыми поздними памятниками в этой периодизации были костеносные городища, они датировались по керамике, морфология которой напоминала морфологию посуды «средней поры железного века Европейской России» (Городцов, 1910, с. 368). Младший Волосовский могильник впоследствии также был отнесен к среднему этапу раннего железного века Волго-Камья (Городцов, 1914, с. 50, 51).

К сожалению, отсутствие специальной подготовки, случайный характер тематики исследований, отсутствие государственного финансирования и, как следствие, единой программы изуче-

¹ Датировка Котловского могильника ранней стадией железного века была основана на ошибке. Здесь выявлены как погребения раннего железного века, так и средневековые с шумящими подвесками. И ранние, и средневековые захоронения были объединены в один могильник раннего железного века.

ния древностей, привели к утрате российскими учеными ведущих позиций в области исследования бронзового века Волго-Камья и переходу лидерства к финнам (Худяков, 1923, с. 72).

Крупнейший исследователь древностей бронзового – раннего железного веков А.М. Тальгрэн обратился к изучению Волго-Камья на основании знакомства с коллекциями И.Р. Аспелина (Карпелан, Уйно, 2009). Во время поездки по музеям Лондона и Парижа в 1908 г. он обратил внимание на отличия между бронзовым веком Прикамья и Сибири (Салминен, 2011, с. 134). Для более полного обоснования этой гипотезы потребовались новые данные, которые можно было получить лишь в России. А.М. Тальгрэн осуществил семь поездок в Россию, последняя из которых состоялась в 1935 г.

Всего по древностям Волго-Камья А.М. Тальгрэн подготовил три монографии: «Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland» (1911), «Collection Zaoussailov au Musée historique de Finlande à Helsingfors» (1916) и «L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale» (1919) (рис. 5), которые подвели итог начального этапа исследований эпохи поздней бронзы и раннего железа Волго-Камья.

В этих работах впервые для древностей Волго-Камья был применен сравнительно-типологический и географо-хронологический методы, на базе применения которых А.М. Тальгрэн дает генезис форм ананьинской материальной культуры (Tallgren, 1911, S. 56, 70; 1916, p. 19, 21, 22; 1919, p. 86–167).

В монографиях 1911 и 1916 гг. он предложил новую обоснованную периодизацию и хронологию бронзово-

го века средней и восточной России с выделением раннего, среднего и позднего периодов. Используя широкую систему аналогий с культурами юга России и Восточного Средиземноморья, Тальгрэн датировал ранний период бронзового века 250–1500 гг. до н.э. (Tallgren, 1916, p. 12). К раннему периоду бронзового века на основании предположения о близости формы и орнамента фатьяновской керамики с маклашеевской был отнесен и Маклашеевский II могильник (Tallgren, 1911), впоследствии эту дату активно поддерживал М.Г. Худяков (Кузьминых, 2004, с. 35). Датировка более поздних периодов, не имеющих таких привязок, как ранний, определялась предположительно. Так, средний период датировался 1500–1000 гг. до н. э. (Tallgren, 1916, p. 12, 13), а поздний (ананьинский) на основании аналогий с меларскими кельтами IV периода бронзового века Скандинавии по периодизации О. Монтелиуса – 1000–500 гг. до н.э. (Tallgren, 1916, p. 12–14).

В 1912 г. в личном письме А.М. Тальгрэну А.А. Спицын подверг критике некоторые положения из книги «Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland». Он считал ошибкой распространять бронзовый век на восточную Россию, так как полагал, что он имеет западное происхождение и ареал его простирается лишь до Днепра. Восточнее, как он считал, существовал медный век с подразделением на три периода: старший, средний и младший. В младшем медном веке исследователь выделял Алтае-Енисейский и Обско-Уральский особые районы, которые сближал с Урало-Алтайским бронзовым веком И.Р. Аспелина. Не признал А.А. Спицын и

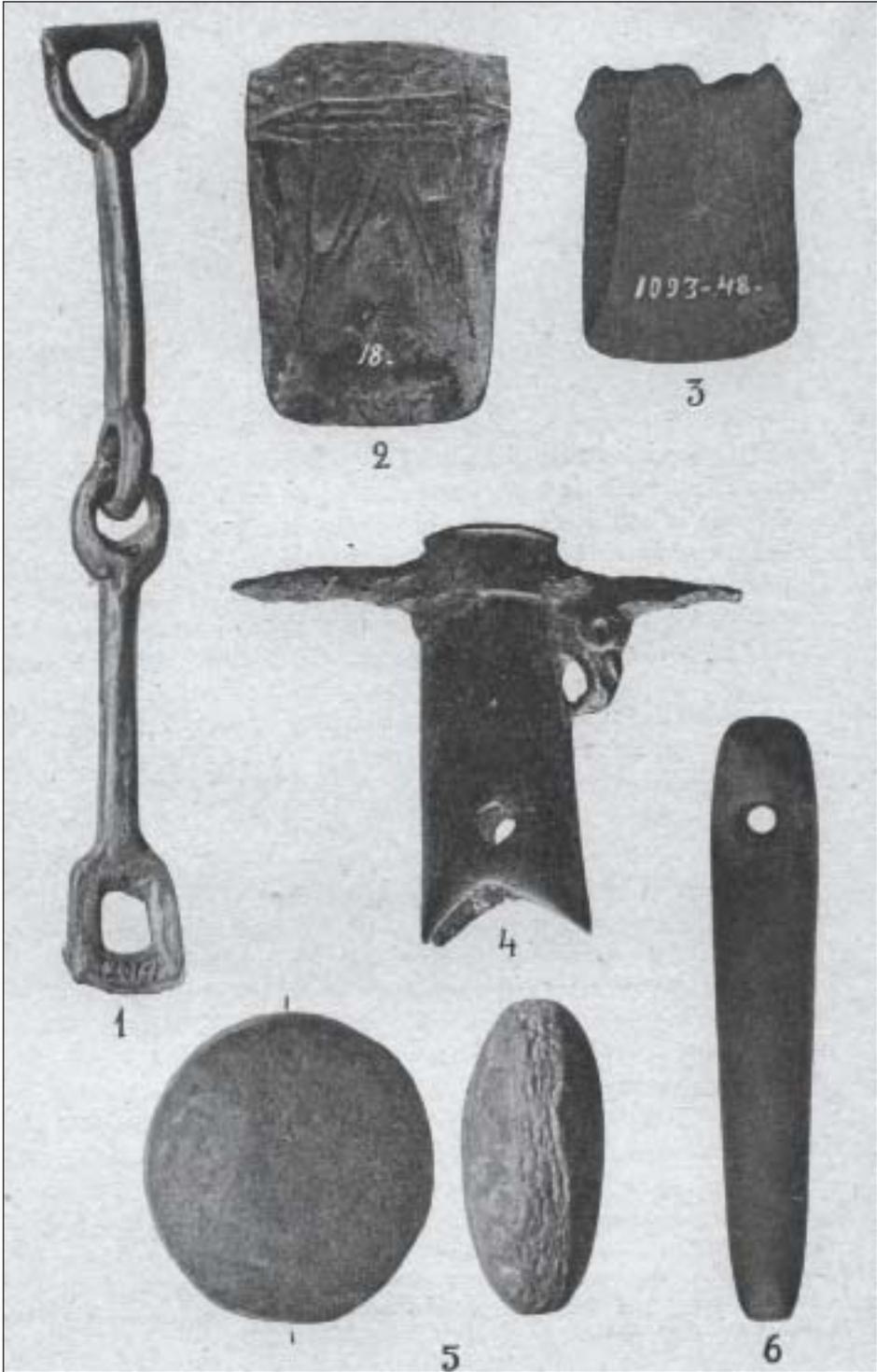

Рис. 5. Иллюстрация из монографии А.М. Тальгрена «L'eroque dite d'Ananino dans la Russie orientale» (1919), fig.78.

Рис. 6. Иллюстрация из статьи Ф.Д. Нефедова «Археологические исследования в Южном Приуралье и Прикамье в 1893–1894 гг.», табл. 12.

Рис. 7. Иллюстрация из статьи Ф.Д. Нефедова «Археологические исследования в Южном Приуралье и Прикамье в 1893–1894 гг.», табл. 10.

Рис. 8. Иллюстрация из статьи Ф.Д. Нефедова «Археологические исследования в Южном Приуралье и Прикамье в 1893–1894 гг.», табл. 16.

опору А.М. Тальгрена на майкопские и троянские аналогии при установлении времени существования фатьяновской культуры, считая, что истоки майкопских древностей находятся в Ассирии, Мидии или Лидии (Кузьминых, 2011, с. 7, 8, 12).

Третья книга «Ананьинская эпоха в Восточной России» была посвящена характеристике ананьинских древностей в целом (1919). В этой работе были затронуты и вопросы хронологии. А.М. Тальгрэн отказался от датировок, предложенных им в монографии 1916 г. (1000–500 г. до н.э.). На основании отсутствия в комплексах известных к тому времени могильников меларских кельтов, время бытования которых по современным ему оценкам не выходило за пределы 700 г. до н.э., а также скифских и ольвийских аналогов ананьинским древностям, он предложил более позднюю дату – 600–200 г. до н.э. (Tallgren, 1919, p. 180, 182). В более поздней работе, используя те же аналогии, он немного удревняет культуру и относит ее начало к 700 г. до н.э. (Tallgren, 1923, S. 1–23).

Несколько позже монографии А.М. Тальгрена (1919 г.) выходит статья М.Г. Худякова (рис. 9), подготовленная в 1920 г., в которой он независимо от финского исследователя дал развернутую характеристику ананьинской культуры (Худяков, 1923 г.). По глубине охвата фактического материала и иллюстративным данным она уступает работе А.М. Тальгрена, однако дополняет ее в деталях. Самостоятельно вопросы хронологии и периодизации М.Г. Худяков не рассматривает, ограничиваясь обзором историографии по данному вопросу (Худяков, 1923, Шмидт, 1924, с. 305).

В сентябре 1920 г. В.А. Городцов во время посещения Казани ознакомился с археологическими коллекциями музея Казанского университета. Особое внимание он обратил на коллекции из окрестностей д. Маклашеевка и Полянки из раскопок П.А. Пономарева, Н.П. и А.Ф. Лихачевых. После осмотра этих материалов исследователь выделил два хронологических горизонта, связанных с этими древностями: ранний – с плоскодонными и поздний – с круглодонными сосудами. Погребения ранней хронологической группы² с учетом присутствия в них бус «из белой костяной пасты» он датировал XIV–XII вв. до н.э. Позднюю хронологическую группу, соотнесенную в дальнейшем с маклашеевской культурой, на основании сходства с ананьинской керамикой, В.А. Городцов датировал XI–IX вв. до н.э. (Худяков, 1920а, с. 117–118).

Завершают первый период изучения эпохи поздней бронзы и раннего железного века две рецензии на монографию «L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale» (1919). Это статьи М.Г. Худякова (1922а) и А.В. Шмидта (1924).

М.Г. Худяков высоко оценивал книгу А.М. Тальгрена как первую работу, охватывающую ананьинскую культуру в целом (Худяков, 1922а, с. 205). Наряду с достоинствами монографии, он обращает внимание на некоторые недостатки. Так, он подвергает критике А.М. Тальгрена за то, что он отказался от дат, опубликованных в монографии 1916 г. Исследователь считал, что необходимо учитывать период существования культуры до начала ее контактов с югом. Для того чтобы это

² Позднее отнесенные к срубной и луговской культурам.

взаимодействие установилось, требовался, как он полагал, длительный период, и поэтому не надо отказываться от прежних датировок (1000–500 гг. до н.э.), к тому же поддержанных В.А. Городцовым. Архаический период ананьинской культуры до ее взаимодействия с югом М.Г. Худяков относил к среднему бронзовому веку (Худяков, 1922а, с. 210).

Автор второй рецензии А.В. Шмидт (рис. 10), оценивая вклад А.М. Тальгрена в археологию Волго-Камья, отмечал, что до него не существовало аналитических исследований по данному вопросу, так как все работы были описательными (Шмидт, 1924, с. 300). Вслед за А.М. Тальгреном он относил ананьинскую культуру к переходной эпохе от бронзы к железу, синхронными ей он считал культуру скифов и кельтов периода латена (Шмидт, 1924, с. 303).

2. Проблема этнической принадлежности и археологических культур

Начальный период изучения эпохи поздней бронзы и раннего железа характеризуется прямым отождествлением понятий археологическая культура и этнос, соответственно, и в трудах археологов эти термины встречаются как синонимы (Худяков, 1933, с. 93–94). Проблема этнической принадлежности решалась в этот промежуток времени двумя способами – археологически и антропологически (Шмидт, 1928, с. 164).

Под влиянием народных преданий о дославянском населении средней полосы и севера России древние памятники Волго-Камья археологами с самого начала были отнесены к «чуди». Первые этнические определения населения эпохи бронзы и раннего железа

были выполнены Н.П. Рычковым в 1770 г., который отнес исследованные им памятники раннего железного века к чудским городищам (Рычков, 1770, с. 140–141, 148–151). И.И. Лепехин в своих «Записках» отмечал, что «чудь» – это старинное название всех неизвестных народов, к чуди относили пермяков, финнов и венгров, то есть народы финно-угорского происхождения (Лепехин, 1814, с. 194–195). Таким образом, уже с самого начала исследования досредневековых памятников Волго-Камья эти древности связывали с финно-угорскими народами.

В середине XIX в. вновь возник интерес к древностям. Одной из первых работ, посвященных Волго-Камью, была статья коллекционера С. Ешевского «Заметка о пермских древностях». Он отмечал сходство материальной культуры досредневековых городищ Пермского Прикамья и Казанской губернии, считая, что они «совершенно сходны» между собой (Ешевский, 1859, с. 135).

После значительного перерыва вопросы этнического и культурного происхождения стали вновь подниматься лишь после исследования Ананьинского могильника в 1858 г. В дальнейшем в течение многих лет обсуждение этноса древнего населения велось исключительно вокруг него. П.В. Алабин, отмечая сходство Ананьинского могильника со скифскими памятниками, отнес его не к скифам, а, следуя в русле концепции основателя славистики Ю.И. Венелина (Венелин, 2011), к единому народу, занимающему территорию России от Урала до Карпат, который в разное время имел разные названия: «скифы, славяне, гунны, болгары» (Алабин, 1860, с. 116, 118).

Рис. 9.
М.Г. Худяков.
Фотография.

Рис. 10.
А.В. Шмидт.
Фотография.

Черепя Ананьинского могильника из раскопок П.В. Алабина были отправлены в Этнографический музей Русского Географического общества, где осматривались антропологами, определившими их как финские (Eichwald von, 1860, с. 458, 459; Чугунов, 1904б, с. 17; Городцов, 1910, с. 369; Пономарев, 1914, с. 1). Академик К.Э. Бэр, который также изучал черепя Ананьинского могильника в 1859 г., высказал предположение, что они связаны с восточно-финскими народностями (Бэр, 1865, с. 98).

Э. Эйхвальд, развивая эту тему, отмечал, что ананьинские черепя долихоцефальны, тем самым сходны с финскими и напоминают чудские (Eichwald von, 1860, S. 376–487). Аналогии погребальному обряду Ананьинского могильника он находил в чудских курганах Алтая, в скифских курганах юга России и на основании этого относил рассматриваемый могильник к скифам, а самих скифов отождествлял с «угорской или югорской чудью» (Eichwald von, 1860, S. 458, 459). В силу этих причин Э. Эйхвальда можно считать основателем скифо-чудской гипотезы этнической

принадлежности населения Волго-Камья в эпоху бронзы и раннего железа.

Критику определений Э. Эйхвальда предпринял М.В. Малахов, который писал, что найденные в Ананьинском могильнике черепя не были подробно исследованы (Малахов, 1882, с. 215). Он отмечает, что чудские черепя, в отличие от ананьинских, отличаются брахицефальностью и не могут использоваться для подтверждения финской принадлежности последних (Малахов, 1882, с. 215). Таким образом, вопрос о краниологии ананьинских черепов еще оставался открытым.

Первый научный обзор материальной культуры Ананьинского могильника предпринял К.И. Невоструев, который разделил все предметы из раскопок П.В. Алабина на шесть категорий. Таким образом, он создал модель материальной культуры, на основании которой последующие поколения археологов выделяли древности Ананьинского могильника в отдельную культурную группу (Невоструев, 1871а, с. 612–626). Наибольшую близость к древностям Ананьинского могильника, с точки зрения К.И. Невоструева, проявляла скиф-

ская культура, к которой исследователь относил и население Ананьинского могильника (Невоструев, 1871а, с. 632).

Большое значение для выделения археологических культур на территории Волго-Камья и обоснования их этноса имели труды М.А. Кастрена и И.Р. Аспелина. Филолог, основоположник сравнительной уралистики М.А. Кастрен обосновал гипотезу родства уральских и алтайских языков и разместил прародину финнов на Алтае (Кастрен, 1999, с. 52, 53). На основании работ М.А. Кастрена и изучения коллекций музеев Западной Европы и России И.Р. Аспелин пришел к выводу о необходимости разделения бронзового века Европы на два обособленных культурных региона: западноевропейский и урало-алтайский (Салминен, 2011, с. 130). Частью территории урало-алтайской культуры было Волго-Камье, так как после посещения в 1872 г. Ананьинского могильника и изучения коллекций, полученных в результате исследований на нем, И.Р. Аспелин пришел к выводу о его принадлежности к финно-угорским памятникам (Aspelin, 1877б). Культура Ананьинского могильника занимала, по мнению исследователя, промежуточное положение между Сибирью и Европой (Салминен, 2011, с. 131). Однако само понятие урало-алтайской культуры было еще очень далеко от археологической культуры в современном понимании, оно отождествлялось с понятием урало-алтайского бронзового века и отражало, по мысли разработчика, общие древности финно-угорских народов.

С 80-х годов XIX в., следуя традиции предшествующего столетия, первобытные городища относили

к чудским древностям или чудской культуре (Пономарев, 1884, с. 325; Лихачев, 1886, с. 135–136). Под понятием чудских древностей подразумевался разнообразный археологический материал, соотносимый с древним собирательным названием финских племен (Смирнов, 1903, с. 933–938). Раннюю эпоху чудской культуры связывали с бронзовым веком. Однако сама дискуссия о выделении археологических культур на начальном этапе велась в основном вокруг культур, в настоящее время относящихся к раннему железному веку, обращения к более раннему периоду были редки.

Единство материальной культуры «чудских» городищ Нижнего Прикамья и Ананьинского могильника обосновал П.А. Пономарев, который пришел к выводу об идентичности керамики и металлических изделий этих поселений с металлическими изделиями и керамикой, происходящей из «Могильника», отмечая их сходство по «выделке и орнаментам» (Пономарев, 1884, с. 325). Близкими к рассматриваемым городищам он считал также среднекамские «костища», причем для уточнения этого вопроса предлагал сосредоточить усилия на их изучении (Пономарев, 1884, с. 325).

Поддержал эту точку зрения и А.А. Штукенберг, который считал, что материальная культура обитателей нижнекамских городищ близка к культуре Ройского городища и пермских «костищ» (Штукенберг, 1884, с. 333, 334).

В конце 80-х годов XIX в. А.А. Спицын разрешил эту проблему и произвел размежевание «костеносных» городищ и «костищ», предположив более позднюю дату существования

последних, о чем свидетельствовали находки стеклянных бус, железных изделий и различных бронзовых «идолов», отлична была и форма костяных наконечников стрел (Спицын, 1889, с. 16).

Таким образом, П.А. Пономарев первым объединил культуру городищ, которые А.А. Спицын назовет позднее «костеносными», с древностями Ананьинского могильника, однако в дальнейшем он рассматривал их отдельно, видимо, отказавшись от первоначальной точки зрения.

В противовес мнению П.А. Пономарева, А.Ф. Лихачев противопоставлял первобытные городища и Ананьинский могильник, считая, что все известные поселения, хронологически соответствующие Ананьинскому могильнику в культурном отношении, ниже него по культурному развитию (Лихачев, 1884, с. 27). Так было заложено противопоставление «Могильника» и поселений, которое в дальнейшем выразилось в существовании отдельных ананьинской и «костеносной» культур.

А.Ф. Лихачев обратил внимание на некоторые параллели в материалах Ананьинского могильника и убранстве финских народов. Исследователь предположил, что древнее население региона было «прото-предками» современных финских народов (Лихачев, 1884, с. 26). Скифские элементы в финно-угорской культуре он относил к заимствованиям, обусловленным торговыми и иными взаимоотношениями (Лихачев, 1884, с. 31). Сходство предметов из бронзы Вятской, Казанской и Пермской губернии указывало, как он полагал, на тесное родство народов, обитающих на их территории (Лихачев, 1884, с. 13; 1891а, с. 137).

Для уточнения названия этноса, жившего в Волго-Камье в бронзовом веке, он привлекает данные Геродота и, основываясь на результатах исследований П.И. Шафарика (1847, с. 44–47), относит их к фиссагетам или даже к «отколовшимся скифам» (Лихачев, 1884, с. 13, 29).

А.Ф. Лихачев, рассматривая предания о чуди, отмечал, что этот термин в народном сознании ассоциируется с понятием «доисторический» и в силу этого не должен отождествляться с какой-либо конкретной народностью (Лихачев, 1891). После этой статьи большая часть исследователей Волго-Камья перестала использовать термин «чудь» и «чудская культура» (Шмидт, 1928, с. 182).

Развивая гипотезу А.Ф. Лихачева, И.Н. Смирнов стал связывать население бронзового века Волго-Камья с фиссагетами, а привлекая данные Авесты, отождествил эту территорию с Тураном и, соответственно, этнос местного населения соотнес с тюрками (Смирнов, 1895, с. 270–272). Волго-Камье исследователь включал в состав «восточнорусской культуры» бронзовой эпохи, занимающей территории от Казани и Саратова до Алтая, происхождение ее он связывал с южносибирскими и среднеазиатскими древностями (Смирнов, 1895, с. 272).

Вторую попытку интерпретации ананьинской антропологии предпринял один из корифеев дореволюционной российской антропологической школы и первый казанский антрополог Н.М. Малиев. Он провел исследования Ананьинской дюны на предмет поиска новых антропологических коллекций в 1880 г. и вскрыл один непотревоженный скелет, который оказался полностью истлевшим. Таким

Рис. 11. В.М. Флоринский. Фотография.

образом, цель работ «вопрос о национальности могильника» оказался не разрешен ввиду отсутствия полноценного краниологического материала (Малиев, 1880, с. 17–25; Чугунов, 1904б, с. 2).

К интересным выводам на совершенно новом материале пришел В.М. Флоринский (рис. 11), анализируя материалы из раскопок П.А. Пономарева. Он отметил наличие в коллекции Ананьинского могильника нескольких черепов с искусственной деформацией. По мнению антрополога, они были длинноголовыми, имели плоский, сильно сдвинутый назад, сплюснутый лоб и относились к так называемым «безлобым черепам». Кроме того, он высказал предположение о родственности населения, оставившего Ананьинский могильник и курганы Западной Сибири (Флоринский, 1888, с. 32–34).

В 1892 г. опубликовал результаты своих исследований Ананьинского могильника П.А. Пономарев. В аналитической части работы он предпринял исследование истории изучения

«Могильника» и поддержал гипотезу И.Р. Аспелина о существовании урало-алтайской культуры (Пономарев, 1892, с. 412, 438). Вновь к проблематике раннего железного века П.А. Пономарев обратился к концу жизни. Под влиянием все той же «финно-угорской» теории И.Р. Аспелина он разрабатывает проблему миграции урало-алтайской культуры с Алтая в Волго-Камье (Пономарев, 1915, с. 2; Худяков, 1933, с. 133). Единственным памятником «приалтайской» культуры, оставленным во время движения финнов Алтая на пути в Европу, являлся, по мнению П.А. Пономарева, Ананьинский могильник (Пономарев, 1914, с. 2). Близкие по материальной культуре Ананьинскому могильнику Зуевский, Котловский и Релка, видимо, не были известны исследователю (Худяков, 1933, с. 126).

Группу памятников, отнесенных к пьяноборской культуре (племенная группа могильника Атамановы кости, по Пономареву), он считал родственными ананьинскому населению, но не тождественными ему хронологически, а костеносные городища относил ко времени, синхронному с Ананьинским могильником, но не признавал единства их культуры (Пономарев, 1914, с. 2).

По аналогиям костяных изделий исследователь включил в круг памятников «костеносных» городищ территории от Иртыша до Ладоги. По его мысли, они отражали движение носителей этой культуры с востока на запад. Памятники, расположенные по этому пути, совпадали с территорией урало-алтайской культуры И.Р. Аспелина.

В 1915 г. исследователь очертил территорию данной культуры не-

посредственно в Волго-Камье; она занимала пространства от Уфы до Казани (Пономарев, 1915, с. 9). Носителей культуры костеносных городищ П.А. Пономарев также считал древними финнами (Пономарев, 1914, с. 3, 4).

К погребальным памятникам костеносной культуры П.А. Пономарев относил Маклашеевский II, Полянский и Морквашинский могильники, в которых находил элементы материальной культуры, аналогичные городищенским (Пономарев, 1914, с. 4, 12; 1915, с. 2). Этот момент интересен тем, что в конце XX в. исследованный им Маклашеевский II могильник был отнесен к более ранней маклашеевской культуре, а Морквашинский и костеносные городища Гремячий Ключ, Сорочьи Горы, «Кирюшкин городок», на основании которых П.А. Пономарев строил свои выводы, – к постмаклашеевской. На изученных им городищах встречается как керамика маклашеевского облика, так и близкая к ней ранняя постмаклашеевская. Материалы Ананьинского могильника ближе к ананьинской культуре шнуровой керамики Среднего Прикамья, поэтому исследователь и не нашел параллелей между ним и костеносными городищами Нижнего Прикамья.

В работе 1915 г. П.А. Пономарев уже не употребляет термин «костеносная», используя широкий описательный ряд для характеристики данной археологической культуры. К ней относятся «все городища с сосудами, имеющими шаровидное дно, орудия и оружие преимущественно из кости, а также бронзовые кельты и стрелы, небольшой процент железных ножей и мечей ...» (Пономарев, 1915, с. 2).

Смена культур в регионе, по мнению П.А. Пономарева, осуществля-

лась миграциями различных финских народов из Западной Сибири и Алтая. Всего исследователь выделял три таких народа, связанных с ананьинской, костеносной и пьяноборской культурами (Пономарев, 1914; Пономарев, 1915, с. 2; Худяков 1920, с. 249).

Финно-угорскую принадлежность Ананьинского могильника отстаивал и Дж. де Бай, отмечая его несомненную связь с алтае-уральскими древностями (Baye, 1897, p. 10).

В 1893–94 гг. Ф.Д. Нефедов выявил новые могильники первобытной эпохи Волго-Камья – Котловский, Релку и Пустобаевский. По погребальному обряду и инвентарю он связал Котловский могильник с Ананьинским, хронологическая и культурная позиция остальных некрополей не была определена (Нефедов, 1899, с. 45–46).

В начале XX в. развитие формально-типологического метода привело к оформлению понятия об археологической культуре как совокупности предметов материальной культуры, сосредоточенной на одной территории в определенный хронологический период. Такое представление о культуре сложилось в германской и австрийской археологии и было заимствовано российскими исследователями (Худяков, 1933, с. 92).

В археологию Волго-Камья этот термин в современном его значении ввел А.А. Спицын, применив его для обозначения первобытных древностей, таких, как «культура Ананьинского могильника» и «культура Пьяноборского могильника», причем пьяноборскую культуру он считал продолжением ананьинской в позднейшее время (Спицын, 1901, с. 3, 7).

Культура Ананьинского могильника включала у А.А. Спицына как

могильники ананьинского типа, так и «костеносные» городища. Термины «костеносные» городища и «культура костеносных городищ» исследователь ввел в 1889 г., отмечая, что к ним относятся древние городища в низовьях Камы и Вятки, культурные слои которых столь насыщены костями, что иногда разрабатываются промышленным способом (Спицын, 1889, с. 11, 12). Кроме находок костей диких и домашних животных, здесь находили многочисленные изделия из кости и незначительное количество каменных и металлических предметов, причем предметы из кости зачастую дублировали формы металлических и каменных изделий, таковы, например, молоты из рога (Спицын, 1889, с. 12). А.А. Спицын обращает внимание на высокую художественность изделий из кости и особый звериный стиль; кроме того он производит описание керамического комплекса «костеносных» городищ (Спицын, 1889, с. 14). Развернутую характеристику «костеносных» городищ Прикамья исследователь дал в первом выпуске «Материалов по археологии восточных губерний России» (Спицын, 1893, с. 47–64).

Сравнивая материалы Ананьинского могильника и «костеносных» городищ, он приходит к выводу о наличии на нем и городищах одинаковых изделий из бронзы, камня, глины и железа, сходство проявляется и в зверином стиле. Кроме того, керамика Ананьинского могильника, считал исследователь, сходна с керамикой самого близкого к некрополю «костеносного» Тихогорского I городища (Спицын, 1889, с. 10, 11; 1893, с. 36–40). Все эти факты позволили А.А. Спицыну прийти к «неожидан-

ному» для него самого выводу о том, что могильник и «костеносные» городища близки друг к другу или даже однокультурны (Спицын, 1928, с. 331).

Сам исследователь признавал, что его аргументация не вполне убедительна, так как Ананьинский могильник остается единственным в своем роде, а в его материалах отсутствуют костяные наконечники стрел, характерные для городищ. В качестве версии, объясняющей это несоответствие, он предложил считать Ананьинский могильник местом погребения самых знатных людей, населяющих «костеносные» городища (Спицын, 1889, с. 11).

Точка зрения А.А. Спицына о единстве культуры Ананьинского могильника и «костеносных» городищ была поддержана И.Н. Смирновым (1894, с. 258) и Д.Н. Анучиным (1895), а впоследствии А.М. Тальгреном (1919) и А.В. Шмидтом (1924, с. 303).

Основываясь на анализе материалов экспедиции Ф.Д. Нефедова, заместитель председателя Московского археологического общества Д.Н. Анучин показал, что, кроме собственно Ананьинского, в Прикамье существуют и другие могильники ананьинского типа, такие как Котловский и Релка (рис. 6, 7). В то же время костяные предметы из этих могильников позволили исследователю преодолеть сомнения А.А. Спицына об однокультурности Ананьинского могильника и «костеносных» городищ (Анучин, 1895, с. 7).

Первые основательные публикации по антропологии эпохи финальной бронзы и раннего железа, написанные современным научным языком, были подготовлены учеником

Н.М. Малиева С.М. Чугуновым (рис. 12) (1904а, 1904б). В первой статье исследователь публикует измерения черепов из Маклашеевского могильника и приводит некоторые выводы общего порядка. Так, судя по этим данным, черепа из Маклашеевского могильника были долихоцефальными и не имели монгольских и тюркских признаков, костная система по своему складу была близка к хантыйским скелетам (Чугунов, 1904а, с. 10). Люди, погребенные в Маклашеевском могильнике, были невысокими, имели правильные черты лица, узкие скулы и горбатый нос (Худяков, 1923, с. 85).

Вторая статья давала характеристику черепов Ананьинского могильника из раскопок П.А. Пономарева 1881 г. С.М. Чугунов и здесь дает информацию по замерам черепов из некрополя и приходит к выводу об ошибочности представлений В.М. Флоринского о наличии их искусственной деформации (Чугунов, 1904а, с. 9, 10). Он отмечает своеобразие антропологического типа черепов из Ананьинского могильника: это низколицые монголоиды с некоторой примесью европеоидных черт (Чугунов, 1904б, с. 11).

Интерес к древностям Волго-Камья после небольшого перерыва усиливается в конце первого десятилетия XX в. Одним из специалистов, обратившихся к этой проблематике, был В.А. Городцов. В своей работе 1910 г. он затрагивает, в частности, и вопросы этнической принадлежности памятников раннего железного века Волжско-Камской области. В.А. Городцов провел анализ античных источников и пришел к выводу, что здесь обитали родственные друг другу фиссагеты и иирки. Основанием этому послужил погребальный обряд, описанный в ис-

Рис. 12. С.М. Чугунов. Фотография.

точниках и схожий с ананьинским, а также разработки историков XIX – начала XX вв. по исторической географии (Городцов, 1910, с. 10, 370).

В 1909 г. государственным Историческим Музеем Финляндии в Гельсингфорсе по инициативе А.М. Тальгрена была приобретена коллекция В.И. Заусайлова, по признанию большинства ученых, одна из самых крупных в России. Она насчитывала 10935 предметов (Tallgren, 1916, p. 2, 3). На основании этой коллекции и материалов других российских музеев в 1911 г. была подготовлена докторская диссертация «Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland», в которой исследователь выделил две территориальные группы бронзового века – уральскую и алтайскую, разделив тем самым единую культуру бронзового века И.Р. Аспелина (Tallgren, 1911). Сходство материальной культуры Урала и Алтая А.М. Тальгрэн объяснял общими скифскими корнями и на основании этого выделил их в урало-алтайскую общность (Tallgren,

1911. s. 1–24, 94, 95). Идея общего происхождения ананьинской и скифской культур возникла в работе А.М. Тальгрена не случайно, так как в начале второго десятилетия XX в. происходит реанимация скифо-чудской гипотезы (Худяков, 1923, с. 88). Об этом писали Е.Х. Минс (Minns, 1913, p. 257) и О.Х. Аппельгрэн-Кивало (1911; Appelgren-Kivalo, 1912), однако по сути своей она существенно изменилась: в основе ее лежат контакты и взаимовлияния археологических культур Волго-Камья со скифами, а не единство этнического происхождения народов.

Более подробно проблемы так называемой «скифо-ананьинской» культуры А.М. Тальгрэн обещал рассмотреть во втором томе своего исследования (Tallgren, 1911, S. 1–24). Это обещание он выполнил лишь в 1919 г., выпустив монографию «L'eroque dite d'Ananino dans la Russie orientale», в которой почти с исчерпывающей полнотой обосновал существование ананьинской культуры, осветив историю ее изучения, вещевой комплекс, топографию поселений и могильников, территорию, а также культурные и торговые связи. Уже в названии монографии очевиден отказ А.М. Тальгрена от предложенного им первоначально термина скифо-ананьинская культура. В работе исследователь проводит сравнительно-типологическое исследование материальной культуры скифской и ананьинской культур и, несмотря на значительное сходство инвентаря, приходит к выводу, что ананьинская культура совершенно самостоятельна, так как целые категории вещей скифской культуры в ней отсутствуют. Та же картина наблюдается и в собственно скифской культуре, в которой чис-

ло ананьинских предметов невелико (Tallgren, 1919, p. 103).

Вслед за А.А. Спицыным А.М. Тальгрэн объединяет ананьинскую и костеносную культуру и в подтверждение этой концепции приводит значительное количество предметов, общих с предметами из могильников и городищ (Tallgren, 1919, p. 58–78). Он относит к ананьинской культуре и «костища», хотя их поздняя хронологическая позиция была уже доказана А.А. Спицыным.

Происхождение ананьинской культуры А.М. Тальгрэн связывает с местным неолитом, однако на основании аналогий оружия и украшений приходит к выводу о наличии общих корней местной культуры с кобанской культурой Северного Кавказа (Tallgren, 1919, p. 164–167). Кроме того, несмотря на сходство отдельных категорий вещевого комплекса и орнамента, исследователь подчеркивает различие между ананьинской культурой и сибирскими древностями (Tallgren, 1919, p. 79–87, 170).

Подробно рассмотрев версии прекращения существования ананьинской культуры, такие, как о перемещении ее на север, где она трансформировалась в финскую культуру, или внезапном исчезновении, А.М. Тальгрэн отвергает эти гипотезы и вслед за А.А. Спицыным приходит к выводу о ее постепенном перерождении в пьяноборскую под влиянием римской цивилизации (Tallgren, 1919, p. 182–184). На основании изучения ананьинского звериного стиля А.М. Тальгрэн присоединяется к гипотезе, отождествляющей ананьинскую культуру с будинами и фиссагетами (Tallgren, 1919, p. 168–181).

В 1917 г. с одной из своих первых работ выступил М.Г. Худяков. Развивая взгляды А.М. Тальгрена о существовании отдельных уральской и алтайской культур, он произвел разделение уральской бронзовой культуры на несколько районов (Худяков, 1917, с. 7). М.Г. Худяков выделяет северную чудскую культуру в верхнем и среднем течении Камы и Чепцы и нижнекамскую культуру в нижнем течении Камы, Вятки, а также на Волге и ее притоках от Свияжска до Самарской губернии (Худяков, 1917, с. 7, 8). При характеристике нижнекамской культуры он ее отождествил с культурой «костеносных» городищ и могильников (Ананьинский, Котловский, Маклашеевский, Морквашинский, Релка), к которым, кроме собственно могильников ананьинского типа, отнес также пьяноборские и азелинские (Худяков, 1917, с. 8–9).

В подготовленной в 1920 г. статье М.Г. Худяков, отказавшись от предложенного ранее термина «нижнекамская культура», независимо от А.М. Тальгрена произвел описание ананьинской культуры «в полном объеме», произведя, по сути, обоснование и выделение данной культуры (1923). Наряду с подробной историей вопроса он дал описание антропологии, материальной культуры, культурных и торговых отношений, погребального обряда и поселений ананьинской культуры. На основании известных изображений и погребального инвентаря М.Г. Худяков произвел реконструкцию мужской и женской одежды, религиозных представлений (Худяков, 1923, с. 97–100, 114). Не изменилось отношение исследователя к проблеме «костеносных» городищ, которые рассмат-

лись в рамках ананьинской культуры, но были отнесены исследователем к несколько более поздней эпохе (Худяков, 1923, с. 121–122). Пьяноборские и азелинские древности не включаются в состав ананьинской культуры, более того, М.Г. Худяков отмечает, что ананьинская культура исчезла, «не оставив потомства», а ее следы проявляются в позднейших древностях, прослеживаясь в виде пермского звериного стиля и чудской культуры Пермской губернии (Худяков, 1923, с. 118, 124, 126). Определение этноса ананьинского населения, считал исследователь, напрямую связано со звериным стилем; прослеживая развитие этого стиля в постананьинское время, он ретроспективно соотносит ананьинскую культуру с приуральскими уграми и финнами (Худяков, 1923, с. 120).

К более ранней эпохе обратился в 1920 г. В.А. Городцов. Во время своей поездки в Казань он высказался в пользу существования маклашеевской культуры как ранней стадии ананьинской (Худяков, 1920а, с. 118).

Развитие взглядов М.Г. Худякова можно проследить в его рецензии на книгу А.М. Тальгрена «Ананьинская эпоха в восточной России» (1919 г.). В данной статье исследователь полностью соглашается с А.М. Тальгреном по вопросу единства костеносных городищ и селищ, уже не затрагивая их разновременность, и отмечает, что к ананьинской культуре можно отнести и городища по Ветлуге (Худяков, 1922а, с. 207). Гипотеза А.М. Тальгрена о пьяноборской культуре как продолжении ананьинской на позднем этапе после трансформации под влиянием римской культуры встречает серьезные возражения со стороны

М.Г. Худякова, который считает, что эти культуры очень различны (Худяков, 1922а, с. 210).

Дальнейшее изучение бронзового века Волго-Камья привело М.Г. Худякова к необходимости выделения культуры более ранней, чем ананьинская. Она была отнесена к эпохе, переходной от камня к металлу, и названа им маклашеевской. Рукопись этой работы, подготовленная в 1923 г., так и не была опубликована (Кузьминых, 2004, С.35).

Завершает дискуссию о выделении ананьинской культуры А.В. Шмидт, который в рецензии на монографию А.М. Тальгрена 1919 г. отмечает, что сам термин «костеносные» городища устарел, так как и на городищах более поздних эпох в больших количествах встречаются кости и костяные изделия (Шмидт, 1924, с. 302). Поддерживая существование единой с «костеносными» городищами ананьинской культуры, исследователь предлагает для окончательного снятия всех сомнений произвести тщательное исследование городищ и расположенных рядом с ними могильников на предмет идентичности их материальной культуры. Происхождение ананьинской культуры А.В. Шмидт связывает с местными культурами эпохи бронзы (Шмидт, 1924, с. 302, 304).

3. Проблема топографии поселений и интерпретации городищ

В начале 80-х годов XIX в. проблема городищенской археологии была сформулирована П.А. Пономаревым на заседании ОАИЭ, и с этого момента началось археологическое изучение досредневековых городищ Волго-Камья. Вопросы интерпретации городищ возникли в археологии позднего бронзового и раннего железного

веков не сразу, первоначально археологи столкнулись с частными вопросами, такими как проблема конструкции валов. После совместных с С.К. Кузнецовым раскопок Ройского городища М.В. Малахов установил, что вал имеет вид кокошника (Малахов, 1882, с. 219). Анализируя результаты разведок П.А. Пономарева, А.А. Штукенберг на городищах выделил два типа валов: простой вал и серповидный (Шишка) (Штукенберг, 1884, с. 330). А.Н. Савельев при раскопках Свиногорского городища выяснил, что вал имел облицовку каменными известняковыми плитами (Савельев, 1884, с. 120).

Однако в дальнейшем на очереди встали и общие проблемы. В вопросе назначения городищ в российской археологии не было однозначного мнения, существовало как минимум три гипотезы, объясняющие их существование. Начиная с 20-х годов XIX в., традиционно преобладала точка зрения З. Доленга-Ходаковского о городищах как языческих святилищах (Доленга-Ходаковский, 1820а–1820е; 1820ж, с. 37, 38; 1820з; 1838, с. 11–13). Его поддерживали М.П. Погодин (1846, с. 400–414) и И.И. Срезневский (1850, с. 533). А.А. Котляревский относил их к могильникам (1867, с. 66). И лишь третья гипотеза, выдвинутая К.Ф. Калайдовичем, трактовала городища в современном понимании – как оставленное огражденное поселение (Калайдович, 1823, с. 55).

Позднее точку зрения К.Ф. Калайдовича поддержали С. Сабинин (1840, с. 144–148), И.Н. Данилович (1841, с. 177), А.С. Уваров (1872, с. 47, 94) и Д.Я. Самоквасов (1873, с. 33, 34, 44, 47), которые отмечали, что большая часть городищ представляет собой

ограждения городов, крепостей и селений, а чернозем на месте их нахождения образовался в результате жизни на них людей.

Первым в Волго-Камье проблеме интерпретации городищ затронул А.А. Спицын, который подробно рассмотрел историю вопроса в 1881 г. Он отмечал существование в Прикамье трех видов городищ: 1) остатков старых городов, 2) остатков временных военных укреплений и 3) собственно древних городищ, назначение которых еще не установлено (Спицын, 1881, с. 17–18). По его мнению, городища третьего вида представляют собой памятники, расположенные на труднодоступных мысах, которые ограждались с напольной стороны одним или несколькими валами (Спицын, 1881, с. 18). Он отмечает наличие на городищах культурных слоев и бытовых вещей.

Рассматривая примерно в это же время данную проблему, А.Е. Теплоухов подчеркивал именно оградительную функцию валов и отделял их от жертвенных мест – «костищ», которые не были укреплены. Отдельно рассматривал он и неукрепленные поселения, считая, что они принадлежали городищам, как в средние века деревни – к замкам (Теплоухов, 1882, с. 30).

В свою очередь, М.В. Малахов отмечал, что наличие на поселении большого числа расколотых костей указывает на продолжительность пребывания здесь человека. Таким образом, городища, как считал исследователь, – это укрепленные мысы, сохранившие кухонные останки и предметы культуры. М.В. Малахов полагал, что Ройский Шихан во многом подобен «костищам», и отмечал, что распространение «костищ» связа-

но с ареалом распространения оленя и медведя, обладающих «развитой костной системой». Однако сами «костища» исследователь подразделял на две группы: кухонные останки (городища) и собственно жертвенные места (Малахов, 1882, с. 221–223)

А.А. Штукенберг, комментируя раскопки П.А. Пономарева в Нижнем Прикамье, подчеркивает именно защитную функцию первобытных городищ, которые существовали как поселения, удобные для обороны и добычи пищи (Штукенберг, 1884, с. 331).

В 1889 г. А.А. Спицын решил для себя вопрос о назначении городищ третьего вида, предполагая, что оно было исключительно религиозным и имело жертвенное и обрядовое назначение (Спицын, 1889, с. 16; 1916, с. 66). Вероятно, большое влияние здесь сыграло ознакомление его с материалами Гляденовского костища, которое располагается на территории Гляденовского городища. Обилие костных останков на семи осмотренных А.А. Спицыным городищах Вятской губернии (Пижемском, Лебяжском, Буйском, Ройском, Аргыжском, Тихогорском I и Свиногорском) позволило ему в 1889 г. ввести в научный оборот термин «костеносные» городища вместо предложенного ранее термина городища третьего вида (Спицын, 1889, с. 11).

Сравнительно редко исследователи обращались к анализу топографии негородищенских памятников. В этом ряду можно назвать работу И.С. Полякова, который на основании совместной с А.А. Штукенбергом разведки пришел к выводу о размещении поселений первобытного человека, в дальнейшем отнесенных к бронзовому веку, на второй надпойменной тер-

расе на окраине заливной равнины. Кроме того, он отмечал, что древние обитатели этих поселений жили в тех же местах, что и современное население Волго-Камья (Поляков, 1880, с. 71, 73).

К этому вопросу обращался и сам А.А. Штукенберг, который совместно с Н.Ф. Высоцким в 1885 г. на основании анализа учтенных к тому времени поселений выделил два типа поселенческих памятников бронзового века: временные стоянки и постоянные жилища (Штукенберг, Высоцкий, 1885, с. 43). Сами исследователи относили их к неолиту, но позднее была доказана принадлежность данных памятников к эпохе позднего бронзового века. А.А. Штукенберг и Н.Ф. Высоцкий показали, что большинство постоянных поселений расположено на наиболее возвышенных точках второй надпойменной террасы, а временные стоянки размещались в пойме (Штукенберг, Высоцкий, 1885, с. 57).

Отталкиваясь от результатов раскопок А.А. Спицына, Н.Г. Первухина, П.А. Пономарева и собственных работ, а также основываясь на материалах этнографических исследований жертвенных мест вотяков и черемисов, С.К. Кузнецов критикует сложившиеся представления о назначении городищ как религиозных центров. Он отмечал, что городища были окружены валами и рвами чисто оборонительного характера, в то время как религиозные центры окружались оборонительными укреплениями лишь в исключительных случаях (Кузнецов, 1910, с. 175).

С.К. Кузнецов предлагает новую трактовку назначения части «костеносных» городищ, отождествляя их с известными по данным этнографии

городками временного обитания охотников и рыболовов, уходивших от основного места жительства на промысел; в таких местах, кроме укреплений, присутствуют и землянки. Кроме того, он отмечает, что этнографические религиозные центры размещаются в укромных местах, в то время как «костеносные» городища – на берегу крупных водоемов. К тому же на них известно большое количество остатков костей животных и рыб, зола, орудия труда и охоты. К таким городищам временного обитания исследователь относит Шуран (Гремячий ключ) и Ройское (Кузнецов, 1910, с. 177).

В противоположность временным местам обитания в материалах городищ – религиозных центров присутствуют предметы, относящиеся к религиозному культу (фигурки птиц и зверей). Здесь встречаются большие скопления пережеванных костей. Такими городищами С.К. Кузнецов считает часть костеносных городищ Камско-Вятского края, прежде всего, из раскопок А.А. Спицына и, частично, П.А. Пономарева (Кузнецов, 1910, с. 179). Таким образом, С.К. Кузнецов предположил существование у носителей костеносной культуры городищ двух типов: мест временного поселения и святилищ.

Работы П.А. Пономарева на «костеносных» городищах Прикамья в 80-е годы XIX в. помогли ему выявить закономерности в топографии и фортификации этих памятников. Он обращает внимание на «миниатюрность» древних городищ по сравнению со средневековыми и отмечает, что они размещаются на высоких берегах рек, в недоступных местах. С напольной части городища защищались валом без воротного проезда, что также от-

личает их от памятников средневековья (Пономарев, 1914, с. 4).

Во время своих полевых исследований П.А. Пономарев зафиксировал на «костеносных» городищах мощные культурные слои, представляющие собой залежи расколотых костей домашних и диких животных, и определил их как кухонные остатки (Пономарев, 1914, с. 4). Это обстоятельство позволило исследователю утверждать, что городища использовались в качестве мест обитания, так как на культовых поселениях не могли накапливаться кухонные отходы – это свидетельство постоянного проживания на них древних людей (Пономарев, 1914, с. 4).

Завершает дискуссию о назначении городищ М.Г. Худяков. Он поддержал точку зрения П.А. Пономарева о том, что городища были местами поселений. М.Г. Худяков отмечал, что если принять гипотезу о религиозном и промысловом назначении костеносных городищ, то тогда должны существовать и другие городища, предназначенные для повседневного проживания на них людей, но такие поселения не известны, а потому эта гипотеза несостоятельна (Худяков, 1917, с. 8–9).

4. Проблема систематизации погребального обряда

Изучение погребального обряда позднебронзового и раннего железного веков началось с открытия Ананьинского могильника и на протяжении XIX – начала XX вв. ограничивалось в основном материалами этого некрополя. Первую интерпретацию погребального обряда «Могильника» предпринял И.В. Шишкин в письме, написанном весной 1856 г. К.И. Невоструеву. Он отождествил две низкие дюны, на которых распо-

ложены некрополь с двумя курганами (Невоструев, 1871а, с. 596).

Летом 1856 г. управляющий Вятской удельной конторой, запретив И.В. Шишкину раскопки на памятнике, направил для производства работ одного из своих депутатов, который самостоятельно произвел исследования, более похожие на кладоискательские поиски. Низкая квалификация чиновника не позволила ему провести качественные раскопки, он нашел лишь один костяк человека в сопровождении медных вещей, а затем раскопы были заброшены (Алабин, 1860, с. 89). И.В. Шишкин, осматривая вырытые «удельными» ямы, выявил и зарисовал часть панцирной обкладки каменных кругов, впоследствии исследованных П.В. Алабиным (Невоструев, 1871а, с. 596).

П.В. Алабин в развитие гипотезы И.В. Шишкина высказался в пользу подкурганного обряда погребения Ананьинского могильника, с курганными насыпями он отождествлял саму дюну. Всего, на основании своих исследований, П.В. Алабин выделил четыре обряда захоронения умерших: ингумацию, кремацию, погребения голов и обряд «раздавливания», отнеся к последним погребения в каменных ящиках (Алабин, 1860, с. 111–113; Штадлер, 1992, с. 66). Необходимо отметить, что к обряду трупосожжения исследователь относил все погребения, содержащие даже незначительное количество золы и угля в засыпи могильной ямы. Кремация, как считал исследователь, производилась внутри каменных кругов, после чего из кострища выбирались сохранившиеся останки человека и помещались в могильной яме в анатомическом порядке (Алабин, 1860, с. 111–113).

Эту мысль развил Э. Эйхвальд, который считал, что все могилы в Ананьинском могильнике были совершены в один день по обряду трупосожжения, являясь погребением под одним курганом некоего скифского правителя с женами и свитой. Присутствие здесь погребений в виде отдельных черепов он объяснял обычаем каннибализма в среде населения, оставившего могильник (Eichwald von, 1860, S. 458, 459).

В дальнейшем идею существования подкурганного обряда захоронения у носителей ананьинской культуры поддерживали К.И. Невоструев, П.А. Пономарев, Ф.Д. Нефедов, А.М. Тальгрэн, М.Г. Худяков (Невоструев, 1871а, с. 598; Пономарев, 1892; Нефедов, 1899; Tallgren, 1919; Худяков, 1923; Чижевский, 2008, с. 9).

В 80–90-е годы XIX в. А.Ф. Лихачевым и П.А. Пономаревым были исследованы могильники эпохи финальной бронзы Маклашеевка I–II, где были открыты подкурганные захоронения в длинных курганах. Однако материалы раскопок были введены в научный оборот лишь в XX в. и не оказали большого влияния на развитие представлений о погребальном обряде на начальной стадии изучения позднебронзового и раннего железного веков (Chudjakov, 1926a; Халиков, 1980).

В 1865 г. была открыта новая страница в изучении погребального обряда. П.И. Лерху во время исследований Ананьинского могильника удалось приобрести небольшой камень с изображением человека, впоследствии атрибутированный как стела или часть каменного ящика. Материалы раскопок были опубликованы очень фрагментарно (Лерх, 1866, с. 12–13),

и информация об этом камне долгое время отсутствовала. Впервые его ввел в научный оборот И.Р. Аспелин (1877б, р. 107, fig.402). По этой причине открытие обряда установки стел на Ананьинском могильнике произошло лишь в 1870 г., когда К.И. Невоструевым была приобретена у крестьян д. Ананьино плита с изображением воина. Он установил, что она была выкопана на «Могильнике» и, судя по изображенному на ней оружию и деталям одежды, относится к Ананьинскому некрополю. Исследователь предположил, что она могла играть роль надгробного камня. Эта гипотеза оказалась очень устойчивой и существовала вплоть до конца XX века (Невоструев, 1871а, с. 77; Чижевский, 2005, с. 268).

В 1871 г. К.И. Невоструев поставил под сомнение гипотезу Э. Эйхвальда об Ананьинском могильнике как некрополе, все погребения которого были совершены в один день. Этому противоречила разная глубина человеческих костяков и могильных ям (Невоструев, 1871а, с. 598). На основании аналогий с Гальштатским могильником в отдельный вид захоронений исследователь выделил частичные погребения голов человека, как не связанные с обрядами каннибализма преднамеренные погребения; обряд «раздавливания» К.И. Невоструев не упоминает, видимо, не признавая его существования (Невоструев, 1871а, с. 91). Исследователь фиксирует наличие трех обрядов захоронения на Ананьинском могильнике: трупоположения, трупосожжения и частичного погребения. В дальнейшем утверждение о наличии трех обрядов погребения в «Могильнике»

стало доминирующим в археологии Волго-Камья.

Присоединился к гипотезе о не одновременности захоронений на Ананьинском могильнике и П.А. Пономарев, который во время своих исследований некрополя отмечал расположение могил на разных горизонтах от материкового песка до чернозема (Пономарев, 1892, с. 429). Соглашаясь с наличием трех обрядов погребения, исследователь обращает внимание на тот факт, что большая часть погребений Ананьинского могильника не подвержена кремации, а лишь содержит следы огненных ритуалов. На деле эти захоронения являются трупоположениями, только отдельные погребения этого могильника можно считать подлинными трупосожжениями и частичными погребениями (Пономарев, 1892, с. 433, 434).

Значительно дальше пошел В.Ф. Кудрявцев, который высказал предположение о том, что сочетание обрядов кремации и ингумации на Ананьинском могильнике необходимо объяснять сменой времен года и, таким образом, перед нами зимний и летний варианты погребального обряда. Для более полной реконструкции погребальных обрядов могильника он подчеркивал необходимость изучения мифологии и этнографии народов Прикамья (Кудрявцев, 1906).

В 1890-е годы база изучения погребального обряда расширилась благодаря работам Ф.Д. Нефедова в Нижнем Прикамье. На основании раскопок Котловского могильника исследователь выделил семейные (захоронения мужчины и женщины), одиночные, общие и частичные погребения (Нефедов, 1899, с. 43).

Наиболее полно проблемы изучения погребального обряда бронзового века Волго-Камья в начальный период изучения были рассмотрены А.М. Тальгреном в монографии «L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale» (1919). Исследователь, анализируя погребения в каменных кругах, приходит к выводу, что камнями были обложены основания отдельных курганов над некоторыми из погребений, а большая часть погребений были грунтовыми. Что касается обряда погребения, то преобладающим, по мнению А.М. Тальгрена, был обряд ингумации, включающий полное и частичное погребение, в то время как кремация – явление более редкое и второстепенное. Исследователь выделяет одиночные и коллективные погребения, кроме того, здесь впервые отмечена речная ориентировка погребений. Другим наблюдением А.М. Тальгрена была констатация факта большего богатства мужских погребений по сравнению с женскими (Tallgren, 1919, p. 5–57).

Вопросы систематизации погребального обряда М.Г. Худяков рассматривает в своей работе 1923 г. Так же, как и его предшественники, он выделяет три обряда погребения: трупосожжения, частичные погребения и трупоположения. Вслед за П.А. Пономаревым большинство трупосожжений, выделенных П.В. Алабиным на Ананьинском могильнике, он отнес к трупоположениям. Погребальный обряд ананьинской культуры эволюционировал, как предполагал исследователь, от трупоположений к трупосожжениям и частичным погребениям (Худяков, 1923, с. 108, 111, 113), а стелы, по его мнению, стави-

лись непосредственно над могильной ямой. Эта работа в части, касающейся погребального обряда, не является в полной мере самостоятельной, но она аккумулировала основные точки зрения по данному вопросу и наряду с монографией А.М. Тальгрена (1919) подвела итог первому этапу изучения погребального обряда позднебронзового и раннего железного веков.

5. Локальные проблемы

5а. Проблема исследования керамики. Керамика как отдельный объект изучения рассматривалась в трудах начального этапа исследования позднебронзового и раннего железного веков нечасто. Она привлекала внимание исследователей на очень ограниченном промежутке времени – в 80-е – начале 90-х годов XIX в.

Первым затронул данную тему А.Е. Теплоухов. Изучая керамику на чудских городищах и костищах, он обратил внимание на обильную примесь раковины в керамике этих памятников. Исследователь высказал мнение о том, что эта примесь является преднамеренной добавкой. А.Е. Теплоухов предположил, что примеси к глине использовались не для упрочнения керамики, так как раковина легко разрушается при воздействии огня, а употреблялись для украшения сосуда, свидетельством этому, как он считал, были подобные примеси в пряслицах (Теплоухов, 1882, с. 11).

Поддержал эту точку зрения А.А. Иностранцев. Он полагал раковинные примеси «прихотливым вкусом... доисторического человека», которому требовалось разнообразие материала для производства керамики (Иностранцев, 1882, с. 168, 170). Для доказательства того, что древние люди использовали местную глину,

он произвел даже химический анализ керамики и местных ладожских глин (Иностранцев, 1882, с. 169).

В поддержку точки зрения А.А. Иностранцева об использовании человеком местных глин высказался Н.Ф. Высоцкий. Однако трактовка им примесей к глиняному тесту была иной. Он считал, что это случайные примеси в глине, которые уже содержались в ней при ее изъятии для изготовления керамики (Штукенберг, Высоцкий 1885, с. 17). Свидетельством этому является большое разнообразие примесей в древней керамике, в том числе мелкие камешки, перья, дробленая раковина, кусочки дерева, а также наличие таких примесей в глинах. Эту точку зрения впоследствии отстаивал и Ф.А. Теплоухов, отмечая, что первобытный человек не заботился о чистоте глины, выбирая материал для изготовления керамики (Теплоухов, 1892, с. 48–49).

Производство первобытной посуды без применения гончарного круга на материалах Волго-Камья было зафиксировано Н.Ф. Высоцким. Исследователь выявил два способа ее изготовления: 1) лепным и 2) с основой в виде корзины. Кроме того, он полагал, что по своему назначению керамику можно разделять на кухонную, предназначенную для постоянного использования, и религиозную, предназначенную для помещения в могилы и жертвоприношений (Штукенберг, Высоцкий, 1885, с. 16, 19).

5б. Проблема изучения хозяйства. Проблема изучения хозяйства населения Волго-Камья в рассматриваемый промежуток времени была одной из наиболее разработанных и часто затрагиваемых среди локальных проблем. Ее отличие от направлений

основного потока научного исследования заключается в краткости и отрывочности обращения к ней археологов.

Основные гипотезы по данной проблематике были сформулированы уже в начале 80-х годов XIX в. Первоначально споры шли вокруг хозяйства обитателей первобытных городищ.

Первая точка зрения возникла после раскопок городища Сорочьи Горы в 1881 г., когда в его культурном слое были выявлены многочисленные кости домашних животных. В результате при перечислении занятий обитателей городища П.А. Пономарев поставил скотоводство на первое место (Пономарев, 1884, с. 324).

Вторую точку зрения сформулировал М.В. Малахов, который на основании раскопок Ройского городища пришел к выводу о том, что обитатели городища были охотниками и рыболовами, а главными объектами охоты являлись олень и медведь (Малахов, 1882, с. 221). Впоследствии к этой точке зрения присоединился и П.А. Пономарев, который кроме охоты и рыболовства не исключал антропофагии (1915, с. 1, 6).

А.А. Спицын занял промежуточную позицию; он считал, что образ жизни населения «костеносных» городищ был охотничий и скотоводческий, свидетельством чему являются многочисленные находки костей животных, причем больше встречаются, как он полагал, кости диких животных (Спицын, 1889, с. 11). Здесь он следовал за А.А. Штукенбергом, который еще в 1885 г. высказал подобную точку зрения (Штукенберг, Высоцкий, 1885, с. 3–4).

А.Ф. Лихачев с уверенностью говорил о существовании коневодства

и зачатков земледелия в бронзовом веке Волго-Камья. Это заключение он сделал на основании находок конской упряжи, бронзовых серпов и мотыг, к последним он отнес и чеканы (Лихачев, 1884, с. 28; 1891а, с. 164). Находки литейной формы и двух льячек на городище Сорочьи Горы из раскопок П.А. Пономарева позволили А.Ф. Лихачеву предположить местное производство бронзовых изделий (Лихачев, 1891, с. 133). Местами добычи меди он считал «чуждые копи», известные в Мамадышском и Тетюшском уездах Казанской губернии (Лихачев, 1891, с. 144). О самостоятельности традиции металлургии Волго-Камья говорил и А.А. Штукенберг, который опирался на наличие литейных форм и инструментов для добычи руды, выявленных на территории Казанской губернии, а также на Каргалинских рудниках в Оренбургской губернии, в которых были найдены орудия и следы добычи руды в древности (Штукенберг, 1901, с. 4).

Хозяйство поселений бронзового века рассматривалось в работах А.А. Штукенберга и Н.Ф. Высоцкого. В своей совместной статье исследователи отмечали, что размещение памятников каменного века (эпохи бронзы) на низких надпойменных террасах обусловлено близостью к источникам добычи пищи, прежде всего, к заливным озерам, но не исключали охоту на птицу и зверя в пойменных лесах (Штукенберг, Высоцкий, 1885, с. 13, 14, 54).

Н.Ф. Высоцкий на основании находок глиняных напярслиц на Отарской стоянке предполагал наличие ткачества и земледелия у местных племен каменного (позднебронзового) века (Высоцкий, 1908, с. 3).

Используя данные А.А. Штукенберга (1901), В.А. Городцов пришел к выводу о том, что материальная культура Волго-Камья в бронзовом веке отражает высокий уровень развития местного населения, которое знало земледелие, скотоводство, обрабатывало металлы (Городцов, 1910, с. 277). Носители культуры костеносных городищ в раннем железном веке, напротив, по мнению В.А. Городцова, «занимались охотой и только немного скотоводством» (Городцов, 1910, с. 268).

А.М. Тальгрэн вслед за М.В. Малаховым полагал возможным говорить о том, что носители ананьинской культуры были охотниками и рыбаками, и в дополнение высказал предположение об их пастушеском полукочевом хозяйстве (Tallgren, 1919, p. 58–78).

Точка зрения А.М. Тальгрэна о полукочевом характере хозяйства носителей ананьинской культуры встретила резкую критику со стороны М.Г. Худякова и А.В. Шмидта. М.Г. Худяков, полемизируя с А.М. Тальгрэном, считал, что ананьинское население было оседлым полужемледельческим-полуохотничьим и стадного скотоводства не имело (Худяков, 1922, с. 207). А.В. Шмидт, отмечал, что все находки серпов с территории ананьинской культуры являются подъемным материалом. Однако некоторые костяные орудия и медные кельты могли использоваться как мотыги, а учитывая навыки литейного дела, можно говорить о прочной оседлости и, таким образом, о наличии земледелия. Скотоводство, считал он, было вспомогательным источником питания местного населения (Шмидт, 1924, с. 303).

Затрагивал А.В. Шмидт и вопросы производства металлов. И если производство бронзы у носителей ананьинской культуры не вызывает у исследователя возражения, то возможность изготовления железа, полагает он, пока не доказана однозначно, так как нет достоверных следов его производства на поселениях и вещи из могильников могут быть привозными (Шмидт, 1924, с. 304).

5в. Проблема происхождения кельтов. В докладе «О древнейших обитателях Европы», прозвучавшем 10 октября 1859 г., академик К.Э. Бэр отметил, что благодаря раскопкам П.В. Алабина стало известно о распространении бронзовых кельтов не только в Западной, но и в Восточной Европе (Бэр, 1865, с. 98; Райков, 1961, с. 297). С публикацией этого доклада в 1863 г. возникла и проблема истоков данного типа изделий. Однако прошло более 50 лет, прежде чем эта проблема была облечена в рамки реального обсуждения. Исходя из имеющихся у исследователей материалов, возникли две точки зрения на происхождение кельтов: шведская, представленная А.М. Тальгрэном, и сибирская, предложенная В.А. Городцовым.

В рамках проблематики Волго-Камья финала бронзового и раннего железного веков представляет интерес та часть дискуссии, которая касалась кельтов «шведского» или меларского типа. А.М. Тальгрэн считал их изначальным типом для всех остальных и относил их существование ко времени около 1000 г. до н.э. (Tallgren, 1911, S. 33). Более того, А.М. Тальгрэн в работе о «Шведских сношениях с Россией в бронзовом веке» (Tallgren, 1916a, w. 362–374) охарактеризовал находки кельтов меларского типа как

свидетельства наличия здесь шведских колоний (Tallgren, 1916a, p. 368–371). Свою мысль он иллюстрировал тремя картами, отражающими, на его взгляд, родство материальной культуры Швеции, Финляндии и России (Tallgren, 1916a, fig. 4–6). В более поздней работе он смягчил свою позицию и говорил уже лишь о торговых контактах между Скандинавией и Россией (Tallgren, 1919).

В противоположность А.М. Тальгрену В.А. Городцов считал кельты в Западной Европе привнесенным явлением. Исследователь подчеркивает, что кельты распространены на огромной территории, включающей Индокитай, Китай, Японию, Сибирь, Европу и западную часть Малой Азии. Он отмечал, что точка зрения о самостоятельном западном происхождении кельтов основана на предположении, что они произошли от палыштабов (бронзовых топоров с плоским насадом с закраинами), у которых прослеживается орнаментация, подобная орнаментации кельтов. Однако, полагал В.А. Городцов, в данном случае произошел перенос привычной орнаментации на заимствованный тип предмета. Кельт, как считал исследователь, произошел от медного топора-клина на территории Восточной Азии, вероятно, в Китае или Сибири, причем, предполагал он, в Сибири это событие могло произойти раньше, так как здесь представлено большое разнообразие форм кельтов, демонстрирующих «всю шкалу эволюционного развития». Кельт сейминского типа, считал В.А. Городцов, является прямым развитием клиновидного топора, и из этой формы в дальнейшем развились все остальные: безушковые, с лобным ушком, одноушковые и двуушковые.

Проникновение одноушковых кельтов в Западную Европу произошло поздно, между 1050–800 гг. до н.э., и уже отсюда в измененном виде (меларский тип) началось их распространение на восток (Городцов, 1915, с. 186–194).

5г. Проблема изучения социальной структуры. Специальных исследований по социальной структуре населения Волго-Камья позднебронзового и раннего железного веков на начальном этапе не было создано. Существуют лишь отдельные, отрывочные высказывания исследователей по данному вопросу, касающиеся, в основном, труда А.М. Тальгрена (1919 г.) и рецензий на него.

Первым по этому поводу высказался сам А.М. Тальгрэн, развивая гипотезу А.А. Спицына о погребении на Ананьинском могильнике знатных людей из «костеносных» городищ. Он объяснил богатство погребального инвентаря могильников ананьинского типа и относительную «бедность» однокультурных с ними «костеносных» городищ различием социально-экономических условий. А.М. Тальгрэн считал, что в некрополях хоронили обитателей богатых селищ, а на городищах жили бедные жители. На основании предположения о близости ананьинской культуры к гляденовским древностям А.М. Тальгрэн считал возможным выделять в ананьинской среде шаманов (Tallgren, 1919, p. 76–78).

В своей рецензии М.Г. Худяков, критикуя А.М. Тальгрена, остроумно замечает, что «жители укрепленных городищ скорее подходят под понятие горожан» обычно более богатых, тем не менее, инвентарь могильников богаче, чем находки из городищ (Худяков, 1922a, с. 207). В свою очередь,

М.Г. Худяков на основе анализа погребального обряда приходит к выводу о наличии у носителей ананьинской культуры специальных жрецов, которые осуществляли различные жертвоприношения, и здесь он сближается с А.М. Тальгреном (Худяков, 1923, с. 114).

А.В. Шмидт, напротив, считает возможным говорить о скудности материальной культуры «ананьинцев», в том числе и их могильников, по сравнению с синхронными культурами скифов и кельтов периода латена (Шмидт, 1924, с. 303). Такая бедность, по его мнению, не могла привести к значительному социальному расслоению. Однако, судя по некоторым погребениям с каменными плитами из Ананьинского могильника, у них уже существовал институт вождей (Шмидт, 1924, с. 303).

Заключение. Подведем некоторые итоги. Начало исследования памятников позднебронзового и раннего железного веков в Волго-Камье связано с именами П.В. Алабина, И.В. Шишкина и К.И. Невоструева, а затем с казанской школой археологии, где сформировалась целая плеяда ученых, занимающихся данной тематикой: П.А. Пономарев, А.Ф. Лихачев, А.А. Штукенберг и многие другие. Огромное влияние на развитие данного направления археологии оказала личность А.А. Спицына, а впоследствии А.М. Тальгрена. Монографии

последнего суммировали и обобщили весь предшествующий опыт археологического исследования Волго-Камья и поставили археологию «на научную основу».

К концу первого этапа археология эпохи поздней бронзы и раннего железа пришла со следующими представлениями о предмете своего изучения.

1. Были открыты и включены в научный оборот памятники, отнесенные к позднему бронзовому и раннему железному векам.

2. Введены понятия бронзового и раннего железного веков.

3. Выделена и обоснована ананьинская культура, которая была отнесена к раннему железному веку.

4. Разработаны хронология и периодизация рассматриваемой эпохи.

5. Опубликованы первые антропологические определения.

6. Население позднебронзового и раннего железного веков было отнесено к предкам финно-угорских народов.

7. Была доказана принадлежность городищ раннего железного века к поселенческим памятникам.

8. Предприняты попытки систематизации погребального обряда.

9. Появляются первые опыты анализа топографии, вмещающего ландшафта первобытных поселений, хозяйства и социальной структуры древних обществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алабин П.В. Ананьинский могильник // ВРГО. – 1860. – Ч. XXIX, № 6.
2. Анучин Д.Н. Следы бронзового века в Прикамье. По раскопкам Ф.Д. Нефедова // Оттиск из АИЗ. – 1895. – № 6.
3. *Аппельгрэн-Кивало О.Х.* Основные черты скифо-пермского орнаментального стиля // Тр. XV АС. – М, 1911. – Т. I.

4. *Аспелин Й.Р.* О потребности изучения форм предметов и постепенном развитии этих форм в доисторических временах // Тр. IV AC. – Казань, 1884. – Т. I.
5. *Бэр К.М.* О древнейших обитателях Европы // Шлейден М.И. Древность человеческого рода. – СПб.: Изд. О.И. Бакста, 1865.
6. *Венелин Ю.И.* Истоки Руси и славянства. – М.: Институт русской цивилизации, 2011.
7. *Высоцкий Н.Ф.* Каменный век в Казанской губернии // ИОАИЭ. – 1908. – Т. XXIII, вып. 6.
8. *Городцов В.А.* Бытовая археология. – М.: Изд. МАИ, 1910.
9. *Городцов В.А.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома // Древности. – 1914. – Т. XXIV.
10. *Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Российского исторического музея в Москве за 1914 г. – М., 1915.
11. *Данилович И.Н.* Исторический взгляд на древнее образование городов славянских и преимущественно польских до XIII столетия // Русский исторический сборник. – М., 1841. – Т. IV, кн. 2.
12. *Доленга-Ходаковский З.* Проект ученого путешествия по России, для объяснений древней славянской истории // Сын Отечества. – СПб., 1820а. – Ч. 64, № XXXIV.
13. *Доленга-Ходаковский З.* Проект ученого путешествия по России, для объяснений древней славянской истории // Сын Отечества. – СПб., 1820б. – Ч. 64, № XXXV.
14. *Доленга-Ходаковский З.* Проект ученого путешествия по России, для объяснений древней славянской истории // Сын Отечества. – СПб., 1820в. – Ч. 64, № XXXVI.
15. *Доленга-Ходаковский З.* Проект ученого путешествия по России, для объяснений древней славянской истории // Сын Отечества. – СПб., 1820г. – Ч. 64, № XXXVIII.
16. *Доленга-Ходаковский З.* Проект ученого путешествия по России, для объяснений древней славянской истории // Сын Отечества. – СПб., 1820д. – Ч. 64, № XXXIX.
17. *Доленга-Ходаковский З.* Проект ученого путешествия по России, для объяснений древней славянской истории // Сын Отечества. – СПб., 1820е. – Ч. 64, № XL.
18. *Доленга-Ходаковский З.* Извлечения из плана путешествия по России для отыскания древностей славянских // Вестник Европы. – СПб., 1820ж. – Ч. 113, № 17.
19. *Доленга-Ходаковский З.* Извлечения из плана путешествия по России для отыскания древностей славянских // Вестник Европы. – СПб., 1820з. – Ч. 113, № 18.
20. *Доленга-Ходаковский З.* Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. – М., 1838. – Т. I, кн. 3.
21. *Ешевский С.* Заметка о пермских древностях (из письма к издателю Пермского сборника) // Пермский сборник. – М.: В тип. Лазаревского института восточных языков, 1859. – кн. I.
22. *Иностранцев А.А.* Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882.
23. *Калайдович К.Ф.* Письма А.Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии в 1822 г. – М., 1823.
24. *Кастрен М.А.* Путешествие в Сибирь (1845–1849) // Сочинения в двух томах. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 2.
25. *Карпелан К., Уйно П.* Очерк о коллекции вещей из Ананьинского могильника близ Елабуги в Национальном музее Финляндии // У истоков археологии Волго-Камья

(к 150-летию открытия Ананьинского могильника) – Елабуга, 2009. (Археология Евразийских степей. Вып. 8).

26. *Кротов П.И.* Древние поселения Яранского уезда // ИОАИЭ. – 1892. – Т. X, вып. 4.

27. *Котляревский А.А.* Примечание к статье Д. Шенинга «Известие о раскопке двух Майданов» // Древности. Археологический вестник. – М., 1867. – Вып. I, март-апрель.

28. *Кудрявцев В.Ф.* Ананьинский могильник // В.Ф. Кудрявцев. Старина, памятники, предания и легенды Прикамья. – Вятка: Губ. тип., 1906. – Вып. 4.

29. *Кузнецов С.К.* Русская историческая география. Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте в 1907–1908 г. (Меря, мешера, мурома, весь). – М.: Синодальная типография, 1910. – Вып. 1.

30. *Кузьминых С.В.* Казанские годы в жизненном и творческом пути М.Г. Худякова // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова. – Казань, 2004.

31. *Кузьминых С.В.* А.А. Спицын и А.М. Тальгрэн: из истории отечественной археологии начала XX века // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2011. – Вып. 8. – Т. II.

32. *Лепехин И.И.* Продолжение дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771 году. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1814.

33. *Лерх П.И.* Об Ананьинском могильнике // ОАК за 1865 г. – СПб, 1866.

34. *Лихачев А.Ф.* Бытовые памятники Великой Булгарии // Тр. II АС. – СПб., 1876. – Т. 1.

35. *Лихачев А.Ф.* Скифский след на Билярской почве // ИОАИЭ. – 1884. – Т. V.

36. *Лихачев А.Ф.* Скифские элементы в чудских древностях Казанской губернии // Тр. VI АС. – Одесса, 1886. – Т. I.

37. *Лихачев А.Ф.* Следы бронзового века в Казанской губернии // Тр. VII АС. – М., 1891. – Т. 2.

38. *Малахов М.В.* К антропологии Вятского края // Изв. РГО. – СПб., 1882. – Т. XVIII, вып. 4.

39. *Малиев Н.М.* Антропологические изыскания 1880 г. // Тр. Общества естествоиспытателей при Казанском университете. – 1880. – Т. X, вып. 4.

40. *Назипова Г.Р., Измайлова С.Ю.* «Казанский антиквариум». – Казань: Фолиантъ, 2006.

41. *Невострев К.И.* Ананьинский могильник // Тр. I АС. – М., 1871а. – Т. II.

42. *Невострев К.И.* Елабужские древности // Тр. MAO. – М., 1871б. – Т. 3, вып. 2.

43. *Нефедов Ф.Д.* Археологические исследования в Южном Приуралье и Прикамье в 1893–1894 гг. // МАВГР. – 1899. – Т. III.

44. *Овчинникова Б.Б.* У истоков уральской археологии. Теплоуховы // Изв. Уральского университета. – Екатеринбург, 1998. – № 8.

45. *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. – М., 1846. – Т. II.

46. *Поляков И.С.* Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию, исполненная по поручению Императорской Академии наук // Зап. Имп. Академии наук. – СПб., 1880. – Т. 37, кн. I.

47. Пономарев П.А. Предварительное сообщение о результатах раскопок в Лаишевском уезде близ с. Шуран и дер. Сорочьих Гор, произведенных летом 1881 г. // ИОАИЭ. – 1884. – Т. 3.
48. Пономарев П.А. О результатах раскопок в Лаишевском уезде близ с. Шуран и дер. Сорочьих Гор // ИОАИЭ. – 1884а. – Т. 4.
49. Пономарев П.А. Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжского края. I. Ананьинский могильник (археологический этюд) // ИОАИЭ. – 1892. – Т. X, вып. 4.
50. Пономарев П.А. По следам первобытных звероловов Камско-Вятского края: (Результаты летних экскурсий 1912 г.) // Приложение к ПЗООКУ. – 1912–1913 (1914). Год 44. – № 290.
51. Пономарев П.А. Поиски следов населения переходной эпохи от бронзы к железу в низовьях Камы и по Волге, выше Камского Устья: (Отчет об экскурсии 1913 г.) // Приложение к ПЗООКУ. – 1913–1914 (1915). Год 45. – № 298.
52. Райков Б.Е. Карл Бэр его жизнь и труды. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
53. Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1770.
54. Сабинин С. Отрывки из писем протоирея Сабинина на имя секретаря Общества, профессора Погодина // Русский исторический сборник. – М., 1840. – Т. IV, кн. 1.
55. Савельев Н. Заметка о насыпи на левом берегу реки Вятки, неподалеку от впадения ее в Каму // Тр. IV АС. – Казань, 1884. – Т. I.
56. Салминен Т. И.Р. Аспелин – А.М. Тальгрэн и проблема Урало-Алтайского бронзового века // РА. – 2011. – № 4.
57. Самоквасов Д.Я. Древние города России. Историко-юридическое исследование. – СПб.: Тип. К. Замыловского, 1873.
58. Смирнов И.Н. Рецензия на книгу «Материалы для археологии России. Древности Вятской губернии» А.А. Спицына. М., 1893 // ИОАИЭ. – 1894. – Т. XII, вып. 3.
59. Смирнов И.Н. Каракулинский могильник // ИОАИЭ. – Казань, 1895. – Т. XII, вып. 4.
60. Смирнов И.Н. Чудские древности // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1903. – Т. 39 (77).
61. Спицын А.А. Каталог древностей Вятского края. – Вятка: Изд. Губ. стат. комитета, 1881.
62. Спицын А.А. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края // Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края. Древнейшая судьба Вятской области. – Вятка, 1889.
63. Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. – М., 1893. – Вып. 1.
64. Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. // МАВ. – СПб., 1901. – № 25.
65. Спицын А.А. Мои научные работы // Seminarium Kondakovianum. – Prague, 1928. – Т. II.
66. Срезневский И.И. О городищах в землях Славянских, преимущественно западных // ЗООИД. – 1850. – Т. II.
67. Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Зап. Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1882. Т. VI, вып. I.

68. *Теплоухов Ф.А.* Вещественные памятники каменного и бронзового веков в западной части Пермской губернии // Тр. ПУАК. – 1892. – Вып. 1.
69. *Толмачев Н.А.* Об остатках древности в пределах Казанской губернии // Тр. IV АС. – Казань, 1896. – Т. I.
70. *Уваров А.С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. – М.: Синодальная тип., 1872.
71. *Флоринский В.М.* Об искусственно обезображенных черепах (макроцефалах) к № 587 // Археологический музей Томского университета. – Томск: Тип. Михайлова и Макушина, 1888.
72. *Халиков А.Х.* Приказанская культура. // САИ. – М.: Наука, 1980. – Вып. В1–24.
73. *Худяков М.Г.* Древности Малмыжского уезда // Тр. Вятской Ученой архивной комиссии. – Вятка, 1917. – Вып. I–II.
74. *Худяков М.Г.* Петр Алексеевич Пономарев (1847–1919 гг.) // ИОАИЭ. – 1920. – Т. 30, вып. 3.
75. *Худяков М.Г.* К посещению Казани В.А. Городцовым // КМВ. – 1920а. – № 7–8.
76. *Худяков М.Г.* Рец.: Tallgren A.M. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale // СМУА. 1919. Т. 31: 1 // КМВ. – 1922а. – № 1.
77. *Худяков М.Г.* Ананьинская культура // КМВ. – 1923. – № 2.
78. *Худяков М.Г.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов // Библиотека ГАИМК. – Л.: ГАИМК, 1933. – № 13.
79. *Чижевский А.А.* Ананьинские (постмаклашеевские) стелы // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. – М., 2005.
80. *Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). – Казань: Школа, 2008.
81. *Чугунов С.М.* Черепа и скелеты Маклашеевского могильника // Приложение к ПЗОЕКУ. – 1904а. – № 227.
82. *Чугунов С.М.* Черепа Ананьинского могильника // Приложение к ПЗОЕКУ. – 1904б. – № 228.
83. *Шафарик П.И.* Славянские древности. Часть историческая. – М.: В университетской типографии, 1847. – Т. I, кн. 2.
84. *Шестаков П.Д.* Несколько слов о могильнике, находящемся близ д. Ананьиной в 4 верстах от Елабуги // ИОАИЭ. – 1879. – Т. II.
85. *Шмидт А.В.* Рец.: Tallgren A.M. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale // СМУА. 1919. Т. 31:1 // Борьба классов. – Л., 1924. – № 1–2.
86. *Шмидт А.В.* Археологическое изучение древностей Севера СССР // Финно-угорский сборник. Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Вып. 15. – Л., 1928.
87. *Штадлер Т.В.* История изучения погребальных памятников ананьинской культуры в Удмуртском Прикамье (середина XIX – 20-е гг. XX в.) // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. – Ижевск, 1992.
88. *Штукенберг А.А.* Несколько замечаний по поводу раскопок: 1) близ села Шурана и дер. Сорочьих Гор (в Лаишевском у. Каз. губ.) и 2) над так называемым Ройским Истоком (на границе Уржумского и Малмыжского уу. Вятской губ.), произведенных летом 1881 года // ИОАИЭ. – 1884. – Т. III.

89. Штукенберг А.А., Высоцкий Н.Ф. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии // Тр. ОЕКУ. – 1885. – Т. XIV, вып.5.

90. Штукенберг А.А. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы России // ИОАИЭ. – 1901. – Т. 17, вып. 4.

91. *Appelgren-Kivalo Hj.* Die Grundzüge des skythisch-permischen Ornamentstiles // SMYA. – 1912. – № 26.

92. *Aspelin J.R.* Ages de la Pierre et du Bronze // Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloita – Antiquités du Nord Finno-ougrien. – Helsinki, 1877a. – Vol. I.

93. *Aspelin J.R.* Ananinon kalmisto/Nécropole d’Ananino // Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloilta. II. Rauta-aik. Antiquités du Nord finno-ougrien. – Helsinki-Helsingfors. 1877б. – Vol. II.

94. *Aspelin J.R.* Vertailevasta muinaistutkinnosta // SMYA. – 1877в. – Vol. II.

95. *Baye le baron J. de.* La nécropole d’Ananino (Gouvernement de Viatka, Russie) // Mémoires de la Société National des Antiquaires de France.– Paris: Librairie nilsson, 1897. – Vol. LVI (1895).

96. *Chudjakov M.* Die Ausgrabeungen von P.A. Ponomarev in Maklaseevka im Jahre 1882 // FUF. – 1926a. – Bd. XVIII.

97. *Eichwald von E.* Über die Saugethierfauna der neureu Molasse des südlichen Russland und die eich an die Molasse anschliessende vorhistorische Zeit der Erde // Bulletin de la Societe imperiale des naturalistes de Moscou. – 1860. – № 4.

98. *Minns E.H.* Scythians and Greeks. – Cambridge, 1913.

99. *Tallgren A.M.* Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland // SMYA. – 1911. – Т. XXV.

100. *Tallgren A.M.* Die bronzenen Speerspitzen Ostrusslands mit zwei Ausschnitten im Blatt // Opuscula archaeologica Oscari Montelio septuagenario dicata. – Stockholm, 1913.

101. *Tallgren A.M.* Collection Zaoussailov au Musée historique de Finlande à Helsingfors. – Helsinki, 1916. – Vol. I.

102. *Tallgren A.M.* Sveriges förbindelser med Ryssland under bronsålderen // Finsk Tidsskrift. – 1916a. – T.LXXX.

103. *Tallgren A.M.* L’epoque dite d’Ananino dans la Russie orientale // SMYA. – 1919. – Т. 31:1.

104. *Tallgren A.M.* L’Ethnographie préhistorique de la Russie du nord et des États Baltiques du nord // Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis. – 1923. – Bd. IV:4.

Информация об авторе:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

INITIAL PERIOD OF INVESTIGATION THE LATE BRONZE AND EARLY IRON AGES IN VOLGA-KAMA AREA. OFFICE ANALYTICAL STUDIES

A.A. Chizhevsky

Problems of analytical archaeological research characteristic of the initial period of the studies of the Late Bronze Age and the Early Iron Age in the Volga-Kama area (from the late 18th century to the early 1920s) are discussed in the article. Within the initial period, the author has identified four basic problems, which were developed by researchers. 1. Periodization and

dating of the Bronze Age sites and identification of those referring to the Early Iron Age (in the early 20th century). 2. Determination of ethnic belonging of archaeological cultures carriers. 3. The topography of settlements and hill-forts purpose and usage interpretation. 4. Funeral rite systematization. A separate block comprises the local problems, to which researchers used to turn sporadically: the study of ceramics, economic system, social structure, origins of certain types of metal products etc.

Keywords: archaeology, the Volga-Kama region, the Late Bronze Age, the Early Iron Age, research history, the Ananyino culture.

REFERENCES

1. Alabin, P. V. 1860. In *Vestnik Russkogo Geograficheskogo Obshchestva (Bulletin of the Russian Geographical Society)*. Part XXIX (6), section 2, 87–120 (in Russian).
2. Anuchin, D. N. 1895. *Sledy bronzovogo veka v Prikam'e. Po raskopkam F. D. Nefedova (Relics of the Bronze Age in the Kama Region: after F. D. Nefedov's Excavations)*. Reprint from: Anuchin, D. N., Kirpichnikov, A. I. (eds.). *Arkheologicheskie izvestiia i zametki (Archaeological News and Notes)* 6, 188–196 (in Russian).
3. Appel'gren-Kivalo, O. Kh. 1911. In *Trudy XV arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 15th Archaeological Congress)* I. Moscow (in Russian).
4. Aspelin, I. R. 1884. In *Trudy IV arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 4th Archaeological Congress)* I. Kazan, 6–19 (in Russian).
5. Baer, K. M. v. 1865. In Schleiden, M. I. *Drevnost' chelovecheskogo roda (Das Alter des Menschengeschlechts)*. Saint Petersburg: "O. I. Bakst" Publ. (in Russian).
6. Venelin, Yu. I. 2011. *Istoki Rusi i slavianstva (Origins of Rus and Slavs)*. Moscow: Institute of the Russian Civilization (in Russian).
7. Vysotskii, N. F. 1908. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)*. T. XXIII, vyp. 6 (in Russian).
8. Gorodtsov, V. A. 1910. *Bytovaia arkheologiia: Kurs lektsii, chitannykh v Moskovskom Arkheologicheskom Institute (Everyday Archaeology. Lectures for Moscow Archaeological Institute)*. Moscow: "A. I. Snegireva" Publ. (in Russian).
9. Gorodtsov, V. A. 1914. *Arkheologicheskie issledovaniia v okrestnostiakh g. Muroma (Archaeological Investigations in the Suburbs of the Murom Town)*. Series: *Drevnosti (Antiquities)* XXIV (in Russian).
10. Gorodtsov, V. A. 1915. In *Otchet Rossiiskogo istoricheskogo muzeia v Moskve za 1914 g. (Report of the Russian Historical Museum in Moscow for 1914)*. Moscow (in Russian).
11. Danilovich, I. N. 1841. In Pogodin, M. P. (ed.). *Russkii istoricheskii sbornik (Russian Historical Collection)* IV (2–3). Moscow, 155–299.
12. Dolego-Chodakowski, Z. 1820. In *Syn Otechestva (Son of the Fatherland)* 64 (XXXIV). Saint Petersburg, 3–11 (in Russian).
13. Dolego-Chodakowski, Z. 1820. In *Syn Otechestva (Son of the Fatherland)* 64 (XXXV). Saint Petersburg, 49–56 (in Russian).
14. Dolego-Chodakowski, Z. 1820. In *Syn Otechestva (Son of the Fatherland)* 64 (XXXVI). Saint Petersburg, 115–125 (in Russian).
15. Dolego-Chodakowski, Z. 1820. In *Syn Otechestva (Son of the Fatherland)* 64 (XXXVIII). Saint Petersburg, 193–254 (in Russian).
16. Dolego-Chodakowski, Z. 1820. In *Syn Otechestva (Son of the Fatherland)* 64 (XXXIX). Saint Petersburg (in Russian).
17. Dolego-Chodakowski, Z. 1820. In *Syn Otechestva (Son of the Fatherland)* 64 (XL). Saint Petersburg, 289–299 (in Russian).

18. Dolego-Chodakowski, Z. 1820. In *Vestnik Evropy (Herald of Europe)* 113 (17). Saint Petersburg (in Russian).
19. Dolego-Chodakowski, Z. 1820. In *Vestnik Evropy (Herald of Europe)* 113 (18). Saint Petersburg (in Russian).
20. Dolego-Chodakowski, Z. 1838. In Pogodin, M. P. (ed.). *Russkii istoricheskii sbornik (Russian Historical Collection)* I (3). Moscow: Typography of the Moscow University, 3–128 (in Russian).
21. Eshevskii, S. 1859. In *Permskii sbornik (Perm Collection)* I. Moscow: Lazarev Institute of Oriental Languages, 132–142 (in Russian).
22. Inostrantsev, A. A. 1882. *Doistoricheskii chelovek kamennogo veka poberezh'ia Ladozhskogo ozera (The Stone Age Prehistoric Man of the Lagoga Lake Shore)*. Saint Petersburg: Typography of M. M. Stasyulevich (in Russian).
23. Kalaidovich, K. F. 1823. *Pis'ma A. F. Malinovskomu ob arkheologicheskikh issledovaniiax v Riazanskoj gubernii v 1822 g. (Letters to A. F. Malinovskiy on Archaeological Studies in the Ryazan Province in 1822)*. Moscow (in Russian).
24. Kastren, M. A. 1999. *Sochineniia v dvukh tomakh (Works in 2 vols.) 2. Puteshestvie v Sibir' (1845–1849) (Journey to Siberia in 1845–1849)*. Tyumen: “Yu. Mandrika” Publ. (in Russian).
25. Karpelan, K., Uino, P. 2009. In *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga, 13–23 (in Russian).
26. Krotov, P. I. 1892. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* X (4) (in Russian).
27. Kotliarevskii, A. A. 1867. In Kotliarevskii, A. A. (ed.). *Drevnosti. Arkheologicheskii vestnik, izdavaemyi Moskovskim Arkheologicheskim obshchestvom (Antiquities: Proceedings of the Imperial Moscow Archaeological Society)* I, March-April. Moscow: Typography of Gracheva and Co., 65–66 (in Russian).
28. Kudriavtsev, V. F. 1906. *Anan'inskii mogil'nik (Ananyino Burial Ground)*. Series: Kudriavtsev, V. F. *Starina, pamiatniki, predaniia i legendy Prikam'ia (Antiquities, Sites, Tales and Legends of the Kama Area)* 4. Vyatka: Provincial Typography (in Russian).
29. Kuznetsov, S. K. 1910. *Russkaia istoricheskaiia geografiia. Kurs lektsii, chitannykh v Moskovskom arkheologicheskogo institute v 1907–1908 g. (Meria, meshchera, muroma, ves') (Historical Geography of Russia: Course of Lectures in the Moscow Archaeological Institute in 1907–1908. Merya, Meshchera, Muroma and Ves' Tribes)* I. Moscow: Synodal Typography (in Russian).
30. Kuz'minykh, S. V. 2004. In Mukhanov, G. S. (ed.). *Materialy kraevedcheskikh chtenii, posviashchennykh 135-letiiu Obshchestva estestvoispytatelei pri KGU, 110-letiiu so dnia rozhdeniia M. G. Khudiakova, 2–25 marta 2004 g. (Proceedings of Regional History Readings on the Occasion of 135th Anniversary of the Natural Society of the Kazan State University and 110th Anniversary since M.G. Khudyakov's Birth, 2–25 March 2004)*. Kazan: “Shkola” Publ., 25–45 (in Russian).
31. Kuz'minykh, S. V. 2011. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 8 (II). Tver: “Triada” Publ., 5–27 (in Russian).
32. Lepekhin, I. I. 1814. *Prodolzhenie dnevnykh zapisok puteshestviia po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva v 1771 godu (Continuation of the Journey Diary to Various Provinces of the Russian State in 1771)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
33. Lerch, P. I. 1866. In *Otchety Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1865 g. (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1865)*. Saint Petersburg (in Russian).
34. Likhachev, A. F. 1876. In *Trudy II arkheologicheskogo s'ezda (Proceedings of the 2nd Archaeological Congress)* 1. Saint Petersburg, 1–50 (in Russian).

35. Likhachev, A. F. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)*. T. V, 1–33 (in Russian).
36. Likhachev, A. F. 1886. *Skifskie elementy v chudskikh drevnostiakh Kazanskoj gubernii (Scythian Elements in Chude Antiquities of the Kazan Province)*. Series: *Trudy VI arkhologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 6th Archaeological Congress)* I. Odessa (in Russian).
37. Likhachev, A. F. 1891. In *Trudy VII arkhologicheskogo s"ezda v Yaroslavle v 1887 g. (Proceedings of the 7th Archaeological Congress in Yaroslavl)* 2. Moscow, 125–168 (in Russian).
38. Malakhov, M. V. 1882. In *Izvestiia Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (Reports of the Imperial Russian Geographic Society)* XVIII (4). Saint Petersburg, 199–228 (in Russian).
39. Maliev, N. M. 1880. In *Trudy Obshchestva estestvoispytatelei pri Kazanskom universitete (Proceedings of the Society of Naturalists Affiliated to the Kazan University)* X (4) (in Russian).
40. Nazipova, G. R., Izmailova, S. Yu. 2006. «Kazanskii antikvarium» («The Kazan Antiquarium»). Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).
41. Nevostruev, K. I. 1871. In *Trudy I arkhologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 1st Archaeological Congress)* II. Moscow, 595–632 (in Russian).
42. Nevostruev, K. I. 1871. In *Trudy Moskovskogo arkhologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Moscow Archaeological Society)* 3 (2). Moscow (in Russian).
43. Nefedov, F. D. 1899. In *Materialy po arkhologii vostochnykh gubernii Rossii (Materials on the Archaeology of Eastern Governorates of Russia)* III. Moscow: Imperial Moscow Archaeological Society (in Russian).
44. Ovchinnikova, B. B. 1998. In *Izvestiia Ural'skogo universiteta (Bulletin of the Ural State University)* 8. Yekaterinburg, 19–27 (in Russian).
45. Pogodin, M. P. 1846. *Issledovaniia, zamechaniia i leksii o russkoi istorii (Studies, Notes and Lectures on the Russian History)* II. Moscow: Typography of the Moscow University (in Russian).
46. Poliakov, I. S. 1880. In *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk (Bulletin of the Imperial Academy of Sciences)* 37 (I). Saint Petersburg, 1–81 (in Russian).
47. Ponomarev, P. A. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* 3, 323–325 (in Russian).
48. Ponomarev, P. A. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* 4 (in Russian).
49. Ponomarev, P. A. 1892. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* X (4), 405–438 (in Russian).
50. Ponomarev, P. A. 1912–1913 (1914). In *Prilozhenie k Protokolam zasedanii Obshchestva estestvoispytatelei pri Kazanskom universitete (Appendix to Proceedings of the Sessions of the Society of Naturalists Affiliated to the Kazan University)*. 44th Year, 290, 1–12 (in Russian).
51. Ponomarev, P. A. 1913–1914 (1915). In *Prilozhenie k Protokolam zasedanii Obshchestva estestvoispytatelei pri Kazanskom universitete (Appendix to Proceedings of the Sessions of the Society of Naturalists Affiliated to the Kazan University)*. 45th Year, 298, 1–10 (in Russian).
52. Raikov, B. E. 1961. *Karl Ber, ego zhizn' i trudy (Karl Baer, His Life and Works)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
53. Rychkov, N. P. 1770. *Zhurnal ili dnevnye zapiski puteshestviia kapitana Rychkova po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva v 1769 i 1770 godu (The Diary, or Daily Travel Notes of Captain Rychkov's Journey to Various Provinces of the Russian State in 1769 and 1770)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

54. Sabinin, S. 1840. In Pogodin, M. P. (ed.). *Russkii istoricheskii sbornik (Russian Historical Collection)* IV (1). Moscow, 137–150 (in Russian).
55. Savel'ev N. 1884. In *Trudy IV arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 4th Archaeological Congress)* I. Kazan, 118–120 (in Russian).
56. Salminen, T. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 130–139 (in Russian).
57. Samokvasov, D. Ya. 1873. *Drevnie goroda Rossii. Istoriko-iuridicheskoe issledovanie (Ancient Towns of Russia: Historical and Juridical Study)*. Saint Petersburg: Typography of K. Zamyslovsky (in Russian).
58. Smirnov, I. N. 1894. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XII (3) (in Russian).
59. Smirnov, I. N. 1895. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XII, vyp. 4. Kazan, 263–272 (in Russian).
60. Smirnov, I. N. 1903. In *Entsiklopedicheskii slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona (Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary)* XXXIX (77). Saint Petersburg: "F. A. Brockhaus & I. A. Efron" Publ. (in Russian).
61. Spitsyn, A. A. 1881. *Katalog drevnostei Viatskogo kraia (Catalogue of Antiquities of the Vyatka Region)*. Viatka: Provincial Statistic Committee (in Russian).
62. Spitsyn, A. A. 1889. *Veshchestvennye pamiatniki drevneishikh obitatelei Viatskogo kraia. Drevneishaia sud'ba Viatskoi oblasti (Material Relics of the Earliest Residents of the Vyatka Land: the Earliest Fate of the Vyatka Region)*. Viatka: Provincial Statistic Committee (in Russian).
63. Spitsyn, A. A. 1893. In Anuchin, D. A. (ed.). *Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii (Materials on the Archaeology of Eastern Provinces of Russia)* 1. Moscow: Typography of E. Lissner & Yu. Roman, 85–92 (in Russian).
64. Spitsyn, A. A. 1901. In *Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia)* 25. Saint Petersburg (in Russian).
65. Spitsyn, A. A. 1928. In *Seminarium Kondakovianum* II. Prague (in Russian).
66. Sreznevskii, I. I. 1850. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* II, 532–540 (in Russian).
67. Teploukhov, A. E. 1882. In *Zapiski Ural'skogo obshchestva liubitelei estestvoznaniia (Bulletin of the Ural Society of Amateurs of Natural Sciences)* VI (1). Yekaterinburg, 1–31 (in Russian).
68. Teploukhov, F. A. 1892. In *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Perm Scientific Archival Commission)* 1, 27–63 (in Russian).
69. Tolmachev, N. A. 1896. In *Trudy IV arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 4th Archaeological Congress)* I. Kazan (in Russian).
70. Uvarov, A. S. 1872. *Meriane i ikh byt po kurgannym raskopkam (Merya Tribe and Its Everyday Life by Barrow Excavations)*. Moscow: Synodal Typography (in Russian).
71. Florinskii, V. M. 1888. In *Arkheologicheskii muzei Tomskogo universiteta (Archaeological Museum of the Tomsk University)*. Tomsk: Typography of Mikhailov and Makushin (in Russian).
72. Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V1–24. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
73. Khudiakov, M. G. 1917. In *Trudy Viatskoi Uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Vyatka Scientific Archival Commission)* I–II, section III. Vyatka, 1–59 (in Russian).
74. Khudiakov, M. G. 1920. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)*. T. 30, vyp. 3, 245–260 (in Russian).

75. Khudiakov, M. G. 1920. In *Kazanskii muzeinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* (7–8), 117–118 (in Russian).
76. Khudiakov, M. G. 1922. In *Kazanskii muzeinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* (1) (in Russian).
77. Khudiakov, M. G. 1923. In *Kazanskii muzeinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* (2), 72–126 (in Russian).
78. Khudiakov, M. G. 1933. *Dorevoliutsionnaia russkaia arkheologiya na sluzhbe ekspluatatorskikh klassov (Pre-Revolutionary Russian Archaeology on Exploitative Class's Service)*. Series: Library of the State Academy for the History of Material Culture 13. Leningrad (in Russian).
79. Chizhevskii, A. A. 2005. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Drevnosti Evrazii: ot pozdnei bronzy do ranego srednevekov'ia (Antiquities of Eurasia: from the Late Bronze to Early Medieval Age)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
80. Chizhevskii, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo – rannem zheleznom vekakh: Predan'an'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti (Funerary Sites of the Volga-Kama Population in the Final of the Bronze – Early Iron Age: Pre-Ananyino and Ananyino Cultural-Historical Areas)*. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).
81. Chugunov, S. M. 1904. *Cherepa i skelety Maklashevskogo mogil'nika, cherepa i skelety iz mogil'nika sela Polianok (Skulls and Skeletons from the Maklasheev Burial Ground, Skulls and Skeletons from the Burial Ground near the Polyanki Village)*. Prilozhenie k Protokolam zasedanii Obshchestva estestvoispytatelei pri Kazanskom universitete (Appendix to Proceedings of Sessions of the Society of Naturalists Affiliated to the Imperial Kazan University) 227 (in Russian).
82. Chugunov, S. M. 1904. *Cherepa Anan'inskogo mogil'nika (Skulls from the Ananyino Burial Ground)*. Prilozhenie k Protokolam zasedanii Obshchestva estestvoispytatelei pri Kazanskom universitete (Appendix to Proceedings of Sessions of the Society of Naturalists Affiliated to the Imperial Kazan University) 228 (in Russian).
83. Šafárik, P. J. 1847. *Slavianskie drevnosti (Slavic Antiquities)* I (2). *Chast' istoricheskaia (Historical Part)*. Moscow: Typography of the Moscow University (in Russian).
84. Shestakov, P. D. 1879. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* II, 128–134 (in Russian).
85. Schmidt, A. V. 1924. In *Bor'ba klassov (Struggle of Classes)* (1–2). Leningrad (in Russian).
86. Schmidt, A. V. 1928. In *Finno-ugorskii sbornik (Finno-Ugric Collected Papers)*. Series: Trudy Komissii po izucheniiu plemennogo sostava naseleniia SSSR i sopredel'nykh stran (Proceedings of the USSR and Neighboring Countries Ethnic Composition Committee). Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 135–242 (in Russian).
87. Shtadler, T. V. 1992. In Goldina, R. D. (ed.). *Problemy etnogeneza finno-ugorskikh narodov Priural'ia (Issues of Ethnic Genesis of the Cis-Urals Finno-Ugric Peoples)*. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).
88. Shtukenberg, A. A. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* III, 330–334 (in Russian).
89. Shtukenberg, A. A., Vysotskii, N. F. 1885. *Materialy dlia izucheniia kamennogo veka v Kazanskoi gubernii (Materials for Studying of the Stone Age in the Kazan Province)*. Series: Proceedings of the Naturalists Society Affiliated to the Kazan University XIV (5). Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).
90. Shtukenberg, A. A. 1901. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* 17 (4), 165–213 (in Russian).
91. Appeltgren-Kivalo, Hj. 1912. Die Grundzüge des skythisch-permischen Ornamentstiles. *SMYA* 26.

92. Aspelin, J. R. 1877. Ages de la Pierre et du Bronze. *Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloita = Antiquités du Nord Finno-ougrien*. Vol. I. Helsinki.
93. Aspelin, J. R. 1877. Ananinon kalmisto = Nécropole d'Ananino. *Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloilta = Antiquités du Nord finno-ougrien II*. Rauta-aik. Vol. II. Helsinki-Helsingfors.
94. Aspelin, J. R. 1877. Vertailevasta muinaistutkinnosta. *SMYA II*.
95. Baye, le baron J. de. 1897. La nécropole d'Ananino (Gouvernement de Viatka, Russie). *Mémoires de la Société National des Antiquaires de France*. Vol. LVI (1895). Paris: Librairie Nilsson.
96. Chudjakov, M. 1926. Die Ausgrabungen von P. A. Ponomarev in Maklaseevka im Jahre 1882. *FUF XVIII*.
97. Eichwald, E. von. 1860. Über die Säugethierfauna der neuere Molasse des südlichen Russland und die eich an die Molasse anschließende vorhistorische Zeit der Erde. *Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou* 4.
98. Minns, E. H. 1913. *Scythians and Greeks*. Cambridge.
99. Tallgren, A. M. 1911. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrußland. Die ältere Metallzeit in Ostrußland. *SMYA XXV*.
100. Tallgren, A. M. 1913. Die bronzenen Speerspitzen Ostrusslands mit zwei Ausschnitten im Blatt. *Opuscula archaeologica Oscari Montelio septuagenario dicata*. Stockholm.
101. Tallgren, A. M. 1916. Collection Zaoussailov au Musée historique de Finlande à Helsingfors. Vol. I. Helsinki.
102. Tallgren, A. M. 1916. Sveriges förbindelser med Ryssland under bronsåldern. *Finsk Tidskrift LXXX*.
103. Tallgren, A. M. 1919. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. *SMYA* 31 (1).
104. Tallgren, A. M. 1923. L'Ethnographie préhistorique de la Russie du nord et des États Baltiques du nord. *Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis IV* (4).

About the Author:

Chizhevsky Anrdei A., Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation, Russian Federation; chijevski@mail.ru

РАННЕСАРМАТСКИЙ РЫЦАРЬ¹

© 2013 г. Л.Т. Яблонский

В ходе исследования раннесарматских погребений курганных могильников у с. Филипповка (Илекский район Оренбургской обл.) было найдено большое количество предметов вооружения, а также аксессуаров, которые позволяют реконструировать воинский костюм. Все предметы вооружения из могильника можно разделить на две большие группы: наступательное и защитное. К первому относятся луки и стрелы, пращи, копья, стилеты и клевцы, второе представлено шлемом и двумя видами чешуйчатых доспехов – железными и костяными или роговыми. Из аксессуаров воинского костюма найдены портупейные пряжки с зооморфными изображениями, а также шейная гривна и браслет, являвшиеся, видимо, знаками отличия. Реконструируемый образ раннесарматского элитного воина чем-то напоминает облик западноевропейского рыцаря, но сарматский рыцарь примерно на 2000 лет старше.

Ключевые слова: археология, Южное Приуралье, раннесарматская культура, курганный могильник, наступательное и защитное вооружение, воинская элита.

Введение. Могильник Филипповка 1, расположенный в междуречье Урала и Илека, безусловно относится к элитарным памятниками переходного от савроматского к раннесарматскому этапу культуры ранних кочевников Южного Приуралья (Яблонский, 2011) и датируется концом V – третьей четвертью IV вв. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012).

Памятник исследовался в два этапа: сначала могильник раскапывался экспедицией уфимских археологов под руководством А.Х. Пшеничнюка (Pshenichnuk, 2000; Пшеничнюк, 2001), а в 2004–2009 гг. – экспедицией Института археологии РАН под руководством автора этой статьи (Yablonsky, 2010).

Могильник Филипповка 2 расположен в 11 км от могильника Филипповка 1 и представляет собой отдельный курганный комплекс, основанный в эпоху поздней бронзы. В начале раннего железного века насыпь цен-

трального кургана эпохи бронзы была переиспользована для строительства нового «царского» кургана, к которому было приурочено несколько более мелких насыпей². Все они датируются в целом концом V – началом III вв. до н.э. и, таким образом синхронны, в целом, захоронениям в могильнике Филипповка 1.

В этой работе мы используем только материалы из раскопок нашей экспедиции.

В ходе исследования памятника в погребениях было найдено большое количество предметов вооружения, а также аксессуаров, которые помогают реконструировать воинский костюм. Некоторые из этих предметов находились в комплексе в пределах индивидуальных захоронений, другие попадались в различных погребени-

² В разные годы в раскопках этого могильника, помимо автора данной статьи, принимали участие С.Ю. Гуцалов и И.В. Рукавишников (держатели Открытых листов), а также Д.В. Мещеряков и О.А. Халяпина.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-01-00053.

ях, иногда в единичных случаях. Но поскольку Филипповка 1 датируется довольно узко (период его функционирования не превышает, видимо, одного столетия) и безусловно оставлен монокультурной группой кочевников (Яблонский, 2011б), мы можем рассматривать все предметы вооружения из могильника совокупно и реконструировать, таким образом, общий облик элитных раннесарматских воинов. Попытка такой реконструкции уже была предпринята ранее (Рукавишникова, Яблонский, 2007). Однако она далеко не исчерпывает всех возможностей такой реконструкции. К тому же после выхода данной статьи из памятника был получен новый материал.

Все предметы вооружения из могильника можно разделить на две большие группы: наступательное и защитное.

1. Наступательное вооружение представлено следующими категориями: луки и стрелы, копьё, мечи-акинаки, пращи.

1.1. Стрелы представлены наконечниками, которые находили вместе с остатками горитов/саадаков. В каждом таком горите находили большое количество разнотипных наконечников – от нескольких десятков до более чем двух сотен. Не имея возможности описать здесь состав всех колчанов (эта тема специальной работы), рассмотрим один из наиболее представительных – колчан из погребения 2 кургана 4, которое принадлежало молодому мужчине. Зафиксировано 165 наконечников. Пример из случайно выбранных наконечников представлен на рис. 1. Отметим, прежде всего, что среди них не было ни одного железного. По форме насада на-

конечники делятся на две категории³: *категория 1* – с выступающей цилиндрической втулкой; *категория 2* – базисные, со скрытой втулкой (их подавляющее меньшинство). По форме головки в поперечном сечении наконечники категории 1 подразделяются на отделы: *отдел 1* – трехлопастные (рис. 1: 16–21); *отдел 2* – треугольные/трехгранные (рис. 1: 15, 22, 34); *отдел 3* – круглые (пулевидные). Оба первых отдела категории 1 подразделяются на типы: трехгранные с выступающей втулкой – 35 шт. (рис. 1: 15, 22). Длина – 2,4–5,3 см; см. Четыре трехлопастных наконечника с выступающей втулкой имели рельефный S-образный знак (тамгу) между лопастями (рис. 1: 25, 29).

Наконечники категории 2 подразделяются на два отдела: *отдел 1* – трехлопастные (рис. 1: 1, 2); *отдел 2* – треугольные (1 шт.). Наконечники *отдела 1* по форме головки в профиль подразделяются на типы: тип 1 – с треугольной головкой (рис. 1: 1); тип 2 – с башневидной (сводчатой) головкой (рис. 1: 2). Наконечники обоих типов имеют лопасти, переходящие в длинные свисающие шипы. Треугольный наконечник имеет на втулке очень слабо выраженные, почти незаметные шипы; трехгранный со скрытой втулкой – 1 шт. Длина – 2,5 см; трехлопастные со скрытой втулкой и сводчатой головкой – 5 шт. Длина – 2,2–3,8 см (рис. 1: 2).

Можно заметить, что среди наконечников нет форм, которые К.Ф. Смирнов (1961) относил к раннему V в. до н.э. По данным О.И. Куринских (2011, с. 51), наш набор мо-

³ Использован принцип описания наконечников стрел, изложенный в специальной работе: Яблонский, 2006.

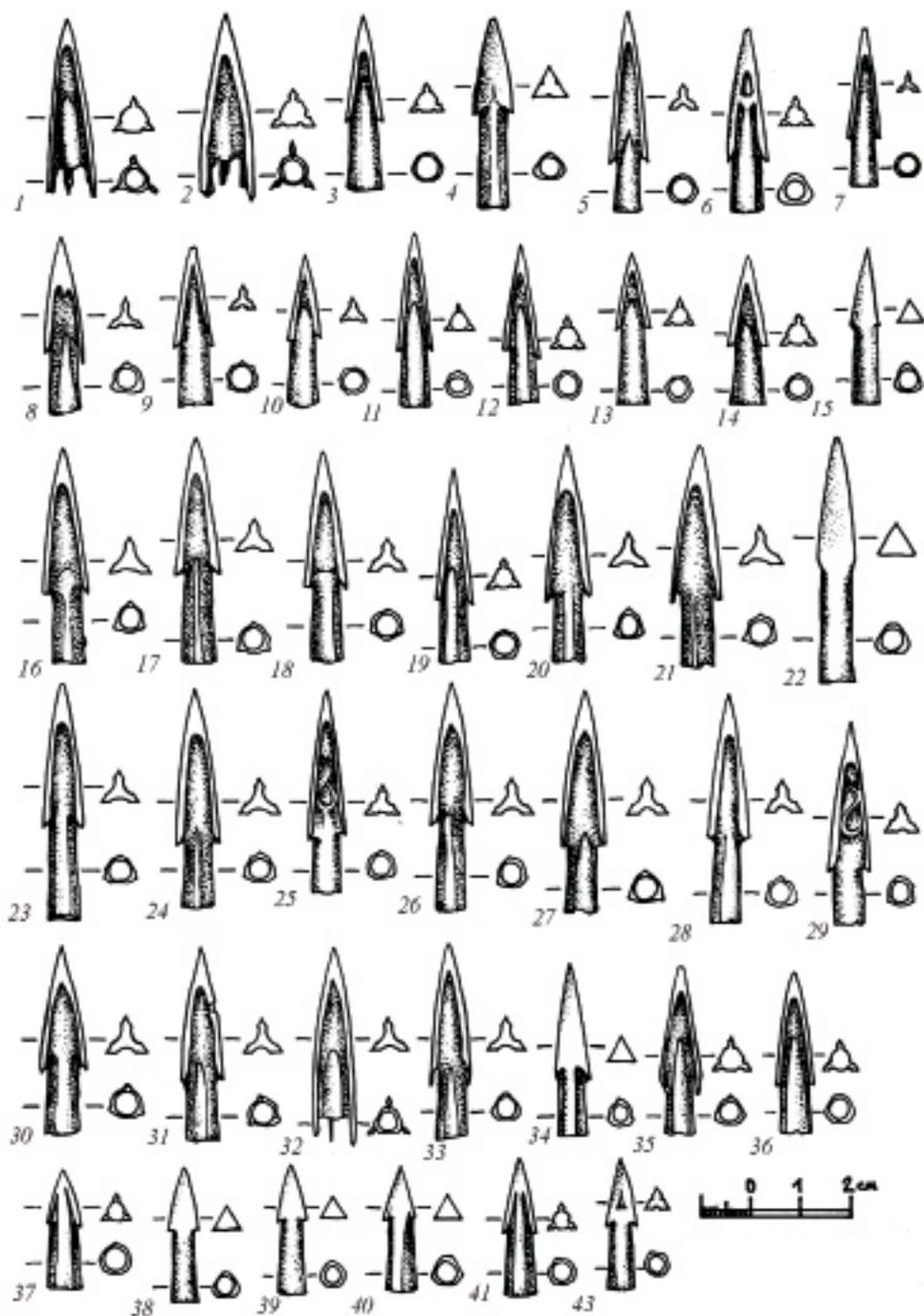

Рис. 1. Бронзовые наконечники стрел из погребения 2, кургана 4 могильника Филипповка 1.

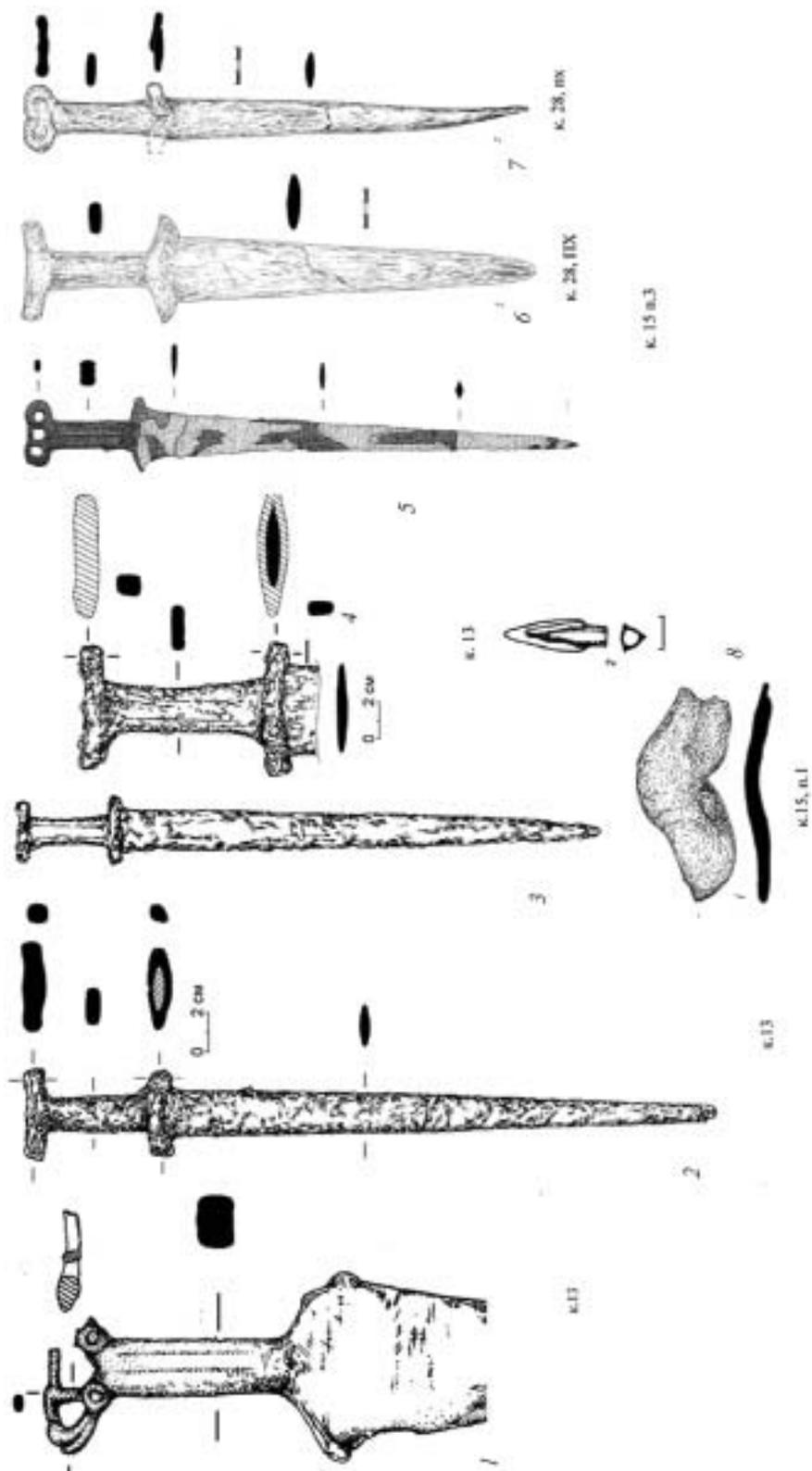

Рис. 2. Железные мечи и кинжалы из могильника Филиповка 1.

жет датироваться рубежом V–III вв. до н.э., и с ней нельзя не согласиться. Разнотипность наконечников создавала возможность использования стрел в самых разных ситуациях – от боевых действий до охоты на мелких животных и птиц. Во всяком случае, люди, которые готовили колчан к захоронению, старались обеспечить именно эту задачу.

1.2. Мечи и кинжалы. Их находили всегда в одной позиции: поперек правого бедра погребенного, рукоятью к кисти правой руки и концом клинка за нижней третью левого бедра. По форме наверший и перекрестий филипповские акинаки подразделяются на типы (рис. 2). Экземпляр из кургана 13 можно уверенно трактовать как меч; его общая длина составляет 63 см, а длина клинка – 51,5 см. По мысли О.И. Куринских (2012, с. 83), дифференциацию между мечами и кинжалами следует проводить не по общим размерам, а только по длине клинка. С этой точки зрения, остальные находки из Филипповки следует определять как кинжалы. Это кинжалы с волнитообразным навершием и сломанным перекрестием (рис. 2: 7), кинжалы с ажурными навершиями и сломанными перекрестиями, концы которых направлены вниз (рис. 2: 1, 5). Такие формы называют «савроматскими» и датируют обычно в пределах V в. до н.э. Но в могильнике были обнаружены и кинжалы т.н. «переходного» типа. У них брусковидное навершие и практически прямое перекрестие (рис. 2: 2, 3, 4). Такие формы датируют теперь в пределах IV в. до н.э., не исключая его последней четверти (Федоров, 2001, с. 182). В кургане 13 Филипповки кинжал «савроматского» типа (рис. 2: 1) был встречен

вместе с кинжалом «переходного» типа (рис. 2: 4). Логично предположить, что встреча обоих предметов могла произойти где-то в середине IV в. до н.э. Это предположение не противоречит датировке могильника, предложенной А.Х. Пшеничнюком (2001), В.К. Федоровым (2001, с. 186, сноска 3) и М.Ю. Трейстером с Л.Т. Яблонским (2012, с. 283–284).

Особое место в серии филипповских мечей занимает парадный экземпляр из погребения 2 кургана 4 (колчан из этого захоронения мы рассмотрели выше). Это парадный (ритуальный) меч, клинок которого покрыт золотой инкрустацией (рис. 3). Его общая длина составляла 56 см, длина клинка около 39 см. По краям перекрестия имеются два отверстия для крепления шнуров/ремешков с хрустальными темлячными подвесками.

Меч из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка 1, безусловно, парадный или изготовленный специально для погребального ритуала, по богатству своего убранства и технике его исполнения не имеет сколь-нибудь близких аналогий в археологии раннего железного века степной Евразии. Рукоять меча обложена золотыми и серебряными листами, орнаментированными в традициях скифо-сибирского звериного стиля (рис. 3: 2). Клинок с обеих сторон покрыт рядами инкрустированных сюжетных изображений (рис. 3: 1), которые все вместе передают мифологический рассказ о жизни и смерти воина (рис. 3: 3, 4) (Яблонский и др., 2011; Yablonsky et al., 2011). Типологически он относится к коротким мечам (акинакам) с брусковидным овальным навершием и бабочковидным перекрестием, что позволяет датировать его второй по-

Рис. 3. «Золотой» меч из погребения 2, кургана 4 могильника Филипповка 1.

Рис. 4. Предметы вооружения из могильника Филипповка 1:
1 – лук из погребения 5 in situ; 2,
3 – портупейные пряжки;
4 – ядро пращи.

ловиной V – IV в. до н.э. Однако типологический состав наконечников стрел из погребения 2 не исключает датировки в пределах IV в. до н.э., вероятно, первой половиной этого столетия.

К темлякам мечей и кинжалов крепились специальные подвески (рис. 5,1).

1.3. Пращи. О существовании у сарматов этого вида оружия свидетельствует находка ядра от пращи в

кургане 2. Каменный предмет (песчаник) уплощенно-шаровидной формы. Форма придана искусственно, мог использоваться как снаряд для пращи. Размер: диаметр – 7,1 см, высота – 6,1 см (рис. 4: 4).

1.4. Луки. Кибит лука был найден в погребении 5 кургана 4 могильника Филипповка 1 (рис. 4: 1). Можно судить о том, что его общая длина (расстояние между концами) составляла около 60 см. Средняя часть кибита имела дуговидно вогнутую форму (как у лука «скифского» типа). Средняя часть кибита округлой в сечении формы диаметром около 20 мм. Концы приострены и скруглены. Диаметр у концов около 14 мм. В концевых третях сечение кибита подквадратной формы со стороной около 18 мм.

Под его концом располагался пучок стрел с бронзовыми наконечниками. Сохранились деревянные черешки длиной не менее 34 см (вместе с наконечниками). Черешки в сечении округлой формы диаметром около 6 мм. Всего было обнаружено 17 бронзовых наконечников.

1.5. Копья. Наконечники копий были встречены в могильнике Филипповка 1 неоднократно. Все они однотипные – железные, массивные, втульчатые, листовидной в профиль формы, иногда со слабо выраженной нервюрой (рис. 5: 2, 3).

В погребении 3 кургана 4 копьё лежало справа от погребенного мужчины. Сохранился *in situ* металлический вток древка, что позволило достоверно определить длину копьё с древком. Вток копьё биметаллический. Втулка втока представляет собой серебряную цилиндрическую трубку, конец которой конусовидно сужается. Край основания втулки плавно-зубчатый.

Вток был прибит к древку четырьмя серебряными гвоздями. По шву лист скреплен 12 серебряными гвоздями и прибит к древку. На конец трубки надет железный предохраняющий наконечник (рис. 6: 1).

Расстояние от кончика наконечника копьё до основания втока составляло 320 см, что соответствует истинной длине копьё.

В погребении 2 того же кургана копьё было с силой воткнуто в дно могилы в ее углу, а в погребении кургана 11 два копьё тоже находилась в вертикальном положении, но они были лишь прислонены к борту могилы.

На наконечники копий иногда надевали специальные костяные защитные футляры (рис. 6: 2).

1.6. Стилеты. К предметам наступательного вооружения можно отнести ножи-стилеты. Один из них, хорошей сохранности, был найден в погребении 2 кургана 1 могильника Филипповка 2. Клинок железный, односторонней заточки, черешковый (рис. 6: 3). К черешку рядом железных заклепок (9 шт.) приклепаны костяные накладки из отполированной кости животного. Окончание ручки тупое. От клинка рукоять ножа отделена бронзовой накладкой широкооальной формы. Общая длина ножа – 303 мм, длина рукояти – 129 мм, ширина бронзовой накладки – 8 мм, ширина окончания рукояти – 12 мм.

1.7. Клецы. Один железный клевец очень плохой сохранности происходит из погребения 3 кургана 4. Он лежал слева от погребенного. Общая длина железной части – 24 см. Боевая часть клиновидная с заостренным концом, длиной 11 см. В конце ее имеется втулка для насаживания рукояти. Втулка цилиндрической формы ши-

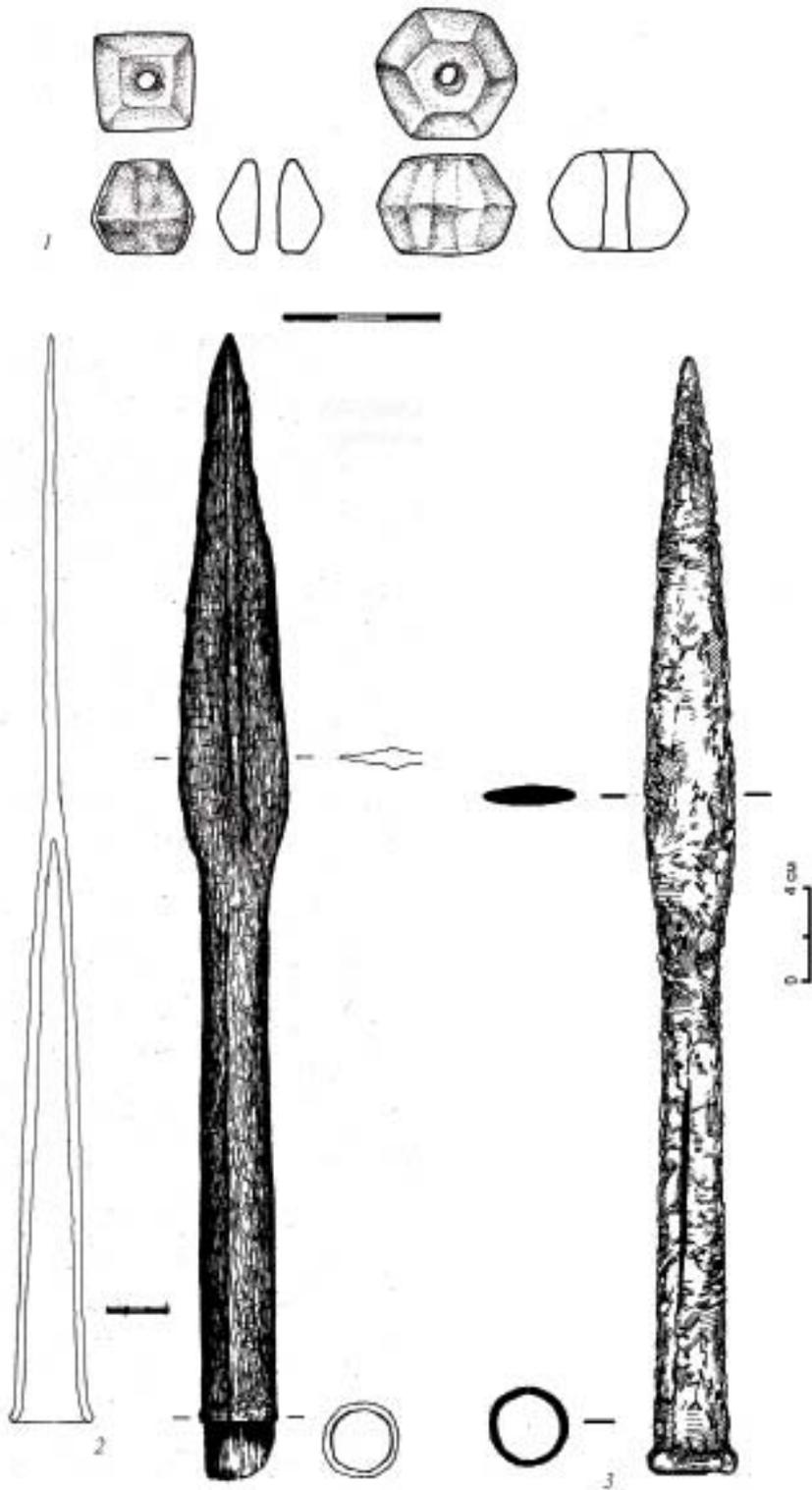

Рис. 5. Темлячные подвески (1) и железный наконечник копья (2) из могильника Филипповка 1.

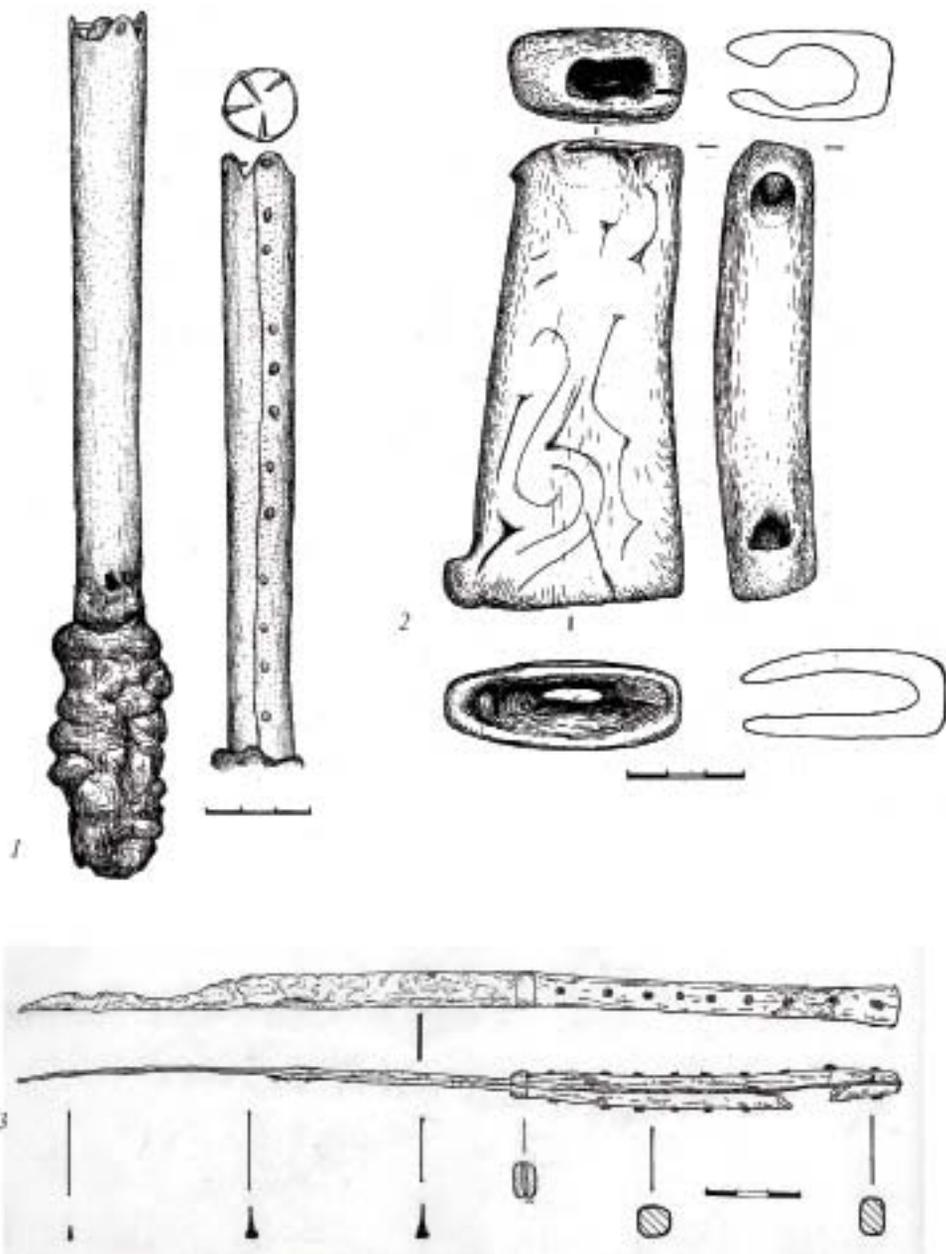

Рис. 6. Предметы. 1 – серебряный вток древка копья; 2 – костяной футляр для копья; 3 – железный стилет с костяной ручкой.

1, 2 – могильник Филипповка 1; 3 – могильник Филипповка 2.

риной около 4 см. Отверстие овальной формы с размерами 24 x 16 мм. Длинная ось отверстия расположена вдоль длинной оси клеветца. Задняя часть клеветца уплощена, боевая часть прямая, развернута, как у ледоруба. Ширина лезвия около 4 см. Длина нижней части 7 см.

2. Предметы защитного вооружения. К предметам защитного вооружения ранних кочевников Южного Приуралья принадлежат доспехи различных видов и шлем.

2.1. Доспехи. Они подразделяются на две категории – железные и костяные (роговые).

Железные доспехи чешуйчатые, предназначались для защиты корпуса. Чешуйки фиксировались на органической основе так, что к ней крепился только верхний край пластинки с наложением ее на нижний ряд чешуек с дополнительным чешуйчато-ламеллярным оплечьем. Оплечье состояло из двух крупных наплечников и отдельным дополнительным нагрудным усилением в виде двух комплексов ламеллярных пластин овальной формы (Рукавишников, Рукавишникова, 2008, с. 106). Реконструкция доспеха, выполненная Д.В. Рукавишниковым и И.В. Рукавишниковой (2008, рис. 6; 17) представлена на рис. 7.

Для защиты корпуса воина использовали также костяные (роговые) доспехи, тоже чешуйчатые (рис. 8). Однако в отличие от железных, пластинки здесь скреплялись между собой наглухо.

2.2. Шлемы. Раннесарматский шлем известен в единственном экземпляре. Он происходит из захоронения в кургане 11 могильника Филипповка 1. В отличие от всех известных на территории Евразийской степи, он же-

лезный, кованный, хотя, вероятно, подражает бронзовым образцам. Шлем⁴ (рис. 9) состоит из каски и двух подвижных нащечников-наушей, которые крепились к каске на шарнирах. Каска состоит из двух несимметричных частей, вдоль сагиттального сечения шов образует тупой угол и смещается на затылке вправо относительно оси примерно на 5 см.

Форма каски в профиль приближается к полусферической с некоторым уплощением в теменной области. В фас форма верхней половины каски является подтреугольной с округлой вершиной, боковые стороны нижней части до среза опускаются почти вертикально. Общая глубина каски – 16 см. Затылочная часть немного выступает назад; лобная опускается немного. Лицевая часть имеет надглазные дуги, которые, соединяясь по центру, образуют треугольный выступ-наносник. Продольный диаметр на уровне надглазных вырезов – 28 см; поперечный – 24 см. Край каски по бокам и на затылке образует ровный срез. По бокам расположены шарнирные петли, на которых крепятся подвижные нащечники. Всего петель семь: четыре петли спускаются с каски шлема, между которыми расположены три петли от нащечников. Общая протяженность шарнирного крепления справа – 15 см, слева – 15,5 см. Петли, принадлежащие куполу шлема немного длиннее (от 2 до 2,5 см), чем петли, отходящие от нащечников (1,5–1,7 см). В петли продета проволока (стержень) диаметром 0,4 см. Нащечники-науши имеют форму неправильной трапеции с вогнутыми длинными сторонами, благодаря чему ближний к лицу край плавно продолжает линию

⁴ Реставрация М.С. Шемаханской.

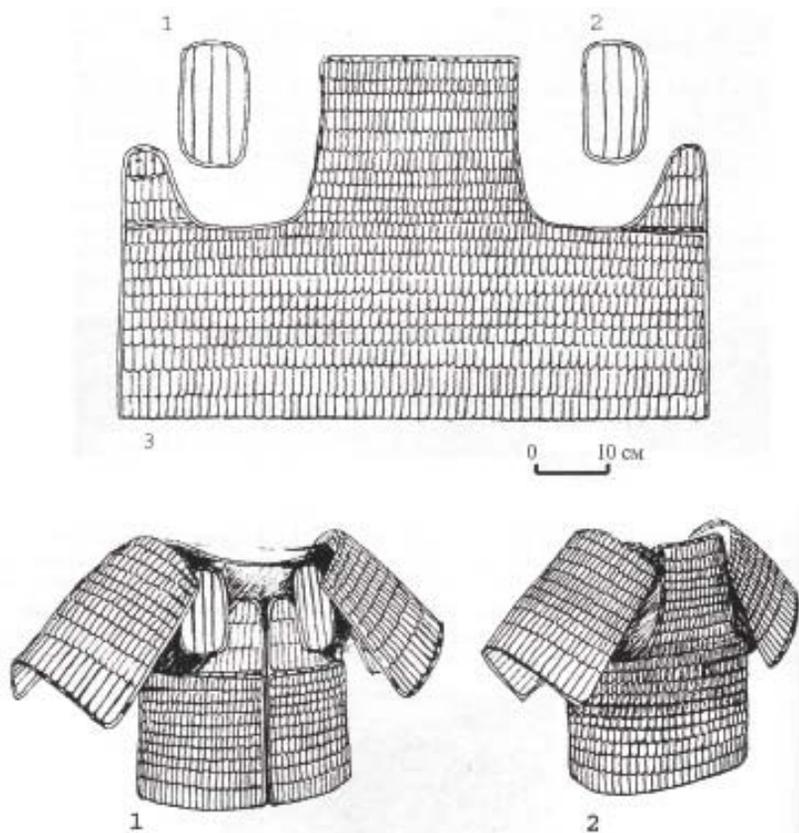

Рис. 7. Железный доспех из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка 1. Реконструкция: 1 – развертка; 2 – аксонометрия.

Рис. 8. Роговой доспех из кургана 29 могильника Филипповка 1: образцы чешуек.

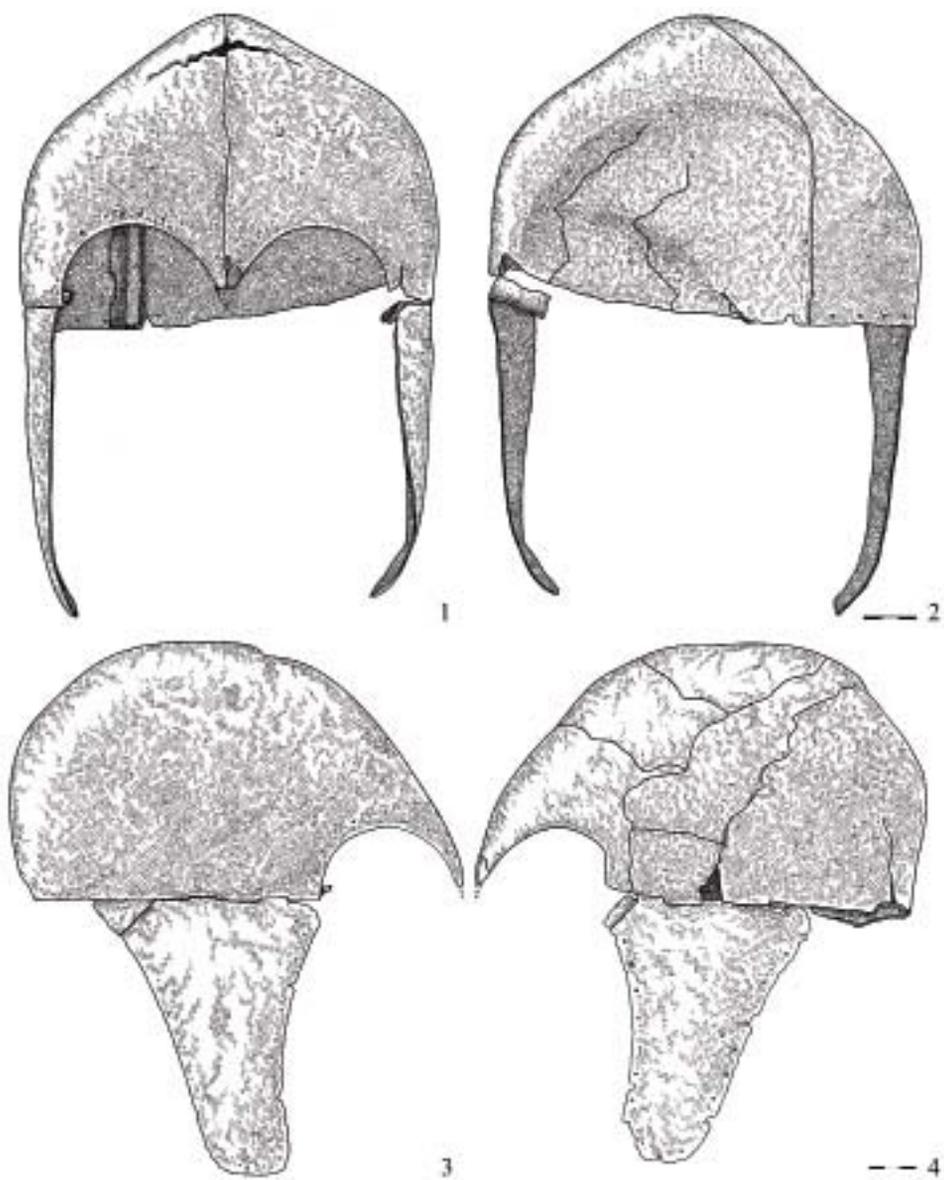

Рис. 9. Железный шлем из кургана 11 могильника Филипповка 1, рисунок О.И. Фризен (Куринских).

надглазных дуг и нащечники в сомкнутом положении составляют общий с надглазниками и наносником лицевой вырез. Нижние края нащечников слегка скруглены. Нащечники были подогнуты внутрь примерно в четвертой части снизу, видимо, для удобства завязывания их под подбородком. Размеры нащечников: левый – длина 18

см, ширина в месте крепления 15 см, ширина нижнего края – 4 см, толщина листа – 0,15 см; правый – длина 18,5 см, ширина в месте крепления 15 см, ширина нижнего края – ок. 4 см (не достает фрагмента), толщина листа – 0,15 см. По всему периметру шлема, включая нащечники, имеются от-

верстия для крепления (пришивания) подшлемника.

Филипповский шлем не имеет прямых аналогий ни в одном из известных очагов цивилизаций Востока и Запада и представляет собой изделие местного мастера, выполненного на основе и в подражание известным образцам греческого доспеха (прежде всего халкидскому типу шлемов), широко распространенным в позднеантичное и раннеэллинистическое время. Исходя из того, что шлемы, выполненные из железа, в античном мире появляются не раньше IV в. до н.э., возможно, данный шлем не может быть датирован ранее этого периода. Предложенная датировка шлема соответствует общему хронологическому контексту кургана 11 и могильника Филипповка 1 в целом (Фризен (Куриных) и др. – ВДИ, 2013, № 4, в печати).

3. Аксессуары (принадлежности) воинского костюма.

Детали костюма элитного воина у ранних кочевников несли двойную нагрузку: утилитарную и декоративную. Отдельные детали экипировки помогают воссоздать костюм в целом. Эти аксессуары состоят из предметов самых разных категорий:

3.1. Портупейные пряжки. Найденные *in situ*, они достоверно свидетельствуют о том, что мечи поддерживались на поясе при помощи специальных портупей. Обе пряжки из могильника Филипповка 1 выполнены из драгоценных металлов и богато декорированы.

Пряжка из погребения 2 кургана 4 золотая, литая (рис. 4: 2). Основание ее подпрямоугольное из толстого листа с двумя сквозными отверстиями: широкое отверстие вдоль, сверху небольшое. На основании размещена

объемная полая фигура, изображающая лежащего тигра с поднятой головой. Размеры пряжки: 7,1 см по короткой стороне, 7,9 см по длинной. По ширине – 4,9 см, по толщине – 1 см, толщина листа около 0,1 см. Размеры отверстий: 4,9 см на 1 см, 2,7 см на 0,6 см – перпендикулярная прорезь. Размеры тигра: по длине – 5,9 см, по ширине – 3,5 см, по высоте – 2,8 см. Морда тигра оскалена, зубы отчетливо выделены. Глубокими линиями проработана шерсть тигра. Изображены круглые уши, каплевидные выемки глаз с выпуклыми глазными яблоками. Прочерченными линиями обозначены ноздри. Хвост прижат к ноге, кончается завитком.

Другая пряжка происходит из погребения 3 того же кургана. Пряжка портупейная серебряная, обложенная золотым листом, подквадратная, зооморфная (рис. 4: 3). С обратной стороны две петли. В теле пряжки – прорезь. Размеры: по высоте – 6,2 см, по ширине – 6,1 см, толщина пряжки примерно 0,3 см. Размеры прорези – 3 см на 0,5 см. Прилитые подпрямоугольные петли вписываются в пространство – 5,2 см на 1 см. На пряжке рельефно изображены дерущиеся, симметрично расположенные хищные птицы, когтистые перевернутую голову оленя. В хвост обеим птицам упираются головы кошачьих хищников с разинутыми пастьями – сцена терзания. Голова правой птицы фиксирует верх пряжки, голова левой S-видно вывернута под головой другой птицы. Их клювы переплетаются. Голова оленя имеет тупую горбоносую морду с каплевидно изображенной пастью, выпуклым каплевидным глазом в каплевидной выемке. Острое ухо отмечено завитком. Щека изображена выпуклым

валиком. Рог вертикально направлен вниз и симметрично расходится на два коротких завитка, украшенных рифлениями. Головы хищников расположены по нижним углам.

3.2. Колчанные крюки являлись неотъемлемой частью воинского снаряжения. У элитных воинов они сделаны из драгоценных металлов и богато декорированы в традициях скифо-сибирского звериного стиля. Найденные *in situ* в верхней части колчанов (рис. 10: 1), они достаточно достоверно свидетельствуют в пользу именно этого их функционального назначения (существуют мнения о том, что эти предметы являются ремесленными пряжками).

Филипповские экземпляры чаще всего воплощают в себе синкретические образы хищника кошачьей породы и грифона (рис. 10: 2, 4, 5). Крюки литые из серебра и инкрустированы золотом по глубокой резьбе.

Типичен для них крюк из погребения 3 кургана 4. Крюк серебряный, имитирующий клык, литой с отверстием, зооморфный, декорированный золотыми плакировками. Размеры: крюк вписывается в прямоугольник со сторонами 5 x 5 см. Высота прорези отверстия – 1,1 см. По одну сторону от отверстия окончание выполнено в виде объемной головы кошачьего хищника, по другую сторону сам крюк выполнен в виде головы хищной птицы с длинным клювом. Хищник с оскаленной пастью, большими заостренными ушами. Глаза выпуклые каплевидные в каплевидных выемках. Голова украшена золотыми полосками, ноздри показаны завитками. Прорезь украшена горизонтальными полосками золота. Глаза хищной птицы круглые в круглой выемке, укра-

шенные золотыми окружностями. Восковица выделена, декорирована с обеих сторон золотыми завитками, переходящими друг в друга. Пасть птицы показана рельефной прорезью и золотыми полосками. В пасти – ряд золотых выпуклых зубов. Ухо показано завитком с золотой полоской.

Уникален крюк из погребения 2 кургана 4. Он имеет форму клыка. Размеры: вписан в прямоугольник 5,8 x 6,4 см. Овальное отверстие размерами 1 см x 0,7 см. Диаметр основной части 1,3 см. С одной стороны от отверстия крюк заканчивается расширением с копытом на плоской стороне диаметром 1,3 см. Копыто изображено с помощью золотой накладки. Длинная сторона крюка представляет собой вытянутую морду зверя, предположительно кабана. Конец морды зверя переходит в голову хищной птицы, чей клюв является окончанием крюка. Одна сторона изделия сильно затерта и на ней видны отдельные треугольные и овальные выемки для бывших золотых вставок. У кабана полукруглое ухо, очерченное золотой накладкой. Миндалевидный выпуклый глаз оконтурен золотой накладкой. Щека оконтурена подтреугольной накладкой. Челюсть отмечена овальной накладкой, выпуклость на месте клыка. У птицы выпуклый круглый глаз, на щеке золотая накладка в виде копытца, прорезанная линия пасти и на клюве – ряды треугольников.

Помимо клыковидных крюков известны и двухплоскостные, также декорированные в зверином стиле (рис. 10: 6). Крюк из погребения 4 кургана 4 железный, обернутый золотой фольгой с зооморфным щитком и развернутым крюком в перпендикулярной плоскости. На щитке рельефно изо-

бражен припавший хищник, возможно, медведь. По спинке крюк украшен цепочкой ромбов (4–5), выполненных точечками в два ряда. Размеры: по длине 8 см, по ширине щитка 3,8 см, толщина щитка – 0,8 см, диаметр крюка 0,8 см. Пасть хищника выделяется каплевидным валиком с выемкой, глаз круглый выпуклый в подтреугольной выемке, ухо полукруглое с полукруглой прорезью. Загривок показан дуговидными параллельными прочерченными линиями. Линиями обозначен рельеф лап и лопатки. На бедре и на боку длинные выемки, заполненные рядом выпуклых кружков. Хвост длинный, вертикально расположенный.

Кроме драгоценных крюков использовали и простые железные, как С-видной формы, так и двухплоскостные (рис. 10: 6).

Все эти разнотипные крюки сосуществовали в пределах IV в. до н.э.

3.3. Умбоны горитов. Были найдены в двух погребениях кургана 4. Впервые, наверное, они были зафиксированы *in situ*, и их принадлежность именно к горитам сомнений не вызывает (рис. 10: 1). Предмет из погребения 2 имеет форму усеченного конуса. Диаметр верхней плоскости – 9 см, нижней – 14,7 см. В центре верхней плоскости расположено сквозное отверстие диаметром 8 мм. Конус полый. Боковые стенки находятся под углом 47° к основанию. Толщина стенок 3–4 мм (рис. 11: 1) Предмет лежал на поверхности горита основанием вниз.

Однотипный предмет из погребения 3 (рис. 11: 2) имел следующие размеры: диаметр верхней плоскости – 5 см, нижней – 9,3 см. Высота – 3,5 см. Стенки в профиль слегка вогну-

тые. Край основания слегка волнистый. Диаметр отверстия в верхней части – 8 мм.

Оба предмета имеют многочисленные аналогии в памятниках скифского круга (Яблонский, 2009).

3.4. Амулеты. Предметы, похожие на оселки, но на самом деле являющиеся амулетами, которые носили на поясе. Было доказано, что, как и предполагал ранее М.П. Грязнов (1961), такие т.н. «оселки» использовали в качестве амулетов (Аникеева, Яблонский, 2012; Яблонский и др., 2011). В погребении 2 кургана 29 Филипповки 1 были найдены два каменных предмета с отверстиями для подвешивания (рис. 11: 3, 4), напоминающие широко известные в археологии ранних кочевников Евразии оселки, но оправленные золотом. Один из таких предметов находился у внутренней поверхности правой бедренной кости скелета № 1 (пожилой мужчина). Другой, похожий на оселок предмет, был найден при скелете № 5. Костяк принадлежал мужчине, который умер в возрасте 40–45 лет. Предмет располагался у верхнего эпифиза левой бедренной кости.

3.5. Гривны и браслеты. Костюм элитных воинов (вождей), судя по материалам из «царского» кургана могильника Филипповка 1, дополняли массивные литые золотые украшения: шейные гривны и браслеты. Они были найдены в нескольких захоронениях этого кургана. Концы гривен и браслетов украшали объемными фигурками различных животных.

Так, на шею мужчины из погребения 2 был надета золотая гривна (рис. 12: 1, 1а). Гривна шейная золотая, цельнолитая, гладкая с заведенными зооморфными окончаниями.

1

2

3

4

5

6

7

Рис. 10. Колчаные крюки из могильника Филипповка 1: 1 – Набор предметов, имеющих отношение к гориту *in situ*; 2–7 – колчаные крюки.

1

2

3

4

Рис. 11. Золотые умбоны (1, 2) и амулеты (3, 4) из могильника Филипповка 1.

Рис. 12. Гривна (1) и браслеты (2, 3) из погребения 4 кургана 4 могильника Филипповка 1; золото, литые.

Размеры: максимально 20,5 x 23,8 см. Диаметр прута – 0,8 см. На окончаниях изображены объемные фигуры «припавших» кошачьих хищников, предположительно пантер. Размеры зооморфных окончаний: 5 см и 5,2 см на 1,9 см и 1,9 см, на 1,3 см и 1,3 см. Морды хищников оскалены, уши круглые. Каплевидные выемки украшают бедра и лопатки. Двумя запятыми-выемками показан рельеф пальцев.

На левом запястье мужчины находился золотой браслет (рис. 12: 3). Браслет литой с заведенными зоо-

морфными окончаниями. Прут диаметром – 0,5 см, размеры: 8,8 x 7,5 см. На окончаниях изображены объемные головы волка с удлиненной стилизованной пастью. Размеры: 2,8 см по длине на 0,4 см по ширине. Пасть показана валиками губ, глаз круглый выпуклый в каплевидной выемке. Ухо показано выемкой-завитком.

А на запястье правой руки женщины из этого же захоронения был надет золотой браслет омеговидной формы, литой, круглый в сечении. Максимальные размеры: 8,7 см по ширине, 10 см

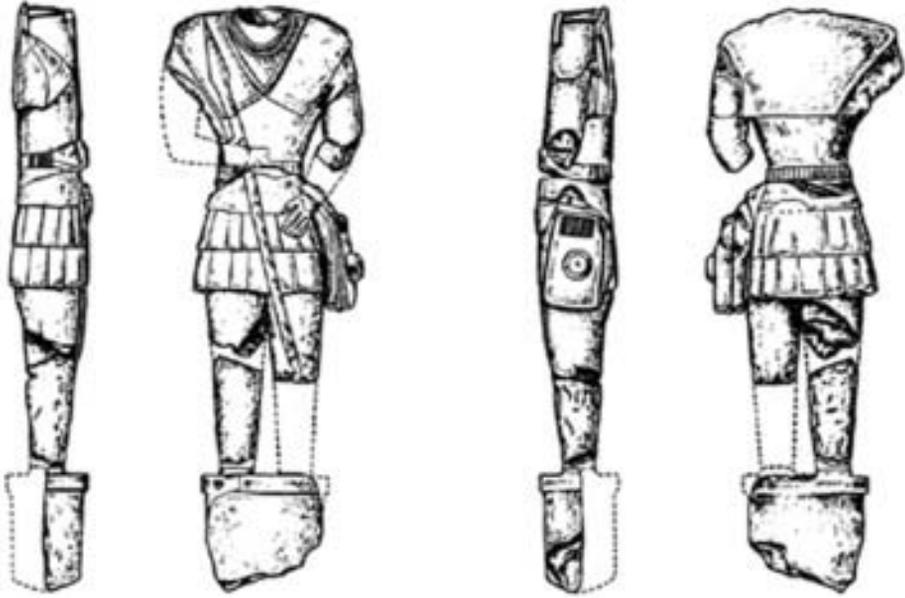

Рис. 13. Каменное изваяние скифского воина из Приветного, курган 2 по: Ольховский, Евдокимов, 1994, илл. 62.

по высоте. Диаметр сечения – 8 мм. Навершия браслета оформлены в виде фигур горных баранов (архаров), по телу которых расположены декоративные выемки для вставок (иногда отмечены следы пастовых вставок). На спине и шее имеются насечки, изображающие ребра животного (рис. 12: 2).

По-видимому, золотые украшения у мужчин являлись знаками отличия.

Заключение. Итак, мы рассмотрели состав предметов вооружения и аксессуаров воинского костюма из элитарного могильника Филипповка 1. В совокупности эти данные дают представление о внешнем облике элитного воина, вероятно, полководца раннесарматской эпохи. В целом эти представления совпадают с нашими впечатлениями от внешнего вида изображений воинов скифской эпохи, выполненных в виде каменных изваяний, например, статуя из Приветного, к. 2 (Ольховский, Евдокимов, 1994, илл. 62, с. 31–32), которая происхо-

дит с территории Крыма и датируется второй половиной IV в. до н.э. (синхронна с могильником Филипповка 1 (рис. 13). На шее воина изображена полуторавитковая гривна, панцирь из пластин, нашитых на кожаную основу, копье, две нагрудные пластины, соединенные на плечах ремешками, горит с умбоном и луком (на поясе слева). Очевидно, был, но не сохранился шлем на голове воина (Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 32). Не правда ли, удивительное совпадение признаков археологических и изобразительных? Оно свидетельствует о широком пространственном распространении скифской моды на экипировку знатных воинов. Кроме того, датировка изваяния и могильника Филипповка 1 взаимно подтверждают друг друга, что тоже важно.

К сказанному нужно еще добавить, что на других изваяниях известны изображения оселков-амулетов, которые подвешивали к поясу, причем

самые ранние такие изображения датируются опять же V–IV вв. до н.э. (Ольховский, Евдокимов, 1994, табл. 10). Не очень понятно, почему в состав этой таблицы авторы не включили изображения мечей или кинжалов, а также клевцов, хотя в представленном ими каталоге изваяний такие изображения все же имеются (илл. 1, 2, 4–8, 10, 13, 16 и другие).

Таким образом, собирательный образ раннесарматского элитного воина можно представить следующим образом: торс прикрыт ламелярным железным или роговым доспехом; на голове – железный шлем с подвижными наушами; длинное (не менее 320 см) копьё; короткий обоюдоострый железный меч или кинжал с хрустальными темлячными подвеш-

сками (справа); горит с отделениями для лука, разнотипных наконечников стрел (до 220 шт.) и карманами для ножа, точильного камня, шила, огнива и других мелких предметов (слева); на внешней поверхности горита – золотой конусовидный умбон; портуея для подвески меча с пряжкой в месте пересечения с ремнем; на ней – железный клевец (слева), амулет-«оселок» на ремне; на шее – золотая литая гривна, концы которой украшены объемными изображениями хищников; на руках – золотые литые браслеты, концы которых украшены объемными изображениями животных или их протом.

Нужно только помнить, что в нашем случае речь идет о вооружении вождей-полководцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникеева О.В., Яблонский Л.Т.* Так называемые оселки сарматского времени из могильника Филипповка 1: естественно-научные исследования // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы междунауч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 12.* – СПб.: ИИМК, Периферия. 2012. – С. 47–53.
2. *Грязнов М.П.* Так называемые оселки скифо-сарматского времени // *Исследования по археологии СССР.* – Л. 1961. – С. 139–144.
3. *Куринских О.И.* Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI–I вв. до н.э. (по материалам могильников у с. Покровка) // *РА.* – 2011. – № 3. – С. 42–54.
4. *Куринских О.И.* Клинковое оружие ранних кочевников VI–I вв. до н.э. из могильников у с. Покровка (левобережье Илека) // *РА.* – 2012. – № 2. – С. 82–90.
5. *Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л.* Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. – М., 1994.
6. *Пшеничниук А.Х.* Филипповские курганы в центре скифского мира: открытие и исследования // *Золотые олени Евразии.* – СПб., 2001. – С. 26–37.
7. *Рукавишников Д.В., Рукавишникова И.В.* Доспех из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка 1 (интерпретация комплекса и реконструкция первоначального облика) // *Ранние кочевники Волго-Уральского региона.* – Оренбург, 2008.
8. *Рукавишникова И.В., Яблонский Л.Т.* Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского-1 могильника) // *Вооружение сарматов. Док. к VI междунауч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории».* – Челябинск: ЮурГУ, 2007. – С. 16–23.
9. *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов // *МИА.* – 1961. – № 101.

10. *Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т.* К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1, 2. – М.: Таус., 2012. – Т. I. – С. 282–284.

11. *Федоров В.К.* Клинковое оружие и колчаные наборы IV–III вв. до н.э. (о времени появления на Южном Урале мечей и кинжалов прохоровского типа) // МАВДС. Вып. I. – Волгоград, 2001.

12. *Фризен (Куринских) О.И., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т.* Шлем из могильника Филипповка-1 // ВДИ (в печати.).

13. *Яблонский Л.Т.* Материалы для классификации наконечников стрел раннесакского типа // МИАР. № 7. Древности скифской эпохи. – М., 2006. – С. 277–296.

14. *Яблонский Л.Т.* Умбообразные золотые предметы скифского времени из Филипповки // Эпоха раннего железа. Сб. науч. тр. к 60-летию С.А. Скорого. – Киев; Полтава, 2009. – С. 418–426.

15. *Яблонский Л.Т.* Некоторые итоги новейших раскопок могильника Филипповка 1 // «Terra scythica». Материалы международ.о симпозиума «Terra scythica». – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2011а. – С. 379–392.

16. *Яблонский Л.Т.* Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII международ. конф. – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011б. – С. 234–240.

17. *Яблонский Л.Т., Аникеева О.В., Гаршев А.В.* Пробирные камни из могильника Филипповка 1 // Естественно-научные методы в изучении Филипповского 1 могильника. – М.: ТАУС, 2011. – С. 158–174.

18. *Яблонский Л.Т., Рукавишников И.В., Шемаханская М.С.* «Золотой» меч из царского кургана № 4 могильника Филипповка 1 // ВДИ. – 2011. – № 4 (279). – С. 219–250.

19. *Pshenichnuk A.* The Filippovka Kurgans at the Heart of the Eurasian Steppe // The Golden Deer of Eurasia. (J. Aruz, A. Farkas, A. Alekseev, E. Korolkova – ed.). – New York: Metropoletan Museum, 2000. – P. 21–30.

20. *Yablonsky L.T.* New excavations of the Early Nomadic Burial Ground at Filippovka. Southern Ural Region, Russia // AJA. – 2010. – 114, 129–143.

21. *Yablonsky L.T., Rukavishnikova I.V., Shemakhanskaya M.S.* L'épée dorée de Filippovka // Archeologia. № 494. Decembre, 2011. – P. 50–57.

Информация об авторе:

Яблонский Леонид Теодорович, доктор исторических наук, зав. отделом, Институт археологии РАН, (г. Москва, Россия); yablonsky.leonid@yandex.ru

EARLY SARMATIAN KNIGHT

L.T. Yablonsky

During the study of the Early Sarmatian burials in the burial mounds near Filippovka village (Ilek district, Orenburg oblast), a large quantity of weapons and accessories were found, which make it possible to reconstruct the military costume. All the armament items from the burial can be divided into two major groups: offensive and defensive. The former includes bows and arrows, slingshots, spears, stiletos and war hammers (“bec de corbin” type); the latter is represented by a helmet and two varieties of scaly armor, made of iron

and bone or horn. The accessories of the military costume found include sword-belt buckles with zoomorphic images, as well as a torque and a bracelet, which apparently served as insignia. The reconstructed image of an elite Early Sarmatian warrior is somewhat similar to the appearance of a Western European knight, but the Sarmatian knight was about 2000 years older.

Key words: archaeology, the Southern Cis-Urals region, the Early Sarmatian culture, burial mound, offensive and defensive armament, military elite.

REFERENCES

1. Anikeeva, O. V., Yablonsky, L. T. 2012. In Alekshin, V. A., et al. (eds.). *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami (Cultures of the Steppe Zone of Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations)*. 12. Saint Petersburg: Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Periferiia" Publ., 47–53 (in Russian).
2. Griaznov, M. P. 1961. In Gaidukevich, V. F. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii SSSR (Research into Archaeology of USSR)*. Leningrad: Leningrad State University, 139–144 (in Russian).
3. Kurinskikh, O. I. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 42–54 (in Russian).
4. Kurinskikh, O. I. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 82–90 (in Russian).
5. Olkhovskii, V. S., Evdokimov, G. L. 1994. *Skifskie izvaianiia VII—III vv. do n. e. (Scythian Statues from the 7th—3rd Centuries BC)*. Moscow: "MTO METEO" Publ. (in Russian).
6. Pshenichniuk, A. Kh. 2001. In Alekseev, A. Yu., Korol'kova, E. F. (eds.). *Zolotyie oleni Evrazii. Katalog vystavki v Gosudarstvennom Ermitazhe (Golden Deers of Eurasia. Catalogue of the Exhibition in the State Hermitage Museum)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ., 26–37 (in Russian).
7. Rukavishnikov, D. V., Rukavishnikova, I. V. 2008. In Yablonsky, L. T. (ed.). *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona (Early Nomads of the Volga-Ural Region)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).
8. Rukavishnikova, I. V., Yablonsky, L. T. 2007. In Yablonsky, L. T., Tairov, A. D. (eds.). *Vooruzhenie sarmatov: regional'naia tipologiia i khronologiia (Armament of Sarmatians: Regional Typology and Chronology)*. Chelyabinsk: Southern Ural State University, 16–23 (in Russian).
9. Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (The Armament of the Sauromatians)*. Series: Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 101. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
10. Treister, M. Yu., Yablonsky, L. T. 2012. In Treister M. Yu., Yablonsky, L. T. (eds.). *Vliianiia akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priural'e (V—III vv. do n. e.) (Influences of Achaemenid Culture in the Southern Ural Region (5th—3rd Centuries BC)) I*. Moscow: "Taus" Publ., 282–284 (in Russian).
11. Fedorov, V. K. 2001. In *Materialy po arkheologii Volgo-Don'skikh stepei (Proceedings on the Archaeology of the Volga-Don Steppes)* I. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).
12. Friesen (Kurinskikh), O. I., Shemakhanskaia, M. S., Yablonsky, L. T. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (in print) (in Russian).
13. Yablonsky, L. T. 2006. In Yablonsky, L. T., Petrenko, V. G. (eds.). *Drevnosti skifskoi epokhi (Antiquities of the Scythian Epoch)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 7. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 277–296 (in Russian).
14. Yablonsky, L. T. 2009. In Bessonova, S. S. (ed.). *Epokha rannego zheleza (Early Iron Age)*. Kiev; Poltava: Archaeology Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine, 418–426 (in Russian).

ПОДКУРГАННЫЕ ПАЛЕОПОЧВЫ НИЖНЕВОЛЖСКИХ СТЕПЕЙ КАК ИНДИКАТОРЫ ДИНАМИКИ КЛИМАТА ЗА ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ¹

© 2013 г. **В.А. Демкин**, Т.С. Демкина, Т.Э. Хомутова,
М.В. Ельцов, С.Н. Удальцов, Н.Н. Каширская

Проведены исследования палеопочв, погребенных под курганными насыпями ранне-, средне- и позднесарматского времени (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) в сухих и пустынных степях Нижнего Поволжья (Приволжская и Ергенинская возвышенности, Прикаспийская низменность). Установлено, что временная изменчивость морфологических, химических, микробиологических, магнитных свойств палеопочв в хроноинтервале 2400–1600 лет назад характеризовалась ритмичностью, которая была обусловлена вековой динамикой увлажненности климата с колебаниями среднегодовой нормы атмосферных осадков в пределах ± 30 –50 мм. Периодическая смена гумидных и аридных климатических эпох оказывала весьма значительное влияние на процессы засоления/рассоления, солонце- и гумусообразования, биологическую активность палеопочв солонцовых комплексов. Это вызывало существенные изменения структуры почвенного покрова с обратимыми эволюционными преобразованиями палеопочв на уровне типов, родов или видов за несколько десятков лет. В природном отношении время существования сарматской культурно-исторической общности можно рассматривать как эпоху чередования микроплювиальных и микроаридных периодов продолжительностью 100–200 лет. В частности, как в сухих (Волго-Донское междуречье), так и в пустынных (Заволжье) степях относительно влажными условиями характеризовались I в. до н.э., I и IV вв. н.э., а наиболее засушливыми – IV–III вв. до н.э., вторая половина II – первая половина III вв. н.э. Промежуточная и близкая к современности ситуация по степени увлажненности имела место в первой половине II в. н.э. и во второй половине III в. н.э. Данная динамика климатических условий в целом согласуется с ритмами природных процессов в других степных и пустынных регионах Евразии.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, степная зона, сарматская эпоха, палеопочвы, увлажненность палеоклимата.

Введение. В последние годы особенно важное значение приобрела проблема совершенствования и более детальной разработки методических и теоретических основ изучения палеопочв как индикаторов состояния и развития природной среды в различные геологические и исторические эпохи. В ее решении одно из ведущих мест занимают исследования голоценовых палеопочв поселенческих, погребальных (курганы), фортификационных и

др. грунтовых историко-археологических памятников каменного века, эпох бронзы, раннего железа, средневековья и нового времени. Как известно, в палеопочвах, погребенных под культурными слоями, курганными насыпями, оборонительными валами и пр., до настоящего времени сохранились многие признаки и свойства, отражающие климатические, литологические, геоморфологические, геохимические, биологические, гидроло-

¹ Исследования проводились при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

гические и многие другие условия их формирования и развития.

На основе изучения подкурганных педохронорядов в степной зоне юга России нами выявлены основные диагностические палеопочвенные признаки, отражающие состояние и вековую динамику степени увлажненности климата за историческое время (Демкин и др., 2010, с. 9–18). Сравнительный анализ количественных и качественных показателей морфолого-химических, магнитных, микробиологических свойств палеопочв разновозрастных археологических памятников дает возможность реконструировать направленность и масштабы вековой изменчивости атмосферной увлажненности, определить хронологическую позицию гумидных и аридных периодов в развитии климата за исторического времени. Вместе с тем, следует отметить, что достоверность и детальность климатических реконструкций при изучении подкурганных палеопочв прежде всего определяется пространственно-временной репрезентативностью фактического материала. Решение этой задачи возможно при изучении подкурганных педохронорядов длительностью несколько сотен лет с непрерывным временным шагом не более 100–150 лет. Данным условиям в должной мере отвечают палеопочвы близ расположенных курганных могильников с однотипными литолого-геоморфологическими условиями и включающие памятники различных этапов развития одной культурно-исторической общности, период существования которой достигает 800–1000 лет. В частности, речь идет о сарматской культуре раннежелезного века и о палеопочвах,

погребенных под курганами ее носителей в хроноинтервале IV в. до н.э. – IV в. н.э. Следует отметить, что хронология и периодизация развития сарматской культурно-исторической общности разработаны достаточно детально (Скрипкин, 2008, с. 70–119). Поэтому время сооружения курганов рассматриваемой исторической эпохи надежно определяется по материалам археологических раскопок со следующей культурно-хронологической дифференциацией: ранний этап – вторая половина IV–III и II–I вв. до н.э.; средний этап – I – первая половина II вв. н.э.; поздний этап – вторая половина II – первая половина III и вторая половина III–IV вв. н.э. В связи со сказанным основные задачи работы заключались в следующем: на основе изучения подкурганных педохронорядов установить закономерности развития почв и реконструировать вековую изменчивость увлажненности климата нижневолжских степей в хроноинтервале 2400–1600 лет назад.

Район и объекты исследований.

Почвенно-археологические исследования курганов проводились на территории сухих и пустынных степей Нижнего Поволжья в подзонах каштановых и светло-каштановых почв. Регион включает Приволжскую, Ергенинскую возвышенности и Прикаспийскую низменность (рис. 1). Климат умеренно континентальный. Его характерными чертами являются большая инсоляция, резкие годовые и суточные амплитуды отдельных показателей (осадки, температура, влажность и др.), короткие переходные сезоны, резкая атмосферная сухость, устойчивость ветров, частые зимние оттепели. Норма атмосферных осадков в сухостепной зоне составляет

350–370 мм/год, в пустынно-степной – около 300 мм/год, а среднегодовая температура 6°C и 8°C соответственно.

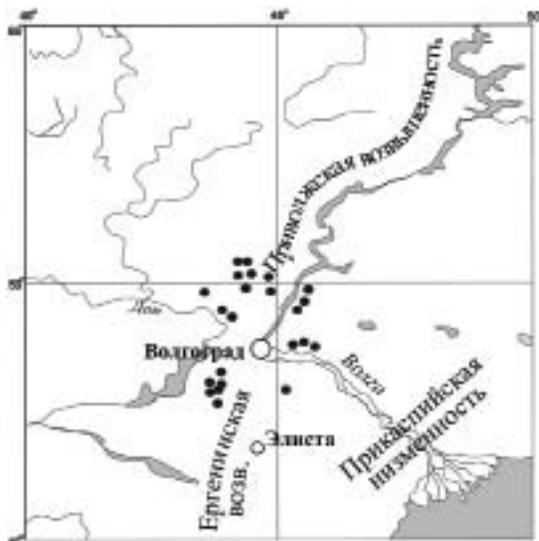
Объектами изучения послужили подкурганые палеопочвы ранне-, средне- и позднесарматского времени (IV–I вв. до н.э.; I–II и II–IV вв. н.э.), а также их современные фоновые аналоги. Раскопки курганов проводились археологическими экспедициями Волгоградского государственного университета. Всего исследовано около 100 археологических памятников сарматской эпохи в составе более чем 20 курганных могильников. Они приурочены к различным природным районам и элементам рельефа юга Приволжской возвышенности (9 могильников), Северных Ергеней (6), Волгоградского Заволжья (7) (рис. 1). Это позволило получить репрезентативную хроногеографическую информацию о состоянии почвенного покрова, морфологических, химических, магнитных и микробиологических свойствах палеопочв, о закономерностях их пространственно-временной изменчивости в связи с динамикой климата в хроноинтервале 2400–1600 лет назад.

Изменение морфологических, химических, магнитных свойств палеопочв и динамика увлажненности климата. В данном разделе остановимся на характеристике морфолого-химических и магнитных свойств палеопочв лишь нескольких ключевых объектов (курганых могильников), расположенных в различных природных районах сухих и пустынных степей упомянутых выше геоморфологических областей Нижнего Поволжья. Они приурочены к надпойменным речным террасам, водоразделам и древнеморской равнине.

Приволжская возвышенность. *Курганный могильник «Авиловский»* расположен на юге возвышенности (сухостепная зона) в 1 км к западу от с. Авилы Иловлинского р-на Волгоградской обл. на высокой правобережной первой надпойменной террасе р. Иловли (левый приток Дона). Абсолютные отметки поверхности 50–60 м. Терраса расчленена многочисленными оврагами и балками, что обеспечивает хорошие условия дренированности плакорных участков и глубокое (более 10 м) залегание грунтовых вод, которые имеют незначительную минерализацию (менее 1 г/л) и гидрокарбонатно-натриевый состав. Почвообразующими породами являются покровные лессовидные суглинки мощностью 4–5 м и более, подстилаемые мелкозернистыми песками аллювиального происхождения. Естественный растительный покров представлен белопопынно-злаковой и белопопынно-ромашниково-злаковой ассоциациями. В современном почвенном покрове террасы доминируют каштановые солонцеватые засоленные почвы.

Исследованные курганы относятся к среднему и позднему этапам развития сарматской культуры и датируются I и второй половиной II – первой половиной III вв. н.э. Подкурганые и современные фоновые почвы диагностированы как каштановые солонцеватые различной степени засоленности. Морфологические, химические и магнитные характеристики почв исследованного хроноряда свидетельствуют, что большинство из них претерпевали заметные изменения. Прежде всего, это касается содержания и профильного распределения легкорастворимых солей, гипса и карбонатов. В за-

Рис. 1. Район и местоположение объектов (курганные могильники) исследований.

висимости от растворимости и миграционной активности расчетные толщи средневзвешенного содержания солей, гипса и CaCO_3 соответственно составили 0–200, 0–100 и 0–50 см. По сравнению со среднесарматской в позднесарматской палеопочве отмечается увеличение содержания этих компонентов соответственно в 1,9, 2,7 и 1,2 раза. Это свидетельствует о том, что в сухостепной зоне Приволжской возвышенности во II–III вв. климатические условия стали более засушливыми, чем в I в. Именно аридизация климата явилась причиной перераспределения в почвенно-грунтовой толще солей, гипса и карбонатов и перемещения их аккумуляций ближе к поверхности. Подтверждением сказанному является и резкое снижение величины магнитной восприимчивости в гор. A1 исследованных палеопочв с 76 до 46 ед. СИ. По степени атмосферной увлажненности современную эпоху можно считать более гумидной по сравнению со II–III вв. н.э., но более засушливой, чем I в. н.э.

Ергенинская возвышенность. Курганный могильник «Акса́й-3» расположен в северной части Ергенинской возвышенности в зоне сухих степей в 100 км к юго-западу от г. Волгограда (в 2,5 км юго-восточнее с. Аксай Октябрьского р-на). Он приурочен к плоской вершине водораздела с абсолютными отметками 100–110 м. Почвообразующими породами являются карбонатные засоленные лессовидные суглинки. Грун-

товые воды залегают на глубине 30 м. В современном почвенном покрове преобладают каштановые почвы различной степени солонцеватости и засоленности.

Сооружение исследованного кургана датируется I в. н.э. (среднесарматская культура). Как подкурганные, так и современные почвы являются каштановой солонцеватой глубоко солончаковатой. Сравнительный анализ их морфологических и химических свойств дает основания считать, что в I в. н.э. в сухих степях Северных Ергеней климатические условия были более влажными по сравнению с современностью. Это подтверждается такими особенностями подкурганных палеопочв, как наличие новообразований оксидов марганца в гор. B1, выщелоченность верхних горизонтов от карбонатов, меньшими запасами и более глубоким залеганием аккумуляций легкорастворимых солей и гипса, чем в фоновых почвах.

Курганный могильник «Перегрузное» находится на западном склоне Северных Ергеней в пределах сухо-

степной зоны (подзона каштановых почв) на плоском межбалочном водоразделе у с. Перегрузное Октябрьского р-на Волгоградской обл. (в 100 км к юго-западу от г. Волгограда). Характерными природными особенностями района являются: лессовидные суглинистые почвообразующие породы, засоленная и карбонатная почвенно-грунтовая толща, расчлененность рельефа, сравнительно хорошие условия дренированности, комплексный почвенно-растительный покров. В составе комплексов доминируют каштановые почвы различной степени солонцеватости и засоленности и солонцы. Естественный растительный покров представлен типчаково-полынной ассоциацией.

Время сооружения изученных курганов относится ко II–I вв. до н.э. (раннесарматская культура), I–II и II–III вв. н.э. (средне- и позднесарматская культуры соответственно). Морфолого-стратиграфические особенности и химические характеристики погребенных почв дают основания считать, что в конце I тыс. до н.э. – в первые века новой эры в исследуемом районе существовали сухостепные ландшафты, следовательно, условия почвообразования были близки современным. Вместе с тем, сравнительный анализ отдельных свойств разновозрастных палеокаштановых почв и палеосолонцов свидетельствует об их заметной временной динамике.

Сравнительный анализ свойств почв изученного хроноряда дает основания считать, что в исследуемом регионе климатические условия в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. были более влажными по сравнению с современностью. Это подтверждается следующими данными. Палео-

солонцы в отличие от их фоновых современных аналогов характеризуются большей выщелоченностью профиля от легкорастворимых солей и гипса, большей глубиной залегания их аккумуляций и линии вскипания, более высокими значениями магнитной восприимчивости в гор. A1 и B1, наличием в солонцовом гор. B1 обильных новообразований оксидов марганца и его красновато-бурым цветом, большей мощностью гумусового слоя A1+B1. Полученные новые палеопочвенные материалы свидетельствуют, что гумидизация климата имела место не только в I в. н.э. («среднесарматский микроплювиал»), но и в I в. до н.э., а возможно и несколько ранее (вторая половина II в. до н.э.). В этот период среднегодовая норма атмосферных осадков превышала современные показатели не менее чем на 40–50 мм. Следовательно, продолжительность сравнительно влажной климатической эпохи составляла около 200 лет. Исследования подкурганых палеопочв позднесарматского времени, проведенные нами ранее на территории Ергенинской (в том числе и могильника «Перегрузное») и Приволжской возвышенностей, а также Прикаспийской низменности показали, что во второй половине II – первой половине III вв. н.э. климатические условия в регионе были более засушливыми по сравнению с предшествующей эпохой со снижением среднегодового количества атмосферных осадков примерно на 50 мм. Причем каштановые палеопочвы этого периода весьма существенно отличались от среднесарматских палеопочв. В свете полученных данных вековая динамика степени увлажненности климата в рассматриваемую

эпоху в сухостепной зоне Северных Ергеней представляется в следующем виде: вторая половина II в. до н.э. – I в. н.э. – плювиальный период; конец I – первая половина II вв. н.э. – усиление засушливости; вторая половина II – первая половина III вв. н.э. – аридный период.

Курганный могильник «Абганерово» расположен около с. Абганерово Октябрьского р-на Волгоградской обл. в северной части Ергеней. Памятники приурочены к плоскому балочно-речному водоразделу, ориентированному в направлении восток-запад. Абсолютные отметки 90–100 м. Почвообразующими породами являются карбонатные лессовидные суглинки. Грунтовые воды залегают глубже 20 м. Растительный покров представлен типчаково-полынной ассоциацией. В почвенно-географическом отношении исследуемый участок находится в пустынно-степной зоне в западной части ареала светло-каштановых почв, занимающих вершину и восточный склон Ергенинской возвышенности. В 5–10 км к западу пустынно-степная зона сменяется сухостепной с каштановыми почвами.

Изучены палеопочвы, погребенные под курганами позднесарматской культуры, датированные II–III и III–IV вв. н.э., а также современные почвы. Светло-каштановая солонцеватая солончаковатая палеопочва, погребенная во второй половине II – первой половине III вв. н.э., характеризуется высоким содержанием легкорастворимых солей и гипса. Профиль светло-каштановой солонцеватой глубоко солончаковатой палеопочвы конца III – начала IV вв. н.э. отражает более гумидные условия почвообразования по сравнению с предшествующим пери-

одом. Отличительными особенностями этой почвы являются сравнительно высокое содержание гумуса, более глубокое залегание аккумуляций карбонатов, легкорастворимых солей и гипса, появление красного оттенка в окраске гор. В1 и наличие в нем новообразований оксидов марганца, усиление текстурной дифференциации. Полученные данные свидетельствуют о том, что на протяжении позднесарматского времени (II–IV вв. н.э.) в пустынно-степной зоне Северных Ергеней наблюдалась заметная динамика климатических условий. Ранний период упомянутого хроноинтервала характеризовался засушливостью климата, которая в конце III в. сменилась увеличением степени атмосферной увлажненности, причем даже несколько превышающей современные показатели – «позднесарматский микроплювиал». Эти изменения отразились на степени засоленности, гумусированности, солонцеватости палеопочв.

Таким образом, палеопочвенные исследования курганов сарматского времени свидетельствуют о том, что в хроноинтервале 2200–1600 лет назад в палеопочвах сухих и пустынных степей Северных Ергеней происходили ритмичные изменения морфологических, химических, микробиологических, магнитных свойств. Масштабы выявленных изменений приводили к обратимым эволюционным преобразованиям почв на типовом, родовом или видовом таксономических уровнях. Палеопочвенные данные свидетельствуют о вековой динамике среднегодового количества атмосферных осадков в пределах $\pm(30-50)$ мм с периодической сменой кратковременных гумидных и аридных климатиче-

ских периодов продолжительностью 100–150 лет.

Прикаспийская низменность. *Курганный могильник «Колобовка»* расположен в Заволжье в 1 км к северу от с. Колобовка Ленинского р-на Волгоградской обл. на второй надпойменной террасе Волго-Ахтубы с абсолютными отметками 10–15 м. В природном отношении район входит в зону пустынной степи Прикаспийской низменности. Участок представляет собой выровненную поверхность со слабым уклоном в западном направлении. С поверхности терраса сложена желто-бурыми лессовидными засоленными суглинками, которые с глубины 1.5–2.5 м подстилаются песчаными отложениями. Грунтовые воды расположены на глубине 10 м. Могильник находится на старозалежном участке с восстановившимся естественным растительным покровом. Доминирует полынная ассоциация. В современном почвенном покрове преобладают светло-каштановые почвы в комплексе с солонцами.

Проведены палеопочвенные исследования курганов средне- (I–II вв. н.э.) и позднесарматского (II–III вв. н.э.) времени. Сравнительный анализ строения и свойств подкурганных и современных почв дает основания сделать следующие выводы о динамике природных условий в первые века новой эры на территории пустынно-степного Заволжья. Характер выявленных изменений подкурганных светло-каштановых палеопочв свидетельствует о том, что в I в. н.э. наблюдалось увеличение степени атмосферной увлажненности, которое в итоге привело к интенсификации нисходящей миграции водорастворимых компонентов (соли, гипс, карбона-

ты) и увеличению мощности гумусового горизонта. Морфолого-стратиграфические особенности профиля палеосолонца также свидетельствуют о том, что он переживал стадию активного выщелачивания. Во второй половине II в. н.э. наступил засушливый климатический период, продолжавшийся, вероятно, около столетия.

Морфолого-химические свойства подкурганных палеопочв близ расположенного *курганного могильника «Маляевка»* дают основания полагать, что в конце III в. н.э. в полупустынном Заволжье наметилась тенденция гумидизации климата, получившая развитие в IV в. н.э. в качестве «микроплювиала». Это подтверждается и данными микробиологических исследований палеопочв, для которых были характерны достаточно высокие величины численности микроорганизмов различных трофических групп, микробной биомассы, в экологотрофической структуре преобладали микроорганизмы, использующие легкодоступное органическое вещество.

Таким образом, исследования подкурганных педохронорядов позволили установить, что в конце I тыс. до н.э. – в первые века новой эры на территории Нижнего Поволжья доминировали сухо- и пустынно-степные ландшафты. Почвенный покров, как и в настоящее время, характеризовался комплексностью. В сухих степях ведущее место занимали каштановые почвы и солонцы, в пустынных степях – светло-каштановые почвы и солонцы. В хроноинтервале 2400–1600 лет морфологические, химические, магнитные свойства палеопочв испытывали определенную динамику, обусловленную вековой изменчивостью увлажненности климата. Масштабы

преобразований почвенных свойств дают основания считать, что изменчивость средней многолетней нормы атмосферных осадков не превышала 50–70 мм/год в сторону аридизации или гумидизации климата.

Отражение вековых климатических изменений в состоянии микробных сообществ палеопочв. Заметный прогресс, достигнутый в последние годы в области познания закономерностей изменения микробных сообществ в связи с эволюцией почв и вековой динамикой климата степей юга России за историческое время, во многом обязан комплексным почвенно-микробиологическим исследованиям археологических памятников, в первую очередь курганов эпох бронзы, раннего железа и средневековья (Демкина и др., 2000, с. 1117–1126; Демкина и др., 2007, с. 738–748; Khomutova et al., 2007, с. 328–336 и др.). Полученные нами доказательства (Демкина и др., 2007, с. 738–748; Demkina et al., 2008, с. 1439–1447; Каширская и др., 2010, с. 1229–1238) консервации в подкурганных палеопочвах микробных сообществ прошлых исторических эпох дают основания использовать различные микробиологические параметры в качестве индикаторов динамики климата, в частности, степени его увлажненности. Нами установлены микробиологические параметры, дающие контрастную характеристику микробного сообщества в степных палеопочвах в аридные и гумидные климатические периоды (Демкин и др., 2010, с. 15).

Эколого-трофическая и физиологическая структура микробных сообществ палеопочв. Микробиологические исследования хроноряды подкурганных палеопочв, погребен-

ных в I, II–III и III–IV вв. н.э. на территории Приволжской и Ергенинской возвышенностей в сухо- и пустынно-степной зонах показали, что характеристики состояния микробных сообществ отражают вековые изменения увлажненности климата. Так, в каштановых палеопочвах в I в. н.э. биомасса активных микроорганизмов (С-СИД) была в 7–32 раза, а доля С-СИД/С орг в 12–23 раза выше, чем во II–III вв. н.э. (табл. 1). При этом в эколого-трофической структуре микробных сообществ рассматриваемых палеопочв зафиксированы несущественные отличия, что указывает на незначительные изменения климата в сторону аридизации. В светло-каштановых палеопочвах (табл. 1) к концу III – IV вв. н.э. по сравнению со II–III вв. н.э. отмечено возрастание в 1.5 раза С-СИД и в 1.4 раза С-СИД/С орг. За это время в эколого-трофической структуре на 10% увеличилась доля микроорганизмов, использующих растительные остатки, и на 23% уменьшилась доля микроорганизмов, довольствующихся низкими концентрациями элементов питания из рассеянного состояния. Индекс олиготрофности, напротив, снизился в два раза. Известно, чем ниже его значение, тем в более богатых условиях по легкодоступному органическому субстрату обитают микроорганизмы, и наоборот, чем выше эта величина, тем к более бедным условиям приспособлены микробные сообщества. Следовательно, в конце III – начале IV вв. н.э. произошла заметная гумидизация климата.

В подкурганных палеопочвах, которые пребывают в состоянии длительной изоляции от воздействия внешних факторов (сотни и тысячи

Таблица 1.

Характеристика микробных сообществ гор. А1 подкурганых и современных почв Нижнего Поволжья

Время	С-СИД, мкг С/г почвы	СЧ микро- организ- мов, млн КОЕ/г почвы	ЭТС, % ПА:НА: БС	БС/ НА	Индекс олиготроф- ности	С-СИД/ С орг, %
Каштановые почвы, курганный могильник «Авиловский»						
I в. н.э.	45.9	68.96	56 : 4 : 40	11	143	0.6
II–III вв. н.э.	6.5	50.58	58 : 3 : 39	11	146	0.05
Современ- ность	657.9	42.80	55 : 4 : 41	9	135	4.2
Каштановые почвы, курганный могильник «Перегрузное»						
I в. н.э.	63.2	62.87	65 : 4 : 31	7	208	0.7
II–III вв. н.э.	2.0	68.40	64 : 5 : 31	6	206	0.03
Современ- ность	497.2	61.76	59 : 2 : 39	21	155	3.2
Светло-каштановые почвы, курганный могильник «Абганерово»						
II–III вв. н.э.	21.4	16.30	58 : 6 : 36	6	157	0.5
III–IV вв. н.э.	32.6	8.91	35 : 19 : 46	2	75	0.7
Современ- ность	1310.8	159.76	42 : 14 : 44	3	95	9.0

Примечание. СЧ – суммарная численность микроорганизмов, выросших на почвенном агаре, нитритном агаре и богатой органической среде; ЭТС – эколого-трофическая структура микробного сообщества, представленная соотношением долей микроорганизмов, выросших на разных средах: ПА, НА, БС.

лет), значительная часть микробного сообщества находится в покоящемся состоянии. Добавление различных питательных веществ (в частности, глюкозы) может стимулировать реактивацию клеток и переход их в активное состояние. Поэтому при исследовании состояния микробных сообществ погребенных палеопочв определение суммарной микробной биомассы (С-МБ), включающей как реактивируемые глюкозой, так и глубоко покоящиеся микробные клетки, дает нам общее представление о величине микробного сообщества, а биомасса реактивируемых глюкозой клеток (С-СИД) характеризует физиологическое состояние микроорганизмов. Соотношение этих двух

показателей может в определенной степени служить характеристикой метаболической активности микробного сообщества.

Установлено, что в палеопочвах могильника «Авиловский» (Приволжская возвышенность) суммарная микробная биомасса, активная биомасса и ее доля существенно ниже, чем в современном аналоге (рис. 2). При сравнении же двух палеопочв, погребенных в I и во II–III вв. н.э., выявилось следующее. Суммарная микробная биомасса достоверно не различалась. Активная биомасса и ее доля в суммарной биомассе в этих палеопочвах существенно отличаются, что указывает на различные физиологическое состояние микроорганизмов

и структуру микробных сообществ. Заметно более высокие значения этих показателей в среднесарматской палеопочве свидетельствуют о большей увлажненности климата в I в. н.э.

Выявленная закономерность прослеживается и в палеопочвах курганного могильника «Перегрузное» (Северные Ергени) (рис. 3). Доля активной биомассы в микробном сообществе гор. А1 каштановой палеопочвы I в. н.э. сопоставима с таковой в современной почве и существенно превышает этот показатель в почве, погребенной во II–III вв. Выявленные различия в состоянии микробных сообществ подкуранных почв были обусловлены сменой относительно гумидных условий почвообразования более аридными, которая приходилась скорее всего на середину II в. н.э.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ состояния микробных сообществ подкуранных палеопочв дает основания считать, что первые века новой эры в сухих и пустынных степях Нижнего Поволжья характеризовались сменой сравнительно влажных климатических условий засушливыми, а затем вновь влажными.

Суммарная и живая микробная биомасса в палеопочвах. Одной из важных характеристик микробных сообществ является их биомасса – суммарная, охватывающая микроорганизмы на разных стадиях жизненного цикла, а также погибшие и мумифицированные клетки, и живая – включающая только активные и покоящиеся клетки. Суммарная биомасса определялась методом экстракции и осаждения микробной фракции с оценкой полноты выделения и измерением содержания выделенного

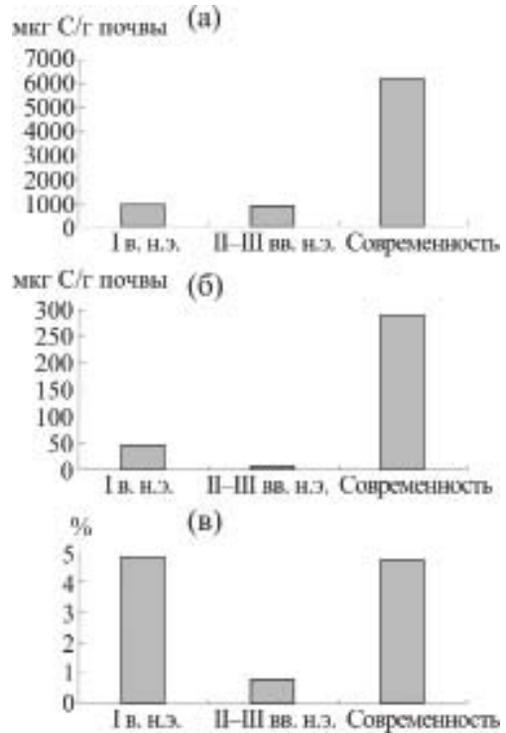

Рис. 2. Биомасса (а – суммарная, б – активная) микроорганизмов и доля активных микроорганизмов в суммарной микробной биомассе (в) в гор. А1 подкуранных и современной каштановых почв (курганый могильник «Авиловский»).

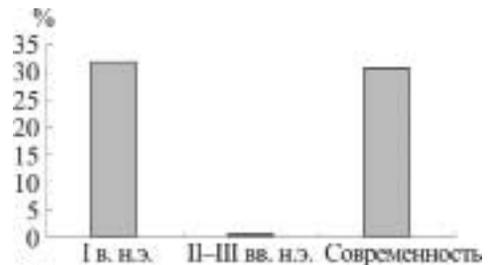

Рис. 3. Доля активных микроорганизмов (С-СИД) в суммарной микробной биомассе (С-МБ) в гор. А1 подкуранных и современной каштановых почв (курганый могильник «Перегрузное»).

микробного углерода (Хомутова и др., 2004, с. 241–247; Каширская и др., 2009, с. 581–587). Живую микробную биомассу оценивали по содержанию

почвенных фосфолипидов (Хомутова и др., 2011, с. 1496–1503). Фосфолипиды являются необходимыми компонентами всех живых клеток. Они входят в состав клеточных мембран бактерий, актиномицетов, грибов, низших растений и пр. и не встречаются в клеточных продуктах запасаения, а после гибели клеток быстро разрушаются (Frostegard et al., 1991, с. 151–163). Поэтому биомасса, оцененная на основании содержания фосфолипидов, характеризует живую часть микробных сообществ, включающую клетки на разных стадиях жизненного цикла, в том числе покоящиеся и некультивируемые формы. Поскольку в засушливых регионах, к которому относятся исследованные почвы, клетки микробных сообществ находятся в основном в покоящемся состоянии, соотношение содержания фосфолипидов и органического углерода в них квазипостоянно. Было установлено, что 1 г углерода клеток соответствует 521 мкмоль фосфатов фосфолипидов (Findlay et al., 1989, с. 2888–2893). Используя это соотношение, мы рассчитали живую биомассу микробных сообществ в единицах углерода, а также долю живой микробной биомассы в суммарной биомассе.

Исследованы палеопочвы, погребенные под курганами ~2000 лет назад в сухих степях Северных Ергеней (могильники «Аксай-3» и «Перегрузное-2009»). На объекте «Аксай-3» исследован солонцовый комплекс I в. н.э. (рр. Д-679, Д-680, Д-681, 682, курган № 3). Современные фоновые почвы были изучены в разрезах на целинном участке (р. Д-677 – солонец, р. Д-678 – каштановая почва). На объекте «Перегрузное-2009» исследованы палеосолонцы, погребенные в I в.

н.э. (р. Д-732, курган № 42 и р. Д-729, курган № 44) и современный фоновый солонец на целинном участке (р. Д-728).

Величину углерода, связанного с суммарной микробной биомассой, определяли по разработанной нами методике (Каширская и др., 2009, с. 581–587). Величину углерода живой микробной биомассы определяли на основании содержания почвенных фосфолипидов (Хомутова и др., 2011, с. 1496–1503).

Данные по содержанию суммарной микробной биомассы в современных и подкурганых палеопочвах солонцового комплекса I в. н.э. объекта «Аксай-3» представлены на рис. 4. Средневзвешенные величины (гор. A1+B1+B2) суммарной микробной биомассы (рис. 4а) были максимальны в фоновом солонце (1980 мкг С/г) и ниже на 53% (940 мкг С/г) в фоновой каштановой почве. В погребенном палеосолонце суммарная микробная биомасса составляла 86%, а в погребенных каштановых почвах – 94% от фона (среднесолонцеватая каштановая палеопочва) и превышала фон в два раза (сильносолонцеватая и несолонцеватая каштановые палеопочвы). Доля суммарной микробной биомассы в общем органическом углероде современных почв составляла 20–26%, а в палеопочвах достигала 40–58%. Средневзвешенные величины живой микробной биомассы (рис. 4б) были максимальны в фоновой каштановой почве (131 мкг С/г) и ниже на 16% (110 мкг С/г) в фоновом солонце. В погребенных палеопочвах средневзвешенные величины живой микробной биомассы составляли 34–40% (каштановая сильносолонцеватая и несолонцеватая палеопочвы) и 64–68%

от фона (каштановая среднесолонцеватая палеопочва и палеосолонец). Доля живой микробной биомассы в суммарной рассматривалась как показатель сохранности микроорганизмов в конкретных почвенных условиях. Она была максимальна в фоновой каштановой почве (14%) и ниже в фоновом солонце (5.6%). В погребенных палеопочвах доля живой микробной биомассы составляла 2.4–2.7% (сильносолонцеватая и несолонцеватая каштановые палеопочвы), увеличивалась до 4.2% (палеосолонец) и достигала 10.2% в среднесолонцеватой каштановой палеопочве. Живая микробная биомасса в фоновых почвах составляла 2.8% от общего органического углерода и 1.5–4.1% – в погребенных палеопочвах.

На объекте «Перегрузное-2009» исследована динамика живой микробной биомассы (рис. 5) в палеосолонцах (курганы № 42 и № 44) и в современном солонце на целинном участке, а также в солонцовом комплексе, погребенном в I в. н.э., и современных фоновых аналогах. Средневзвешенное содержание живой микробной биомассы (гор. A1+B1+B2) в современном солонце было 40 мкг С/г, а в палеосолонцах составляло 21% (курган № 44) и 46% (курган № 42) от фона (рис. 5б). Абсолютные величины живой микробной биомассы в глубь профиля в фоновом солонце последовательно уменьшались от 167 до 16 мкг С/г (рис. 5а). В палеосолонцах они колебались на уровне 7–19 мкг С/г, а в сравнении с содержанием живой биомассы в фоновой современной почве по горизонтам они последовательно увеличивались и составляли около 7% от содержания в гор. A1, 19% (курган № 44) и 50% (курган № 42) от содер-

жания в гор. B1 и 51% (курган № 44) и 122% (курган № 42) от содержания в гор. B2. Таким образом, полученные результаты указывают на то, что в палеосолонцах сохраняется живая микробная биомасса, причем в большей степени – в нижележащих горизонтах. В палеопочве кургана № 42 живая биомасса была больше, чем в таковой кургана № 44 в 2.7 (гор. B1) и 2.3 (гор. B2) раз, что может свидетельствовать о более высоком уровне увлажненности климата во время сооружения кургана № 42.

Таким образом, в исследованных подкурганных палеопочвах суммарная микробная биомасса сохранилась до настоящего времени, причем ее величина сопоставима, а в некоторых случаях превышает таковую в современных фоновых аналогах. Сохранилась также и живая микробная биомасса. Доля живых клеток в суммарной микробной биомассе в палеопочвах солонцового комплекса в некоторых случаях была близка таковой фоновых почв. Сопоставление относительных величин живой микробной биомассы в гор. B1 и B2 двух палеосолонцов свидетельствует о том, что на протяжении I в. н.э. происходило постепенное увеличение засушливости климата. Это дает основания полагать, что показатели состояния микробных сообществ в подкурганных палеопочвах могут служить индикаторами внутривековой (короткопериодной) изменчивости увлажненности климата. Соотношение углерода, связанного с суммарной микробной биомассой, и общего органического углерода в палеопочвах оказалась выше, чем в современных аналогах, что очевидно, связано с минерализацией органического вещества и истощением

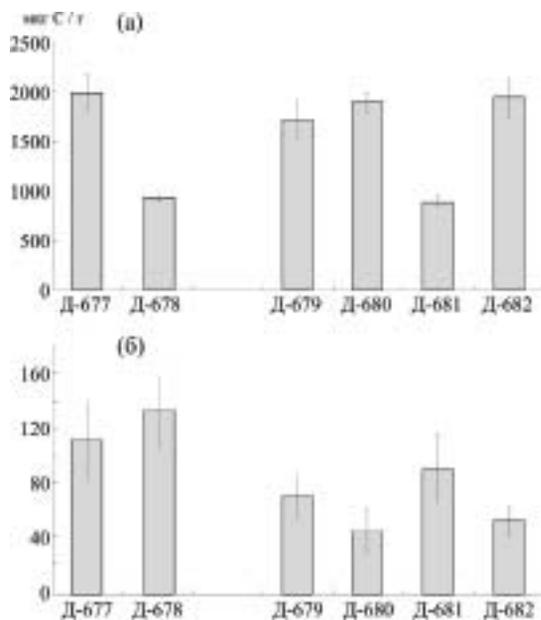
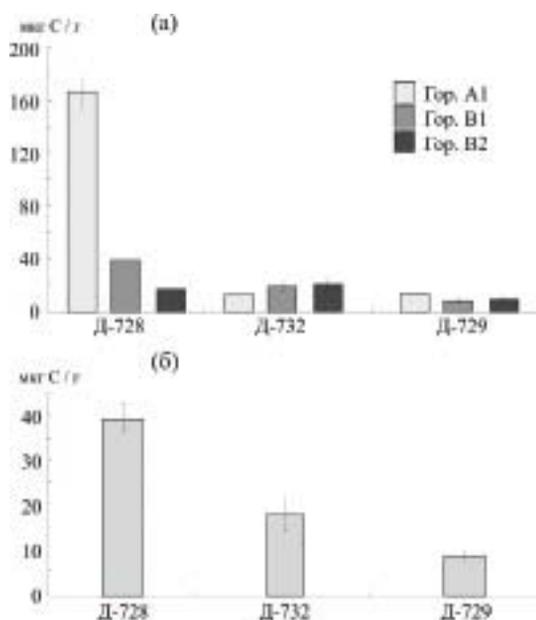

Рис. 4. Средневзвешенные величины (гор. А1+В1+В2) суммарной микробной биомассы (а) и живой микробной биомассы (б) современных фоновых почв объекта «Аксай-3». Фоновые почвы: Д-677 – солонец, Д-678 – каштановая почва). Подкурганные палеопочвы I в. н.э.: Д-679 – солонец, Д-680 – сильносолонцеватая, Д-681 – среднесолонцеватая, Д-682 – несолонцеватая каштановые палеопочвы.

Рис. 5. Содержание живой микробной биомассы в гор. А1, В1, В2 (а) и средневзвешенное по профилю (б) в подкурганых (I в. н.э.; Д-729, курган № 44; Д-732, курган № 42) и современном (Д-728) солонцах объекта «Перегрузное-2009».

ем запасов доступного органического углерода в процессе длительного погребения (около 2000 лет).

Заключение. Выявленные нами закономерности изменчивости морфологических, химических, магнитных свойств, биологической активности и эволюции палеопочв дают основания считать, что в степях юга России на

протяжении исторического времени ведущим фактором почвообразования являлся климат. Вековая динамика степени его увлаженности определяла направленность, скорость и масштабы преобразований почвенных свойств, оказывала существенное влияние на интенсивность и направленность элементарных почвенных процессов, на

пространственно-временную организацию почвенного покрова. Поэтому одной из важнейших задач почвенно-археологических исследований является реконструкция изменчивости климатических условий за историческое время. Как известно, достоверность и детальность природных реконструкций, в том числе климатических, определяется прежде всего палеообъектами ретроспективных исследований, которые должны отвечать определенным требованиям. Таковыми, на наш взгляд, являются: положение *in situ*; интегральное отражение природных условий; достаточно точная, экспрессная и малозатратная датировка; хорошая сохранность исходных характеристик; пространственно-временная репрезентативность; тесная хронологическая последовательность; приуроченность к различным ландшафтно-геоморфологическим районам; кратковременный (дни, недели) переход в состояние консервации (погребения); легкость обнаружения и вскрытия; возможность комплексных междисциплинарных исследований с использованием различных полевых и лабораторных методов. Очевидно, что перечисленным требованиям в полном объеме отвечают палеопочвы разновозрастных археологических памятников – курганов. Их сооружение происходило непрерывно носителями последовательно сменявшихся друг друга культур эпох энеолита, бронзы, раннего железа и средневековья с конца V тыс. до н.э. до начала XV в. н.э. Курганный погребальный обряд на большей части территории степей осуществлялся в период от оттаивания до промерзания почвенно-грунтовой толщи, то есть с ранней весны до поздней осени. Время сооружения

памятников в зависимости от их размеров и численности занятых в этом процессе людей занимало от нескольких дней до одного-двух месяцев. Точность определения возраста курганов, а следовательно, и времени погребения палеопочв, по археологическим материалам раскопок, как правило, не превышает одного-двух столетий, причем датировка курганного захоронения может быть проведена в ходе полевых исследований. В евразийских степях курганы распространены в огромном количестве, в частности, только в южных регионах России их число достигает нескольких сотен тысяч. Они приурочены к различным природным районам и элементам рельефа (водоразделы, склоны, останцовые поверхности, речные долины, равнинные и предгорные участки и др.), где зачастую встречаются группами, формируя курганные могильники. Как правило, в составе могильников встречаются памятники различных культур, что дает возможность исследования подкурганных педохронорядов, приуроченных к определенному ландшафту с одинаковыми климатическими, геоморфологическими, литологическими, геохимическими, почвенно-растительными условиями. Достаточно надежная сохранность исходных свойств подкурганных палеопочв обеспечивается спецификой биоклиматических условий степной зоны и довольно мощной (от 50–100 см до 2–3 м и более) перекрывающей их насыпной толщей полусферической формы. Это особенно важно, учитывая, что почвы относятся к числу объектов, интегрально отражающих природные условия их функционирования и развития за историческое время. В исследованиях подкурганных

Рис. 6. Динамика увлажненности климата сухих степей Нижнего Поволжья в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.).

палеопочв с целью реконструкции динамики увлажненности климата возможно использование комплекса разнообразных методов почвоведения, ботаники, почвенной микробиологии, биохимии, молекулярной биологии, минералогии, изотопной геохимии, аналитической химии, геофизики, агрохимии, радиоуглеродного датирования, электронной микроскопии и др.

Почвенно-археологические исследования курганов ранне-, средне- и позднесарматского времени свидетельствуют о том, что временная изменчивость морфологических, химических, микробиологических, магнитных свойств палеопочв сухих и пустынных степей Нижнего Поволжья в хроноинтервале 2400–1600 лет назад характеризовалась ритмичностью, которая была обусловлена вековой динамикой увлажненности климата с колебаниями среднегодовой нормы атмосферных осадков в пределах ± 30 –50 мм. Впервые установлено, что на протяжении сарматской эпохи периодическая смена кратковременных (100–150 лет) гумидных и аридных климатических эпох оказывала весьма значительное влияние на скорость и

направленность процессов засоления/рассоления, солонце- и гумусообразования, биологическую активность палеопочв солонцовых комплексов исследуемого региона. В частности, в сухостепной зоне Северных Ергеней вековая динамика увлажненности вызывала существенные преобразования структуры почвенного покрова с обратимыми эволюционными трансформациями палеопочв на уровне типов, родов или видов.

В климатическом отношении сарматская эпоха характеризовалась чередованием микроплювиальных и микроаридных периодов (рис. 6). Относительно влажные условия имели место в I в. до н.э., I и IV вв. н.э. (~380–400 мм/год), а наиболее засушливые – в IV–III вв. до н.э., во второй половине II – первой половине III вв. н.э. (~330–350 мм/год). Промежуточная и близкая к современности ситуация по степени увлажненности климата зафиксирована в первой половине II в. н.э. и во второй половине III в. н.э. (~350–380 мм/год). Предложенная оценка количества атмосферных осадков приведена для сухих степей Нижнего Поволжья и опирается на их современную норму

(~350–370 мм/год) с учетом масштабов изменчивости свойств палеопочв, развитых в исследуемом регионе во II–I вв. до н.э., I–II, II–III и III–IV вв. н.э., а также особенностей современных фоновых почв.

Установленная нами периодизация и хронология динамики климатических условий нижневолжских степей в сарматское время в целом согласуется с закономерностями развития природных процессов в других регионах степей и пустынь Евразии. В частности, по результатам палеогеографи-

ческих и почвенно-археологических исследований микроплювиалы в I–II и/или в конце III–IV вв. зафиксированы на Ближнем Востоке (Enzel et al., 2003, с. 263–273), в Приазовье (Песочина, 2004, с. 18–22), в Южном Приуралье (Рысков, Демкин, 1997, с. 142–145), в Зауралье (Плеханова, Демкин, 2008, с. 5–16). Установлено (Виноградов, Мамедов, 1991, с. 66–75; Маев и др., 1991, с. 76–86), что в бассейне Аральского моря во II–III вв. заметно усилилась засушливость климата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Изменения климата и ландшафтов междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи (по археологическим и палеогеографическим данным) // Аральский кризис. – М., 1991.
2. Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С. и др. Волго-Донские степи в древности и средневековье (по материалам почвенно-археологических исследований). – Пушкино: SYNCHROBOOK, 2010.
3. Демкина Т.С., Борисов А.В., Демкин В.А. Микробные сообщества палеопочв археологических памятников пустынно степной зоны // Почвоведение. – 2000. – № 9.
4. Демкина Т.С., Борисов А.В., Ельцов М.В., Демкин В.А. Сравнительная характеристика микробных сообществ курганных насыпей, подкурганных и современных почв степной зоны Нижнего Поволжья // Почвоведение. – 2007. – № 6.
5. Каширская Н.Н., Хомутова Т.Э., Демкина Т.С., Демкин В.А. Микробная биомасса подкурганных и современных почв степной зоны Нижнего Поволжья // Почвоведение. – 2009. – № 5.
6. Каширская Н.Н., Хомутова Т.Э., Дмитриев В.В., Дуда В.И., Сузина Н.Е., Демкин В.А. Морфология клеток и биомасса микроорганизмов подкурганных и современных степных почв Нижнего Поволжья // Почвоведение. – 2010. – №10.
7. Маев Е.Г., Маева С.А., Карпычев Ю.А. Аральское море в голоцене // Аральский кризис. – М., 1991.
8. Песочина Л.С. Развитие почв и природной среды Нижнего Дона во второй половине голоцена. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – М., 2004.
9. Плеханова Л.Н., Демкин В.А. Палеопочвы курганов раннего железного века степного Зауралья // Почвоведение. – 2008. – № 1.
10. Рысков Я.Г., Демкин В.А. Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене. – Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997.
11. Скрипкин А.С. История Волгоградского края от каменного века до Золотой Орды. – Волгоград, 2008.
12. Хомутова Т.Э., Демкина Т.С., Демкин В.А. Оценка суммарной и активной микробной биомассы в погребенных подкурганных палеопочвах разного возраста // Микробиология. – 2004. – Т. 73, № 2.

13. Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Демкин В.А. Оценка живой и суммарной биомассы микробных сообществ современной каштановой почвы и подкурганых палеопочв // Почвоведение. – 2011. – № 12.

14. Demkina T.S., Khomutova T.E., Kashirskaya N.N., Demkina E.V., Stretovich I.V., El-Registan G.I. and Demkin V.A. Age and activation of microbial communities in soils burial mounds and in recent surface soils of steppe zone // Eurasian Soil Science. – 2008. – Vol. 41, № 13.

15. Enzel Y., Bookman R., Sharon D., Gvirtzman H., Dayan U., Ziv B., Stein M. Late Holocene climates of the Near East deduced from Dead Sea level variations and modern winter rainfall // Quaternary Research. – 2003. – Vol. 60.

16. Frostegard A., Tunlid A., Baath E. Microbial biomass measured as total lipid phosphate in soils of different organic content // J. Microbiol. Methods. – 1991. – Vol. 14.

17. Findlay R.H., King G.M., Watling L. Efficacy of phospholipid analysis in determining microbial biomass in sediments // Applied and Environmental Microbiology. – 1989. – Vol. 55, № 11.

18. Khomutova T.E., Demkina T.S., Borisov A.V. and et al. An assessment of changes in properties of steppe kurgan paleosoils in relation to prevailing climates over recent millennia // Quaternary Research. – 2007. – Vol. 67, № 3.

Информация об авторах:

Демкин Виталий Александрович, доктор биологических наук, зам. дир. ИФХиБПП РАН (г. Пушкино, Россия); demkin@issp.serpukhov.su

Демкина Татьяна Сергеевна, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пушкино, Россия); demkin@issp.serpukhov.su

Хомутова Татьяна Эдуардовна, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пушкино, Россия); khomutova-t@rambler.ru

Ельцов Максим Витальевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пушкино, Россия); m_eltsov@mail.ru

Удальцов Сергей Николаевич, кандидат биологических наук, зав. лабораторией, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пушкино, Россия); udaltsov@issp.serpukhov.ru

Каширская Наталья Николаевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пушкино, Россия); Kashirskaya81@rambler.ru

UNDERKURGAN PALEOSOILS OF THE LOWER VOLGA STEPPES AS INDICATORS OF CLIMATE DYNAMICS DURING HISTORICAL TIME

V.A. Demkin, T.S. Demkina, T.E. Khomutova,
M.V. Yeltsov, S.N. Udaltsov, N.N. Kashirskaya

The studies of paleosoils buried beneath burial mounds of the Early, Middle, and Late Sarmatian time (4th c. BC to 4th c. AD) were carried out in the dry and desert steppes of the Lower Volga river area (the Volga and Yergenino uplands, the Caspian lowland). It was established that within the chronological interval of 2400–1600 years ago temporal variability of morphological, chemical, microbiological, and magnetic properties of

Supported by the Russian Foundation for Fundamental Research and the RAS Presidium Fundamental Research Program.

paleosoils was rhythmical, being conditioned by the centennial dynamics of climate humidity with oscillations of mean annual precipitation rate within ± 30 –50 mm. The periodic change of humid and arid climatic epochs considerably influenced soil salinization-desalinization, solonetz and humus formation processes, and biological activity of paleosoils of the solonetz alkali soil complexes. This stimulated essential changes in the structure of the soil covering with reversal evolutionary transformations of paleosoils on the levels of types, genera or species within several decades. The natural conditions within the existence of the Sarmatian culture society may be characterized as alternation of micropluvial and microarid periods with 100–200-year duration. In particular, both in dry (Volga-Don interfluvium) and in desert (Trans-Volga) steppes, the 1st c. BC, AD 1st and 4th cc. were characterized by relatively humid conditions, while the 4th–3rd cc. BC and second half of the 2nd to first half of the 3rd cc. AD were most arid. Intermediate humidity situation close to modern time was characteristic of the period from the first half of the 2nd to the second half of 3rd century AD. The evolution of climatic conditions is generally consistent with the rhythms of natural processes in other steppe and desert regions of Eurasia.

Key words: the Lower Volga region, the steppe zone, the Sarmatian epoch, paleosols, paleoclimate humidity.

REFERENCES

1. Vinogradov, A. V., Mamedov, E. D. 1991. In Andrianov, B. V., Glazovskii, N. F., Levina, L. M., Timoshchuk, L. A. (ed. board). *Aral'skii krizis: Istoriko-geograficheskaia retrospektiva (Aral Crisis: Historical and Geographical Retrospective)*. Moscow: "Nauka" Publ., 66-75 (in Russian).
2. Demkin, V. A., Borisov, A. V., Demkina, T. S. et al. 2010. *Volgo-Donskie stepi v drevnosti i srednevekov'e (po materialam pochvenno-arkheologicheskikh issledovani)* (*Steppes between Volga and Don Rivers in Antiquity and Middle Ages: by Materials of Soil and Archaeological Studies*). Pushchino: "SYNCHROBOOK" Publ. (in Russian).
3. Demkina, T. S., Borisov, A. V., Demkin, V. A. 2000. In *Pochvovedenie (Eurasian Soil Science)* (9), 1117-1126 (in Russian).
4. Demkina, T. S., Borisov, A. V., El'tsov, M. V., Demkin, V. A. 2007. In *Pochvovedenie (Eurasian Soil Science)* (6), 738-748 (in Russian).
5. Kashirskaia, N. N., Khomutova, T. E., Demkina, T. S., Demkin, V. A. 2009. In *Pochvovedenie (Eurasian Soil Science)* (5), 581-587 (in Russian).
6. Kashirskaia, N. N., Khomutova, T. E., Dmitriev, V. V., Duda, V. I., Suzina, N. E., Demkin, V. A. 2010. In *Pochvovedenie (Eurasian Soil Science)* (10), 1229-1238 (in Russian).
7. Maev, E. G., Maeva, S. A., Karpychev, Yu. A. 1991. In Andrianov, B. V., Glazovskii, N. F., Levina, L. M., Timoshchuk, L. A. (ed. board). *Aral'skii krizis: Istoriko-geograficheskaia retrospektiva (Aral Crisis: Historical and Geographical Retrospective)*. Moscow: "Nauka" Publ., 76-86 (in Russian).
8. Pesochina, L. S. 2004. *Razvitie pochv i prirodnoi sredy Nizhnego Dona vo vtoroi polovine golotsena (Evolution of Soils and Natural Environment of the Lower Don Basin in the Second Half of Holocene)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
9. Plekhanova, L. N., Demkin, V. A. 2008. In *Pochvovedenie (Eurasian Soil Science)* (1), 5-16 (in Russian).
10. Ryskov, Ya. G., Demkin, V. A. 1997. *Razvitie pochv i prirodnoi sredy stepei Iuzhnogo Urala v golotsene (Evolution of Soils and Natural Environment of Southern Ural in Holocene)*. Pushchino: Russian Academy of Sciences, Pushchino Scientific Center (in Russian).
11. Skripkin, A. S. 2008. *Istoriia Volgogradskogo kraia ot kamennogo veka do Zolotoi Ordy (History of the Volgograd Region from the Stone Age to Golden Horde)*. Volgograd: "Izdatel'" Publ. (in Russian).

12. Khomutova, T. E., Demkina, T. S., Demkin, V. A. 2004. In *Mikrobiologiya (Microbiology)* 73 (2), 241-247 (in Russian).
13. Khomutova, T. E., Kashirskaya, N. N., Demkin, V. A. 2011. In *Pochvovedenie (Eurasian Soil Science)* (12), 1496-1503 (in Russian).
14. Demkina, T. S., Khomutova, T. E., Kashirskaya, N. N., Demkina, E. V., Stretovich, I. V., El-Registan, G. I. and Demkin, V. A. 2008. Age and activation of microbial communities in soils burial mounds and in recent surface soils of steppe zone. *Eurasian Soil Science* 41 (13), 1439-1447.
15. Enzel, Y., Bookman, R., Sharon, D., Gvirtzman, H., Dayan, U., Ziv, B., Stein, M. 2003. Late Holocene climates of the Near East deduced from Dead Sea level variations and modern winter rainfall. *Quaternary Research* 60.
16. Frostegard, A., Tunlid, A., Baath, E. 1991. Microbial biomass measured as total lipid phosphate in soils of different organic content, *J. Microbiol. Methods* 14.
17. Findlay, R. H., King, G. M., Watling, L. 1989. Efficacy of phospholipid analysis in determining microbial biomass in sediments. *Applied and Environmental Microbiology* 55 (11).
18. Khomutova, T. E., Demkina, T. S., Borisov, A. V. et al. 2007. An assessment of changes in properties of steppe kurgan paleosols in relation to prevailing climates over recent millennia. *Quaternary Research* 67 (3).

About the Authors:

Demkin Vitaliy A. Doctor of Biological Sciences. Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, 142290, Moscow Oblast, Russian Federation; demkin@issp.serpukhov.su

Demkina Tatyana S. Candidate of Biological Sciences. Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, 142290, Moscow Oblast, Russian Federation; demkina@issp.serpukhov.su

Khomutova Tatyana E. Candidate of Biological Sciences. Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, 142290, Moscow Oblast, Russian Federation; khomutova-t@rambler.ru

Eltsov Maksim V. Candidate of Biological Sciences. Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, 142290, Moscow Oblast, Russian Federation; m_eltsov@mail.ru

Udaltsov Sergey N. Candidate of Biological Sciences. Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, 142290, Moscow Oblast, Russian Federation; udaltsov@issp.serpukhov.ru

Kashirskaya Natalya N. Candidate of Biological Sciences. Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, 142290, Moscow Oblast, Russian Federation; Kashirskaya81@rambler.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ТЕШСКОЙ ГРУППЫ МОРДОВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ III–VII вв.

© 2013 г. В.В. Ставицкий

В статье дается характеристика погребального обряда северной группы мордовских памятников, расположенных в бассейне р. Теша. Изменение погребальных традиций проанализировано по трем периодам: III–IV вв., V в. и VI–VII вв. Для данной группы населения традиционными являются одиночные труположения в грунтовых могилах, с ориентировкой преимущественно на север с отклонениями. Во второй половине IV в. в бассейн р. Теша происходит приток населения со Средней или Верхней Оки, что приводит к распространению трупосождений и различных ритуальных действий, связанных с огнем. Во второй половине V в. эти традиции постепенно исчезают. К VI в. рядовая планировка погребений на Абрамовском могильнике сменяется групповой, что свидетельствует о социальных изменениях в жизни мордвы этого времени.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, раннее средневековье, древнемордовское население, Абрамовский могильник, погребальный обряд, инвентарь, труположения и трупосождения.

Основным источником для реконструкции погребального обряда тешской группы памятников III–VII вв. являются материалы Абрамовского могильника (272 захоронения), кроме того могут быть привлечены также данные по отдельным погребениям могильников: Стексово 2, Погиблово, Кужендеево, Красное 3 и Заречное 2.

Грунтовые могильники данной группы, как правило, расположены на высоких местах: первых надпойменных террасах, пологих склонах, коренном берегу, останце в пойме р. Теша и ее притоков обычно на высоте 10–25 м над водой. В настоящее время погребения не имеют на поверхности никаких внешних признаков, но в период функционирования могильников они, по-видимому, имели какие-то отметки на поверхности. Это могли быть своеобразные памятные столбы у могил или оградки из столбов. Следы столбовых ям, которые можно отнести, к такого рода надмогильным сооружениям, обнаружены, например, у трех

погребений Абрамовского могильника (Охотина, 2008, с. 48).

Погребения совершались, как правило, в могильных ямах подпрямоугольной в плане формы с закругленными углами. Какие-то дополнительные конструктивные особенности, связанные с сооружением могильной ямы, фиксируются очень редко. Размеры могильных ям варьировались в зависимости от пола и возраста погребенного. В целом для памятников данной группы характерны могильные ямы, заметно превышающие рост умершего. При этом наиболее крупные ямы длиной от 275 до 320 см характерны для IV и особенно V в., причем в ряде случаев их размеры, зафиксированные на уровне дневной поверхности, были еще больше. Погребения VI–VII вв. обычно имеют отвесные стенки и их размеры на уровне дневной поверхности и у дна сильно не отличаются. В целом в III–IV вв. преобладают погребения длиной от 230 до 260 см, к концу V в. максимум размера взрослых захоронений приходится

на 230–270 см, в VI в. – на 220–240 см. В VII в. в могилах более крупных размеров (240–270 см), обычно хоронили умерших, снабженных богатым инвентарем.

Во второй половине VI в. и особенно в начале VII в. происходит заметное увеличение количества детских погребений размерами от 90 до 130 см, которые в IV в. были единичны. При этом практически выходят из употребления погребения длиной от 130 до 170 см, известные по материалам IV – первой половины V вв., что видимо, объясняется тенденцией общего уменьшения длины погребений, которая коснулась не только взрослых, но и детских захоронений. Теперь на могильниках тешской группы отсутствуют погребения, которые по их размерам можно было бы отнести к категории переходных: от детских к взрослым, что, возможно, свидетельствует о более строгой возрастной дифференциации, произошедшей в обществе к VII в.

К сожалению, в большинстве случаев из-за многолетней распашки верхнего слоя почвы на могильниках не фиксируется дневной уровень совершения погребений, что затрудняет установление их реальной глубины, которая варьируется в очень широких пределах от 0,4 до 2,4 м. В целом преобладают погребения глубиной от 1 до 1,5 м, но для первой половины IV в. также характерны погребения мельче 1 м, доля которых на Абрамовском могильнике составляет около 25%. В V в. их глубина заметно возрастает и около четверти всех погребений теперь становятся глубже 1,5 м. Меньшую глубину ям на могильниках, как правило, имели детские погребения. Сравнительно неглубоко хоронили

покойников на Старшем Кужендеевском могильнике конца VI – VII вв., средняя глубина могил здесь составляет всего 0,6–0,7 м (Жиганов, 1959, с. 60). По всей видимости, заметное влияние на глубину совершения захоронений оказывали локальные традиции, которые достаточно сильно отличались.

Наиболее ранние погребения тешской группы имеют неустойчивую ориентировку, которая различается на разных памятниках. Так, погребения могильника Стексово 2, относящиеся к III в., ориентированы головой на ЗСЗ (Мартьянов, 2001, с. 143, табл. 76). Самые ранние погребения Абрамовского могильника, относящиеся к концу III – началу IV вв., ориентированы на ССВ, но уже в первой половине IV в. для большинства погребений здесь становится характерной ориентировка на север, иногда с небольшим отклонением к западу, которая сохраняется до конца V в. В конце V – начале IV вв. получают распространение погребения, ориентированные головой на ССЗ, которые к концу VI в. становятся преобладающими. Подобную ориентировку имеют и большинство погребений VII в. Старшего Кужендеевского могильника (Жиганов, 1959, с. 60–61). На Погибловском могильнике погребения VI–VII вв. имеют неустойчивую ориентировку, но все же преобладают захоронения, ориентированные головой на север (АКР. Нижегородская обл., 2004, с. 96). Иная форма ориентации могильной ямы встречается редко. Следует отметить, что пять погребений Абрамовского могильника первой половины V в. были ориентированы головой на юг, и 5 погребений второй половины V – первой половины VI вв. – на юго-

восток. Ориентировка погребенных, направленных головой или ногами в сторону солнца, могла меняться в зависимости от времени совершения захоронений (Святкин, Чадин, 2003, с. 334–335). Поэтому отклонения от преобладающей ориентировки, вероятно, объясняются локальными традициями совершения погребений в то или иное время суток.

Погребения IV–V вв. располагаются на могильниках в виде параллельных рядов, причем расстояние между последовательно совершенными погребениями обычно не превышает 1–1,5 м. Более разреженным расположение могил становится к концу V в., когда появляются ряды с далеко отстоящими друга от друга могилами или группами могил. На планиграфическом участке Абрамовского могильника, относящегося к VI в., погребения, скомпонованные в отдельные группы, уже практически не образуют рядов. Видимо, теперь каждая из таких групп представляет собой семейный участок, где рядом с погребением взрослых расположены захоронения детей. Похожая планировка зафиксирована В.Н. Шитовым и Ю.А. Зеленевым на Кадомском рязано-окском могильнике VI–VII вв. (Зеленев, Шитов, 1979, с. 134). Однако для Старшего Кужендеевского могильника VII в. подобная планиграфия не характерна, погребения располагаются здесь, как и в более раннее время, разреженными рядами (Жиганов, 1959, с. 61, табл. 22).

Подавляющее большинство погребений тешской группы памятников совершены по обряду трупоположения, но во второй половине IV – начале V вв. в погребальном обряде Абрамовского могильника заметную роль начинают играть ритуальные дей-

ствия, связанные с использованием огня. Примерно пятая часть погребений планиграфического участка, относящегося к этому времени, совершена по обряду трупосожжения, еще чаще в погребениях присутствуют угли и следы иных ритуальных действий, так или иначе связанные с огнем. Некоторые погребенные засыпаны углем полностью или частично. В одном из захоронений (погр. 53) костер был зажжен после того, как погребение было засыпано на 25–30 см. По наблюдениям О.В. Букиной, все наиболее ранние трупосожжения тешской группы являются женскими (Букина, 1998, с. 19), что подтверждается и планиграфическим расположением могильных рядов с трупосожжениями на площади Абрамовского могильника.

Все трупосожжения были совершены на стороне, вне могилы. После этого остатки сожжения собирались отдельно от угля и золы или вместе с ними и складывались в могильную яму. Вещи в большинстве случаев были положены в порядке ношения, что свидетельствует о появлении обряда трупосожжения в среде, для которой был характерен обряд трупоположения. В отдельных случаях вещи располагались бессистемно. В одном погребении зафиксирован обряд частичного трупосожжения: обожженные кости находились здесь вместе с костями, не подвергшимися воздействию огня. Еще одно погребение являлось смешанным. В нем близ черепа женского трупоположения лежала кучка кальцинированных костей.

Появление традиций трупосожжения, видимо, связано с притоком нового населения с территории Верхнего, либо Среднего Поочья, которые оказались затронуты походами Германа-

риха в земли ряда северных народов, известные нам по сообщениям готского историка Иордана. В частности, на территории Окско-Донского водораздела исследователями выделяется горизонт погибших от пожаров селищ и городищ, датировка которого приходится на середину IV в. (Воронцов, 2008, с. 11). Именно с этого времени обряд сожжения умерших получает распространение среди населения рязано-окских могильников (Букина, 1997, с. 283), откуда он, вероятно, попадает и на р. Тешу.

Во второй половине V в. эти традиции в тешской группе памятников постепенно сходят на нет. С этого времени с использованием огня совершены только единичные погребения, в подавляющем большинстве случаев принадлежащие мужчинам. Мужские трупосожжения (80%) в это время резко преобладают над женскими и среди погребений с сожжениями Серповского могильника, расположенного на р. Цне (Алихова, 1959, с. 14).

Следует отметить, что иная динамика распространения ритуальных действий, связанных с культом огня, имеет место в присурской группе могильников. Так, например, угли в засыпке погребений Армиевского могильника получают широкое распространение только со второй половины V в., а до этого времени встречаются редко (Зеленева, 1987, с. 94).

В погребениях Абрамовского могильника с трупоположением, в тех случаях, когда поза погребенных точно установлена, костяки лежали вытянуто на спине, голова на затылке лицом вверх. У некоторых погребенных череп лежал на правом виске или был слегка повернут вправо. Руки обычно согнуты в локтях и положе-

ны кистями на верхнюю часть груди (чаще), либо одна рука слегка согнута в локте и положена кистью в области таза; вторая – в верхней части груди (реже), в трех погребениях руки были положены ладонями на живот (Охотина, 2008, с. 50). Необычный обряд зафиксирован в Абрамовском захоронении первой половины IV в., в котором кости рук и ног лежали на позвонках и ребрах, следовательно, при погребении костяк был сложен пополам, ноги были согнуты (вместе с тазом) и прижаты к животу. При этом никаких повреждений костей в захоронении не прослежено.

Кроме индивидуальных погребений изредка встречаются парные (около 3%), в которых в одной могильной яме находились два одновременных захоронения, обычно взрослого и ребенка. В Абрамовском могильнике в парных захоронениях оба покойника погребены по обряду трупоположения, основные погребения – мужские, дополнительные – детские. Костяки обычно ориентированы головой в противоположные стороны, либо детское погребение находится в ногах. Единичным является мужское погребение Абрамовского могильника с человеческим черепом, лежащим в ногах.

В ряде погребений на костях и под ними прослежены следы луба. Покойника клали на лубяную подстилку и сверху также прикрывали лубом. Иногда дно могилы обкладывали деревянными плахами.

Погребенные, как правило, сопровождались различным инвентарем. В женских погребениях фиксируются металлические детали одежды, украшения, глиняные сосуды, реже орудия труда и в единичных случаях оружие.

Сосуды располагались в головах, обычно по одному экземпляру. По мнению Т.Н. Охотиной, поставленная в захоронения посуда предназначалась для заупокойной пищи (Охотина, 2008, с. 51), однако отсутствие керамики в мужских и детских погребениях, вероятно, свидетельствует о том, что посуда в женские погребения ставилась, прежде всего, в качестве производственного инвентаря. Данная особенность отличает тешскую группу памятников от рязано-окских могильников, где сосуды присутствуют только в женских погребениях раннего этапа, а позднее встречаются только в мужских захоронениях и располагаются, как правило, в ногах (Румянцева, 2007, с. 246). У присурской мордвы в этот период сосуды ставили как в мужские, так в женские погребения, обычно у головы, редко у ног (Вихляев, 1977, с. 55, 57).

Практически в каждом женском погребении фиксируются детали головного убора, в который обязательно входили височные подвески, а также детали наколки, редко – налобный венчик (только в погребениях IV в.). К украшениям шеи относятся ожерелья из бус и гривны, к нагрудным украшениям – пластинчатые бляхи. Практически в каждом инвентарном погребении, как в женском, так и мужском, присутствуют сьюлгамы. Со второй половины IV в. по первую половину V в. примерно в 20% женских и мужских погребений (практически поровну) встречаются удила, которые почти всегда клали в ногах умершего. На более поздних стадиях их находки становятся единичными. Похожая тенденция зафиксирована Ю.А. Красновым для погребений Безводнинского могильника, где на

рубеже VI–VII вв. удила выходят из погребального инвентаря женских захоронений, но сохраняются в мужских (Краснов, 1980, с. 130).

В одном из погребений (Абрамово п. 243) прослежен обычай положения посмертного «дара» – вправо от уровня коленных костей располагался железный топор и множество бутыльчатых бронзовых привесок в берестяной сумочке, выложенной внутри тонкой шерстяной тканью и обрамленной по краям кожаным ремешком. И.В. Белоцерковская считает, что женские украшения в мужском комплексе следует рассматривать как посмертные «дары», свидетельствующие об особом социальном статусе погребенных (Белоцерковская, 1997, с. 27). Женские украшения, положенные в мужские захоронения, известны в Гавердовском, Шатрищенском и Ивановском могильниках (Ефименко, 1975, с. 30; Кравченко, 1974, с. 166, 170).

Расположение предметов в погребении подчиняется закономерностям, продиктованными определенными бытовыми и, возможно, обрядовыми традициями. Большинство украшений в женских погребениях лежало в порядке их ношения: венчики на голове, височные украшения и наколки у висков; гривны и ожерелья в области шеи; нагрудные бляхи в нижней части груди; браслеты и перстни на руках; сьюлгамы в области груди и в области пояса. Из производственного инвентаря в женских комплексах встречались ножи, пряслица, шилья. Ножи обычно зафиксированы там, где их, вероятно, носили при жизни, в области пояса. Прыслица не имели определенного местоположения – они найдены в изголовье, у локтя, чуть ниже пояса (Охотина, 2008, с. 52). В

могильнике VII в. у с. Кужендеево в двух женских погребениях были зафиксированы серпы, в одном из которых (погр. 6) были найдены еще и две формочки для отливки бисера (Жиганов, 1959, с. 68–69).

В мужских захоронениях одной из самых распространенных категорий находок являются поясные наборы и предметы обихода, укрепляемые на поясе: ножи, кресала, кремни и т.д. Практически во всех захоронениях встречаются поясные пряжки, иногда даже более одной. Нередко в мужских захоронениях встречаются и украшения: гривны, браслеты, застежки и т.д. В одном из ранних погребений Абрамовского могильника зафиксирован набор плотницкого инструмента.

В каждом мужском погребении имелись те или иные предметы вооружения. В пяти мужских погребениях Абрамовского могильника найдены мечи, которые обычно располагались слева в области бедер. Вероятно, клинки подвешивались к поясу на специальных ремнях, которые не сохранились. Так в погребении 179 слева, на уровне пояса, вдоль остатков костяка лежал короткий (длиной 54 см) меч с небольшим черешком. От ножен сохранились следы дерева на полотне меча. Рукоять меча находилась как раз рядом с поясом, от которого сохранилась железная пряжка и небольшие округлые бронзовые бляшки и накладки. В погребении 83 меч находился в голове справа, в погребении 155 в центре могилы, рукоятью к голове. Наконечники копий обычно клали справа в головы. Почти во всех мужских комплексах обнаружены топоры. В их расположении определенной за-

кономерности не прослежено. Они найдены в изголовье, справа у головы, в ногах и т.д.

Примерно третья часть погребений Абрамовского могильника не содержала следов захоронения. По форме, размерам и характеру засыпки они не отличаются от могил с погребениями взрослых, совершенных по различным обрядам захоронения. В большинстве случаев в этих могилах не было найдено никаких вещей, или их оказалось мало. Многие из этих могил, особенно те из них, которые имеют небольшие размеры, в дневниковых записях относятся предположительно к детским погребениям, а отсутствие следов костяка объясняется его несохранностью. Часть подобных могил, возможно, относится к категории кенотафов, однако плохая сохранность костяков в большинстве погребений могильника оставляет данный вопрос открытым.

На ряде могильников тешской группы встречаются захоронения животных. В ранней части Абрамовского могильника, относящегося к первой половине IV в. было зафиксировано погребение коня. Конское погребение выявлено в Погибловском могильнике, но его датировка не ясна (АКР. Нижегородская обл., 2004, с. 95). В Старшем Кужендеевском могильнике VII в. зафиксировано захоронение коровы (Жиганов, 1959, с. 60). Подобные захоронения, по мнению ряда исследователей, являлись жертвенным приношением, которое совершалось всеми членами рода при закладке кладбища и предназначалось всем умершим родственникам (Жиганов, 1976, с. 39).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I и начала II тыс. н.э. // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник. Т. II. – Саранск, 1959. – С. 13–54.
2. Археологическая карта России (АКР): Нижегородская область. Часть 1. – М., 2004. – 384 с.
3. Белоцерковская И.В. Погребения с дарами из могильника Кораблино // Погребальный обряд: Археологический сборник. (Тр. ГИМ. Вып. 93). – М., 1997. – С. 20–28.
4. Букина О.В. Датировка погребений с трупосожжениями в рязано-окских могильниках // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии). – Самара, 1997. – С. 12–15.
5. Вихляев В.И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья: Учебное пособие. – Саранск, 1977. – 98 с.
6. Вихляев В.И. Этнокультурные процессы в Окско-Сурско-Цнинском междуречье в I–VII вв. // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Все-союз. науч. конф. финно-угроведов. – Саранск, 2000. С. 48–50.
7. Воронцов А.М. Этнокультурная ситуация на Окско-Донском водоразделе в позднеримское время. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008. – 17 с.
8. Ефименко П.П. Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы // Тр. МордНИИЯЛИЭ. Вып. 48. – Саранск, 1975.
9. Жиганов М.Ф. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Тёша // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа: Археологический сборник. Т. II. Саранск, 1959. – С. 55–88.
10. Жиганов М.Ф. Память веков: Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти. – Саранск, 1976. – 112 с.
11. Жиганов М.Ф. Старший Кужендеевский могильник // СА. – 1959. – № 1. – С. 218–227.
12. Зеленеев Ю.А., Шитов В.Н. О планировке Старокадомского могильника // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. – Саранск, 1979. – С. 134–140.
13. Зеленеев Ю.А. Элементы погребального обряда мордвы VI–XI вв. // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. – Йошкар-Ола, 1987. – С. 90–116.
14. Кравченко Т.А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. – М., 1974.
15. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. – М., 1980. – 224 с.
16. Мартыанов В.Н. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия н.э. – Арзамас, 2001. – 322 с.
17. Охотина Т.Н. Погребения с трупоположениями в Абрамовском могильнике // Пензенский археологический сборник. – Пенза, 2008. С. 48–55.
18. Румянцева О.С. Керамика центральной группы могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. – М., 2007. – С. 246–275.
19. Святкин С.В., Чадин Р.М. К вопросу о различиях в погребальной обрядности древней мордвы // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003. – С. 330–339.

Информация об авторе:

Ставицкий Владимир Вячеславович, профессор, доктор исторических наук, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); stawiczku.v@yandex.ru

**THE FUNERAL RITE OF TESHKAYA GROUP
OF MORDOVIAN BURIALS IN III–VII CENTURIES****V.V. Stavitsky**

The burial rite typical of the northern group of the Mordovian sites located in the Tyosha river basin is characterized in the article. The changes in burial traditions are analyzed in the framework of three periods: the 3rd–4th, the 5th, and the 6th–7th centuries. For this population group, single inhumations in ground graves, with the orientation primarily to the North with deviations were traditional. In the second half of the 4th century, an influx of people from the Middle or Upper Oka river region to the Tyosha river basin resulted in the spread of cremations and various ritual acts connected with fire. In the second half of the 5th century, these traditions gradually disappeared. By the 6th century, the linear layout of the burials on the Abramovo burial ground had been replaced by the group one, which attests to the social changes in the life of the Mordovians characteristic of the period.

Key words: archaeology, the Middle Volga region, the Early Middle Ages, the ancient Mordovian population, the Abramovo burial ground site, funeral rite, grave goods, inhumations and cremations.

REFERENCES

1. Alikhova, A. E. 1959. In Alikhova, A. E., Zhiganov, M. F., Stepanov, P. D. *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda. Arkheologicheskii sbornik (From the Ancient and Medieval History of the Mordvinian People: Archaeological Collected Papers)* II. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 13–54 (in Russian).
2. Nikolaenko, T. D. (text and compilation); Kashkin, A. V. (ed.). 2004. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Nizhegorodskaya oblast' (Archaeological Map of Russia. Nizhny Novgorod Oblast)* 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
3. Belotserkovskaya, I. V. 1997. In Belotserkovskaya, I. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Funeral Rite)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 93. Moscow, 20–28 (in Russian).
4. Bukina, O. V. 1997. In *Kul'tury stepei Evrazii vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (Voprosy khronologii). (Steppe Cultures of Eurasia in the Second Half of the I Millennium AD: Issues of Chronology)*. Samara, 12–15 (in Russian).
5. Vikhliaev, V. I. 1977. *Drevniya mordva Posur'ia i Primokshan'ia (Ancient Mordva People in the Sura and Moksha Rivers Area)*. Saransk: Mordovian State University (in Russian).
6. Vikhliaev, V. I. 2000. In Mosin, M. V. (ed.-in-chief). *Finno-ugorskii mir: istoriya i sovremennost' (Finno-Ugric World: History and Contemporaneity)*. Saransk: Mordovian State University, 48–50 (in Russian).
7. Vorontsov, A. M. 2008. *Etnokul'turnaya situatsiya na Oksko-Donskom vodorazdele v pozdnerimskoe vremya (Ethnic and Cultural Situation on the Oka and Don Watershed in the Late Roman Time)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
8. Efimenko, P. P. 1975. In *Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Language, Literature, History, and Economy Institute)* 48. Saransk (in Russian).

9. Zhiganov, M. F. 1959. In Alikhova, A. E., Zhiganov, M. F., Stepanov, P. D. *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda. Arkheologicheskii sbornik (From the Ancient and Medieval History of the Mordvinian People: Archaeological Collected Papers)* II. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 55–88 (in Russian).
10. Zhiganov, M. F. 1976. *Pamiat'vekov: Izuchenie arkheologicheskikh pamiatnikov mordovskogo naroda za gody Sovetskoj vlasti (Memory of Ages: Studying Archaeological Sites of the Mordvinian People under Soviet Rule)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
11. Zhiganov, M. F. 1959. In *Sovetskaja Arkheologija (Soviet Archaeology)* (1), 218–227 (in Russian).
12. Zeleneev, Yu. A., Shitov, V. N. 1979. In *Arkheologicheskie pamiatniki mordvy pervogo tysiacheletia nashei ery (Archaeological Sites of the Mordva People in I Millennium AD)*. Saransk, 134–140 (in Russian).
13. Zeleneev, Yu. A. 1987. In *Etnicheskie i sotsial'nye protsessy u finno-ugrov Povolzh'ia (Ethnic and Social Processes with Finno-Ugric Peoples in the Volga Basin)*. Yoshkar-Ola, 90–116 (in Russian).
14. Kravchenko, T. A. 1974. In Mongait, A. L. (ed.). *Arkheologija Riazanskoj zemli (Archaeology of the Ryazan Land)*. Moscow: "Nauka" Publ., 126–130 (in Russian).
15. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorky Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
16. Mart'ianov, V. N. 2001. *Arzamasskaia mordva v I — nachale II tysiacheletia (Arzamas Mordvians in the I — Beginning of the II Millenium AD)*. Arzamas: Arzamas State Pedagogical Institute (in Russian).
17. Okhotina, T. N. 2008. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)*. Penza, 48–55 (in Russian).
18. Rumiantseva, O. S. 2007. In Gavritukhin, I. O., Oblomsky, A. M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysiacheletia n. e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium A.D.)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 246–275 (in Russian).
19. Sviatkin, S. V., Chadin, R. M. 2003. In *Arkheologija Vostochnoevropejskoj lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza, 330–339 (in Russian).

About the Author:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences. Penza State University. Krasnaya St., 40, Penza, 440026, Penza Oblast, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

ПОЯСНЫЕ КОШЕЛЬКИ/СУМОЧКИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКАХ ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© 2013 г. Т.Б. Никитина

Кошельки/сумочки из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. подразделяются на 4 типа по форме, технологии изготовления и декору. Кошельки типа 1 встречаются в основном в мужских захоронениях, типов 2 и 3 – в равной степени в мужских и в женских, тип 4 представлен единственным экземпляром. Судя по расположению кошельков в погребениях, их носили на поясе. Анализ содержимого кошельков позволяет сделать вывод, что они имели больше культовое, чем функциональное назначение: большинство предметов из них, по-видимому, являлись оберегами. Кошельки первого типа, наиболее распространенные в Ветлужско-Вятском междуречье, имеют местное происхождение и являются характерными для марийского костюма эпохи средневековья. Кошельки второго типа проникли на указанную территорию в результате культурных и торговых контактов с соседями, прежде всего с болгарями.

Ключевые слова: археология, Прикамье, Ветлужско-Вятское междуречье, средневековье, мари, угры, болгары, костюм, торговые связи.

Кошельки/сумочки¹ являются частью костюма средневекового населения Ветлужско-Вятского междуречья.

Кошельки или упоминания о них сохранились при описании 55 комплексов (25,3%). В некоторых комплексах зафиксировано по несколько кошельков, имеющих, возможно, различное функциональное назначение. Кошельки из могильников Ветлужско-Вятского междуречья различаются по технологии изготовления, форме, декору. В 13 случаях подобная информация не сохранилась, имеются лишь упоминания о наличии кожаных кошельков или сумочек или незначительные фрагменты кожи от них. 42 изделия, сохранившиеся в различной степени, подлежат классификации.

В основу классификации положена форма изделия и орнаментация, раз-

меры индивидуальны и учитывались как второстепенный признак.

Тип 1 – 32 экз. Кошельки лировидной (в разных работах встречается грушевидной или подковообразной) формы сужены посередине, имеют округлую нижнюю часть и горловину в форме цилиндра или раструба. Кожа имеет ячеистую поверхность. В научной литературе данная ячеистая поверхность трактовалась как кожа со специальным тиснением «булгари» (Казаков, 2007, с. 85). Анализы кож показали, что ячеистость является натуральной структурой бобрового хвоста, а изделие изготовлено непосредственно из хвоста бобра. Кошелек шит из двух кожаных пластин, достаточно плотно прилегающих друг другу. Для придания кошельку твердости между пластинами в районе боковых швов использовалась прокладка из бересты (Русенихинский могильник, п. 13) или войлока (Русенихинский могильник, п. 3). Нижняя округлая часть кошелька окантована мелкими металлическими обоймочками-зажи-

¹ В литературе в равной степени используются оба термина для обозначения одних и тех же изделий. Далее я буду использовать термин кошельки. Термин сумочки оставлен в тех случаях, когда цитируется материал других исследователей.

мами на 1 шпеньке из цветного металла, охватывающими обе стороны изделия и таким образом скрепляющими их. Боковые края верхней части имеют зажимы в виде несомкнутой трубочки или двух сплошных пластин из цветного металла. Учитывая то обстоятельство, что кошельки имели приличную длину (иногда до 20 см), изготовлены из плоских кожаных пластин без дополнительных складок или выточек, они были не очень удобны в использовании. Практически все обнаруженные в них вещи находились в верхней части (рис. 2: 1). Кошелек крепился к поясу с помощью кожаных тонких ремешков, вязанных шерстяных тесемок или бронзовых цепочек.

Кошельки обнаружены преимущественно в мужских захоронениях. Судя по инвентарю², в двух погребениях Юмского могильника были похоронены женщины. Женские погребения отличаются богатством и, вероятно, особым статусом. Одно из них, погребение 7, принадлежало литейнице.

Погребения с кошельками данного типа имеют различную датировку в пределах X–XI вв.

Изделия различаются по размерам, округлости нижней части и оформлению верхней части в форме раструба или цилиндра. По соотношению длины верхней части к нижней возможно проанализировать 15 кошельков, которые сохранились полностью или в большей части. Они подразделены на варианты.

А) Длина верхней части преобладает над нижней, соотношение выражено пропорцией $1: > 1$ (п. 14 Вес., п. 1 Рус, жк 5, 13 Рус, 2,4,7 Юм, 51

Дуб.)³. Общие размеры 7–10 x 10–17 см (рис. 1: 3; 2: 1).

Б) Длина верхней части меньше длины нижней части, соотношение выражено пропорцией $1: < 1$ (пп. 5 Вес, 3, 7, 12,13 Рус., жк 12 Рус., п. 38 Дуб. Общие размеры; ширина в пределах 7–11; высота – 15–20 см (рис. 1: 1).

Тип 2. Кожаные кошельки с нижним округлым краем по форме напоминают нижнюю часть кошелеков типа 1Б, но боковые края более плавные, и горловина почти не выражена.

Судя по составу инвентаря, среди комплексов с такими кошельками встречаются в равной степени и мужские и женские.

А). Кошельки по бокам имеют прошитую кожаную или металлическую сплошную полоску, по центру узкий ремешок, который использован для застегивания и крепления к ремню – 5 экз.(?). (п. 5, 19 (жк) Вес. жк 2, 5(?), 8 Рус., п. 52 Дуб.(?) (рис. 1: 2; 2: 2). Размеры кошелеков в пределах: высота – 11–15 см; ширина – 11–15 см; разница между шириной и высотой в пределах 1 см. На лицевой стороне могла быть пластина из фольги цветного металла (п. 19 Вес., жк 8 Рус.) или иные украшения (п. 5 Вес.). К этому типу относится известная сумочка из п. 19 Веселовского могильника с изображением двух зверей (львов?) на задних лапах (Архипов, 1973, с 40, рис. 49), которая впоследствии включена в несколько работ. Данная находка считается уникальной и долгое время была единственной. В 2011 г. подобное

³ Сокращения в названиях могильников: Дубовский – Дуб.; Веселовский – Вес.; Юмский – Юм; Могильник «Нижняя стрелка» – НС, Русенихинский – Рус. ЖК – жертвенный комплекс.

² Антропологический анализ костей не производился.

изделие было зафиксировано в жк 8 Русенихинского могильника. К сожалению, сам кошелек не сохранился, но по остаткам фольги из белого металла видно, что на нем была пластина с изображением, аналогичным или близким на пластине из п. 19 Веселовского могильника. Контуры задней части животных и их поза на обоих кошельках совпадают. Пластина Русенихинского могильника изготовлена из очень тонкой фольги, которая расслаивается. Форма кошелька из жк 5 Русенихинского могильника установлена по следам от накладок, нашитых по периметру (рис. 2: 3). Кожа не сохранилась и к кошелькам данное изделие отнесено условно. Судя по форме, это мог быть кошелек или поясная подвеска. Поясные подвески по бокам известны по материалам п. 5 Веселовского могильника.

Вероятно, кошелек близкий изделиям 2 типа, находился в п. 52 Дубовского могильника. В районе пояса обнаружены 2 накладки изображающие крылатого семвурва. Такие находки достаточно редки и найдены на поясной сумочке в п. 2 Пановского могильника (Материальная культура, 1969, табл. 1: 1).

Погребения с данным типом изделий Веселовского могильника по вещевому инвентарю относятся к первой половине X в. (Никитина, 2012, с. 62, 63). В жк 2 Русенихинского могильника обнаружен поясной набор, аналогичный поясному набору из п. 3 этого же памятника с монетами начала X в. Есть все основания датировать жк 2 этим же временем. Эту же дату подтверждает нумизматический материал из п. 52 Дубовского могильника (2 монеты). Одна монета Волжской Болгарии без отверстия с именем

Микаила ибн Джафара. Г.А. Федоров-Давыдов предполагает, что монеты Микаила ибн Джафара относятся ко времени не ранее конца 920-х гг. и не позднее конца 950-х годов. В легенде указан Самарканд 306 г.х. (918–919 гг.) и помещено имя халифа Муктадира, чье правление закончилось в 932 гг. (Федоров-Давыдов, 1984, с. 162). Вторая монета Насра ибн Ахмеда была обломана, обломок составил около четверти целого изделия. Год точно не определяется, Г.А. Федоров-Давыдов определил дату приблизительно в пределах 933–941 гг., т.е. ее ранняя граница приближается к дате первой монеты.

Б). Кошелек из жк 13 могильника Нижней стрелки полностью повторяет форму изделий типа 2 (рис. 1: 5), но отличается по размерам, способу соединения боковых стыков. Кошелек изготовлен из мягкой, хорошо выделанной кожи, имел ширину 19 см, длина сохранившейся части 18 см (очевидно, что кошелек был длиной не менее 20 см), по бокам соединен тонким ремешком, продетым в надрезы, ровно расположенные по периметру кошелька. По вещевому инвентарю комплекс датируется началом X в. (Никитина, 2012, с. 66).

Тип 3. Кошельки подпрямоугольной формы в виде конверта – 3 экз. (пп. 9, 15, 19 Вес.) (рис. 1: 4) обнаружены в мужских и женских захоронениях и различаются по наличию крышки.

А). С крышкой-клапаном, имеющим нижний край арочной формы. Крышка расшита плотными рядами проволоки из цветного металла. Кошельки крепятся к ремню с помощью двух ремешков по бокам в верхней части изделия. Изделие из п. 9 Вес. име-

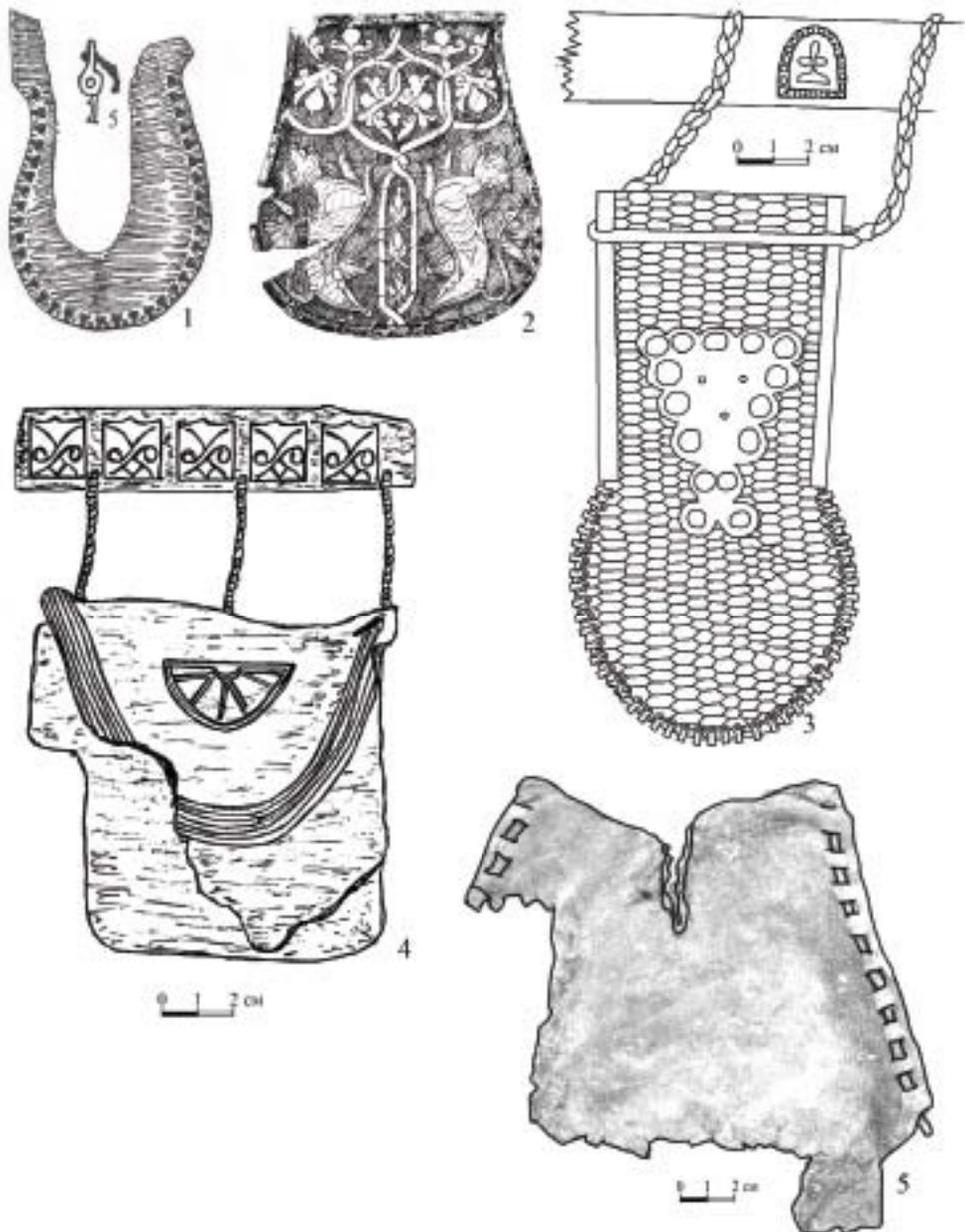

Рис. 1. Кошельки/сумочки из могильников Ветлужско-Вятского междуречья:
 1 – п. 36 Дубовский; 2, 4 – п. 19 Веселовский; 3 – п. 14 Веселовский;
 5 – жк 13 могильника «Нижняя стрелка».

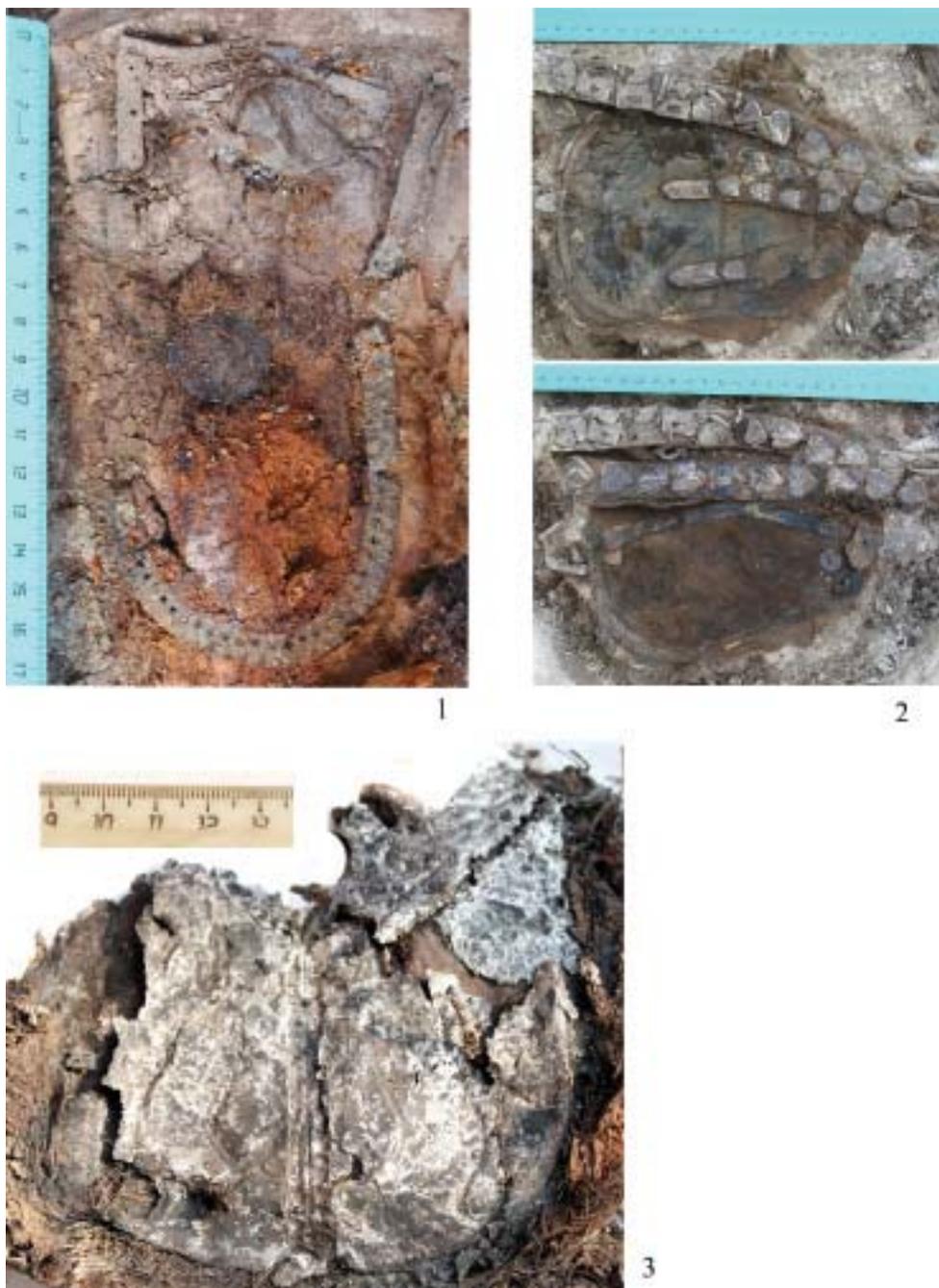

Рис. 2. Кошельки /сумочки из Русенихинского могильника:
1 – жк 5; 2 – жк 2, 3 – жк 8.

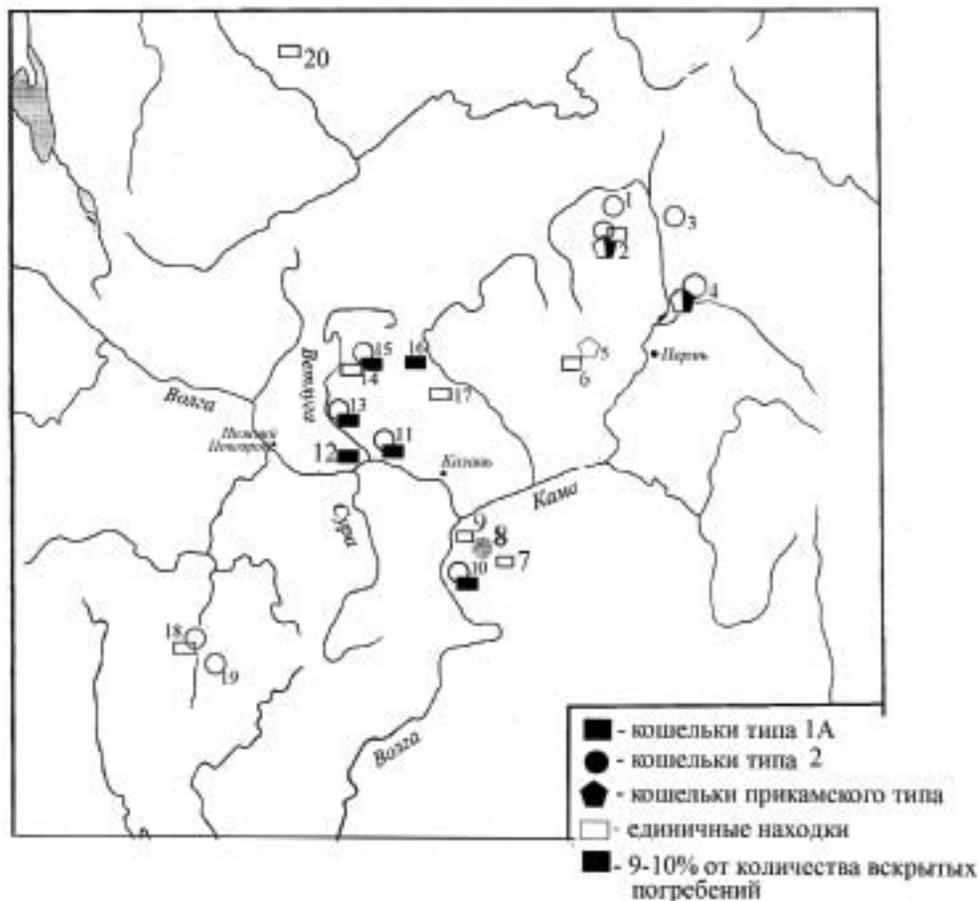

Рис. 3. Распространение кошельков/сумочек 1, 2 типа на территории РФ.

1 – Пыштайн, 2 – Рождественский, 3 – Запосельский, 4 – Баяновский, 5 – Варнинский, 6 – Качкашурский, 7 – Лебяжский, 8 – Семеновское селище, 9 – Балымерский, 10 – Танкеевский, 11 – Дубовский, 12 – «Нижняя стрелка», 13 – Русенихинский, 14 – «Черемисское кладбище», 15 – Веселовский, 16 – Юмский, 17 – Кочергинский; 18 – Крюково-Кужновский; 19 – Пановский, 20 – Мининский.

ет размеры: 7,5 x 8,5 см; из п. 15 Вес. – 15 x 9,6 см; из п. 19 Вес. – 9,8 x 9,5 см.

Б). Без крышки (п. 19а НС). Имеет размеры 9,8 x 6,5 см, на коже сохранились следы от шпеньков из цветного металла, расположенные по всей поверхности. Крепился с помощью тонких кожаных ремешков, продетых в петли (или петлю) на боковых стенках.

Тип 5. Кошелек в форме небольшого мешочка, стянутого у устья, имеет крышку: жк 13 НС.

Состав содержимого кошельков 1 типа: пустые – 16 экз. (50%), кремь – 12, кресало – 7, волокнистая масса, возможно, трут – 5, монеты – 4, три заостренные палочки (п. 15 Вес), коготь рыси, два браслета (п. 11НС), бубенчик, перчатки (п. 22 НС), и расческа (п. 73 Дуб.).

Кошелки 2–5 типов пустые, в них не обнаружено металлических или иных вещей. Анализ органики, к сожалению не проводился.

Содержание кошельков неустановленного типа отличается наибольшим разнообразием: кремешок и серебряные перстни (п. 6), кресало и кремь (п. 5НС), кремь, бусы, копоушки (п. 5 НС), 4 бубенчика, обрывки спиральной пронизки, фрагмент ремешка с 3 накладками, одну целую и верхнюю часть второй копоушки, обломанную костяную подвеску и бусы (п. 58Дуб.). Среди этой категории кошельков также встречаются абсолютно пустые.

Исходя из анализа содержимого кошельков, можно сделать вывод, что кошельки 1–5 типов являлись элементом одежды, имели в большей степени культовое, чем функциональное назначение. Поэтому не случайно кошельки 1 типа были изготовлены из бобра, из шкуры которого изготавливались и остальные части погребальной одежды. На первый взгляд кажется, что в кошельках содержится небольшое количество оберегов. Только в одном погребении 11НС обнаружены когти рыси. Но кресало и кремь также были наделены магической силой. Символично, что среди кресал значительное место занимают кресала с бронзовыми наконечниками. Нами были сданы на дополнительный анализ образцы затвердевшей массы из кошельков п. 3 и жк 13 Русенихинского могильника. Анализ проводил к.б.н. Дробот. В п. 3 в составе переданной на анализ массы были выявлены фрагмент истлевшей древесины и фрагмент шкуры из головной области лисы красной. В жк 13 Русенихинского могильника в кошельке находился фрагмент шкуры норки и челове-

ский волос, скрученный в жгут. Не исключено, что фрагменты шкуры и волос также были оберегами.

Существует несколько точек зрения относительно происхождения и путей распространения на широкой территории этой категории инвентаря.

1. По мнению Г.А. Архипова, одного из первых исследователей Ветлужско-Вятских древностей, поясные кошельки, как и пояса в целом, «вошли в моду древних марийцев от кочевников» (Архипов, 1973, с. 40).

2. По мнению другой группы ученых, кошельки/сумочки, скрепленные по краям металлическими обоймами, относятся к кругу прикамских вещей (Белавин, Крыласова, Козлов, 2011, с. 11) и являются одним из наиболее характерных угорских признаков (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 222). Судя по иллюстративному материалу, дополняющему данные положения, в этот круг включены и кошельки из Веселовского и Дубовского могильников Ветлужско-Вятского междуречья.

3. Е.П. Казаков также считал, что зарождение кошельков/сумочек происходило на территории между Волгой и Уралом. «Магьяры принесли такие сумочки в Паннонию, а через торговлю волжских булгар в X–XI вв. по Волжскому пути в несколько измененной форме они распространились среди поволжских финнов, отдельные экземпляры дошли до Скандинавии» (Казаков, 1992, с. 144). Впоследствии он высказывал мысль о производстве поясных сумочек в Волжской Булгарии (Казаков, 2001, с. 172–176).

При этом следует отметить, что все исследователи не разделяют кошельки 1 и 2 типов, характеризуя изделия из могильников Ветлужско-Вятско-

го междуречья общим массивом, что вносит неясность и порождает путаницу в подборе аналогий.

В памятниках волжских булгар выявлено 4 типа поясных сумочек (1 – с мелкими обоймочками по краю, 2 – со сплошной полутрубчатой обоймой по краю; 3 – бляхой, имеющей петлю в верхней части, 4 – с ромбическими бляхами на лицевой стороне, Казаков, 2001, с. 173) в совокупности общей численностью 25 экз. в Танкеевском (1113 погр.⁴), Тетюшском (130 погр.), Лебяжском, 1 Балымерском могильниках, Семеновском и Измерском селищах. Сумочки типа 1, выделенного Е.П. Казаковым, соответствуют кошелькам/сумочкам 1 типа из памятников Ветлужско-Вятского междуречья. Остается только сожалеть, что не указано количество изделий данного типа в памятниках волжских булгар. В любом случае в процентном соотношении к количеству раскопанных погребений эта цифра будет незначительной.

Сумки и кошельки, включая условные реконструкции изделий группы 2 (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 176: 5, 7–11), встречены в 13% погребений Рождественского могильника (100 погребений), несколько экземпляров на Баяновском могильнике (17 погр.), 1 на могильнике Пыштайн в Пермской области (Крыласова, 2007, с. 225). В других могильниках этого круга (Огурдинский, Редикорский и др.), на которых вскрыто несколько сотен погребений, упоминаний об аналогичных предметах нет. Данная категория изделий обобщена и проанализирована Н.Б. Крыласовой, они включены в группу А1. Сумочки и

кошельки, близкие типам 1, 2 представлены в количестве 11 экз. Судя по иллюстрациям, дополняющим классификацию, в большей степени выделенному в данной статье типу 1 соответствует тип А1.1 представленный в количестве 7 экз., типу 2 – тип А1.1 в количестве 3 экз. Один кошелек реконструирован условно и его трудно отнести к одному из этих типов. При этом следует отметить, что сходство верхнекамских изделий и кошелеков Ветлужско-Вятского междуречья нельзя назвать полным, они отличаются по форме. Форма верхнекамских изделий повторяет нижнюю часть кошелеков из Ветлужско-Вятских могильников (усеченная форма типа 1Б). Точных аналогий кошелькам 1 типа Ветлужско-Вятского междуречья в опубликованных в настоящее время материалах Пермского Предуралья не выявлено.

Более близкие по форме кошельки/сумочки обнаружены в трех погребениях Качкашурского 1 могильника IX–XIII вв. (Иванов, 1991, с. 149, рис. 10/13–14) и на поселении Иднакар (Зайцева, 2008, с. 79) в Удмуртии. В одном погребении Качкашурского могильника найдена сумочка из ячеистой кожи, но иной формы, более соответствующей типу 2. Похожие кошельки/сумочки, судя по описаниям, находились в пп. 400 и 472 Крюково-Кужновского могильника, но, к сожалению, к описанию не приложены иллюстрации (Материалы по истории мордвы, 1952, с. 127, 150).

При раскопках могильников на Кубенском озере были обнаружены металлические детали к аналогичным сумочкам: Миныно II (4–6 сумочек) и Владышево II (1 сумочка). Большая часть найдена в переотложенном со-

⁴ В скобках указывается общее число вскрытых на памятниках погребений.

стоянии в пахоте и поэтому количество изделий определено условно. Но ярким фактом, подтверждающим, что это действительно детали сумки, аналогичные изделиям из Ветлужско-Вятского междуречья, является п. 15 могильника Менино II, в котором детали сумки лежали в нетронутом состоянии (Зайцева, 2008, с. 78–79). Одна сумочка с заклепками известна в кургане у д. Челмужи в Приладожье и одна в могильнике Бирка (Arbman, 1940, Nff. 279-5).

Массовые аналогии кошелькам 2 типа находятся в венгерских погребальных комплексах Карпато-Дунайского бассейна. Карта местонахождений таких находок составлена Иштваном Эрдели (Эрдели, 1972, с. 137, рис. 1). Впоследствии количество аналогичных находок на территории Венгрии увеличилось (The Ancient Hungarians, 1996, p. 73, 88, 95, 112, 120, 126, 153, 154, 178, 183, 186, 205, 283, 295, 297, 318, 331, 364, 380, 384, 413). К тому же наконечник от ремешка из жк 8 и мелкие накладки на ремешок из жк 2 и 8 Русенихинского могильника по оформлению близки изделиям из венгерских могильников, найденным совместно с сумочками такого типа (The Ancient Hungarians, 1996, p. 186). Отдельные аналогии изделиям этого типа известны в Бирке (Arbman, 1940, Nff. 958, 819). Одна уникальная серебряная пластина-накладка на кошелек с изображением животных известна в Пермском крае (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 222, рис. 77: 24). Остается сожалеть, что она обнаружена грабителями и не имеет точной привязки к памятнику. В могильниках Пермского Предуралья известны также 3 кошелька/сумочки, окантованные бронзовой пластиной

по краю, которые Н.Б. Крыласовой включены в тип А1.1. (Крыласова, 2007, с. 225). Кожаные кошельки аналогичной формы обнаружены в мордовских Пановском (п. 2) (Материальная культура среднецнинской мордвы VIII–XI вв., 1969) и Крюково-Кужновском (п. 169) могильниках. Судя по описанию, по краю кошелька из п. 169 расположены мелкие пуговицы (Материалы по истории мордвы, 1952, с. 59, табл. XII, 1). Аналогично украшение кошелька/сумочки из жк 2 Русенихинского могильника. Описания сумочек с серебряной пластиной на лицевой стороне упоминается в п. 400 Крюково-Кужновского могильника (Материалы по истории мордвы, 1952, с. 127). Фактическое число сумочек в Крюково-Кужновском могильнике было больше; но из-за отсутствия иллюстративного материала, основываясь только на словесном описании их невозможно достоверно связать с каким-либо типом.

На основе изложенного материала можно сделать заключение, что кошельки/сумочки 1 типа являются показательным маркером культуры населения Ветлужско-Вятского междуречья, о чем свидетельствует массовое распространение кошельков в погребальных памятниках этого региона. К тому же жители этого региона были обеспечены исходным сырьем (хвост бобра) для изготовления таких кошельков. Проникновение их на соседние территории является результатом торговых контактов. Изделия Ветлужско-Вятского междуречья имеют небольшие отличия от находок Пермского Предуралья, где похожие кошельки могли изготавливаться самостоятельно. Кошельки второго типа относятся к первой половине X в., они

одновременны венгерским сумочкам. Возникает вопрос об их происхождении и путях распространения на такой широкой территории. Наиболее распространенные версии о мадыарском или прикамско-угорском происхождении требуют дополнительной аргументации. В курганах Южного Приуралья, в Большетиганском могильнике и иных памятниках, в насто-

ящее время связываемых с древними мадыарами, подобные сумочки не обнаружены. Вероятно, что существовал общий этнический массив, с которым были знакомы народы Среднего Поволжья, венгры и т.д. Таким соседом могли быть булгары, тем более, что аналогичные сумочки встречаются в ранних булгарских памятниках, о чем речь шла выше. Высказывание

Е.П. Казакова о производстве поясных сумочек в Волжской Булгарии вполне приемлемо для сумочек 2 типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архинов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола, 1973 – 199 с.
2. *Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа, 2009. – 283 с.
3. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь, 2009. – 598 с.
4. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Козлов А.И.* Приуральские материалы в средневековых древностях Ветлужско-вятского междуречья (комментарии к этнокультурным процессам I–II тыс. н.э.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5. – Йошкар-Ола, 2010. – С. 106–121.
5. *Зайцева И.Е.* Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Том 2. Материальная культура и хронология. – М., 2008. – С. 57–142.
6. *Иванов А.Г.* Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. – Ижевск, 1991. – С. 140–180.
7. *Казаков Е.П.* О некоторых группах деталей поясного набора Волжских Болгар IX–XI вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Том 2. – Самара, 2001. – С. 170–179.
8. *Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань, 2007. – 207 с.
9. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Булгарии (этапы этнокультурной истории). – М., 1992. – 333 с.
10. *Крыласова Н.Б.* Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь, 2007. – 351 с.
11. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова. – Моршанск, 1952.
12. Материальная культура среднеэцнинской мордвы VIII–XI вв. (по материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928 годы). Археологический сборник. Т. III. – Саранск, 1969.
13. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. – Казань, 2012. – 407 с.

14. Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Дубовского могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья // АЭМК. – 1984. – Вып. 8.

15. Эрдели И. Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н.э. // Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972. – С. 128–144.

16. Arbman Y. Birka I: Die Gräber. Tafeln. – Uppsala, 1940.

17. The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Ed. by Istvan Fodor. – Budapest, 1996. – 479 p.

Информация об авторе:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, зам. директора, Марийский НИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

WAIST POUCHES/BAGS FROM MEDIEVAL BURIAL PLACES OF THE VETLUGA-VYATKA INTERFLUVE AREA

T.B. Nikitina

The waist-belt pouches/bags from the 9th–11th-century burial ground sites of the Vetluga-Vyatka river interfluve refer to four basic types according to their form, technique of manufacture and decoration. Type 1 items have been found mainly in male graves, types 2 and 3 equally in male and female graves, type 4 is represented by a single instance. Judging by the location of the pouches in the graves, they were worn on the belt. The analysis of the contents of the pouches makes it possible to conclude that their destination had been more iconic than functional: the majority of the items from them seemed to be represented by amulets. Type 1 pouches, most common in the Vetluga-Vyatka interfluve, local in origin, are characteristic of the medieval Mari costume. Purses the second type had penetrated into this territory as a result of cultural and trade contacts with neighbors, especially with the Bulgars.

Keywords: archaeology, the Vetluga-Vyatka interfluve, the Kama river region, the Middle Ages, the Mari, the Ugric peoples, the Bulgars, costume, trade contacts.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A. 1973. *Mariitsy IX–XI vv.: k voprosu o proiskhozhdenii naroda (Mari People in 9th — 11th Centuries: to the Question on the Genesis of People)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

2. Belavin, A. M., Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals Ugric Peoples in the Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University; “Vagant” Publ. (in Russian).

3. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2009. *Drevniaia Afkula: arkhelogicheski kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

4. Belavin, A. M., Krylasova, N. B., Kozlov, A. I. 2010. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 5. Yoshkar-Ola: Mari State University, 106–121 (in Russian).

5. Zaitseva, I. E. 2008. In Zakharov, S. D. (ed.). *Arkheologii severnorusskoi derevni X–XIII vekov: Srednevekovye poseleniia i mogil'niki na Kubenskom ozere. V 3 t. (Archaeology of the Northern Rus Village of the 10th–13th Centuries: Medieval Settlements and Cemeteries near Kubenskoye Lake. In Three Vols.)* 2. *Material'naia kul'tura i khronologii (Material Culture and Chronology)*. Moscow: “Nauka” Publ., 57–142 (in Russian).

6. Ivanov, A. G. 1991. In Ivanova, M. G., Shutova, N. I. (eds.). *Materialy po pogrebal'nomu obriadu udmurtov (Materials of the Funerary Rite of the Udmurts)*. Izhevsk, 140–180 (in Russian).
7. Kazakov, E. P. 2001. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysyacheletia n.e. (iz istorii kostiuna) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the History of Costume))* 2. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 170–179 (in Russian).
8. Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX–XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Problems of Interaction)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
9. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
10. Krylasova, N. B. 2007. *Arkheologiya povsednevnosti. Material'naia kul'tura srednevekovogo Predural'ia (Archaeology of Everyday Life: Material Culture of Medieval Cis-Urals)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
11. Smirnov, A. P. (ed.). 1952. *Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. (Dnevnik arkhelogicheskikh raskopok P. P. Ivanova) (Materials on the History of Mordva People in 8th–11th Centuries (Field Notebook by P. P. Ivanov))*. Morshansk: Morshansk Museum of Local Lore (in Russian).
12. Smirnov, A. P. (ed.). 1969. *Material'naia kul'tura Sredne-Tsninskoi mordvy VIII – XI vv. (po materialam raskopok P. P. Ivanova za 1927–1928 gody) (Material Culture of the Mordva People of the Middle Tsna Area: Based on the Materials from P. P. Ivanov's Excavations in 1927-1928)*. Series: Arkheologicheskii sbornik (Archeological Collection) III. Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
13. Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Veltuzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Funerary Sites of the 9th–11th Centuries in the Veltuga-Vyatka Interfluvial Area)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
14. Fyodorov-Davydov, G. A. 1984. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Novye pamiatniki arkheologii Volgo-Kam'ia (Recently Discovered Archaeological Sites in the Volga and Kama Rivers Area)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 8. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 160-172 (in Russian).
15. Erdélyi, I. 1972. In Smirnov, A. P., Chernetsov, V. N., Erdélyi, I. F. (eds.). *Problemy arkheologii i drevnei istorii ugrov (Issues of the Archaeology and Ancient History of the Ugric Peoples)*. Moscow: “Nauka” Publ., 128–144 (in Russian).
16. Arbman, Y. 1940. *Birka I: Die Gräber. Tafeln*. Uppsala.
17. Fodor, I. (ed.). 1996. *The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue*. Budapest.

About the Author:

Nikitina Tatyana B. Doctor of Historical Sciences. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

РАССЕЛЕНИЕ МОРДВЫ В III – НАЧАЛЕ XIII вв.

© 2013 г. В.И. Вихляев

В статье рассматриваются изменения в территориальном расселении мордвы за тысячелетний период (III–XIII вв.) и определяются их причины. Выделяются три основных периода в этом процессе: III–VII, VIII–XI и XI–XIII вв. В III в. появляются древнейшие могильники с характерными этноопределяющими для мордвы украшениями. Расцвет древнейшей мордовской культуры в конце III – первой половине IV вв. сопровождался расширением ее территории в северном направлении. К концу VII – первой половине VIII в. формируются два варианта древнемордовской культуры: эрзянский на севере и мокшанский на юге. В VIII–XI вв. территория расселения мордвы-мокши смещается к северо-западу, что могло быть связано с опасностью со стороны Хазарского каганата. Территория расселения эрзи в этот период не изменилась. В XI–XIII вв. мордовское население попадает в сферу влияния Древней Руси и Волжской Булгарии. Борьба между этими государствами, а затем княжеские междоусобицы на Руси, привели к переселению мордвы в более безопасные районы: мокши – в междуречье Мокши и Вада, эрзи – в бассейн р. Тёши.

Ключевые слова: археология, Волго-Окское междуречье, эпоха переселения народов, средневековье, мордва, территория расселения, могильники.

Вопрос о расселении мордвы с древнейших времен был поставлен в историографии давно. По мере накопления материалов и усовершенствования методики исследований менялось его направление. Вначале была поставлена задача определения общих границ расселения древней и средневековой мордвы. Она была решена к середине XX в. в работах А.П. Смирнова (1952), П.Д. Степанова (1952), А.Е. Алиховой (1959), В.И. Козлова (1960). Бесспорной территорией проживания мордовских племен стало считаться пространство от бассейна р. Цна на западе до бассейна р. Суры на востоке, от нижнего течения р. Оки на севере до верховьев рек Суры и Цны на юге. Но имелись сторонники расширения этой территории за счет включения в нее Среднего Поочья и левобережных земель нижнего течения Оки. Причиной такого расхождения было отсутствие четкого определения древнего и средневекового мордовского

археологического комплекса. Он еще плохо отделялся от комплексов соседних финно-угорских племен.

Во второй половине XX столетия стало ясным, что дальнейшее уточнение территориального расселения мордвы должно производиться по отдельным периодам ее истории (Вихляев, 1974). К этому времени была значительно уточнена хронология древних и средневековых памятников мордвы и определены этноопределяющие реперы для ее погребальных комплексов, что позволило отделить их от памятников родственных финно-угорских культур. Завершением разработки периодизации ранней истории мордвы и определения места расположения ее погребальных памятников стала работа В.Н. Шитова (2000). В ней выделены следующие периоды функционирования могильников древней и средневековой мордвы: III–VII вв., VII–XI вв., XI–XIII вв., XIII–XIV вв. (Шитов, 2000, рис. 1–4).

В настоящее время перед исследователями стоит задача выяснения изменений в территориальном расселении мордвы от периода к периоду и определение причин этих изменений.

Самыми древними могильниками, бесспорно принадлежащими мордве, являются погребальные памятники селиксенского типа, которые располагаются в Верхнем Посурье и Верхнем Примокшанье (Старший Селиксенский, Селикса-Трофимовский, Степановский, Алферьевский, Пензенский, Шемышейский, Армиевский 1, Усть-Узинский 2, Ражкинский и Тезиковский могильники) (рис. 1; см. также: Шитов, 2000, рис. 1). Именно для этих комплексов, начиная с III в. н.э., характерен женский головной убор с височной привеской с грузиком, которая является этноопределяющим украшением для мордвы на протяжении целого тысячелетия (Вихляев, 2000, с. 67–70). В Нижнем Посурье синхронными могильникам селиксенского типа являются Сергачские могильники: «Святой ключ» и «Кожина слобода» в бассейне р. Пьяны, Стековский 2 могильник в бассейне р. Теши, Таутовский могильник на правом берегу Суры. И хотя В.Н. Шитов отнес Сергачские могильники к мордовским погребальным памятникам, однако в их комплексах отсутствует характерная для мордвы височная подвеска с грузиком, что не позволяет уверенно относить их к мордовскому этносу. Очевидно, права Н.В. Трубникова, объединившая данные памятники с могильниками кошибеевского типа (Трубникова, 1965, с. 53), где височных подвесок с грузиками нет. В.Н. Шитов погребальные памятники этого типа к мордве не относит (Шитов, 2000, рис. 1).

Бесспорные мордовские погребения имеются в Стековском 2 и Таутовском могильниках. Наиболее ранние из них относятся к концу III – первой половине IV в. (Вихляев и др., 2008, с. 113–114). Есть основания говорить о том, что в это время носители культуры верхнесурских мордовских могильников продвигаются на север по р. Мокше в бассейн р. Теши и по правому берегу р. Суры в Нижнее Посурье. Это расселение было обусловлено расцветом древнейшей мордовской культуры, переходом к пашенному земледелию, увеличением численности населения. Сначала был освоен бассейн Верхнего Примокшанья (Ражкинский и Тезиковский могильники), а затем через среднее Примокшанье древнейшая мордва проникает в бассейн р. Теши. В результате контактов с культурой носителей могильников кошибеевского типа здесь к V в. складывается северный (эрзянский) вариант древнейшей мордовской культуры (Абрамовский, Стековский, Погибловский, Ивановский, Волчихинский могильники, см. рис. 1). Таким образом, к концу VII – первой половине VIII в. территория расселения мордовских племен охватила все Мокшанско-Сурское междуречье от Верхнего Посурья и Верхнего Примокшанья на юге до р. Волги в пространстве между устьем р. Оки и устьем р. Суры. На этом пространстве формируются два варианта древнемордовской культуры: древнеэрзянский на севере и древнемокшанский на юге. Итак, в IV–VII вв. в пределах границ общего расселения древней мордвы происходили передвижения отдельных племен, что привело к их интенсивному смешиванию. В результате впервые в письменных источни-

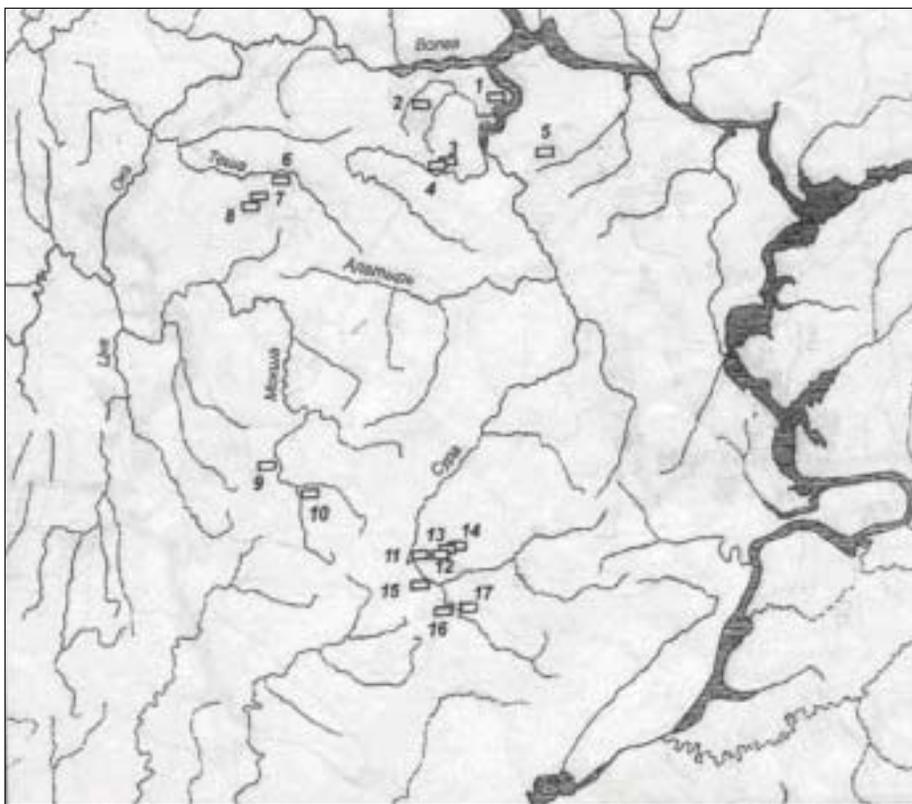

Рис. 1. Погребальные памятники мордвы в III–VII вв. (по В.Н. Шитову).
 1 – Ивановский; 2 – Волчихинский; 3 – Сергачский («Святой ключ»);
 4 – Сергачский («Кожина слобода»); 5 – Таутовский; 6 – Абрамовский;
 7 – Стексовский; 8 – Погибловский; 9 – Тезиковский; 10 – Ражкинский;
 11 – Пензенский; 12 – Селиксенский; 13 – Селикса-Трофимовский;
 14 – Степановский; 15 – Алферьевский; 16 – Шемьшейский; 17 – Армиевский I.

ках племени Мокшанско-Сурского междуречья были зафиксированы под единым именем *Mordens* (мордва). Это было сделано в VI в. монахом Иорданом, проживавшим в Западной Европе.

Следующий период истории мордовских племен, охватывающий VIII–XI вв., начинается с существенного изменения границ территории расселения южной мордвы-мокши. Прекращают свое функционирование большинство ее погребальных памятников в Верхнем Посурье. Здесь

В.Н. Шитовым фиксируются всего два могильника: Армиевский 2 и Кривозерский (Шитов, 2000, рис. 2). Первый из них настолько своеобразен, что отнесение его к древнемордовской культуре проблематично (Халиков, 1987). Второй погребальный памятник датируется В.Н. Шитовым X–XI вв. (Шитов, 2000, с. 58). В то же время непосредственный исследователь Кривозерского могильника М.Р. Полесских связывал его материалы с событиями XII–XV вв. (Полесских, 1977, с. 58–60). Нам также

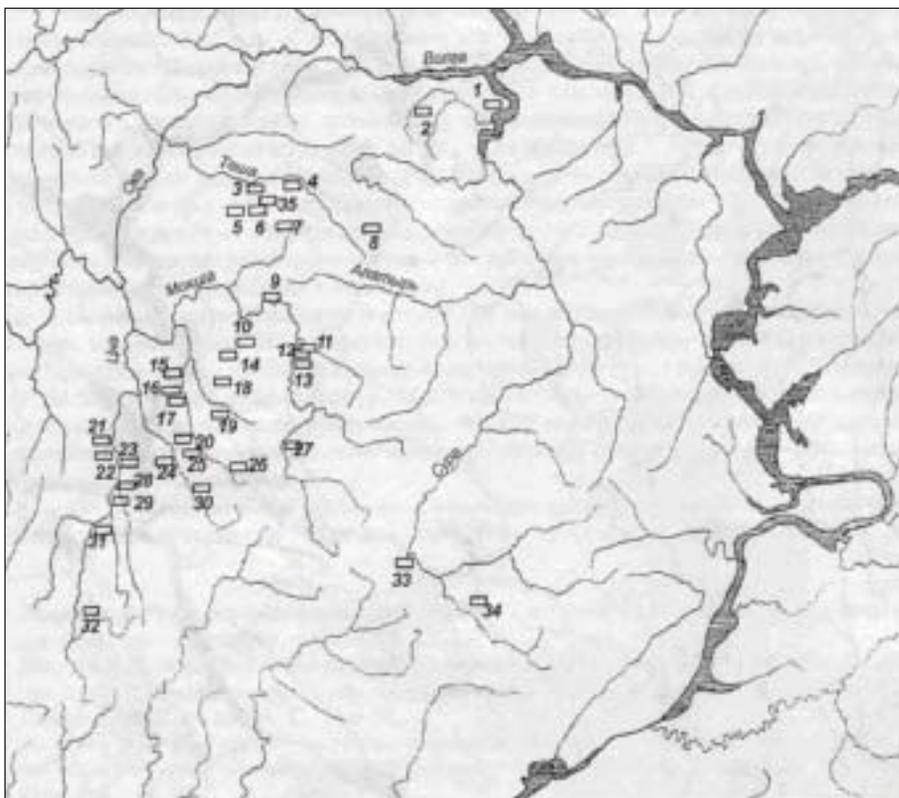

Рис. 2. Погребальные памятники мордвы в VII–XI вв. (по В.Н. Шитову).

- 1 – Ивановский; 2 – Волчихинский; 3 – Личадеево 5; 4 – Красное III; 5 – Старший Кужендеевский; 6 – Погибловский; 7 – Выползово I, 8 – Перемчалкинский; 9 – Пурдошанский; 10 – Мордовско-Козловский; 11 – Краснослободский «Мещанский лес»; 12 – Старозубаревский; 13 – Тенишевский; 14 – Степановский; 15 – «Заря I»; 16 – Журавкинский I; 17 – Журавкинский II; 18 – Куликовский; 19 – Кельгининский; 20 – Старобадиковский II; 21 – Томниковский; 22 – Давыдовский; 23 – Серповский; 24 – Пановский; 25 – Луговой; 26 – Кармалейский; 27 – «Красный Восток»; 28 – Елизавет-Михайловский; 29 – Крюково-Кужновский; 30 – Малоижморский; 31 – Кулеватовский; 32 – Лядинский; 33 – Кривозерский; 34 – Армиевский II; 35 – Хохловский.

представляется более обоснованным относить этот памятник к следующему выделенному В.Н. Шитовым периоду, а именно к XI–XIII вв. Следовательно, в VIII–XI вв. Верхнее Посурье не входило в территорию расселения мордвы. Несомненную генетическую связь с культурой мордовских могильников имеют погребальные памятники, появившиеся после VII в. в бассейне Средней Мокши (Пур-

дошанский, Мордовско-Козловский, Краснослободский «Мещанский лес», Старозубаревский, Степановский, Куликовский могильники), в бассейне р. Вад (Журавкинские 1 и 2, «Заря 1») Кельгининский, Старобадиковский 2, могильники) в бассейне р. Цны (Томниковский, Давыдовский, Пановский, Кармалейский, Елизавет-Михайловский, Крюково-Кужновский, Малоижморский, Кулеватовский, Лядинский

могильники). Таким образом, основная часть мордвы-мокши из Верхнего Посурья уходит на северо-запад в Цнинско-Мокшанское междуречье (рис. 2). Каковы причины этого переселения? Они, очевидно, связаны с политическими событиями, происходящими в это время. В VII в. в Нижнем Поволжье, Предкавказье формируется политическое объединение – Хазарский каганат. Молодое государство постепенно расширяется, осваивая территорию Северного Приазовья и Подонье, проявляет агрессивную активность по отношению к соседям, например, восточным славянам. Несомненно, что земли верхнесурской мордвы-мокши оказались в пределах агрессивных устремлений хазар, совершавших грабительские набеги и обложившие данью многие племена Восточной Европы. Проживание в бассейне Верхней Суры, слабо защищенном от степных просторов, где кочевали хазары, стало небезопасно. В это же время часть разбитых хазарами болгар стало продвигаться в Среднее Поволжье (Багаутдинов и др., 1998). Не исключено, что их путь пролегал через верхнесурские земли. В таких условиях мордва-мокша большей частью предпочла уйти на северо-запад в Цнинско-Мокшанское междуречье, более защищенное лесами от степных пространств. Это, по-видимому, все же не спасло ее от даннической зависимости от Хазарского каганата, но ослабило грабительские набеги на ее земли (Артамонов, 1962, с. 385; Корковцев, 1932, с. 98–99).

Территория расселения северных мордовских племен – эрзи в VII–XI вв. не изменилась. Их памятники сосредоточены в основном в бассейне р. Теши. Здесь продолжают функцио-

нировать могильники, появившиеся в предшествующий период III–VII вв., и возникают новые могильники: Старший Кужендеевский, Погибловский, Перемчалкинский, Личадаево 5, Красное 3, Выползово 1. У эрзи в этот период сохранились земли на правом берегу Волги (Волчихинский могильник, см. рис. 2). Отдельно от всех эрзянских памятников в Среднем Примокшанье среди мокшанских могильников располагается эрзянский Тенишевский могильник. В этом регионе в VIII–XI вв. сложилась этнокультурная контактная зона между древнемокшанской и древнеэрзянской культурами (Вихляев, 2011a). Территорией расселения эрзи во второй половине I тыс. н.э. оставалось Окско-Сурское междуречье.

Итак, в VIII–XI вв. территория расселения мордвы охватывала Цнинско-Мокшанское и Окско-Сурское междуречья (рис. 2).

В следующем хронологическом периоде XI–XIII вв. прекращают свое функционирование мокша-мордовские могильники на р. Цна. Единственный известный погребальный памятник, который располагается в бассейне этой реки, Сядемский могильник на р. Выша. Основная часть мокшанских памятников известна на р. Вад и Мокша (Стародевиченский, Мордовско-Паркинский, Ефаевский, Куликовский, Черемисский, Кельгининский, Старобадиковский 1, Татаро-Лакинский могильники, см. рис. 3). Снова появляются погребения мордвы-мокши на Верхней Суре (Кривозерский могильник). Итак, мордва-мокша XI–XIII вв. проживала преимущественно в Вадско-Мокшанском междуречье.

В XI–XIII вв. основным районом расселения мордвы-эрзи является

Рис. 3. Погребальные памятники мордвы в XI–XIII вв. (по В.Н. Шитову).

- 1 – «Пятница» VII; 2 – Личадеево V; 3 – Стексовский; 4 – Младший Кужендеевский; 5 – Погибловский; 6 – Сыресевский; 7 – Выползово II; 8 – Выползово VI; 9 – Красное I; 10 – Заречное II; 11 – Коринский; 12 – Стародевиченский; 13 – Мордовско-Паркинский; 14 – Ефаевский; 15 – Куликовский; 16 – Черемисский; 17 – Кельгининский; 18 – Старобадиковский I; 19 – Татаро-Лакинский; 20 – Сядемский; 21 – Саровский; 22 – Дубровский.

бассейн р. Теша («Пятница» 7, Личадеево V, Стексовский, Младший Кужендеевский, Погибловский, Сыресевский, Выползово 2, Выползово 6, Красное 1, Заречное 2, Коринский могильники). Исчезают ее памятники в низовьях Суры и на правом берегу Волги. Возможно, в рассматриваемый период начинается освоение эрзей бассейна р. Алатырь (Дубровский могильник, см. рис. 3). Однако для уверенного решения этого вопроса необходимо объективное хронологическое определение материалов Дубровского могильника.

Изучение расположения мордовских памятников XI–XIII вв. показывает существенные изменения в территории ее расселения по сравнению с VII–XI вв. Чем же они были обусловлены? В X в. в Среднем Поволжье происходят весьма важные политические события. После распада Хазарского каганата и походов русских князей на Волгу часть мордвы, освободившаяся от хазарской даннической зависимости, входит в состав Древнерусского государства и принимает участие в его формировании. Это была мордва-мокша, проживавшая на р. Вад, Цна

и Мокша (Вихляев, 2011б, с. 5–7). Несомненно, что Киевская Русь в это время оказывает сильное влияние на мордву, как мокшу, так и эрзю. Вторым политическим фактором, оказавшим воздействие на положение мордовских племен, было образование на рубеже IX–X в. в Среднем Поволжье государства Волжская Булгария. Эрзянский племенной союз оказался в сфере его политического влияния (Вихляев, 2011б, с. 8–9). Развернулась борьба между Русью и Волжской Булгарией за господство на волжских землях. Это не могло не сказаться на территориальном расселении мордвы.

Политические отношения славян и мордвы-мокши во второй половине X – XI в. были, прежде всего, союзническими. Мордва была обязана выплачивать киевским князьям дань и участвовать в их военных походах. В свою очередь, князья не вмешивались во внутреннюю жизнь мокшанских племен и обязаны были защищать пределы их обитания от внешних врагов. Именно в X–XI вв. на южной границе расселения мордвы-мокши на Верхней Суре было сооружено мощное, с четырьмя валами и рвами Золотаревское городище (Белорыбкин, 2001). В раннем комплексе его культурного слоя четко прослеживаются мокшанские и славянские культурные элементы (Вихляев, 2011б, с. 7). Весьма укрепленная крепость, аналогов которой в это время нет ни на Суре, ни на Мокше, могла служить эффективным оборонительным пунктом, прежде всего от волжских булгар. Для охраны этой укрепленной границы была привлечена мордва-мокша. Этим объясняется новое появление на Верхней Суре мордовского населения (Кривозерский могильник).

С XII в. древнерусская раннефеодальная империя превращается в феодальную раздробленную монархию. С этих пор изменяется и положение мокшанских земель в составе Руси. Они попали в состав отдельных удельных княжеств. Развитие феодального строя, соперничество удельных князей привели к усилению колониационного нажима на окраинные неславянские земли Руси. Это хорошо прослеживается на примере мокшанских территорий. Уже в XII в. на р. Цне появились первые славянские поселения. Близ впадения Цны в Мокшу обнаружены развалины древнерусского города Онуза (Нузля, Нухля) (Челяпов, Судаков, 2000). Есть основания говорить о том, что в XII в. по всему течению Цны появились первые славянские поселения. А в XIII в. уже на верхней Цне появился древнерусский город, сохранившийся в виде Никольского городища (Челяпов, Судаков, 2000). Факт заселения славянами бассейна Цны подтверждается и тем, что обширные мокшанские могильники, известные на Цне с VII в., прекратили функционирование в XI в. Самые поздние погребения данных памятников относятся ко второй половине XI в. (Вихляев и др., 2008, с. 146–147, 153). Это свидетельствует о том, что на рубеже XI–XII вв. мордва-мокша покинула бассейн Цны и ушла на восточные племенные территории по рекам Вад и Мокша. Мордовское население в заметном количестве сохранилось только в бассейнах восточных притоков р. Цна (Сядемский могильник).

Политические события определяли и изменения в территориальном расселении мордвы-эрзи. Пространство правого берега Волги между устьями Оки и Суры с X–XI вв. превратилось

в передовую линию борьбы между Древней Русью и Волжской Булгарией. Ранее проживавшая здесь эрзя покидает эти земли и очевидно, уходит в более безопасный район – бассейн р. Тёша.

Таким образом, в XI–XIII вв. границы расселения мордвы изменялись, прежде всего, вследствие причин политического характера. Основным районом проживания мордвы-мокши стало Вадско-Мокшанское междуречье, а мордва-эрзя сосредоточилась в основном в бассейне р. Тёши (рис. 3).

Итак, на протяжении рассмотренного тысячелетия истории мордовско-

го народа в границах его проживания наблюдались весьма заметные подвижки. В начале, когда на большинстве пространств Восточной Европы господствовали родоплеменные отношения, изменения в территориальном расселении определялись в основном хозяйственными потребностями. Но со второй половины I тысячелетия н.э. в связи с образованием первых государственных объединений Хазарского каганата, Древней Руси, Волжской Булгарии эти изменения стали все больше определяться политическими событиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I – начала II тыс. н.э. / А.Е. Алихова, М.Ф. Жиганов, П.Д. Степанов // Из древней и средневековой истории мордовского народа. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1959. – С. 13–59.
2. Артамонов М.И. История хазар. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.
3. Андреев С. И. О времени освоения древнерусским населением верховьев реки Цна (Тамбовская область) // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. Т. II. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 308 – 311.
4. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара, 1998. – 286 с.
5. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. – СПб.: ИИМК РАН, 2001. – 190 с.
6. Вихляев В.И. Расселение мордовских племен в I тысячелетии н.э. // Вопросы географии Мордовской АССР. – М., 1974. – С. 26–28.
7. Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. – Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2000. – 132 с.
8. Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. – Саранск, 2008. – 350 с.
9. Вихляев В.И. К вопросу об субэтнических связях средневековой мордвы // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. – Материалы V Международ. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – Казань; Астрахань, 2011а. – С. 18–21.
10. Вихляев В.И. Начальные этапы истории единения мордвы с народами Российского государства // Гуманитарий. – 2011б. – № 1. – С. 5–10.
11. Козлов В.И. Расселение мордвы (исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. LXIII). – М., 1960. – С. 5–62.
12. Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке – Л.: Изд-во АН СССР, 1932.

13. *Полесских М.Р.* Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. – Пенза: Приволжское кн. изд-во, 1977. – 88 с.

14. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. – 1952. – № 28. – 276 с.

15. *Степанов П.Д.* Древнейший период истории мордовского народа (до XIII века) // Зап. МордНИИ. № 15. – Саранск, 1952. – С. 17–197.

16. *Трубникова Н.В.* Древние мордовские племена в начале I тысячелетия н.э. // Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии 1964 г. – Саранск, 1965. – С. 53–61.

17. *Халиков А.Х.* Бургасы и их историко-археологическое определение // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. Всесоюз. науч. конф. (Суздаль, 1987 г.). – М.: Наука, 1987. – С. 261–263.

18. *Челяпов В.П., Судаков В.В.* К вопросу о восточной границе Рязанского княжества в XII–XIII вв. // Поволжские финны и их соседи в эпоху Средневековья: проблемы хронологии и этнической истории. – Саранск, 2000. – С. 17–19.

19. *Шитов В.Н.* Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. – Саранск, 2000. – С. 52–60.

Информация об авторе:

Вихляев Виктор Иванович доктор исторических наук, профессор, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск, Россия); galada@list.ru

SETTLING OF THE MORDOVIANS IN THE IIIrd – THE EARLY XIIIth CENTURIES

V.I. Vikhlyaev

Changes in the territorial extension of the Mordovians over the millennial period (the 3rd to the 13th centuries) are discussed, and causes of the displacement are determined in the article. The three major periods are identified in the process: the 3rd to the 7th, the 8th to the 11th, and the 11th to the 13th centuries. The 3rd century marked the appearance of ancient burial grounds containing decorations that are ethnically typical of the Mordovians. The heyday of the ancient Mordovian culture in the late 3rd and first half of the 5th centuries was accompanied by the expansion of its territory to the north. By the late 7th – first half of the 8th century, two options of the ancient Mordovian culture were formed: the Erzya in the north and the Moksha in the south. In the 8th–11th centuries, the Moksha Mordvins settlement territory shifted to the north-west, which could be associated with the danger from the Khazar Khanate. The territory of the Erzya Mordvins settlement did not change in the period. In the 11th–13th centuries, and the Mordovian population fell into the spheres of influence of Kievan Rus and Volga Bulgaria. The struggle between these states, and later the princely strife in Russia, led to the resettlement of the Mordovians to safer areas: the Moksha moved to the Moksha-Vad river interfluvium, while the Erzya relocated to the Tyosha river basin

Keywords: archaeology, the Volga-Oka river interfluvium, the Migration Period, the Middle Ages, the Mordovians, settlement area, burial grounds.

REFERENCES

1. Alikhova, A. E. 1959. Iz istorii mordvy kontsa I – nachala II tys. n.e. /, A. E. Alikhova, M. F. Zhiganov, P. D. Stepanov. In Alikhova, A. E., Zhiganov, M. F., Stepanov, P. D. *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda. Arkheologicheskii sbornik (From the Ancient and Medieval His-*

tory of the Mordvinian People: Archaeological Collected Papers) II. Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 13–59 (in Russian).

2. Artamonov, M. I. 1962. *Istoriia khazar (The Khazar History)*. Leningrad: State Hermitage Museum (in Russian).

3. Andreev, S. I. 2008. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s"ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal, 2008)* II. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 308 – 311 (in Russian).

4. Bagautdinov, R. S., Bogachev, A. V., Zubov, S. E. 1998. *Prabolgary na Srednei Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia) (Pre-Bulgars at the Middle Volga (at the Origins of the History of Volga-Kama Tatars))*. Samara: “Polden”, XXII vek” Publ. (in Russian).

5. Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevskoe Settlement)*. Saint Petersburg; Penza: Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; Penza State Pedagogical University (in Russian).

6. Vikhliaev, V. I. 1974. In *Voprosy geografii Mordovskoi ASSR (Issues of Geography of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic)*. Moscow, 26–28 (in Russian).

7. Vikhliaev, V. I. 2000. *Proiskhozhdenie drevnemordovskoi kul'tury (Origins of the Ancient Mordovian Culture)*. Saransk: Institute for History and Social Sciences, Mordovian State University named after N. P. Ogarev (in Russian).

8. Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008. *Khronologiia mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Burial Grounds of 1st – 14th Centuries in the Western Part of the Middle Volga Region)*. Saransk: “Krasnyi Oktiabr” Typography (in Russian).

9. Vikhliaev, V. I. 2011. In *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 18–21 (in Russian).

10. Vikhliaev, V. I. 2011. In *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia (Humanitarian: the actual problems of humanities and education)* (1). Saransk: Ogarev Mordovia State University, 5–10 (in Russian).

11. Kozlov, V. I. 1960. In *Voprosy etnicheskoi istorii mordovskogo naroda (Issues of Ethnic History of the Mordovian People)*. Series: Proceedings of the Ethnography Institute, New Series LXIII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 5–62 (in Russian).

12. Kokovtsev, P. K. 1932. *Evreisko-khazaraskaia perepiska v X v. (Jewish – Khazar Correspondence in 10th Century)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

13. Poleskikh, M. R. 1977. *Drevnee naselenie Verkhnego Posur'ia i Primokshan'ia (Ancient Residents of the Upper Sura and Moksha Rivers Area)*. Penza: “Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., Penza Branch (in Russian).

14. Smirnov, A. P. 1952. *Ocherki drevnei i srednevekovoi istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Prikam'ia (Essays on the Ancient and Medieval History of the Middle Volga-Kama Rivers Region Peoples)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 28 (in Russian).

15. Stepanov, P. D. 1952. In *Zapiski Mordovskogo NII (Proceedings of the Mordovian Research Institute)* 15. Saransk, 17–197 (in Russian).

16. Trubnikova, N. V. 1965. In *Etnogenez mordovskogo naroda (Ethnic Genesis of the Mordovian People)*. Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 53–61 (in Russian).

17. Khalikov, A. Kh. 1987. In Shilov, V. P. (ed.). *Zadachi sovetskoii arkhologii v svete reshenii XXVII s"ezda KPSS (Objectives of Soviet Archaeology in the Light of Decisions of 27th Congress of the Communist Party of the Soviet Union)*. Moscow: “Nauka” Publ., 261–263 (in Russian).

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КОЧЕВНИКОВ СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ¹

© 2013 г. В.Н. Чхаидзе, И.А. Дружинина

В работе рассматриваются вопросы правомочности выделения универсальных для всей Степи критериев знатности средневековых кочевников на основе изучения их погребальных памятников. На материалах мужских кочевнических погребений степей Предкавказья XI–XIV вв. выявлена четырехуровневая военная, социально стратифицированная организация кочевого общества на позднем этапе его существования, вплоть до включения половцев в состав золотоордынского войска, которая дифференцируется по набору наступательного и защитного вооружения. При этом останки лошади, а также ряд вещей, традиционно считающихся «статусными», не всегда присутствуют в «элитарных» комплексах и не могут служить надежным критерием для определения социального положения погребенных.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Степное Предкавказье, средневековые кочевники, половцы, социальный статус, элита, могильники, вооружение.

Среди блока теоретических проблем, которые позволяет решать накопленный к настоящему моменту объем фактических данных, полученных в результате исследований погребальных памятников кочевников Восточной Европы эпохи Золотой Орды, особое внимание в последние годы уделено вопросу о выявлении фиксируемых археологически критериев знатности погребенного.

В целом ряде своих работ В.А. Иванов на основании изучения погребальных памятников Южного Приуралья XIII–XIV вв. высказал мнение, что различные виды кочевнических погребений (прежде всего всаднические), вероятнее всего, играют роль не этнического, а социального репера, маркируя уровень прижизненного имущественного достатка погребенного или погребенной. По мнению исследователя, показателем богатства и

места индивида в социальной иерархии является лошадь. Забить коня и зарыть его в землю вместе с умершим было по силам семье с высоким уровнем материальной обеспеченности и соответствующим местом в социальной иерархии, захоронить шкуру коня и использовать его мясо для проведения поминальной тризны было доступно семьям более низкого достатка и общественной значимости. Еще на одну ступень вниз по социальной лестнице находились семьи, которые могли поместить в могилу только конскую узду. К самому низшему уровню материального достатка и социальной значимости исследователь относит погребения, где обнаружено только вооружение (Иванов, 2007а, с. 215–216; 2009, с. 19, 22). Иными словами, объясняя разнообразие видов кочевнических погребений Южного Приуралья золотоордынского времени,

¹ Работа выполнена по проекту РГНФ № 12-31-01310 а2 «Кочевники Прикубанья в эпоху средневековья (по материалам археологических памятников XI–XIV вв.)».

В.А. Иванов подчеркивал принципиальное значение имущественной дифференциации кочевого населения, где лошадь выступала главным критерием достатка.

Эти положения были развиты историком Ю.В. Селезевым, который пришел к выводу, что к верхнему слою ордынского общества относятся погребенные, захороненные с предметами вооружения и с остатками лошади. Анализ данных письменных источников позволил исследователю обозначить атрибуты «элитности», в числе которых были названы шапка/шлем и меч/сабля/кинжал. При этом автор предполагает, что в погребениях ножи или кинжалы являлись символической заменой дорогостоящей сабли или меча, шлемы – заменой шапки, украшенной драгоценными камнями (при этом шлем определял принадлежность к высшему элитарному слою), а пояс как атрибут элитарности широко представлен в кочевническом инвентаре (Селезнев, 2011, с. 257–259; ср.: 2012, с. 243–244).

Однако, как известно, проверить достоверность сообщений средневековых авторов о кочевническом погребальном обряде археологическими источниками далеко не просто (Доде, 2010, с. 255). Важно учитывать, что общее для тюркоязычных кочевников представление о захороненной с умершим лошади (либо чучела животного), которая в этом мире доставляла к могиле тело, а в ином продолжала носить своего хозяина, характерно и для половецкой, и для золотоордынской обрядности (Гугуев, 2009, с. 133–134). Лошадь выполняла две функции – погребальную и жертвенную, обеспечивая умершему удачное прохождение в мир мертвых. При этом современни-

ками различались боевая и жертвенная лошади (Дубровский, 2002, с. 198, 200–201, 205; Юрченко, 2008, с. 291).

В этой связи важно отметить, что выводы В.А. Иванова не находят подтверждения на материалах Волго-Донского междуречья, где известно достаточно большое количество безлошадных погребений тяжеловооруженных воинов, похороненных с такими предметами, как кольчуги, шлемы, сабли и пр., при жизни, несомненно, являвшихся всадниками (Беспальный, Ларенок, 1987, с. 260–263, рис. 1–2; Кравец, 2005, с. 109–111, 113–114, рис. 23–25, 28–31; Зеленский, Тарабанов, 2005, с. 331–332, рис. 1; Горелик, 2008, с. 139–144, рис. 1–2, 4, 7; 2009, с. 157–168, рис. 1–3; Чхаидзе, 2010, с. 154–158, рис. 1–3; Чхаидзе, Дружинина, 2010, с. 425–428, рис. 2–3; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011, с. 23, 28, 63, 68, 83, рис. 6–7, 26, 34–35; и др.). Отсутствие лошади или чучела в таких погребениях не может быть объяснено низким уровнем прижизненного материального достатка погребенных – «статусный» инвентарь этих комплексов противоречит тому. Не говоря уже о том, что известны одновременные погребения со сходным набором погребального инвентаря (нередко происходящие из одного курганного могильника), но с лошадью или ее чучелом.

Согласно работам А.Г. Атавина и нашим исследованиям, различные мужские кочевнические погребения степей Предкавказья (как впрочем, и всего междуречья Волги и Дона) свидетельствуют о четырехуровневой военной, социально стратифицированной организации кочевого общества, которая дифференцируется по степени вооружения (Атавин, 2008,

с. 93–96; Чхаидзе, Дружинина, 2011, с. 127–129).

Так, на территории степного Предкавказья, в степном Прикубанье, на Ставропольской возвышенности и Кумо-Манычской впадине (территория Краснодарского и Ставропольского краев) на сегодняшний день исследовано 68 курганных могильников, в которых открыто 158 средневековых кочевнических погребений, датирующихся XII–XIV вв., что составляет более 30% кочевнических комплексов междуречья Дона и Волги.

Большинство из этих кочевнических погребений относятся к XI–XIV вв. и органично вписываются в разработанную А.Г. Атавиным классификацию воинских кочевнических погребений, основанную на материалах 156 мужских погребальных комплексов с территории Волго-Донского междуречья. Исследователем выделены три основные группы: I. Тяжеловооруженная конница с металлическим защитным вооружением и полным набором оружия. II. Конница без защитного вооружения или же с неметаллическими доспехами, также с полным набором оружия. III. Легкая конница, вооруженная только луками и стрелами, редко саблями, включая немногочисленные погребения женщин-всадниц с оружием (Атавин, 2008, с. 93–96, табл. 17–22).

Материалы погребений из Предкавказья позволяют уточнить данную схему и выделить погребения без доспехов и оружия дальнего боя, лишь с саблями.

Из рассматриваемых нами погребений в 126 выявлен погребальный инвентарь (92 мужских погребения с различным комплексом вооружения, 30

– женских, 4 – детских). 32 погребения безынвентарные или разрушенные.

92 мужских погребения дифференцируются по степени вооружения, что, без сомнения, отражает военную, причем, социально стратифицированную организацию кочевого общества (Чхаидзе Дружинина, 2011, с. 127–129, рис. 1).

Таким образом, на основе анализа материалов 92 погребений (правда, не всегда сопровождающихся захоронением с лошастью) выделяются четыре группы воинских кочевнических погребений:

I. Тяжеловооруженная конница с металлическим защитным вооружением (кольчуги, часто шлемы, нагрудные бляхи (3 случая), наручи и поножи (1 случай), шпоры (2 случая)) и полным набором оружия ближнего и дальнего боя (сабли, кинжалы, лук, стрелы, реже копья). Иногда встречаются украшения. Группа состоит из 29 погребений (30,8%). Необходимо отметить достаточно высокую концентрацию в Предкавказье этой группы войска кочевников, частью являющихся элитой монгольского войска.

II. Конница без защитного вооружения или же с неметаллическими доспехами, также с полным набором рубящего оружия и оружия дальнего боя (сабли, кинжалы, лук, стрелы) – 30 погребений (32%).

III. Легкая конница, вооруженная только луками и стрелами, редко саблями – 27 погребений (28,7%), включая одно погребение женщины-всадницы.

IV (или IIIa). Легкая конница вооруженная только саблями – всего 8 погребений (8,5%). Группа может являться частью группы III.

Погребения женщин-всадниц с оружием, о которых писал А.Г. Атавин, в степях Предкавказья пока не выявлены. Можно констатировать, что выдвинутый в свое время С.А. Плетневой тезис о существовании у средневековых кочевников института «амазонства» в настоящее время не подтвержден (Потемкина, 2010а, с. 49; 2010б, с. 138–139; 2012а, с. 25–28).

Такова общая картина военной организации половецкого (согласно А.Г. Атавину) общества в Предкавказье на позднем этапе его существования, продержавшаяся вплоть до включения половцев в состав войска Золотой Орды. Практически аналогичная картина представлена в одной из последних работ В.А. Иванова, оперирующего известными ему погребениями Восточно-европейской равнины (Иванов, 2011а, с. 74–75).

В итоге материалы степного Предкавказья и шире – междуречья Волги и Дона, если и позволяют говорить о знати, то исключительно военной.

Важно подчеркнуть, что наличие воинских погребений без лошади не может объясняться только тем, что с приходом монголо-татар обычай помещения ее в могилу исчезает. Как известно, в Монгольской империи действовал принцип толерантности (Юрченко, 2008, с. 290), что на практике означало невмешательство правящей группы в погребальные обряды своих подданных. Именно поэтому мы имеем в степи такое разнообразие вариантов погребального обряда (ср.: Иванов, 2007б, с. 22–26, табл. 1–2; 2011б, с. 185–193, табл. 1–2). Так, уже давно было отмечено, что типы погребений не связаны с социальным положением умерших, но зависят от

их этнической принадлежности (Федоров-Давыдов, 1966, с. 34). Так же и сходный погребальный инвентарь со статусными вещами, присутствующий в могилах различной конструкции, позволяет говорить именно об этнических различиях погребенных, включенных в единое культурно-хронологическое пространство Монгольской империи (Доде, 2010, с. 262).

Выводы В.А. Иванова отражают особенности погребальных памятников кочевников Волго-Уральского региона. Экстраполировать их на всю Степь, как это делает Ю.В. Селезнев, пока преждевременно.

Относительно атрибутов «элитарности» в кочевнических погребениях выскажем несколько замечаний. Так, следует различать предметы, связанные с повседневным бытом, и вещи, имевшие особый статус. Считается, что «социально определенными» предметами являются гривны (Потемкина, 2010в, с. 95–101; 2011б, с. 133–143), котлы (Потемкина, 2012в, с. 287–295), посудовидные изделия и чаши (Крамаровский, 2001, с. 84–92; 2012, с. 43; Кравец, 2006, с. 326–328; Красильников, Красильникова, Терехина, 2009, с. 259–261; Потемкина, 2012б, с. 284–302), а также наборные пояса из драгоценных металлов (см.: Крамаровский, 2001, с. 37–53; 2012, с. 93–105; Кравец, 2004, с. 222–228). Однако не все вещи из дорогостоящих материалов (золото, серебро и пр.) могут быть рассмотрены в качестве «статусных» (Юрченко, 2009, с. 416; Кравец, 2011, с. 219–222). К тому же не всегда такие предметы вообще встречаются среди инвентаря погребений, которые могут быть отнесены к числу «элитарных» (ср.: Иванов, 2011, с. 77).

В качестве примера отметим, что, судя по степным подкурганам кочевническим материалам Волго-Донского междуречья, вопреки мнению Ю.В. Селезнева, поясные наборы отсутствуют именно у половецкой военной знати улуса Джучи (Горелик, 2009, с. 168), так как половцы уже в XII в. утратили традицию воинских поясных наборов (Крамаровский, 2001, с. 55; 2012, с. 93–94). Немногочисленными исключениями здесь являются ордынские погребения из могильников Высокая Гора, Олень-Колодезь, Старая Калитва и Власовский в Воронежской области (Кравец, 2005, с. 65–66, 91–94, рис. 8–11, 25, 27, 30, 36, 45). По мнению некоторых исследователей, к золотоордынскому времени относится и захоронение в Чингульском кургане, где были обнаружены три пояса (Крамаровский, 2012, с. 93, 95).

К «элитарным» золотоордынским можно относить такие женские погребения, как, например, Рябичев – 7/1, в котором находились дорогие высококачественные ткани (два комплекта одежды), в том числе шуба, подбитая соболем (Парусимов, 2009, с. 47–51, рис. 17–19; ср.: Доде, 2010, с. 262–263) или погребения из могильника Вербовый Лог VIII (полный набор женской одежды и набедренная юбка в муж-

ском захоронении), которые авторы публикации относят к центральноазиатской тюркской знати конца XIII – середины XIV вв. (Власкин, Гармашов, Доде, Науменко, 2006, с. 74).

Однако и здесь нужно иметь в виду, что находки в погребальных памятниках текстильных изделий из шелков или их фрагментов не являются признаком социального статуса погребенного и могут служить основанием для установления его ранга только в совокупности с признаками обряда захоронения и характером всего погребального инвентаря (Доде, 2010, с. 259).

За рамками настоящей работы остается вопрос о роли некоторых «статусных» предметов из кочевнических погребений как этнокультурных идентификаторов. Ряд специальных исследований посвятила этому аспекту проблемы Т.М. Потемкина (Потемкина, Кулешов, 2010, с. 281–285; Потемкина, 2011а, с. 113–115; 2012в, с. 295–296).

Безусловно, следует продолжать поиски критериев социального статуса или элитарности погребенных, однако, в первую очередь этому должна предшествовать максимально полная публикация средневековых кочевнических комплексов, исследованных за последние шестьдесят лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Атавин А.Г.* Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны Юга России в конце IX – первой половине XIII вв. (печенеги, торки, половцы) // Древности юга России. Памяти А.Г. Атавина. – М., 2008.
2. *Беспалый Е.И., Ларенок П.А.* Средневековое погребение в кургане у города Азова // СА. – 1987. – № 4.
3. *Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А.* Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала / Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI. – М., 2006.

4. *Горелик М.В.* Золотоордынские латники Прикубанья // МИА Северного Кавказа. Вып. 9. – Армавир, 2008.
5. *Горелик М.В.* Погребение знатного половца – золотоордынского латника // МИА Северного Кавказа. Вып. 10. – Армавир, 2009.
6. *Гугуев Ю.К.* Рассказ Жана де Жуанвиля о похоронах знатного кумана // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – М., 2009.
7. *Доде З.В.* Кочевнические погребения эпохи Золотой Орды: поиски критерия знатности // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международ. Нижневолжской археол. конф. – Астрахань, 2010.
8. *Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И.* Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. – Армавир; М., 2011.
9. *Дубровский Д.В.* Жертвенный конь в погребальном обряде кочевников улуса Джучи // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие. – М., 2002.
10. *Зеленский Ю.В., Тарабанов В.А.* Воинское половецкое погребение из Степного Прикубанья // МИА Кубани. Вып. 5. Краснодар, 2005.
11. *Иванов В.А.* Золотоордынские всадники степей Южного Приуралья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 2. – Уральск, 2007а.
12. *Иванов В.А.* Локальные особенности погребального обряда кочевников евразийских степей периода Золотой Орды // Средневековая археология евразийских степей. Том II. – Казань, 2007б.
13. *Иванов В.А.* Социальный мир Золотой Орды и его отражение в археологических материалах // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Вып. 1. – Казань, 2009.
14. *Иванов В.А.* Вооружение золотоордынского войска в историческом и археологическом контекстах: где истина? // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках международного золотоордынского форума. Казань, 30 марта 2011 г. – Казань, 2011а.
15. *Иванов В.А.* Этнокультурная преемственность кочевников Дешт-и-Кипчака и Улуса Джучи (Золотой Орды) (на примере погребального обряда) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 1. – Уральск, 2011б.
16. *Кравец В.В.* Поясные наборы золотоордынских кочевников Среднего Подонья // Археологические памятники бассейна Дона. – Воронеж, 2004.
17. *Кравец В.В.* Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. – Воронеж, 2005.
18. *Кравец В.В.* О критериях социально-ранговой характеристики кочевников Золотой Орды (по материалам лесостепного и северостепного Подонья) // Археологическое изучение Центральной России. – Липецк, 2006.
19. *Кравец В.В.* Социальная атрибутированность посуды и поясного набора в золотоордынских погребениях // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 14. – Воронеж, 2011.
20. *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. – СПб., 2001.
21. *Крамаровский М.Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. – СПб., 2012.

22. Красильников К.И., Красильникова Л.И., Терехина В.В. Изделия искусства кочевнических комплексов XII–XIV веков Подонцовья // Матеріали та дослідження з археології східної України. № 10. – Луганськ, 2009.
23. Парусимов И.Н. Раскопки курганов могильника Рябичев // Труды археологического научно-исследовательского бюро. Том IV. – Ростов-на-Дону, 2009.
24. Потемкина Т.М. Женские половецкие погребения с инсигниями ранга (котлом, шейной и распрямленной гривной) // Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде. Тез. док. Всерос. науч. конф. – М., 2010а.
25. Потемкина Т.М. Социокультурный аспект женских половецких погребений со статусными предметами // Донецкий археологічний збірник. № 13/14. – Донецьк, 2010б.
26. Потемкина Т.М. Половецкие погребения с шейной гривной: социокультурный аспект // Нові сторінки історії Донбасу. Кн. 19. – Донецьк, 2010в.
27. Потемкина Т.М. Об этнокультурных признаках «монгольских» погребальных памятников Восточной Европы // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международ. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова (г. Астрахань, 2–6 октября 2011 г.). – Казань; Астрахань, 2011а.
28. Потемкина Т.М. Прижизненный статус погребенных с распрямленной гривной из позднекочевнических комплексов Восточной Европы // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Сб. науч. ст., посвящ. памяти В.П. Костюкова. – Астрахань, 2011б.
29. Потемкина Т.М. Иерархия половецкой знати (по погребениям со статусными предметами) // СЕЭС. Т. 10. Половецкое время. – Донецк, 2012а.
30. Потемкина Т.М. Металлические посудовидные изделия из погребений кочевников золотоордынского времени Восточной Европы: проблемы и стереотипы // СЕЭС. Том 11. Золотоордынское время. – Донецк, 2012б.
31. Потемкина Т.М. Этнокультурный и социальный аспекты позднекочевнических погребений с котлом // Археологические записки. Вып. 7. – Ростов-на-Дону, 2012в.
32. Потемкина Т.М., Кулешов Ю.А. Погребения восточноевропейских средневековых кочевников с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты // СЕЭС. Том 8. Золотоордынское время. – Донецк, 2010.
33. Селезнев Ю.В. Признаки принадлежности к элите Джучиева Улуса в вещевой атрибутике // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – Казань; Астрахань, 2011.
34. Селезнев Ю.В. Функции половецкой элиты // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012.
35. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966.
36. Чхаидзе В.Н. Средневековые кочевнические погребения из раскопок Н.И. Веселовского в степном Прикубанье (ст. Ладожская и пос. Праздничный) // МИА Северного Кавказа. Вып. 11. – Армавир, 2010.
37. Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Погребение кочевника XIII – 1-й пол. XIV вв. у села Лосево в степном Прикубанье // СЕЭС. Т. 8. Золотоордынское время. – Донецк, 2010.
38. Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Военная организация кочевников степей Предкавказья в XII–XIV веках // Диалог городской и степной культур на евразийском про-

странстве. Материалы V Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – Казань; Астрахань, 2011.

39. Юрченко А.Г. Тайные монгольские погребения (по материалам францисканской миссии 1245 года) // СЕЭС. Том 6. Золотоордынское время. – Донецк, 2008.

40. Юрченко А.Г. Клятва на золоте: тюркский вклад в монгольскую дипломатию // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – М., 2009.

Информация об авторах:

Чхаидзе Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация); chkhaidze.v@yandex.ru

Дружинина Инга Александровна, младший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация); inga_druzh@mail.ru

REFLECTION OF SOCIAL STRATIFICATION IN FUNERAL CEREMONIALISM OF NOMADS OF STEPPE CISCAUCASIA IN THE GOLDEN HORDE TIME: DISCUSSION CONTINUATION

V.N. Chkhaidze, I.A. Druzhinina

Problems related to the validity of identifying medieval nomads' elite status criteria, universal for the Steppe area, on the basis of the study of their funerary monuments are discussed in the article. The materials of male nomadic burials from the 11–14th -century Ciscaucasia steppes made it possible to identify a four-level military and socio-stratified structure of the nomadic society at the later stage of its existence, up to the inclusion of the Polovtsians (Cumans) in component of the Golden Horde troops. The social structure in question was subjected to differentiation based upon the set of offensive and defensive weapons. However, the remains of the horse and a number of items traditionally associated with "status" are not always present in the "elite" assemblages and cannot serve as reliable criteria for determining the social status of the buried.

Keywords: archaeology, the Golden Horde, the steppe Ciscaucasia, medieval nomads, the Cumans, social status, elite, burial grounds, weapons.

REFERENCES

1. Atavin, A. G. 2008. In Afanas'yev, G. E. (ed.). *Drevnosti Iuga Rossii: pamiati A. G. Atavina (Antiquities of the South of Russia: in Memory of A. G. Atavin)*. Moscow: "Taus" Publ., 71–105 (in Russian).
2. Bepalyi, E. I., Larenok, P. A. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 260–263 (in Russian).
3. Vlaskin, M. V., Garmashov, A. I., Dode, Z. V., Naumenko, S. A. 2006. *Pogrebeniia znati zolotoordynskogo vremeni v mezhdurech'e Dona i Sala (Graves of the Golden Horde Time Aristocracy in the Don and Sal Interfluvial Zone)*. Series: Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of the Northern Caucasus) VI. Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ. (in Russian).
4. Gorelik, M. V. 2008. *Zolotoordynskie latniki Prikuban'ia (Cuirassiers of the Kuban Basin in the Golden Horde Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies in the Archaeology of North Caucasus) 9. Armavir (in Russian).
5. Gorelik, M. V. 2009. *Pogrebenie znatnogo polovtsa – zolotoordynskogo latnika (A Burial of a Noble Cuman, a Golden Horde Cuirassier)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies in the Archaeology of North Caucasus) 10. Armavir (in Russian).

6. Guguev, Yu. K. 2009. In Kliashtornyi, S. G., Sultanov, T. N., Trepavlov, V. V. (ed. board). *Tiurkologicheskii sbornik. 2007–2008. Istorii i kul'tura tiurkskikh narodov Rossii i sopredel'nykh stran (Collected Papers on Turkic Studies 2007–2008: History and Culture of the Turkic Peoples of Russia and Adjacent Countries)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 124–145 (in Russian).
7. Dode, Z. V. 2010. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of the Lower Volga Region: Problems, Research, Discoveries)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House (in Russian).
8. Druzhinina, I. A., Chkhaidze, V. N., Narozhnyi, E. I. 2011. *Srednevekoveye kochevniki v Vostochnom Priazov'e (Medieval Nomads on the Eastern Azov Sea Shore)*. Armavir; Moscow: Armavir State Pedagogical Academy, Center for Archaeological Research (in Russian).
9. Dubrovskii, D. V. 2002. In *Tiurkologicheskii sbornik 2001: Zolotaia Orda i ee nasledie (Collected Papers on Turkic Studies 2001: Golden Horde and its Heritage)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 198–211 (in Russian).
10. Zelenskii, Yu. V., Tarabanov, V. A. 2005. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and Research on the Archaeology of Kuban) 5*. Krasnodar: Kuban State University (in Russian).
11. Ivanov, V. A. 2007. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Problems of History and Archaeology of the Western Kazakhstan) 2*. Ural'sk (in Russian).
12. Ivanov, V. A. 2007. In *Srednevekovaia arkheologiia evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes) II*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
13. Ivanov, V. A. 2009. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage) 1*. Kazan: "Fän" Publ., 15–23 (in Russian).
14. Ivanov, V. A. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy: problemy i perspektivy izucheniia (Golden Horde Warfare: Issues and Perspectives of Studies)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; "Foliant" Publ., 72–77 (in Russian).
15. Ivanov, V. A. 2011. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues on History and Archaeology of Western Kazakhstan) 1*. Ural'sk, 182–196 (in Russian).
16. Kravets, V. V. 2004. In *Arkheologicheskie pamiatniki basseina Dona (Archaeological Sites in the Don River Basin)*. Voronezh, 222–229 (in Russian).
17. Kravets, V. V. 2005. *Kochevniki Srednego Dona v epokhu Zolotoi Ordy (Middle Don Nomads in the Golden Horde Age)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University (in Russian).
18. Kravets, V. V. 2006. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Arkheologicheskoe izuchenie Tsentral'noi Rossii (Archaeological Survey of Central Russia)*. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 326–329 (in Russian).
19. Kravets, V. V. 2011. In Fediunin, I. V. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy (Archaeological Sites of Eastern Europe) 14*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 219–222 (in Russian).
20. Kramarovskii, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoi Ordy (Genghisids' Gold: the Golden Horde Cultural Heritage)*. Saint Petersburg (in Russian).
21. Kramarovskii, M. G. 2012. *Chelovek srednevekovoï ulitsy. Zolotaia Orda. Vizantiia. Italiia (Man in the Medieval Street. Golden Horde, Byzantium, Italy)*. Saint Petersburg (in Russian).
22. Krasil'nikov, K. I., Krasil'nikova, L. I., Terekhina, V. V. 2009. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheologii Skhidnoi Ukraïny (Proceedings and Research in the Archaeology of Eastern Ukraine) 10*. Lugansk: East Ukrainian National University named after Vladimir Dahl, 257–262 (in Russian).
23. Parusimov, I. N. 2009. In *Trudy arkheologicheskogo nauchno-issledovatel'skogo biuro (Proceedings of the Archaeological Research Bureau) IV*. Rostov-on-Don (in Russian).

24. Potemkina, T. M. 2010. In Guliaev, V. I. (ed.). *Kul't predkov, vozhdei, pravitelei v pogrebal'nom obriade (Cult of Ancestors, Chiefs and Rulers in Burial Rite)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
25. Potemkina, T. M. 2010. In *Donets'kyj arkeolohichnyj zbirnyk (Donetsk Archaeological Collected Papers)* 13–14. Donetsk, 135–144 (in Russian).
26. Potemkina, T. M. 2010. In *Novi storinky istorii Donbasu (New Pages from the History of Donbas)* 19. Donetsk: Donetsk National University, 95–103 (in Russian).
27. Potemkina, T. M. 2011. In Vasilev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 112–115 (in Russian).
28. Potemkina, T. M. 2011. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Voprosy istorii i arkeologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoi Ordy (Issues of History and Archaeology of Medieval Nomads and Golden Horde)*. Astrakhan: Astrakhan University Publ. House, 145–166 (in Russian).
29. Potemkina, T. M. 2012. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 10. *Polovetskoe vremia (Cuman Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 7–36 (in Russian).
30. Potemkina, T. M. 2012. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 11. *Zolotoordynskoe vremia Golden Horde Time*. Donetsk: Donetsk National University, 279–306 (in Russian).
31. Potemkina, T. M. 2012. In *Arkheologicheskie zapiski Donskogo arkeologicheskogo obshchestva (Archaeological Notes of the Don Archaeological Society)* 7. Rostov-on-Don: Don Archaeological Society (in Russian).
32. Potemkina, T. M., Kuleshov, Yu. A. 2010. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 8. *Zolotoordynskoe vremia Golden Horde Time*. Donetsk: Donetsk National University, 271–294 (in Russian).
33. Seleznev, Yu. V. 2011. In Vasilev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 257–259 (in Russian).
34. Seleznev, Yu. V. 2012. In *Drevniaia Rus' i srednevekovaia Evropa: vozniknovenie gosudarstv (Ancient Rus' and Medieval Europe: the Emergence of States)*. Moscow: Universal History Institute, Russian Academy of Sciences, 241–246 (in Russian).
35. Fyodorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East European Nomads under rule of Altyn Orda Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
36. Chkhaidze, V. N. 2010. In *Materialy i issledovaniia po arkeologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies in the Archaeology of North Caucasus)* 11. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 154–164 (in Russian).
37. Chkhaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2010. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 8. *Zolotoordynskoe vremia Golden Horde Time*. Donetsk: Donetsk National University, 425–436 (in Russian).
38. Chkhaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2011. In Vasilev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 127–129 (in Russian).

39. Iurchenko, A. G. 2008. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 6. Zolotoordynskoe vremia Golden Horde Time*. Donetsk: Donetsk National University. Donetsk: Donetsk National University, 287–304 (in Russian).

40. Iurchenko, A. G. 2009. In *Tiurkologicheskii sbornik. 2007–2008. Istorii i kul'tura tiurkskikh narodov Rossii i sopredel'nykh stran (Collected Papers on Turkic Studies 2007–2008: History and Culture of the Turkic Peoples of Russia and Adjacent Countries)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ., 410–423 (in Russian).

About the Authors:

Chkhaidze Victor N. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; chkhaidze.v@yandex.ru

Druzhinina Inga A. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; inga_druzh@mail.ru

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ «ИМПЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ» ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ЕЕ РОЛИ КАК АРЕАЛООБРАЗУЮЩЕГО ФАКТОРА ДЛЯ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ¹

© 2013 г. В.А. Иванов

Рассматривается проблема формирования и существования общей имперской культуры Золотой Орды и степени влияния этого государства на культуру соседних народов региона Урала и Поволжья. Результаты сравнения культуры золотоордынских городов и кочевой степи показывают значительные различия и очень низкую степень взаимопроникновения их традиций. В материальной культуре народов Волго-Камья и Приуралья, попавших в сферу влияния Золотой Орды (марийцы, удмурты, мордва, башкиры), продолжают местные традиции, золотоордынские вещи здесь встречаются редко, как импорт, и не влияют на местное производство оружия, ювелирных изделий и др. Всё это позволяет сделать вывод, что понятие «имперская культура Золотой Орды» носит искусственный характер, а ее влияние на культуры соседних народов Волго-Уральского региона на археологических материалах не прослеживается вообще.

Ключевые слова: археология, Волго-Уральский регион, Золотая Орда, имперская культура, золотоордынские города, кочевники, ареалообразующий фактор.

Среди многочисленных работ Ю.А. Зеленева – одного из ведущих современных исследователей и организаторов исследований по археологии и истории Золотой Орды, – посвященных золотоордынской тематике, выделяются несколько, которые с полным основанием можно считать программными для изучения этой темы. В первую очередь, это опубликованная в 2007 г. статья «Формирование основ материальной культуры Золотой Орды» (Зеленев, 2007, с. 164–170) и написанный на ее основе раздел в монографии «Золотоордынский город Сарай ал-Джедид» (Зеленев, Курочкина, 2009, с. 229–237). В обоих этих исследованиях автор на обширном археологическом материале показывает, во-первых, надэтничный характер материальной культуры Золотой

Орды, во-вторых, обозначает вектор ее распространения: город → степь, в третьих, отмечает особую роль ислама как фактора, обусловившего формирование единой городской, а затем и степной культуры Золотой Орды.

Я не нахожу ни повода, ни возможности, а следовательно, ни смысла подвергать сомнению эти положения, имеющие, на мой взгляд, методологическое значение для изучения истории культуры Золотой Орды. Хотя хочу обратить внимание читателей и заинтересованных в золотоордынской тематике исследователей на то обстоятельство, что в своих исследованиях Ю.А. Зеленев при изложении процесса формирования материальной культуры Золотой Орды не пользуется определением «имперская». В последние годы в золотоордынской

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0963 (тема научно-исследовательской работы – «Роль государств эпохи средневековья и нового времени в процессе формирования этнокультурной карты Южного Урала и Прикамья»).

историографии данное определение становится едва ли не аксиоматическим (Крамаровский, 2009, с. 578).

Сам автор этих строк с понятием «имперская культура Золотой Орды» впервые познакомился в книге Д.М. Исхакова и И.Л. Измайлова, посвященной этнополитической истории татар: «Имперская культура Золотой Орды складывалась в результате творческой активности практически всех народов, входивших в состав государства, осваивая принесенный завоевателями на запад культурный репертуар. Наиболее ярко чингизидские традиции проявлялись в культурном круге социально престижных изделий, являвшихся принадлежностью и отличительной чертой военно-служилой знати – крою костюма, системе поясной гарнитуры, предметов оружия и конского снаряжения, других аксессуаров. **Разумеется, полностью единой эта культура не была, поскольку изначально была строго социально ориентирована** (выделено мной. – В.И.). Однако в начале XIV в., по мере роста городов в Улусе Джучи, прежде всего в Поволжье, здесь пышно распускается новая урбанистическая восточная средневековая культура – *«культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана, математиков и астрономов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии»* (Исхаков, Измайлов, 2007, с. 107).

Последняя фраза из приведенной цитаты, выделенная мною курсивом, представляет собой цитату из книги Г.А. Федорова-Давыдова «Искусство кочевников и Золотой Орды», которая в полном виде звучит так: «В силу ори-

ентации ханов на мусульманство и городской быт среднеазиатско-иранского типа, в южнорусской степи, далекой от ислама, вдруг пышно распускается **совершенно чуждаяномадам** (выделено мной. – В.И.) яркая урбанистическая восточная средневековая культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана, математиков и астрономов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии. **Эта культура была недолговечной и не опиралась на традиции оседлости в Нижнем Поволжье, где до этого были кочевые степи** (выделено мной. – В.И.)» (Федоров-Давыдов, 1976, с. 118). То есть, Г.А. Федоров-Давыдов, судя по всему, «имперской» культуру золотоордынских городов не считал и вообще рассматривал ее как явление, говоря современным языком, для степей Восточной Европы «эксклюзивное», не имеющее ни корней, ни продолжения.

Если переводить понятие «имперская культура Золотой Орды» в плоскость археологических артефактов, то это, в первую очередь, должны быть предметы (категории, типы предметов), не имеющие этнической привязки и широко распространенные по территории Золотой Орды. Таковые конечно встречаются, но география и плотность их распространения в большей степени не подтверждают, а напротив, опровергают определение «имперскости». Так, керамика золотоордынских городов Нижнего Поволжья, состоящая из азовской (лощеная с красным ангобом), крымской (с желтой и зеленой поливой), тимуридской кашинной, хорезмийской (серо-глиняные мореные котлы) и др. посуды

(Зеленева, 2005, с. 171 и сл.), на территории Волго-Уральского региона присутствует в таком незначительном количестве, что едва ли может свидетельствовать в пользу ее массового использования местным населением. На Южном Урале она отсутствует вообще, за исключением нескольких обломков красноглиняной гончарной керамики с территории Турналинского городища, которая, по мнению Г.Н. Гарустовича, свидетельствует о болгарском направлении торгово-экономических связей приуральских племен (Гарустович, 1998, с. 23 и сл.).

Что касается керамики с поселений Волжской Булгарии золотоордынского периода, то ее типология, разработанная Н.А. Кокориной, показывает, что из пяти основных групп керамики, характерных для данного периода (XVIII–XXI), только две (XIX и XXI) связаны с населением внутренних территорий Монгольской империи – Средней Азией и Дешт-и-Кыпчаком. Но широкого распространения среди населения Волго-Уральского региона они не получили (Кокорина, 2002, с. 97–113; Михеева, 2007, с. 320; Белорыбкин, 2003, с. 103).

В курганах кочевников Золотой Орды в степях Восточной Европы гончарная посуда вообще представлена в единичных погребениях (15 экз.), разбросанных на обширной территории от Днепра (Макеевка, Черевков) до Волги (Абганерово III, Бахтияровка II).

«Имперская культура» кочевой золотоордынской степи – это, по сути, несколько категорий вещей, принесенных монголами (?) с востока и в XIII–XIV вв. получивших широкое распространение среди кочевников Восточной Европы, полностью утратив свою этничность. К ним относятся:

серьги-подвески в виде знака вопроса, бронзовые зеркала с орнаментированной тыльной поверхностью, железные плоские наконечники стрел-срезни, костяные орнаментированные накладки на колчан, головной убор бокка.

Ни одна из перечисленных категорий вещей за пределами собственно кочевнических территорий Золотой Орды в массовом количестве не встречается. То есть, если в кочевнических погребениях они встречаются достаточно часто (рис. 1), то в материалах золотоордынских городов перечисленные предметы, хотя встречаются тоже, но в таких количествах и ситуационных описаниях, по которым можно только судить о том, что они там или производились (бронзовые зеркала, железные наконечники стрел) (Федоров-Давыдов, 1994), или присутствовали в качестве орудия погрома (наконечники-срезни из Биляра – 41 экз., и Золотаревского поселения – 49 экз.) (Руденко, 2003, с. 69–71; Белорыбкин, 2001, с. 116–125).

Таким образом, есть достаточно оснований полагать, что понятие «имперская культура Золотой Орды» хотя и обозначено, но пока еще не проработано настолько, чтобы быть принятым на вооружение безоговорочно. Поэтому тезис Ю.А. Зеленева о том, что «в настоящее время под термином золотоордынская культура понимается, в первую очередь, культура золотоордынских городов...» (Зеленева, 2007, с. 167) как нельзя более адекватно отражает реальное восприятие современными исследователями этого понятия. Что и нашло свое однозначное отражение в содержании III тома «Истории татар с древнейших времен», посвященного истории Улуса Джучи (Золотой Орды), в котором

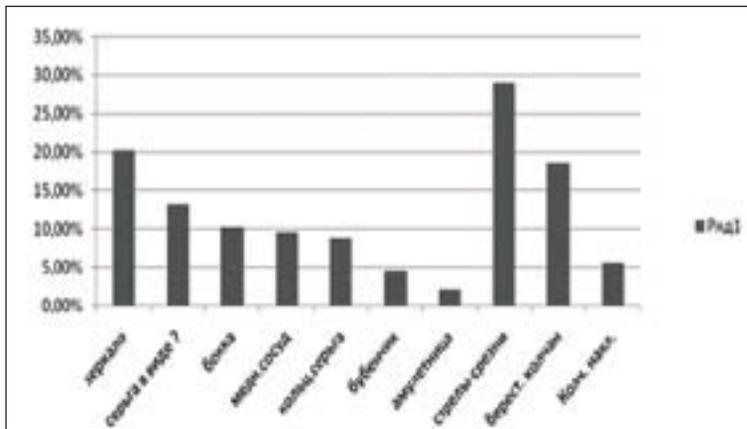

Рис. 1. Частота встречаемости предметов «имперской культуры» в кочевнических погребениях Золотой Орды.

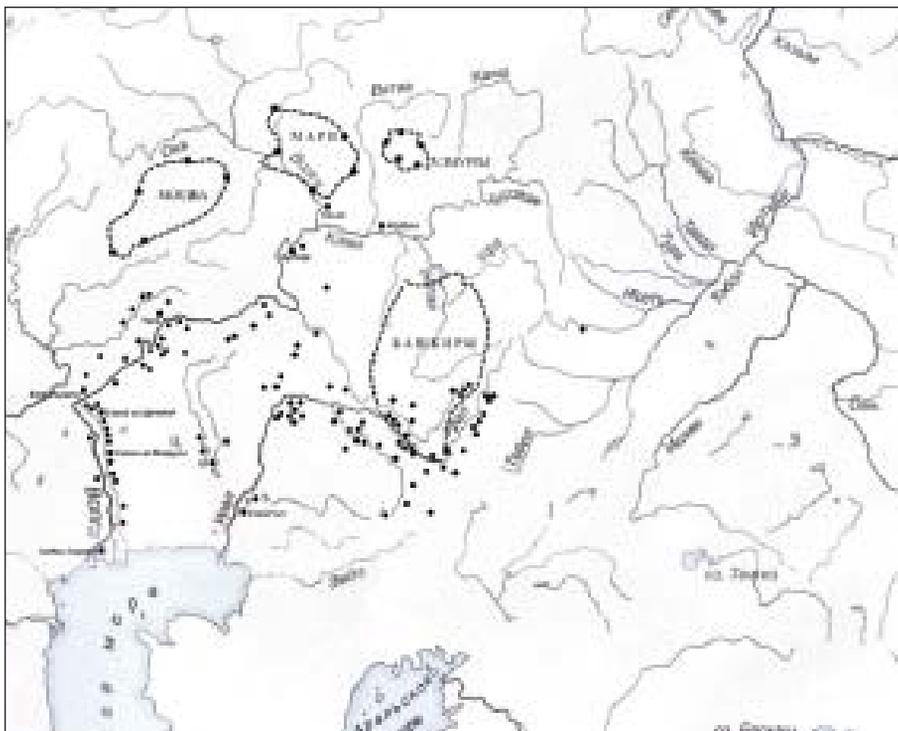

Рис. 2. Этнополитическая карта Урало-Поволжья в XIII–XIV вв. (черные кружки – курганы кочевников; кружки в пунктире – пограничные памятники на этнических территориях).

присутствие в составе этого государства кочевников, составлявших подавляющую часть его населения (Зеленева, 2007, с. 167) (с чем автор этих строк полностью согласен), совершенно проигнорировано².

Семантика понятия «имперская культура» предполагает широкое распространение этой культуры в пространстве, включающем племена и народы, этой культуре подвластные. В силу этого государство, создавшее «имперскую культуру, объективно начинает играть роль ареалообразующего фактора для зависимых от него народов.

Само понятие «ареалообразующий фактор» применительно к этнокультурной истории Волго-Уральского региона впервые было использовано Р.Г. Кузеевым относительно роли Волжской Булгарии в этнических процессах эпохи средневековья. По мнению исследователя, именно Волжская Булгария сыграла роль крупного ареалообразующего и этноконсолидирующего фактора для всего региона, ускорив тем самым процесс формирования здесь Волго-Уральской историко-этнографической области (Кузеев, Иванов, 1984, с. 5). В этно-историческом контексте это выразилось в непосредственном участии волго-камских

финских, финно-пермских и угорских племен в формировании этнического состава ранней Волжской Булгарии. В культурно-историческом – в распространении болгарских ремесленных и художественных традиций на культуру прикамско-приуральского населения: «есть многочисленные свидетельства не просто массового употребления в быту продукции болгарских ремесленников, но и их непосредственного проживания на городищах Пермского Предуралья (например, Рождественское, Анюшкар), где они производили продукцию, ориентированную на конкретного местного потребителя» (Крыласова, Подосенова, 2008, с. 174).

В еще большей степени на роль ареалообразующего фактора для Волго-Уральского региона может претендовать Золотая Орда. Во-первых, как отмечал, опираясь на данные исторической этнографии, Р.Г. Кузеев, именно в период золотоордынского господства «в основном завершилось формирование современных очертаний этнических территорий всех волго-уральских народов, в том числе и тюркских» (Кузеев, 1992, с. 88). И этот вывод находит свое подтверждение в археологическом материале. Так, по данным Н.И. Шutowой, исследовавшей удмуртские могильники XVI–XIX вв., начиная с XVI в., «фиксируется сеть новых погребальных памятников на не освоенных прежде землях... Как правило, они расположены в верховьях мелких рек или ручейков, в районах, где в X–XIV вв. практически не наблюдалось проживание людей» (Шutowа, 1992, с. 101). В системе географических координат – это междуречье Чепцы, Кильмези и Ижа, где выявлены удмуртские дохристианские могильники, нижняя дата которых XVI

² Если, конечно, не учитывать реплику И.Л. Измайлова и Ю.А. Зеленева о том, что «Волжские и Волго-Донские степи в конце XIII – начале XIV в. занимали кочевники (спасибо, что не пресловутые «поздние кочевники». – В.И.), которые оставили после себя подкурганые захоронения, хорошо датируемые этим временем по некоторым предметам, например, зеркалам» (Измайлов, Зеленева, 2009, с. 224). Чем, собственно говоря, и ограничилось освещение роли и места кочевых племен в золотоордынской истории.

век (Шутова, 1992, рис. 1). То есть, по сравнению с предшествующим периодом происходит сокращение древнеудмуртской этнической территории, что, по мнению Р.Г.Кузеева, происходило вследствие продвижения марийцев на север и русских на восток (Кузеев, 1992, с. 88). Аналогичные процессы, как установила Т.Б. Никитина, происходили и в Среднем Поволжье, где с приходом монголо-татар «Основная масса марийского населения в XIV в. покидает обжитые ранее места (Сурско-Цнинский бассейн. – *В.И.*), спасаясь на луговой стороне, недоступной конникам монголо-татар» (Никитина, 1999, с. 206).

Во-вторых, в исторической науке прочно утвердилось мнение о господстве Золотой Орды над народами региона: «бесспорно, что под властью Золотой Орды на протяжении... относительно стабильного периода ее истории, т.е. с середины XIII и до середины XIV в. находились башкиры, болгары, марийцы, чувашаи и мордва-мокша. В отношении же мордвы-эрзи, южных удмуртов (арских людей, а также носителей чумойтинской культуры) и коми-пермяков нет достаточных оснований для столь однозначного вывода, но тем не менее, **их земли тоже находились в сфере военно-политического влияния монголов**» (выделено мною. – *В.И.*) (Антонов, 2006, с. 178). Не менее выразительно и наглядно это мнение представлено на карте расцвета Белой Орды при Узбек-хане, составленной А.А. Астайкиным, на которой Среднее Поволжье (до устья Ветлуги), Нижнее и Среднее Прикамье (до устья Чусовой), Южный Урал целиком показаны как часть административных территорий Улуса

Джучи (Атлас Tartarica, 2005, с. 296–297).

Отсюда вытекает вполне естественный вывод о том, что золотоордынская «имперская культура» могла (и, очевидно, должна была) каким-то образом отложиться в культуре тех народов региона, которые находились под властью Золотой Орды или входили в сферу ее военно-политического влияния. Однако прежде чем приступить к рассмотрению данного вопроса, необходимо обратиться к этнической географии волго-уральских территорий Золотой Орды в том ее виде, как это позволяют нам данные археологии. Собственно говоря, подобная работа уже проделана И.В. Антоновым, но составленная и опубликованная им карта очень мелкомасштабная, а потому этнические территории внутри рассматриваемого региона читаются с трудом, хотя тенденцию можно проследить и по ней (Антонов, 2006, карта 3).

В целом же этногеографическая ситуация Волго-Камья и Приуралья в XIII–XIV вв., обозначенная по данным археологии, представляется следующей. От города Булгара до крайних восточных мордовских городищ – Федоровского, Понетаевского, Ичалковского – в верховьях Алатыря и Иссы (Вихляев, Петербургский, 1999, с. 129) по прямой более 300 км, что составляет не менее недели сухопутного пути. От крепости Казань до самых ближних к ней марийских поселений между устьями Илети и Малой Кокшаги (Никитина, 1999, с. 169) – более 50 км или полтора-два дня пути (по реке, наверное, побольше). От самого северного золотоордынского города Алабуга до самых южных

удмуртских (чепецких) поселений (Иванова, 1999, с. 213)³ не менее 270 км (и не менее недели пути) (рис. 2). То есть, путнику того времени, чтобы добраться до территорий, заселенных собственно золотоордынским населением – носителями «имперской культуры», понадобилось бы потратить на это несколько дней.

Исключение составляют башкирские племена, чья этническая территория для XIII–XIV вв. восстановленная Р.Г. Кузеевым по данным исторической этнографии и топонимии (Кузеев, 1978, с. 149–151), была, как известно, поделена между улусами Бату и Шибана (рис. 2).

Ни один из перечисленных выше элементов «имперской культуры» за пределами собственно территории Золотой Орды, обозначенной соответствующими археологическими памятниками – городами, поселениями, кочевническими курганами и курганными могильниками – не встречается.

Более того, по наблюдениям Г.Ф. Поляковой, детально проанализировавшей изделия из цветных металлов золотоордынского Болгара, здесь представлен практически весь набор украшений и убранства костюма, характерный для евразийских кочевников эпохи Золотой Орды (Полякова, 1996, с. 172, 213, 215). И мы могли бы ожидать, что в продолжение домонгольских культурных связей и влияния Волжской Булгарии на соседние народы региона изделия болгарских ремесленников-ювелиров должны поступать в Волго-Камье и

в период золотоордынского владычества. Однако этого не наблюдается. Напротив, в рассматриваемый период в Прикамье, например, заметно усиливается роль местных мастеров с их ориентацией на технологические и эстетические традиции западных территорий.

И, наконец, еще более выразительную картину дает нам анализ предметов вооружения и конского снаряжения – не менее массовой категории золотоордынской культуры. На ней следует остановиться несколько подробнее. Если керамика – категория повседневности – отражает обыденную жизнь общества и не соотносится, как правило, с социально-политическими нюансами его бытия, то «навязывание» ее «сверху» в принципе едва ли возможно. Поэтому гончарная керамика золотоордынских типов если и проникала в среду местных волгоуральских народов, то спорадически, абсолютно не влияя на технологию изготовления и ассортимент местных традиционных форм.

То же самое можно сказать и об украшениях и деталях костюмного убранства, которые рассматриваются не только как часть материальной культуры, но и как особый символический мир, формирующийся на протяжении многих эпох и органично связанный с эстетическими и мировоззренческими традициями. Изменение последних и внедрение в структуру этого символического мира новых элементов возможно только в результате мощных этнических катаклизмов, меняющих самое этнокультурное содержание данного социума. Чего, как мы знаем, в золотоордынскую эпоху на большей части терри-

³ Правда, Р.Д.Голдина считает, что в XIII в. бассейн Чепцы запустевает (Голдина, 1999, с. 374), но какие-то группы удмуртов там все равно могли остаться.

тории Волго-Уральского региона уже не происходило.

Иное дело вооружение и связанное с ним конское снаряжение – наиболее динамичные и легче всего воспринимаемые категории материальной культуры. И они не могут быть иными, поскольку связаны с главной функцией любого социума – самозащитой. Следовательно, применительно к нашей теме было бы вправе ожидать широкого распространения наиболее эффективного по тем временам золотоордынского вооружения и конского снаряжения по всему Волго-Уральскому региону. Однако и здесь наблюдается картина, аналогичная описанной выше. Наконечники стрел – срезни, являясь наиболее массовым типом вооружения у кочевников Золотой Орды (и характерным элементом «имперской культуры Золотой Орды»), на территориях их соседей – марийцев, удмуртов, мордвы, башкир встречаются крайне редко и в единичных экземплярах. Например, на мордовских памятниках плоские наконечники стрел-срезни (типы 10, 11, 12, 13, по С.В. Святкину) составляют в общей сложности 15 экз. (Святкин, 2001, с. 16 и сл.). В Прикамье, на городищах Иднакар, Анюшкар, Редикарском и Рождественском, найдено всего лишь 26 подобных наконечников, но в условиях, по мнению исследователей этих памятников и авторов соответствующих публикаций, указывающих на попадание их туда в результате боевых действий (Иванова, 1995, с. 14 и 18; 1998, с. 116 и сл.; Белавин, 2000, с. 136).

Вообще, на примере мордовского комплекса вооружения влияние (вер-

нее, отсутствие такового) золотоордынской «паноплии» на вооружение оседлого населения Волго-Уральского региона прослеживается особенно наглядно. Составляя во второй половине XIII – XIV вв., по сути, часть военной машины золотоордынских ханов (подробнее см.: Святкин, 2001, с. 109–114) и являясь особым улусом этого государства (Белорыбкин, 2009, с. 208–210), мордва, тем не менее, не переняла ордынского оружия, продолжая пользоваться традиционными для них копьями-рогатинами и топорами.

Наконец, единственное на территории Приуральской Башкирии крупное местонахождение золотоордынских вещей – Брик-Алга – на поверку оказывается местом разграбления болгарского купеческого каравана во время «ордынской замятни» (Гарустович, Рязанов, Яминов, 2005; Гарустович, 2012, с. 200–203).

Приведенные выше доводы и факты дают основание дополнить тезис Ю.А. Зеленева о золотоордынской культуре как культуре городов следующими скептическими вопросами: первый – можно ли городскую культуру, практически не затронувшую кочевую степь Золотой Орды, трактовать как имперскую? Второй – можно ли культуру кочевой степи, практически индифферентную к городской культуре, трактовать как имперскую? Третий – можно ли вообще говорить о какой-то единой «имперской культуре Золотой Орды»? Четвертый – можно ли наделять Улус Джучи (Золотую Орду) какими-то культуртрегерскими функциями по отношению к соседним территориям? Археология на все эти вопросы дает ответ однозначный – НЕТ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов И.В. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. (историко-археологическое исследование). – Уфа, 2006.
2. *Atlas Tartarica*. – Казань; М.; СПб., 2005.
3. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь, 2000.
4. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. – СПб., 2001.
5. Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. – Пенза, 2003.
6. Белорыбкин Г.Н. Улус Мохши // История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009.
7. Вихляев В.И., Петербургский И.М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999.
8. Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры. – Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 1998.
9. Гарустович Г.Н., Рязанов С.В., Яминов А.Ф. Брик-Алгинское местонахождение XIV века в Башкирском Приуралье. – Уфа, 2005.
10. Гарустович Г.Н. След великой замятни. Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга. – Уфа: «Гилем», 2012.
11. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999.
12. Зеленеев Ю.А. Этнокультурные традиции золотоордынского города // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). – Казань, 2005.
13. Зеленеев Ю.А. Формирование основ материальной культуры Золотой Орды // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. I. – Казань, 2007.
14. Зеленеев Ю.А., Курочкина С.А. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (Результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994–2000 гг.). – Йошкар-Ола, 2009.
15. Иванова М.Г. Городище Иднакар IX–XIII вв.: материалы исследований территории между валами (1989–1992). – Ижевск, 1995.
16. Иванова М.Г. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск, 1998.
17. Иванова М.Г. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999.
18. Измайлов И.Л., Зеленеев Ю.А. Нижнее Поволжье и столицы // История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009.
19. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). – Казань, 2007.
20. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. – Казань, 2002.
21. Крамаровский М.Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009.

22. Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Материальная культура средневекового Предуралья. Часть I. Культура жизнеобеспечения. – Пермь, 2008.
23. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1978.
24. Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V–XVI веках и проблема происхождения чувашского этноса // Болгары и чуваша. – Чебоксары, 1984.
25. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. – М., 1992.
26. Михеева А.И. Керамика поселенческих памятников Марийского Поволжья XIII–XV вв. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). – Йошкар-Ола, 2007.
27. Никитина Т.Б. Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999.
28. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996.
29. Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. – Казань: «Заман», 2003.
30. Святкин С.В. Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н.э. – Саранск, 2001.
31. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. – М.: «Искусство», 1976.
32. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М., 1994.
33. Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в. – Ижевск, 1992.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanych@rambler.ru

THE PROBLEM OF FORMATION OF THE GOLDEN HORDE'S «IMPERIAL CULTURE» AND ITS ROLE AS AN AREA-FORMING FACTOR FOR PEOPLES OF THE URAL-VOLGA REGION

V.A. Ivanov

The problem of formation and existence of a common imperial culture of the Golden Horde and the degree of influence of this state on the culture of neighboring peoples inhabiting the Urals and the Volga regions. The results of the comparison between the culture of the Golden Horde cities and the nomadic steppe population demonstrate significant differences and a very low degree of interpenetration of their traditions. In the material culture of the peoples of the Volga-Kama and the Cis-Urals regions, drawn into the Golden Horde sphere of influence (the Mari, the Udmurts, the Mordvinians, the Bashkirs), the local tradition was kept intact, items produced in the Golden Horde were as rarely met as imported ones, and did not affect the local production of weapons, jewelry, etc. All this makes it possible to conclude that the

Supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Agreement 14.B37.21.0963. Theme of research work: "The role of the states of the Middle Ages and modern era period in the formation of the ethno-cultural map of the South Urals and the Kama river area".

concept of “imperial culture of the Golden Horde” is an artificial one, and its influence on the cultures of the neighboring peoples of the Volga-Ural region cannot be traced on the basis of archaeological materials.

Keywords: archaeology, the Volga-Ural region, the Golden Horde, imperial culture, Golden Horde cities, the nomads, area-forming factor.

REFERENCES

1. Antonov, I. V. 2006. *Etnicheskaia istoriia Volgo-Ural'skogo regiona v XIII – nachale XV vv. (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie) (Ethnic History of the Volga and Ural Region in 13th — Early 15th Centuries: Historical and Archaeological Study)*. Ufa: Institute for Archaeological Studies named after R. G. Kuzeev, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).
2. *Atlas Tartarica. Istoriia tatar i narodov Evrazii. Respublika Tatarstan vchera i segodnia (Atlas “Tartarica”: History of Tatars and Eurasian Peoples. Republic of Tatarstan Yesterday and Today)*. 2005. Kazan; Moscow; Saint Petersburg: “Dizain. Informatsiia. Kartografiia” Publishing Center (in Russian).
3. Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh svyaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
4. Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevskoe Settlement)*. Saint Petersburg; Penza: Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; Penza State Pedagogical University (in Russian).
5. Belorybkin, G. N. 2003. *Zapadnoe Povolzh'e v srednie veka (The Western Volga Region in the Middle Ages)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).
6. Belorybkin, G. N. 2009. In Usmanov, M. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes) III. Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochi Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 208-210 (in Russian).
7. Vikhliaev, V. I., Peterburgskii, I. M. 1999. In Ivanova, M. G. (ed.). *Finno-ugry Povolzh'ia i Priural'ia v srednie veka (Finno-Ugric Peoples of the Volga and Ural Regions in Middle Ages)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute (in Russian).
8. Garustovich, G. N. 1998. *Naselenie Volgo-Ural'skoi lesostepi v pervoi polovine II tysyacheletii nashei ery (Residents of the Volga and Ural Forest-Steppe Area in the First Half of II Millennium AD)*. PhD Thesis. Ufa (in Russian).
9. Garustovich, G. N., Riazanov, S. V., Iaminov, A. F. 2005. *Brik-Alginskoe mestonakhozhdenie XIV veka v Bashkirskom Priural'e (The Brik-Alga Site of the 14th Century in Bashkir Cis-Urals Area)*. Ufa: “Tau” Publ. (in Russian).
10. Garustovich, G. N. 2012. *Sled «Velikoi zamatni». Mestonakhozhdenie XIV veka u derevni Brig-Alga (The Trace of the “Great Troubles”: the 14th Century Site near the Brig-Alga Village)*. Ufa: “Gilem” Publ. (in Russian).
11. Goldina, R. D. 1999. *Drevniaia i srednevekovaia istoriia udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
12. Zeleneev, Yu. A. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (Issledovaniia kul'turnogo nasledii Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ord) (Antiquities of Volga Region: the Middle Ages (Research of the Cultural Heritage of Volga Bulgaria and Golden Horde))*. Kazan: “Shkola” Publ., 163-174 (in Russian).
13. Zeleneev, Yu. A. 2007. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaia arkheologiya evraziiskikh stepei: Materialy Uchreditel'nogo s"ezda Mezhdunarodnogo kongressa (Medieval Archaeology of the*

Eurasian Steppes: Proceedings of Constitutive Meeting of the International Congress) I. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 164-170 (in Russian).

14. Zeleneev, Yu. A., Kurochkina, S. A. 2009. *Zolotoordynskii gorod Sarai al-Dzhedid (Rezultaty arheologicheskikh issledovaniy na Tsarevskom gorodishche v 1994–2000 gg.) (The Golden Horde Medieval City of Saray al-Jadid: Results of Archaeological Investigations in the Tsarev Hillfort in 1994-2000)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

15. Ivanova, M. G. 1995. *Gorodishche Idnakar IX–XIII vv.: materialy issledovaniy territorii mezhdu valami (1989–1992) (Idnakar Hillfort in 9th–13th Centuries: Materials of Studies on the Territory between Walls in 1989-1992)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

16. Ivanova, M. G. 1998. *Idnakar: Drevneudmurtskoe gorodishche IX–XIII vv. (Idnakar: Ancient Udmurt Hillfort of 9th–13th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

17. Ivanova, M. G. 1999. In Ivanova, M. G. (ed.). *Finno-ugry Povolzh'ia i Priural'ia v srednie veka (Finno-Ugric Peoples of the Volga and Ural Regions in Middle Ages)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

18. Izmailov, I. L., Zeleneev, Yu. A. 2009. In Usmanov, M. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes) III. Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochi Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 215-225 (in Russian).

19. Iskhakov, D. M., Izmailov, I. L. 2007. *Etnopoliticheskaia istoriia tatar (III — seredina XVI vv.) (Ethnic and Political History of Tatars in 3rd — Mid-16th Centuries)*. Kazan: "Iman" Publ. (in Russian).

20. Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI — nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th — Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

21. Kramarovskii, M. G. 2009. In Usmanov, M. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes) III. Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochi Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 567-589 (in Russian).

22. Krylasova, N. B., Podosonova, Yu. A. 2008. *Material'naia kul'tura srednevekovogo Predural'ia (Material Culture of Medieval Cis-Urals) I. Kul'tura zhizneobespecheniia (Culture of Life-Support)*. Perm (in Russian).

23. Kuzeev, R. G. 1978. *Istoriicheskaya etnografiia bashkirskogo naroda (Historical Ethnography of the Bashkir People)*. Ufa: "Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

24. Kuzeev, R. G., Ivanov, V. A. 1984. In *Bolgary i chuvashi (Volga Bulgarians and Chuvashes)*. Cheboksary, 3-22 (in Russian).

25. Kuzeev, R. G. 1992. *Narody Srednego Povolzh'ia i Iuzhnogo Urala. Etnogeneticheskii vzglad na istoriiu (Peoples of the Middle Volga and Southern Ural Areas: Ethnic-Genetic Sight on History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

26. Mikheeva, A. I. 2007. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitiie drevnikh sobshchestv. IV Khalikovskie chteniia (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities: 4th Khalikov Readings)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Language, Literature, and History Institute, 311-324 (in Russian).

27. Nikitina, T. B. 1999. In Ivanova, M. G. (ed.). *Finno-ugry Povolzh'ia i Priural'ia v srednie veka (Finno-Ugric Peoples of the Volga and Ural Regions in Middle Ages)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute (in Russian).

28. Poliakova, G. F. 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of Tatarstan, 154-257 (in Russian).

29. Rudenko, K. A. 2003. *Zheleznye nakonechniki strel VIII—XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog (Iron Arrowheads of the 8th—15th Centuries from Volga Bulgaria. Studies and Catalogue)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

30. Sviatkin, S. V. 2001. *Vooruzhenie i voennoe delo mordovskikh plemen v pervoi polovine II tys. n.e. (Armament and Warfare of Mordovian Tribes in the First Half of II Millennium AD)*. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev (in Russian).

31. Fyodorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov (Art of Nomads and Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

32. Fyodorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

33. Shutova, N. I. 1992. *Udmurty XVI – pervoi poloviny XIX v.: po dannym mogil'nikov (Udmurt People in 16th – First Half of 19th Centuries: by the Data of Burial Grounds)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurt Research History, Language, and Literature Institute (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. October Revolution St., 3a, Ufa, 450000, Russian Federation; ivanov-sanych@rambler.ru

КОЧЕВНИКИ В БУЛГАРСКОМ УЛУСЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)

© 2013 г. К.А. Руденко

Статья посвящена могильникам кочевников второй половины XIV в., исследованных на территории Татарстана в 1960–1990 гг. Они расположены двумя группами: первая группа находится у города Болгара, вторая – рядом с городом Джукетау. С этими могильниками связаны расположенные рядом поселения. Наиболее значительными для исследования присутствия кочевников в Булгарском улусе являются могильники Песчаный остров и Балымерские курганы. Отдельные погребения кочевников были обнаружены на кладбищах Болгара и некоторых других могильниках оседлого населения. Приводятся данные о погребальном обряде и инвентаре кочевнических захоронений, а также результаты палеоантропологических исследований погребенных. Синхронность рассмотренных комплексов и сходство вещевого материала позволяют предполагать, что они составляют единый этнокультурный комплекс, связанный с кипчакским населением. Установлено, что кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды находились в тесном контакте с коренным населением этого района.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Булгарский Улус, средневековье, кочевники, булгары, кипчаки, погребальный обряд, палеоантропологические исследования.

До недавнего времени археологические свидетельства присутствия кочевого населения на территории Волжской Булгарии в XIII–XIV вв. были практически не известны. В 1960–1970-х годах были исследованы отдельные позднекочевнические погребения – одно на мусульманском Рождественском могильнике (Генинг и др., 1962, с. 82), второе – на Лебединской стоянке (Археологические, 1988, с. 20, № 80) (рис. 1: 3, 4; 2: 1–8). В начале 1960-х годов раскопано несколько курганов на Балымерском I могильнике (рис. 1: 2) (Халикова, 1965, с. 110–116; Руденко, 2009, с. 282–294). В эти же годы на мусульманских некрополях Болгарского городища Поволжской археологической экспедицией под руководством А.П. Смирнова были открыты единичные захоронения кочевников (Ефимова, 1974, с. 28) (рис. 1: 1).

В 70-х годах XX в. широкие исследования археологических памятников в восточных районах Татарстана под руководством Е.П. Казакова открыли культуру средневековых угорских кочевников (чияликская культура), находившихся в тесном взаимодействии с булгарами в XIII–XIV вв. (Казаков, 1978). Наиболее полно были исследованы Азметьевский и Такталачукский могильники (рис. 1: 8, 9) этой культуры. Здесь же был открыт полностью разрушенный Байрякитамакский могильник (рис. 1: 10; 2: 9–15) принадлежавший кипчакам (Казаков, 1978, с. 93–96). Захоронение кочевника (кипчака) было открыто на Камаевском городище (Фахрутдинов, 1984, с. 144, рис. 25) (рис. 1: 7).

Ключевым памятником позволившим обозначить в целом проблему кочевого и оседлого населения в Булгарском Улусе Золотой Орды стал

Песчаностровной могильник в Алексеевском районе Татарстана (рис. 1: 6), исследованный в 1992–1994 гг. под руководством К.А. Руденко (1999, с. 61–76). Он был изучен полностью, вскрыта площадь 2 115 кв.м. (рис. 3; 4: 7). Еще одно разрушенное кочевническое захоронение было обнаружено поблизости от этого могильника в 2002 г. (рис. 1: 5).

Песчаностровной могильник интересен тем, что он в отличие от многих других позднекочевнических некрополей имеет достаточно узкую датировку, основанную на стратиграфии археологического комплекса, частью которого он является. Остановимся на этом подробнее. Культурные отложения (рис. 3: 3) комплекса на острове Песчаный делятся на два

слоя. Первый слой – темно-серая супесь, более гуммированная в верхней части, имеет мощность 20–45 см. Он отложился в раннезолотоордынский период в конце XIII – первой половине XIV в. Второй (нижний) слой относится к эпохе поздней бронзы – началу раннего железного века (Руденко, 1998, с. 60–71).

К верхнему горизонту первого слоя (вторая половина XIV в.), сильно нарушенному пахотой, относится дневной уровень 15 позднекочевнических погребений (табл. А). Некоторые из захоронений «прорезали» котлованы жилых и хозяйственных построек селища, ко времени функционирования могильника уже прекратившего свое существование. Причем западины от этих построек были заметными в мо-

Таблица А.

Характеристика погребений могильника Песчаный остров

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1				ЮЗ							+				+		
2	75	190	75	ССЗ	?					+			+		+		+
3	55	165	65	З	+		+					+			+		
4	80	190	75	СВ		+		+						+		+	
5	60	190	35	З	+			+				+			+		+
6	50	160	75	З	+			?				+			+		+
7	45	140	65	З	+			+				+			+		
8	75	210	60	С	+		+					+			+		+
9	40–45	166	95	З	+		?					+			?		
10	40	155	85	З	+			+				+			+		
11	–	–	50	З								+					+
12	55	200	90	ЮЮЗ	+				+			+			+		+
13	30	80	68	З	?		+					+				+	
14	100	160	78	З (СЗ)	+		+					+			+		
15	100	50	35	С													–

Обозначения заголовков: 1 – № погребения; 2 – ширина могильной ямы (см.); 3 – длина могильной ямы (см.); 4 – глубина могильной ямы (см.); 5 – ориентировка погребенного; 6 – положение погребенного – на спине; 7 – положение погребенного – на боку; 8 – руки вытянуты вдоль туловища; 9 – руки скрещены на поясе; 10 – правая рука вытянута вдоль туловища, левая на тазовых костях; 11 – левая вытянута вдоль туловища, правая на тазовых костях; 12 – положение рук не установлено; 13 – ноги вытянуты; 14 – ноги скрещены; 15 – ноги согнуты в коленях; 16 – череп обращен лицевой частью вверх; 17 – череп повернут лицевой частью на правый бок; 18 – инвентарь.

мент совершения захоронений и, очевидно, использовались сознательно, что бы упростить процедуру выкапывания котлована могильной ямы.

Поскольку это поселение не было единственным в этом микрорегионе, то возникает вопрос: что оно из себя представляло и имеет ли какое-либо отношение к могильнику? По результатам раскопок обозначилась такая картина. Выявленные в первом слое остатки построек располагаются тремя группами (рис. 4: 7). Первая группа включает в себя наземное жилище с глинобитным полом, внутри которого находилась небольшая хозяйственная яма (соор. 1 раскопа I) и подсобные сооружения хозяйственного назначения, незначительно углубленные в землю (яма 1 раскопа VI). Вторая группа построек состоит из полуземляночной постройки (соор. 1 раскопа II), ям 2, 3, постройки 2 раскопа II, а также ям 1, 3, 7, 10 раскопа VIII. Восточную границу этой группы сооружений определяют несколько круглых ямок от столбов ограды средневекового времени. Третья группа включает в себя основной массив хозяйственных сооружений раскопов II, III, IV и стационарное срубное жилище с глубоким подполом, перекрытым деревянным полом, с кирпичной печью (соор. 1 раскопа III).

Застройка селища была усадебного типа (рис. 4: 7). Усадьбы включают в себя жилую постройку, причем в двух случаях к ней примыкают хозяйственные сооружения, а также расположенные в ряд зерновые (?) ямы и небольшие амбары с углубленными на 1,5–1,7 м ямами-кладовками. Последние имели деревянное перекрытие и каркасно-столбовую конструкцию стен. Количество зерновых ям состав-

ляет 6–7 на каждой усадьбе. В целом площадь усадьбы была от 1 400 до 2 000 кв.м.

Вещевой материал представлен фрагментами круговой (рис. 4: 3), так и лепной (подправленной на круге) керамики (рис. 4: 2, внизу) XVIII этнокультурной группы по Т.А. Хлебниковой (Хлебникова, 1988, с. 36–37, рис. 21). Интересно, что среди находок на селище в культурном слое и в постройках встречаются бронзовые зеркала (рис. 4: 1) и фрагменты чугунных котлов. Кроме них здесь найдены железные ножи, навесные замки, гвозди, скобы, медная блесна, бусы из стекла, глиняные прясла, фрагменты жерновов и т.п.

Перед нами вырисовывается мир оседлого сельского поселения, население которого вело хозяйство, основанное на земледелии и скотоводстве. Osteологический материал показывает, что разводили здесь лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Такой вещевой комплекс не характерен для расположенных рядом поселений – Дамба I–III; Разбойничий остров; остров Восточный (Руденко, 1999, рис. 5; 6). При этом они в большинстве своем функционировали чуть позже – во второй половине XIV в., то есть были синхронны могильнику Песчаный остров.

Могильник является самым поздним объектом на Песчаном острове. По плану раскопов (рис. 5) видно, что погребения расположены группами, возможно, над ними была земляная насыпь¹ (до распашки и подтопления Куйбышевским водохранилищем). Часть захоронений в западной части

¹ Насыпь, вероятно, была невысокой, так, например, насыпи курганов в Балымерах были высотой около 30–35 см.

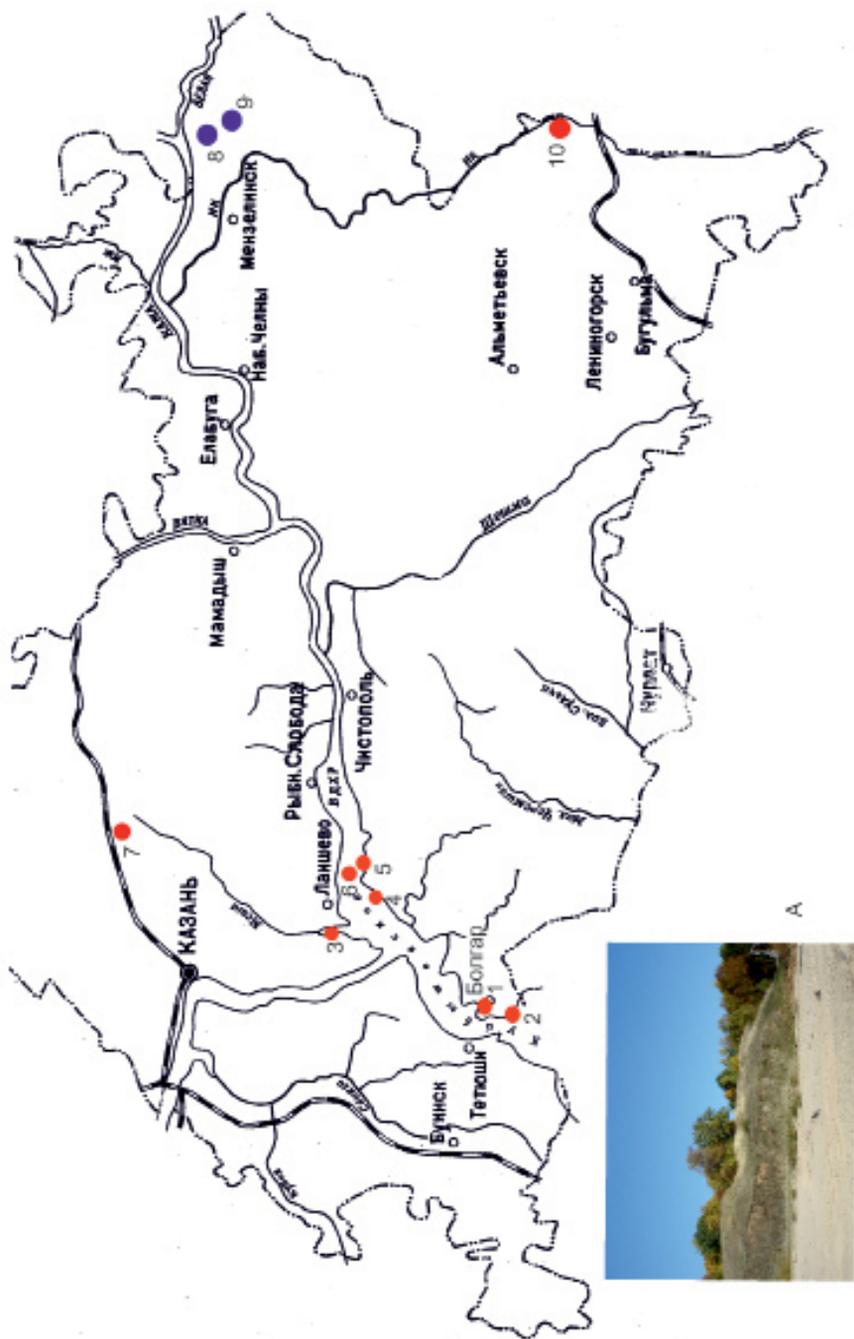

Рис. 1. Карта расположения могильников и отдельных захоронений поздних кочевников на территории Татарстана. 1 – Болгарское городище; 2 – Бальмерские курганы; 3 – Рождественское захоронение (Рождественский могильник); 4 – Лебединское погребение; 5 – Алексеевское захоронение; 6 – могильник Песчаный остров; 7 – Камаевское городище; 8 – I Азметьевский могильник; 9 – Такталаучский могильник; 10 – Байрякитамакский могильник. А – вид на Бальмерский могильник. Фото К.А. Руденко. 2006 г.

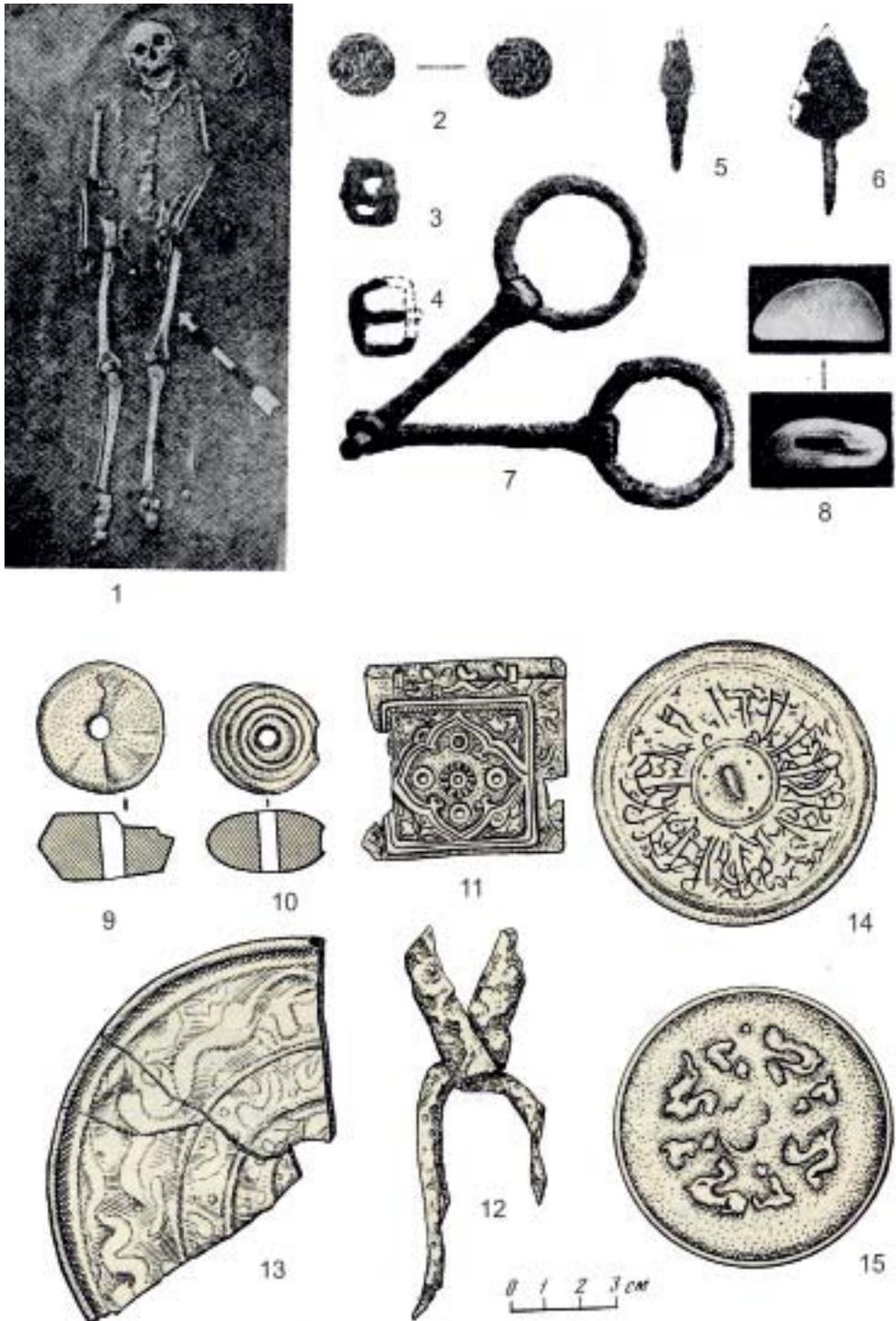

Рис. 2. Погребение 18 Рождественского IV могильника: 1 – план, 2–8 – инвентарь (Генинг и др., 1962, табл. XXXIII); 9–15 – инвентарь погребений Байрякитамакского могильника (Казаков, 1978, рис. 47).

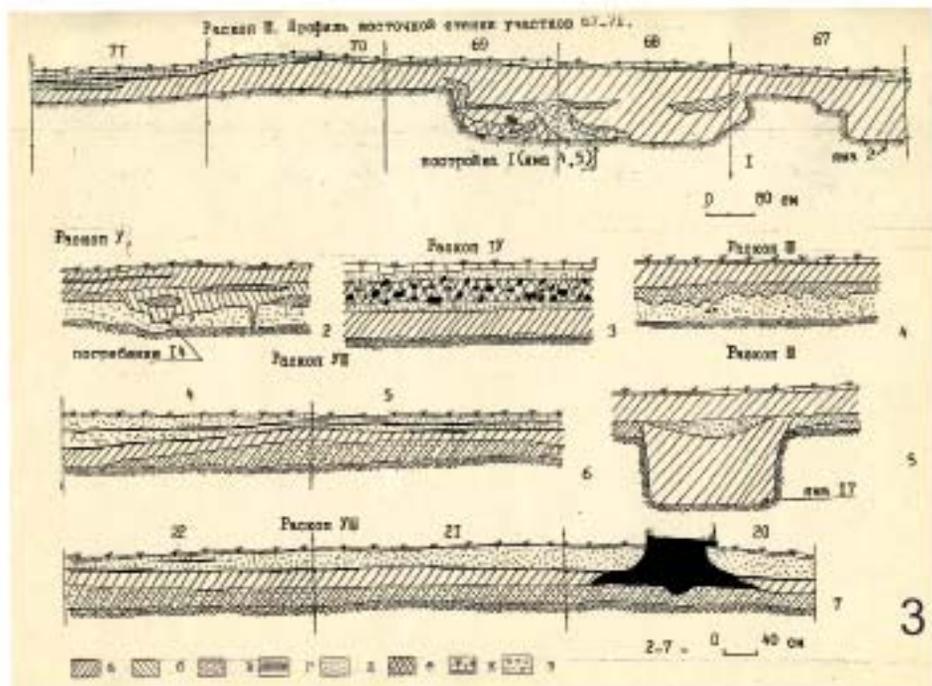
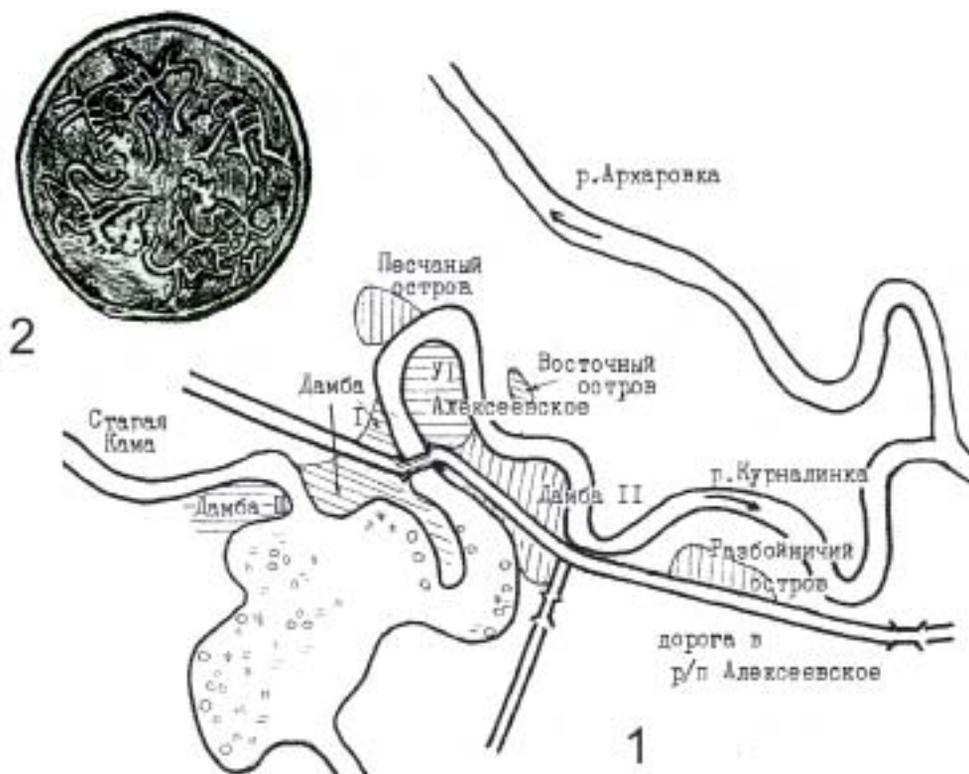

Рис. 3. 1 – схема расположения археологических памятников Курналинского микрорегиона; 2 – бронзовое зеркало из Алексеевского погребения (по А.С. Губину и Т.Н. Писареву); 3 – стратиграфия культурных отложений на Песчаном острове.

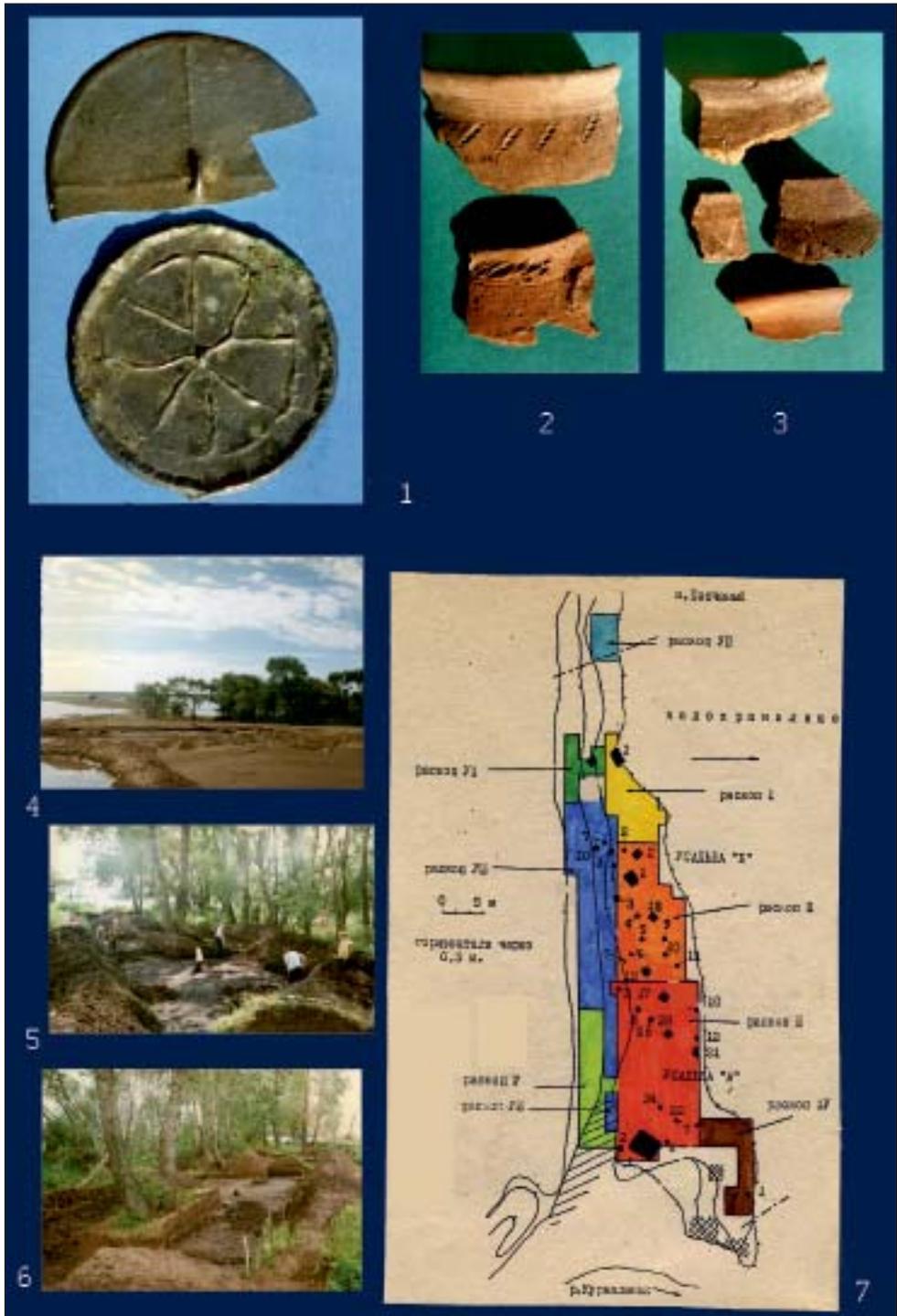

Рис. 4. Селище Песчаный остров. 1 – зеркала из культурного слоя и постройки; 2, 3 – керамика; 4, 5, 6 – вид на Песчаный остров и раскопы. Фото К.А. Руденко, 1994 г.; 7 – схема расположения построек селища Песчаный остров с указанием раскопов.

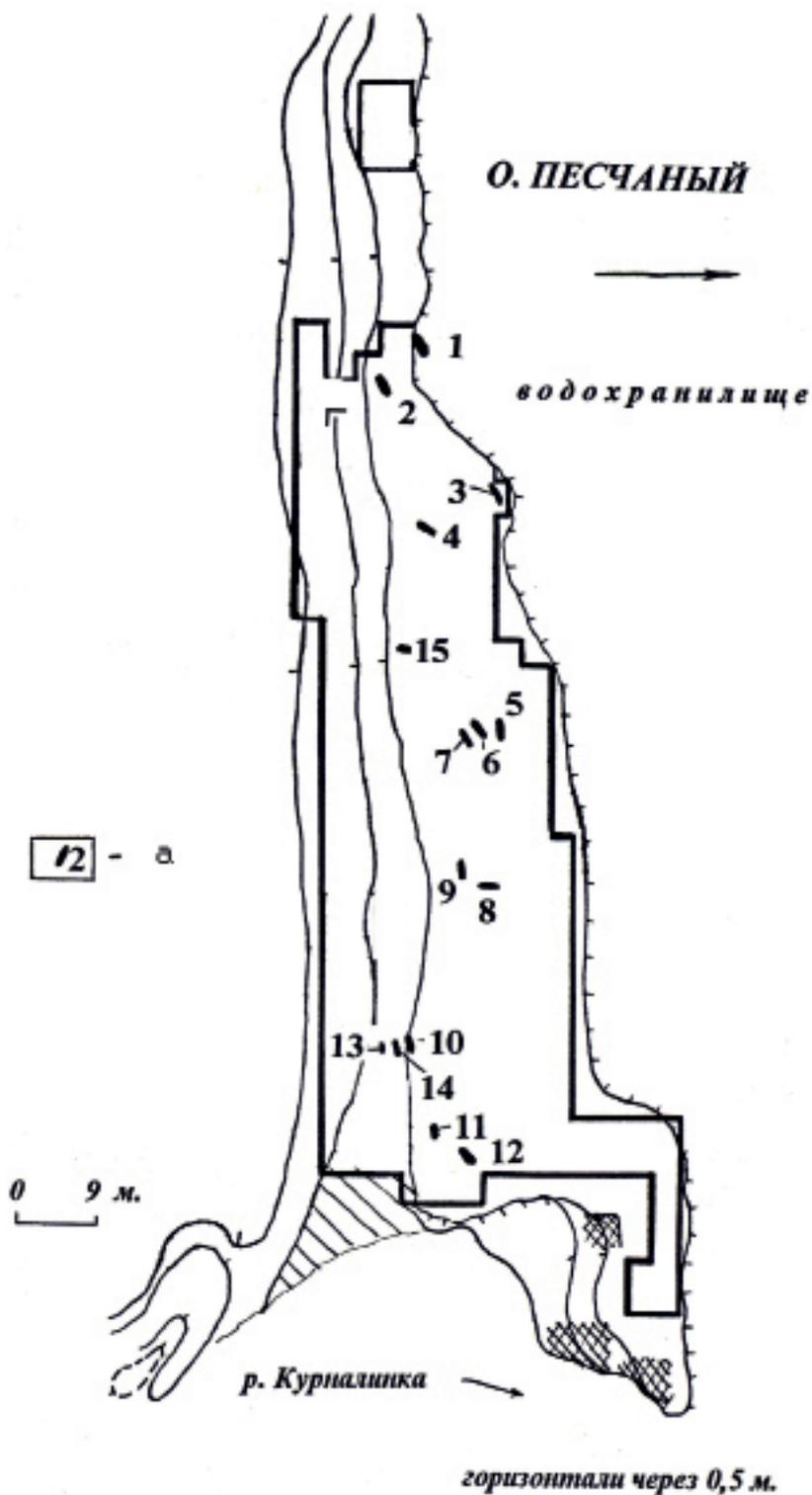

Рис. 5. Схема расположения погребений песчаноостровного могильника;
а – погребения с указанием порядкового номера.

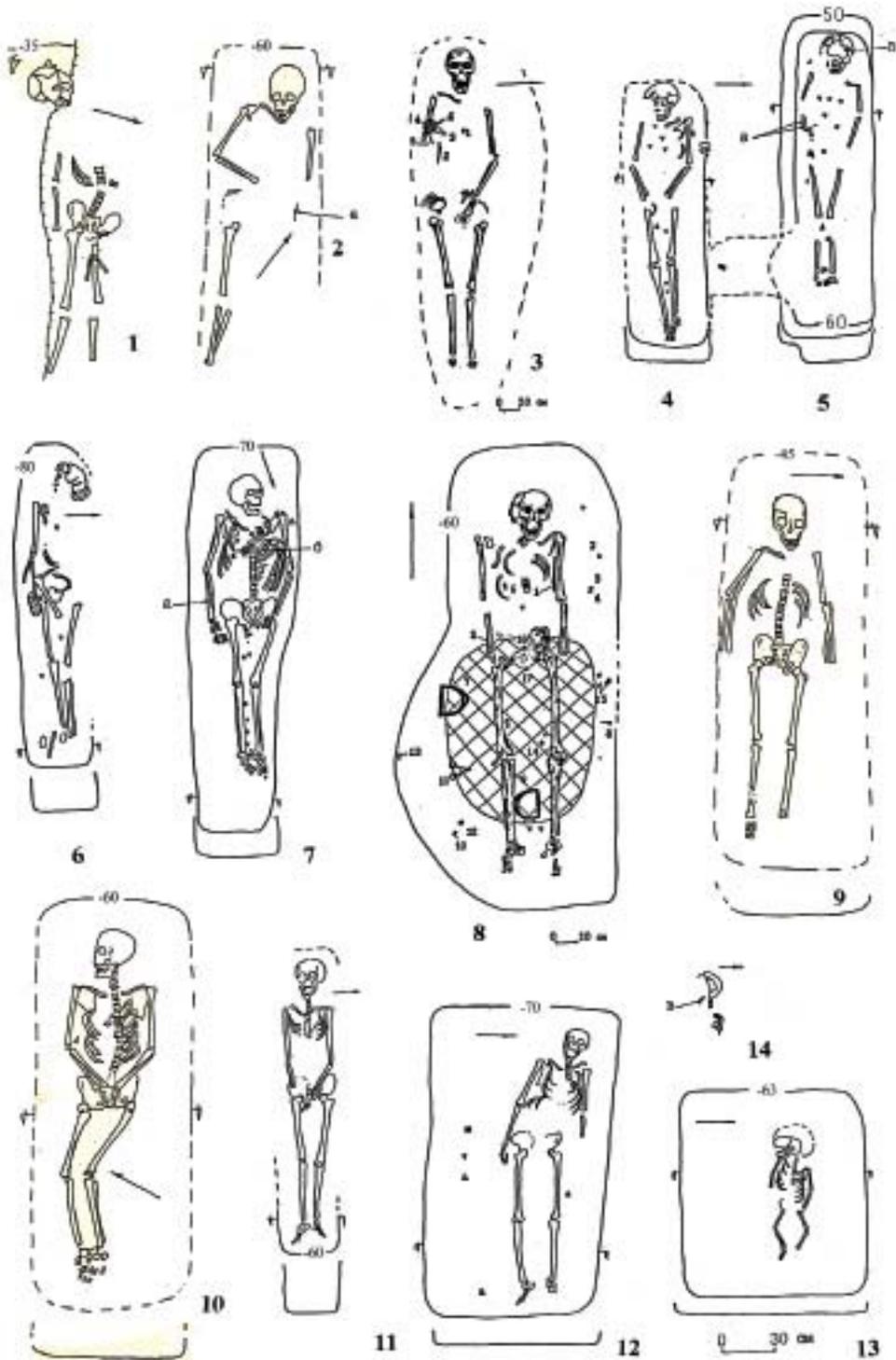

Рис. 6. Планы погребений могильника Песчаный остров. 1 – п. 1; 2 – п. 2 (а – железный нож); 3 – п. 5; 4 – п. 7; 5 – п. 6 (а – бронзовое украшение); 6 – п. 9; 7 – п. 12 (а – бронзовый тлен, б – череп собаки); 8 – п. 8; 9 – п. 3; 10 – п. 4; 11 – п. 10; 12 – п. 14; 13 – п. 13; 14 – п. 11 (в – латунный браслет).

Рис. 7. Погребение 5 могильника Песчаный остров. 1 – план, 2–6 – инвентарь, 8 – графическая реконструкция внешнего облика погребенной женщины.

Автор реконструкции Т.С. Балуева. Инвентарь: 2 – костяная игольница (№ 5 по плану погребения); 3 – шило с деревянной рукоятью (№ 6); 4 – медная накладка (№ 1); 5 – железный нож (№ 2); 6 – бронзовое зеркало (№ 4); 7 – ткань с окислами меди, в которую было завернуто зеркало.

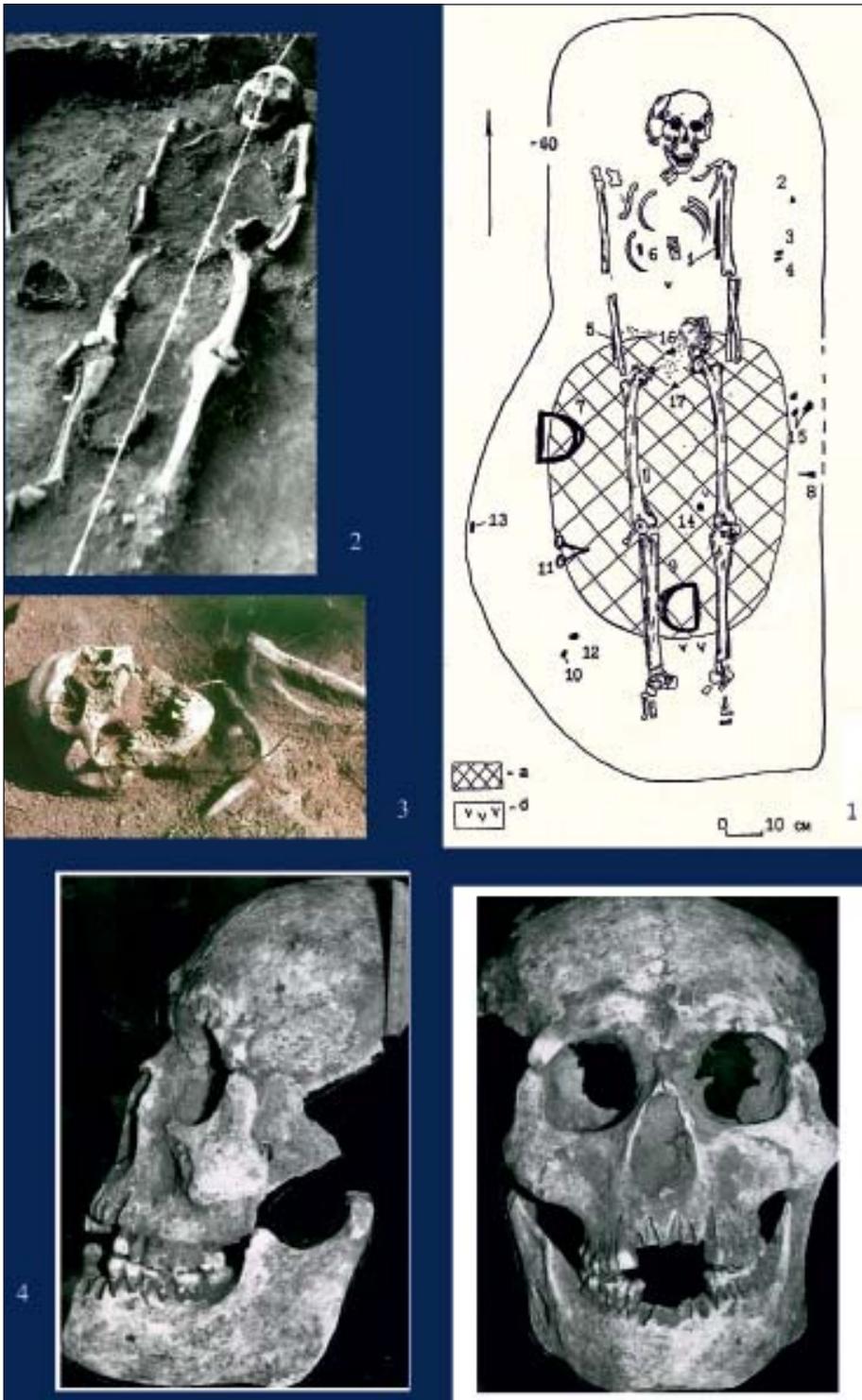

Рис. 8. Погребение 8 могильника Песчаный остров. 1 – план, а – прокол, б – уголь; 1, 5 – нож, 6 – часть железного предмета, 7, 9 – стремена, 11 – удила, 15 – кремни, остальное – фрагменты керамики. 2 – вид на погребение в процессе расчистки; 3 – череп погребенного (деталь); 4 – череп из погребения. Фото К.А. Руденко, 1994 г.

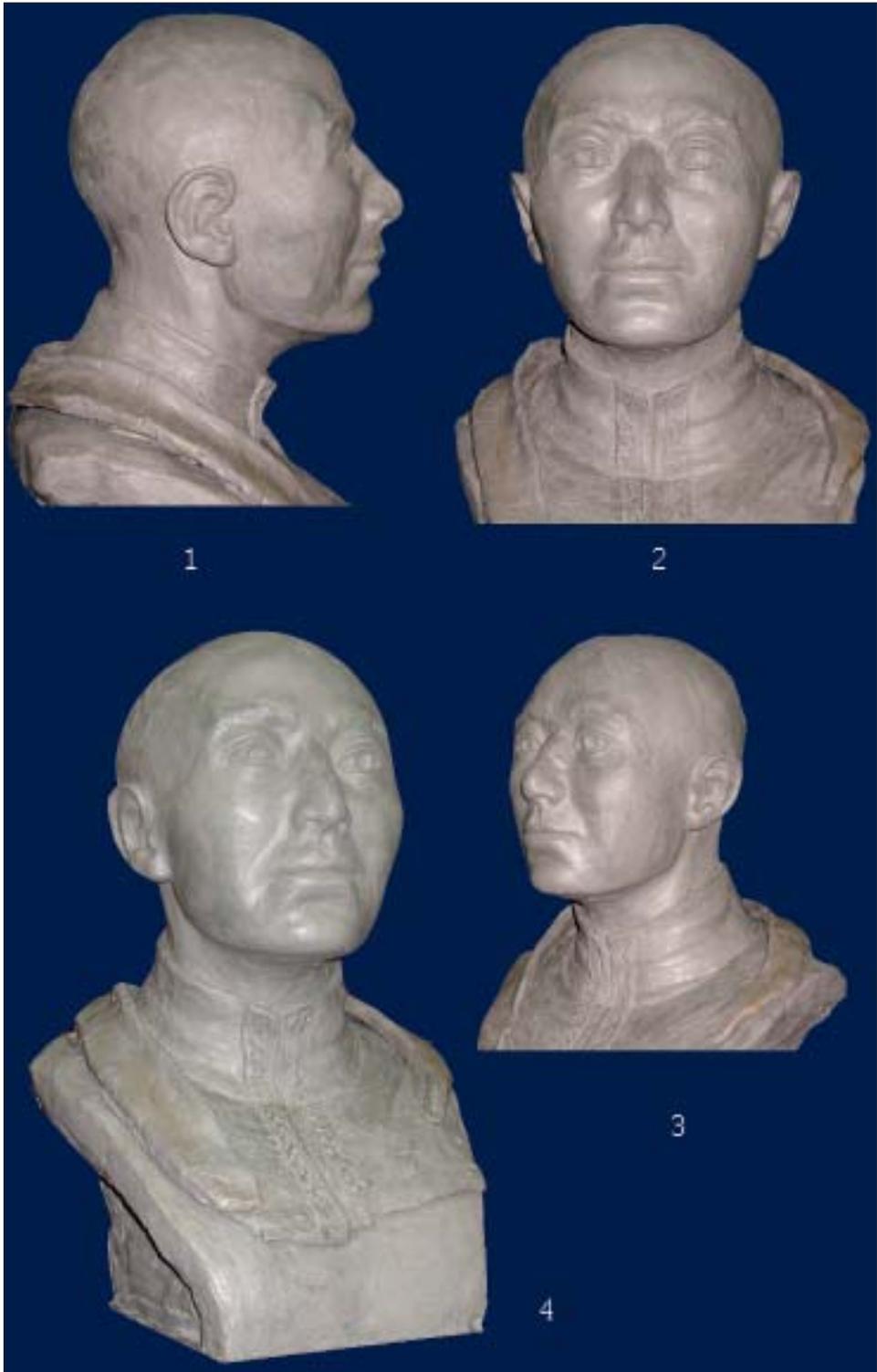

Рис. 9. Скульптурная реконструкция по черепу внешнего облика умершего (из разрушенного погребения). Автор реконструкции Т.С. Балуева. 1999 г.

Рис. 10. Скульптурная реконструкция по черепу внешнего облика умершего (из разрушенного погребения). Автор реконструкции Т.С. Балуева. 1999 г.

останца была разрушена водохранилищем. Из них происходят два целых черепа и два фрагментированных (сохранилась только лицевая часть). В предшествующее раскопкам время на побережье острова было найдено не менее трех черепов, также из разрушенных погребений. Здесь же находили и кости от человеческих скелетов. Точно установить общее количество захоронений этого могильника сейчас затруднительно, но учитывая данные по разрушенным захоронениям, общее количество погребений было не менее 25.

Среди изученных на раскопах погребений (рис. 6) выделяются захоронения с инвентарем (№№ 2, 5, 6, 8, 12) – 33% и без него (№№ 1, 3, 4, 7, 9, 10, 11, 13, 14, 15) – 67%. Первые характеризуются западной, иногда с отклонением к северу (в одном случае северной и в одном – восточной), ориентацией могильных ям, невыдержанностью размеров котлованов и глубины захоронений (что, может быть, отчасти сезонным явлением). Умершие были похоронены в простых ямах с плоским дном и вертикальными стенками. Небольшой уступчик прослежен в погребении № 6 (рис. 6: 5), ниша-подбой имела в погребении № 8 (рис. 6: 8).

Черепки погребенных были обращены лицевой частью вверх, иногда с небольшим поворотом к западу. Выделяется погребение 8 с северной (рис. 6: 8; 8: 1) и погребение 2 с северо-северо-западной (рис. 6: 2), погребение 4 с восточной (рис. 6: 10) и погребение 12 с юго-западной ориентировкой (рис. 6: 7).

Вещи, найденные в захоронениях, достаточно типичны для кочевников: ножи (пп. 2, 5, 8), шило с деревянной

рукоятью (п. 5), костяная игольница (п. 5), стремя и удила (п. 8), медные накладки (пп. 5, 6), бисер (п. 5), пластинчатый браслет (над п. 11), изделия из бронзы (пп. 6, 12) и железа (п. 8), бронзовое зеркало (п. 5)².

В погребениях без вещей умершие, как правило, положены головой на запад. Лицевая часть черепа обращена вверх, в одном случае с небольшим поворотом к западу. Глубина могильных ям различна, но не превышает 78 см от современной поверхности. Несколько отличается захоронение 4 (рис. 6: 10), где погребенный, ориентированный головой на восток – северо-восток, лежал на правом боку. Ноги его были согнуты в коленях, руки сложены на поясе. Достаточно часто фиксируется положение рук сложенных на животе (пп. 4, 7, 10).

Из особенностей погребального обряда следует выделить использование обжига стенок и дна могильных ям (пп. 8, 9), конечно, за исключением тех случаев, когда это применялось для отогрева замерзшей земли. О таких особенностях сезонных захоронений свидетельствует, например, погребение № 2 (рис. 6: 2), могильная яма которого была настолько узкой и выкопана так неровно, что ноги умершей (захоронение женское) оказались на 8–10 см ниже остальных частей скелета, причем их пришлось буквально втискивать в узкую яму (кости голени при расчистке оказались лежащими плотно друг к другу). В большинстве могил встречаются мелкие угольки (как в засыпи, так и на дне котлована), что позволяет предположить, что это следы какого-то ритуала, связанного

² Описание предметов из могильника и их аналогии см.: Руденко, 1994; 1998.

с огнем. Особенности положения костяков и засыпи могилы (скопление мелких угольков над погребением, более темный цвет верхней части заполнения котлована и др.), не исключают возможности использования деревянных перекрытий котлованов. Несомненно, ритуальным действием следует считать захоронение вместе с умершим (п. 12) верхней части черепа собаки (рис. 6: 7).

Близко сведенные кости ног (пп. 6, 7, 9, 12; рис. 6: 4, 5, 7, 11) наводят на мысль, что ноги погребенных в ряде случаев могли быть связаны. Умершие хоронились в одежде, о чем говорят найденные в погребениях № 6 и 12 остатки бронзовых украшений или деталей одежды. Предметы в женском захоронении (п. 5), судя по компактному расположению, находились в мешочке у локтя правой руки. В мужском захоронении (п. 8) бытовые предметы (ножи и т.п.) были положены у правой и левой руки. На берцовых костях (судя по расположению предметов), вероятно, лежало деревянное седло со стременами, попоной и уздечкой с удилами. Отметим, что в балымерских курганах расположение погребального инвентаря иное: вещи укладывались чаще всего у головы, на груди (рис. 11: б, г, 2) или в ногах (рис. 12: А/б).

Отметим и некоторые особенности антропологии данного могильника (см. приложение). По половозрастному составу из 15 индивидуумов – 46% мужчин; 33% – женщины (из них 40% неполовозрелых); 20% – дети. По облику 50% из них имело европеоидную внешность (рис. 7: 7; 9; 10); остальные с признаками монголоидности. В качестве примера последнего признака отметим захоронение 8, где был по-

гребен мужчина с выраженными монголоидными чертами лица (рис. 8: 3).

Захоронения 5, 6, 7 составляют единый погребальный комплекс (курган?), поскольку котлованы погребений 6 и 7 в восточной части соединились небольшой канавкой (рис. 6: 4, 5), в которой находился зуб лошади (?). Судя по расположению (рис. 5), глубине и находившимся в них вещам (одинаковые штампованные накладки, см. рис. 7: 4), они связаны с погребением 5. Кроме того, погребения 13, 14 и, вероятно, 10 имеют один общий котлован (рис. 5; 6: 11–13).

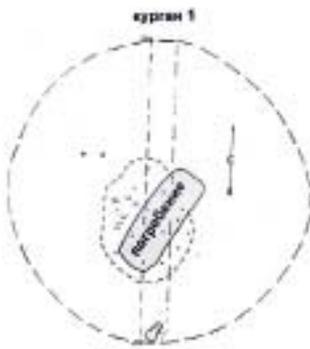
Среди захоронений выделяются погребения 5 и 8, имевшие разнообразный инвентарь. Рассмотрим их. Погребение 5 (рис. 7) – женское, 20–29 лет. Глубина – 35 см. Костяк выявлен на глубине 25 см. Могильная яма не прослеживалась. Погребенная женщина, ориентированная головой на запад, лежала вытянута на спине. Череп располагался лицевой частью вверх. Руки согнуты в локтях и, видимо, скрещены на поясе. У правого плеча расчищены: металлическое зеркало (рис. 7: 6), костяная игольница со спекшимися в сплошную массу железными иглочками внутри (рис. 7: 2) и две бусины (бисер). Несколько ниже лежал железный нож (рис. 7: 5) и железное шило с деревянной рукоятью (рис. 7: 3). На груди находилась бронзовая штампованная накладка с отверстиями (рис. 7: 4). Зеркало было завернуто в кусок тонкого полотна и вложено в кожаный (?) чехольчик. Края последнего были прошиты тонкими нитками. Под чехлом зафиксированы остатки грубой материи (рис. 7: 7) и клочок черных густых волос. Остатки ткани выявлены и на лезвии ножа.

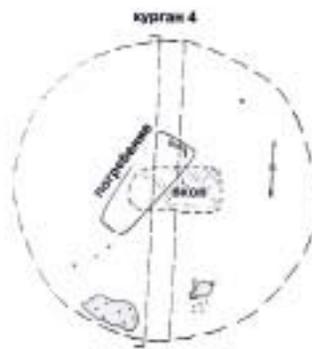
1

2

курган 1

курган 4

в

0 50 см

в

3

курган 1; глубина 110 см.

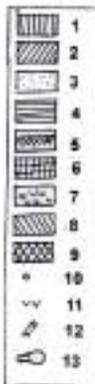

б

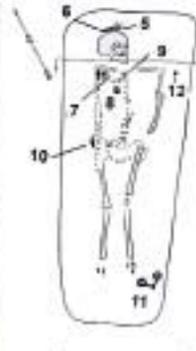

70 см

0 40 см

курган 4; глубина 90 см.

г

50 см

4

Погребение 8 (рис. 8) – мужское, 35–45 лет. Глубина – 65 см. Могильное пятно неправильной формы (210 x 80 см) выявлено на глубине 40–45 см. В нем встречались линзы глинистого пестроцвета, угли и углистые скопления. В западной части котлована сделана небольшая ниша (подбой). Погребенный, ориентированный головой на север, лежал вытянуто на спине (рис. 8: 2). Череп располагался на затылке лицевой частью вверх (рис. 8: 3). Лицо слабопрофилированное (рис. 8: 4). Руки находились вдоль туловища, ноги параллельно друг другу. Стопы развернуты в разные стороны (рис. 8: 2). У левого плеча с внутренней стороны лежал длинный железный нож острием на север. Обломок железного предмета найден в районе груди (правая сторона). Еще один нож расчищен у правого предплечья. В нише у правого бедра лежало железное стремя, чуть южнее – кольчатые удила. Второе стремя обнаружено между голенными костями. Дно могильной ямы плоское и обожженное, особенно в центре котлована, где материковый песок от огня приобрел кирпично-красный цвет. В засыпи погребения встречены угольки и кремневые сколы, последние четко соотносятся с норами мелких грызунов.

Анализ вещевого инвентаря этих захоронений не противоречит стратиграфической дате могильника, хотя имеет более широкие рамки бытования – XIV в.

Могильник Песчаный остров был одним из нескольких подобных ему, располагавшиеся в этой местности. Все они, скорее всего, были подкурганскими. В 1960-х годах небольшие курганы были зафиксированы Т.А. Хлебниковой на склоне надлуговой террасы у с. Мокрые Курналы. В 1970–1980-х годах они были полностью распаханы. В 1987 г. безинвентарное захоронение исследовано Е.П. Казаковым на северо-восточной окраине этого же села. Оно было ориентировано на запад. В засыпи был обнаружен железный гвоздь (Казаков, Руденко, 2004, с. 107).

В начале 2000-х годов на западной окраине р.п. Алексеевское было зафиксировано кочевническое женское захоронение (рис. 1: 5) (Губин, Писарев, 2004, с. 80–81). Рядом были найдены человеческие кости из разрушенных погребений. Захоронение находилось на глубине 110 см от поверхности и было ориентировано на север с отклонением к западу. Чуть ниже черепа с левой стороны была положена нижняя челюсть овцы. В районе таза

Рис. 11. Бальмерские курганы. Планы курганов: № 1 (а), № 4 (в) и погребений: к1/1 (б) и к4/1 (г) (по Е.А. Халиковой). Условные обозначения: 1 – дерн, 2 – коричневатосерая супесь (насыпь кургана), 3 – желто-серая супесь (выкид из ямы), 4 – серая супесь с пигментными пятнами (погребенная почва), 5 – материковый песок, 6 – пестроцвет (заполнение позднего вкопа), 7 – песок с интенсивными углистыми включениями и прокалом (следы тризны), 8 – темная гуммированная супесь, 9 – заполнение могильной ямы, 10 – керамика, 11 – угли, 12 – кости; 13 – череп лошади. б – план погребения кургана № 1: 1 – железное шильце; 2 – зеркало; 3 – бусины; 4 – ножницы; г – план погребения кургана № 4: 1 – кресало; 2 – нож; 3 – наконечники стрел; 4 – пряжка; 5 – медная пуговица; 6 – наконечник стрелы; 7 – удила; 8 – кусок железа. 1 – профиль бровки кургана № 5; 2 – вид на погребение к4/1 с юга; 3 – могильное пятно погребения к4/1 при зачистке, вид с юга; 4 – вид на погребение к4/1 с юга. Фото И.С. Вайнера. 1961 г. Публикуется впервые.

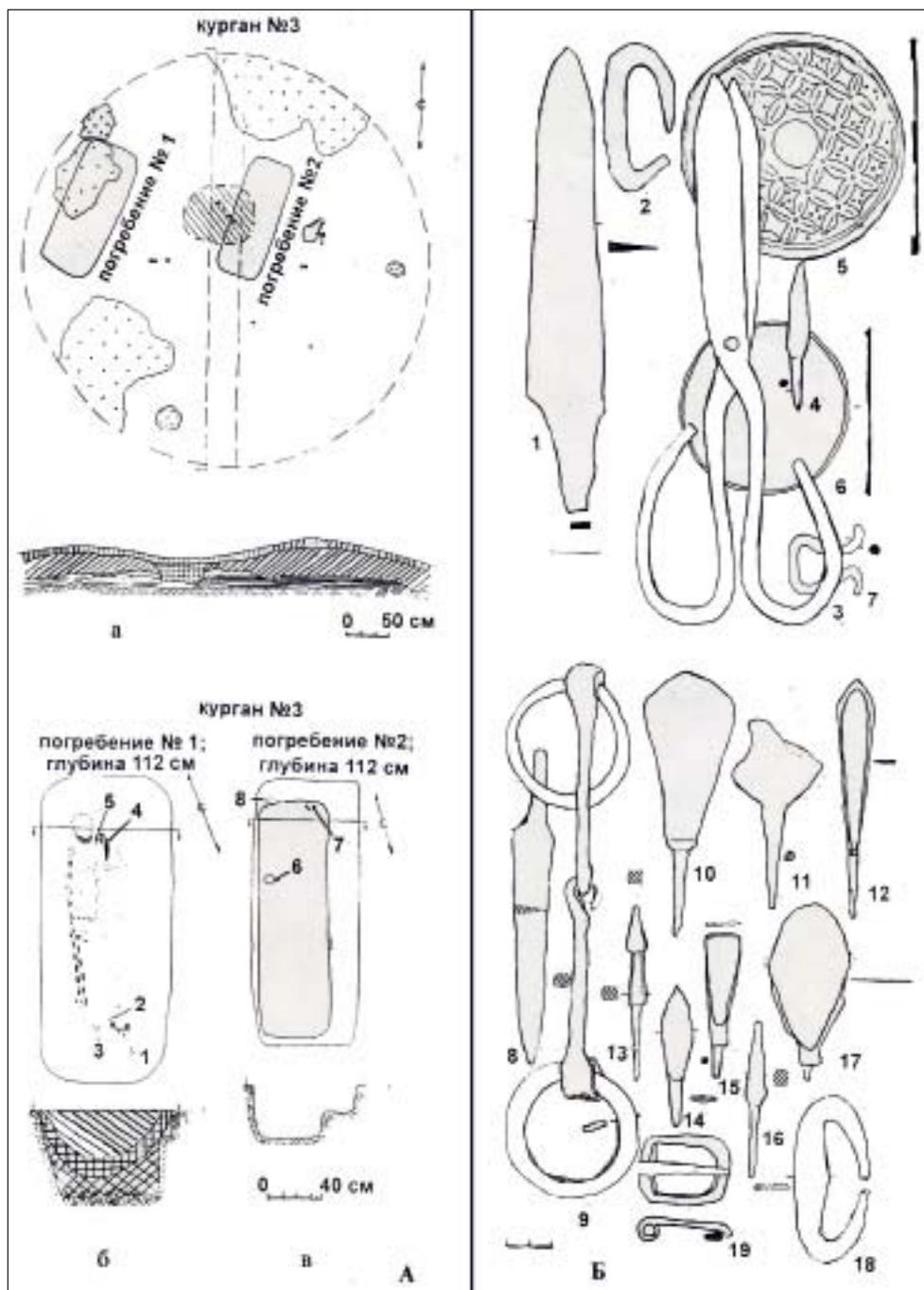

Рис. 12. Бальмерские курганы. А – план кургана № 3 и погребения в нем. Б – инвентарь мужских и женских погребений (1–4, 7–18 – железо; 5, 6 – бронза). б – погребение 1 кургана № 3: 1 – удила; 2 – железная пряжка; 3 – фрагмент керамики; 4 – нож; 5 – кресало; в – погребение 2 кургана № 3: 1 – бронзовое зеркальце; 2 – железное шило; 3 – бисер. Б: 1–к3/1; 2–к3/1; 3–к1/1; 4–к1/1; 5–к1/1; 6–к3/2; 7–к3/1; 8–19–к4/1.

Рис. 13. Балымерские курганы. Предметы из мужских (1–9) и женских (10) погребений. НМ РТ, инв. № 14365-38. 1–9, 11 – к4/1; 10 – к.1/1. Фото М. Багаудинова.

у левого бока были найдены железные ножницы и бронзовое зеркало. Зеркало диаметром 7,5 см, с небольшим подтреугольным бортиком было украшено схематическими изображениями крылатых существ (рис. 3: 2).

По времени совершения захоронений песчаноостровному могильнику соответствует погребение 18 на Рождественском IV могильнике с монетой 1357 г. (Генинг и др., 1962, с. 82) (рис. 1: 3; 2: 1–8). Рождественское погребение имеет свои особенности. Умерший, ориентированный головой на северо-восток, лежал вытянуто на спине, левая рука согнута в локте (рис. 2: 1). Слева от черепа находились железная пряжка и удила (рис. 2: 3, 4), справа – халцедоновое навершие сабли (?) (рис. 2: 8). У локтя правой руки лежала железная пряжка (рис. 2: 4), между ног – серебряная монета (рис. 2: 2); слева у пояса – три железных наконечника стрел (рис. 2: 5, 6).

От захоронений Песчаного острова рождественское погребение отличается наличием предметов вооружения, причем удила здесь совершенно аналогичны удилам из погребения 8 Песчаного острова. Положены последние не у ног, а у головы, впрочем, видимо, как и вся уздечка, от которой остались только железные пряжки. Интересно, что вместе с тем наконечники стрел из рождественского погребения находят аналогии в Бальмерских курганах (рис. 13: 1, 3, 5). Характерно, что на Песчаном острове, как и в лебединском погребении, нет предметов вооружения.

Сравнение Песчаноостровного могильника и погребений в Бальмерских курганах (Халикова, 1965, с. 110–116) показывает, что захоронения в Бальмерских курганах (рис. 11; 12-А) отличаются выдержанностью ориентировки (северная),

наличием жертвенных комплексов (череп лошади), деревянными перекрытиями, конструкцией котлованов могильных ям и более представительным набором погребального инвентаря (рис. 12-Б; 13). Общими следует признать наличие огненного ритуала и некоторого сходства в наборе вещей (рис. 12-Б). Различие Песчаноостровного могильника и Бальмерских курганов объясняется, скорее всего, тем, что они относятся к кипчакским группам населения, сложившимся на разных территориях.

Топография расположения этих некрополей варьируется: Бальмерский находится на высоком волжском берегу (рис. 1-А), Песчаноостровный, как и Лебединское захоронение – на невысокой пойменной террасе (рис. 4: 4–6). Во всех этих случаях (кроме алексеевского и рождественского погребений) некрополи расположены на песчаных участках (рис. 1-А; 4: 6; 11: 1).

Рядом или поблизости от этих могильников и одиночных погребений имеются синхронные им стационарные поселения – Первомайское селище (Лебединское погребение); Рождественское I селище (Рождественское погребение); Полянское селище (Бальмерские курганы); селища Дамба I–III, остров Восточный (могильник Песчаный остров). Наиболее отдалены друг от друга Бальмерские курганы и Полянское селище, максимальную близость обнаруживают (около 100–150 м) могильник Песчаный остров и селища Дамба I–III. Вещевой материал из погребений данных некрополей во многом совпадает с находками на этих селищах.

Инвентарь всех рассмотренных погребальных памятников в целом имеет много сходства. Отличия в основном

касаются женских погребений, в частности, типов металлических зеркал. Причем из большого количества золотоордынских зеркал на памятниках Булгарского Улуса близкие им изделия единичны и происходят только из Булгарского городища³. Зеркала из Балымерских курганов (рис. 13: 10) имеют аналоги в кипчакских захоронениях Южного Приуралья (Тлягуловские курганы) второй половины XIV в.

То же можно сказать и о кочевнических захоронениях на кладбищах самого Болгара, как и их погребальном обряде, в подавляющем большинстве языческом. По обряду, близкому к мусульманскому, из всех погребений в Песчаноостровном могильнике (в Балымерях их вообще нет) захоронено не более 13%. Разница в ориентировке погребенных характерна только для одного памятника, но Балымерский могильник раскопан только частично и судить о нем в целом по имеющимся данным можно только с оговорками.

Учитывая то, что рассмотренные поселения и могильники относятся к одному времени – второй половине

XIV в. и обнаруживают сходство вещевого материала, можно предполагать, что они составляют единый этнокультурный комплекс кипчакского населения в Булгарском Улусе Золотой Орды. Отмеченные поселения мы рассматриваем как стационарные зимники (на что есть указание и в русских летописях) этого населения. Наличие отдельных кочевнических захоронений на мусульманских могильниках, как городских, так и сельских, свидетельствует об интеграции кипчаков с местным населением в этот период.

Процесс этот очевидно начался гораздо раньше, чем середина XIV в. При этом формирование и существование этого этнического массива было достаточно автономным в Булгарском Улусе и менее подверженным на ранних этапах воздействию местной культуры. По крайней мере, процесс мусульманизации, активно изменивший погребальную обрядность угорского населения на восточных территориях Улуса, здесь выражен очень слабо. Изучение этой проблемы – дело дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологические памятники Центрального Закамья. – Казань, 1988.
2. Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у села Рождествено. – Казань, 1962.
3. Губин А.С., Писарев Т.Н. Новый могильник у поселка Алексеевский // АОТ: 2002 год. – Казань, 2004.
4. Ефимова А.М. Кладбище на окраине посада города Болгара // Города Поволжья в средние века. – М.: Наука, 1974.
5. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М.: Наука, 1978.
6. Казаков Е.П., Руденко К.А. Археологические памятники низовой Курналинки // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова. – Казань, 2004.

³ НМ РТ, инв.№ 7719.

7. Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник (у дамбы) в Татарии // Проблемы средневековой археологии волжских финнов (АЭМК. Вып. 23). – Йошкар-Ола, 1994.

8. Руденко К.А. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993–94 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. – Йошкар-Ола, 1998.

9. Руденко К.А. Могильник на острове «Песчаный» // ТА. Средневековая археология Среднего Поволжья. – 1999. – № 1–2 (4–5).

10. Руденко К.А. Балымерский курганный могильник эпохи Золотой Орды: вопросы датировки // Золотоордынское наследие. Вып. 1. – Казань, 2009.

11. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. – М.: Наука, 1984.

12. Халикова Е.А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР // КСИА. – 1965. – Вып. 104.

13. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

Приложение
А.П. Бужилова

Палеоантропологические исследования материалов могильника Песчаный остров

Погребение	Пол	Возраст	Примечание
1	Муж	35–45	Арахноидоз, прижизненная потеря зубов, признаки холодового стресса в надорбитальной области
2?	Муж?	20–25	Эмалевая гипоплазия (1–3 лет), некоторая уплощенность лица
3?	Муж	30–40	Зубной камень, эмалевая гипоплазия на предкоренных зубах
4	Муж	35–45	Стертость коренных зубов, возможно, из-за прикуса, уплощенность лица
5	Жен	20–29	Эмалевая гипоплазия (1–3 лет), уплощенность лица
6	Подросток, жен?	16–18	Фрагменты черепа, фрагменты костей скелета. Cribra orbitalia, эмалевая гипоплазия, одиночные линии Гарриса. Искривление диафизов лучевых костей
7	Подросток, жен?	16–18	Краудинг, множественная эмалевая гипоплазия (3–6 лет), слева в орбите пороз (Cribra orbitalia). Уплощенность лица
8	Муж	35–45	Метопический шов, значительная стертость третьих коренных зубов, холодовой стресс. Уплощенность лица

9	Жен	45–55	На нижней челюсти полное отсутствие зубов с облитерацией альвеол. Слева в орбите следы пороза (Cribra orbitalia)
10	Муж?	45–55	Холодовой стресс, зажившая травма в затылочной области слева (линейный дефект). Значительное мышечное развитие. Возможно, всадник
11	Реб	7–8	Неправильный прикус (как п.4)
12	Муж	35–45	Эмалевая гипоплазия, развитие жевательной мышцы на нижней челюсти. Незначительные дефекты коронок нескольких коренных зубов из-за разгрызания твердой пищи. Заживший перелом носовых костей
13	Реб.	Ок. 0.5	
14	Жен	45+	Множественное выпадение зубов с облитерацией альвеол. Слева в орбите пороз (Cribra orbitalia). Значительное мышечное развитие

Подъемный материал

№п/п	Пол	Возраст	Примечание
1	Муж	35–45	Эмалевая гипоплазия (1–4,5)
2	Муж?	25–35?	Пальцевидные вдавления (предрасположенность к высокому внутричерепному давлению). Холодовой стресс. Заживший перелом в затылочной области

Из 15 индивидуумов: 7 мужчин, 5 женщин (в том числе 2 неполовозрелых), 3 детей (один определен по данным археологии). У 5 индивидуумов отмечается некоторая уплощенность лица. Остальные половозрелые индивидуумы характеризуются европеоидным комплексом. Интересно, что захоронения 5, 6, 7, вероятно, составляющие одну группу, принадлежат 3 индивидуумам женского пола, двое из них – неполовозрелые. У двоих из них отмечается уплощенность лица, а у третьей, № 6 – выраженный европеоидный вариант.

По набору патологий, к сожалению, весьма скудному из-за фрагментарности материала и его немногочисленности, можно предположить, что группа была оседлой или полuosедлой. По типу хозяйствования – скорее скотоводы. У трех мужчин отмечаются признаки холодового стресса, что для климатических особенностей этого региона можно связать со скотоводством или верховой ездой при военизированном образе жизни. Одно другого не исключает. Интересно, что в группе погребений 10, 13, 14, взрослые индивидуумы отличаются высоким уровнем развития мышечного рельефа, причем у мужчины это, скорее всего, связано с занятием верховой ездой, а у женщины из-за недостатка маркеров последнее (верховую езду) можно только предположить. У двух индивидуумов в группе неправильный прикус. Один из них погребен в 4 погребении, второй ребенок из погребения 15. Они могут быть родственниками. Однако сохранность материала не позволяет обосновать этот тезис.

NOMADS IN BULGAR ULUS OF THE GOLDEN HORDE (ACCORDING TO ARCHEOLOGY)

K.A. Rudenko

The article is devoted to the nomad burial ground sites referring to the second half of the 14th century, which were investigated in the territory of Tatarstan in 1960–1990. The area of their location is split into two parts: the first group is near Bolgar city, the second is in the vicinity of Juketau city. These burial grounds are connected to nearby settlements. Most significant for the study of the presence of the nomads in the Bulgar Ulus are the burial ground site located on Peschanyi (Sand) island and that of the Balymeri burial mounds. Isolated nomad burials were discovered at Bolgar city cemeteries and some other burial grounds of the settled population. The data on the funeral rite and the funeral equipment of the nomadic burials, as well as the results of paleo-anthropological examination of the buried are provided. The synchronicity of the assemblages studied and the similarity of the findings make it possible to suggest that they constitute a single ethno-cultural complex associated with the Kipchak population. It is determined that the nomads in the Bulgar Ulus of the Golden Horde maintained close contacts with the indigenous population of the area.

Keywords: archaeology, the Golden Horde, the Bulgar Ulus, the Middle Ages, the nomads, the Bulgars, the Kipchaks, funeral rite, paleo-anthropological studies.

REFERENCES

1. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1988. *Arkheologicheskie pamiatniki Tsentral'nogo Zakam'ia* (Archaeological Sites of the Central Part of the Trans-Kama Area). Kazan: Institute for Language, Literature, and History Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
2. Gening, V. F., Stoianov, V. E., Khlebnikova, T. A., Vainer, I. S., Kazakov, E. P., Valeev, R. K. 1962. *Arkheologicheskie pamiatniki u sela Rozhdestveno* (Archaeological Sites near the Rozhdestveno Village). Kazan: Kazan State University (in Russian).
3. Gubin, A. S., Pisarev, T. N. 2004. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane: 2002 god* (Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2002). Kazan: "Shkola" Publ., 80–81 (in Russian).
4. Efimova, A. M. 1974. In Smirnov, A. P., Fyodorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka* (Towns from the Volga Region in the Middle Ages). Moscow: "Nauka" Publ., 24–29 (in Russian).
5. Kazakov, E. P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii* (Sites of Bulgarian Time in the Eastern Parts of Tataria). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Kazakov, E. P., Rudenko, K. A. 2004. In Mukhanov, G. S. (ed.). *Materialy kraevedcheskikh chtenii, posviashchennykh 135-letiiu Obshchestva estestvoispytatelei pri KGU, 110-letiiu so dnia rozhdeniia M. G. Khudiakova, 2–25 marta 2004 g.* (Proceedings of Regional History Readings on the Occasion of 135th Anniversary of the Natural Society of the Kazan State University and 110th Anniversary since M.G. Khudyakov's Birth, 2–25 March 2004). Kazan: "Shkola" Publ., 104–115 (in Russian).
7. Rudenko, K. A. 1994. In Arkhipov, G. A., Nikitina, T. B. (eds.). *Problemy srednevekovoi arkheologii volzhskikh finnov* (Issues of the Medieval Archaeology of Finno-Ugrians). Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 23. Yoshkar-Ola: Mari Research Language, Literature, and History Institute, 121–139 (in Russian).
8. Rudenko, K. A. 1998. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia* (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region) (1). Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
9. Rudenko, K. A. 1999. In *Tatarskaia arkheologiya* (Tatar Archaeology). *Srednevekovaiia arkheologiya Srednego Povolzh'ia* (Medieval Archaeology of the Middle Volga Region) (1–2 (4–5)).

Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 61–77 (in Russian).

10. Rudenko, K. A. 2009. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)* 1. Kazan: “Fän” Publ., 282–294 (in Russian).

11. Fakhрутдинov, R. G. 1984. *Ocherki po istorii Volzhskoi Bulgarii (Essays on the History of Volga Bulgars)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

12. Khalikova, E. A. 1965. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 104, 110–116 (in Russian).

13. Khlebnikova, T. A. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: “Nauka” Publ., 8–102 (in Russian).

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Kazan State University of Culture and Arts. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Публикации

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ «БОЛЬНИЧНОГО БУГРА» СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА 2006–2009 гг.

© 2013 г. Р.Р. Валиев, Е.М. Пигарев,
А.Г. Мухамадиев, А.Г. Ситдииков

Представлены результаты археологических исследований Больничного бугра Селитренного городища (Сарай аль-Махруса) в 2006–2009 гг. Выявленные объекты разделяются на пять строительных периодов, из которых первые три относятся к золотоордынскому времени (XIV – первая половина XV вв.), четвертый – к XVIII – началу XIX вв., и пятый – к XIX–XX вв. Анализируются этапы развития памятника, приводится описание сооружений и предметов материальной культуры. Первый строительный период соответствует возникновению золотоордынского города и его расцвету в XIV в. В слоях этого времени, помимо жилых и хозяйственных построек, были обнаружены мастерские по производству посуды, изразцов и кирпичей. Упадок города, начавшийся в конце XIV в., и прекращение жизнедеятельности на исследованной территории к середине XV в. были связаны, вероятно, с обострившейся междоусобной борьбой в Орде.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, Золотая Орда, Сарай аль-Махрус, Селитренное городище, периодизация, жилые постройки, мастерские.

Селитренное городище расположено на правом берегу р. Ахтуба, одного из рукавов в дельте Волги в 120 км севернее г. Астрахани. Памятник вытянут вдоль р. Ахтуба в ширину до 3 км и в длину около 13 км. Общая площадь распространения культурного слоя городища составляет более 2 тыс. га (Спицын, 1895, с. 82; Баллод, 1923а, с. 31; см. рис. 1–2).

Для нескольких поколений археологов Селитренное городище/Сарай аль-Махруса было объектом многолетних исследований. Материалы раскопок представляют собой первостепенные источники для изучения сложной истории Золотой Орды, богатой и яркой культуры ее населения.

Первые обследования памятника в виде осмотра и описаний начались

в XVIII в., когда в 1741 г. в качестве начальника Калмыцкой комиссии прибыл сюда В.Н. Татищев (Егоров, Юхт, 1986, с. 238). На основе его писем-рекомендаций Академия наук России организовала несколько научных экспедиций, сотрудники которых оставили для науки первые описания развалин нижеволжских городищ, в том числе и Селитренного (Паллас, 1788, с. 143–145; Полное собрание, 1824, с. II, 207). Описания руин Селитренного городища и других золотоордынских городов были сделаны более поздними исследователями и путешественниками (Потоцкий, 1828, с. 252–254; Загоскин, 1884), некоторым из них удалось даже провести небольшие раскопки памятника (Малиновский, 1888, с. 78–82;

1892 с. 10–16; Спицын, 1895). В 20-х годах XX в. Ф.В. Баллод снял план городища, разделил его территорию на несколько условных районов, организовал порайонный сбор находок, и провел здесь первые научные раскопки. Он раскопал девять объектов, которые после зарисовки планов и сечений были законсервированы (Баллод, 1923а, с. 30–61).

Планомерное изучение городища было начато в 1965 г. под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. Многолетние исследования археологов открыли яркую городскую культуру этого памятника, поставив перед ними много новых вопросов (Федоров-Давыдов, 1984; 1994).

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ совместно с Марийским государственным университетом, Казанским федеральным университетом, Астраханским государственным объединенным историко-архитектурным музеем-заповедником и историко-архитектурным музеем-заповедником «Казанский кремль» с 2005 г. проводит плановые археологические исследования Селитренного городища. Район осуществления охранных археологических исследований находится в западной части «Больничного бугра» (у подножия), на береговом обрыве р. Ахтуба к западу от села Селитренное (рис. 3).

Преыдущими раскопками 1969–2001 гг. в районе «Больничного бугра» были частично изучены мусульманский некрополь конца XIV – начала XV вв., а также остатки усадеб с жилыми и хозяйственными постройками XIV в. и т.д. (Рудаков, 2000, с. 201–203). Интересными были итоги работ ПАЭ ИА СССР 1978 г., когда в рассматриваемом районе изучал-

ся производственный комплекс. Он увязывается с выжиганием извести в XIV в., о чем свидетельствуют горны из пористого известняка особой конструкции, большое количество хумов и ям, в которых хранилось сырье и готовая гашеная известь.

В 2006–2009 гг. продолжилось изучение разрушающегося в результате ветро- и гидроэрозий культурного слоя городища. С целью завершить исследования участков между раскопками IX (Федоров-Давыдов, 1977 г.), XXIII (Бурханов, 1999 г.), XXVI (Зеленеев, 2002 г.) и объединить их в единую полосу были заложены два раскопа (рис. 3–4).

Раскоп XL площадью около 160 кв. м исследовался в 2006 г. В 2007 и 2009 гг. работы велись на раскопе XLII. В полевом сезоне 2007 г. была вскрыта площадь около 88 кв. м, в следующем году – 201 кв.м. Таким образом, общая площадь раскопа XLII составила около 290 кв.м. Всего археологической экспедицией за 2006–2009 гг. исследованы участки береговой зоны Селитренного городища площадью около 450 кв. м (рис. 4).

Культурный слой на раскопах в основном рыхлая или плотная пестроцветная супесь с вариациями желтого, бурого и серого цветов с включениями кирпича, сырца, алебастровой крошки, угля, золы, суглинка и костей животных. Мощность его варьирует от 40 до 266 см вне ям. Материк представляет собой светло-желтый песок и светло-бурый суглинок с прослойками ленточных глин и карбонатными белесыми включениями. На раскопе XL обнаружено 56 объектов различного времени и назначения, которые выявлялись в процессе прокопки и при зачистке материка. Они представ-

лены мощением, 6 сооружениями, 44 хозяйственными ямами и 5 столбовыми ямами. На раскопе XLII выявлено и изучено 148 объектов, представленных 5 сооружениями-постройками, 107 хозяйственными и производственными ямами, 4 погребениями и 32 столбовыми ямами, датируемыми XIV–XVII и XVIII–XX вв. Общее количество археологически выявленных объектов на обоих раскопах составило 204 объекта (рис. 4).

Стратиграфически выделяются напластования XIV–XV вв., XVIII – начала XIX вв. и XIX–XX вв. Отложения и объекты золотоордынского времени значительно разрушены поздними перекопами, связанными с тотальной добычей кирпича и кладочискательством. Данный факт отражен в записках, дневниках и описаниях городища XIX в. (Загоскин, 1884, с. 188, 189; Малиновский, 1888, с. 80, 81; 1892, с. 10, 11; Спицын, 1895, с. 85–86) и подтверждается в профилях дневными уровнями перекопов, выходящими на современную поверхность (рис. 5–7). Самые ранние из напластований сформировались в конце первой четверти XIV в. Это время характеризуется бурным развитием города и государства, что подтверждается богатым нумизматическим материалом. Все монеты, обнаруженные в отложениях золотоордынского периода и в горизонтах перекопов более позднего времени, укладываются в хронологические рамки 30-х годов XIV – 20-е годов XV в. (рис. 10–11).

Объекты, выявленные в раскопе, по времени существования разделяются на пять строительных периодов: к золотоордынскому слою (XIV – первая половина XV вв.) относятся три первых строительных периода (I–III);

слой функционирования на «Больничном бугре» селитроваренного завода и образования села (XVIII–XIX вв.) представлен четвертым строительным периодом (IV); современный слой (конец XIX – XX вв.) – пятым строительным периодом (V) (рис. 8–9).

Культурные отложения, отражающие различные этапы жизни золотоордынского города, сохранились лишь на небольших участках. Их мощность колеблется от 2 см до 92 см, представлены прослойками желтого песка, желтой, бурой и серой плотной рыхлой и пестроцветной супеси с включениями песка, суглинка, сырца, извести, кирпича, угля, золы. Время формирования слоя относится ко второй четверти XIV – началу XV в. Прослойки, связанные второй половиной XIII – началом XIV в., стратиграфически не выявлены. Среди нумизматического материала также отсутствуют монеты, чеканенные до второй четверти XIV в. К золотоордынскому времени (I–III строительные периоды) относятся 92 объекта: сооружения-постройки, хозяйственные, производственные и столбовые ямы.

Значительное количество находок представлено: серебряными и медными монетами, фрагментами стеклянных изделий, предметами из цветного и черного металла (замки, пряжки и т.д.), глиняными тиглями, кашинной, красноглиняной, сероглиняной, белоглиняной поливной и неполивной керамикой и целыми формами сосудов, фрагментами изразцов (в том числе с позолотой) и архитектурными деталями, костяными поделками и другими предметами, иллюстрирующими богатую материальную культуру золотоордынского города (рис. 10–27).

Рис. 1. Карта Астраханской области с указанием Селитренного городища.

I строительный период. Слои данного строительного периода, связанные с начальным периодом существования города, стратиграфически слабо выражены из-за сильной переработанности в более позднее время и сохранились лишь на нескольких участках. В западной части раскопа ХЛП у берегового обрыва они имеют мощность от 2 см до 92 см и представлены прослойками песка, желтой плотной супеси с включениями песка и суглинка с углем и кирпичной крошкой, которые, скорее всего, образовались в результате нивелировки площадки и выброса грунта из

котлованов построек (рис. 7). Время возведения большинства сооружений датируется 30–40-ми годами XIV в. – периодом правления ханов Узбека и Джанибека. Нумизматический материал из раскопа также подтверждает эту датировку, самая нижняя дата – 30-е гг. XIV в. (рис. 10: 4–7, 9–10, 14; 11: 6, 10–11). Монеты с подобной датировкой происходят из прослоек, сооружений этого строительного периода и из вышележащих слоев.

К I строительному периоду на двух раскопах относятся 91 объект, из них 53 объекта располагаются на раскопе ХЛП, это сооружения 12, 15, 18, 19,

20, 21, 22, 23, 27, 28, 29, 30, 32, 35, 41–47, 49–54, 57, 59, 61, 62, 66–70, 72–81, 86, 87, 94, 96–98, 107, 108. По конструктивным особенностям и времени функционирования они делятся на два хронологических этапа. Так, сооружения 70, 75, 50, 49, 68, 73, 76, 86, 87, 96, 97 и 98, вероятно, составляли один единый комплекс – наземную жилую постройку с тандыром, мастерскими с производственными и хозяйственными ямами. Сооружения 70, 12, 69, 72, 74, 77, 78, 79, 79а, 81 и столбовая яма 15, возможно, увязываются с дальнейшим развитием данной усадьбы, где с отремонтированной жилой наземной постройкой появилась новая мастерская с производственными и хозяйственными ямами. Сооружения 18, 19, 21, 22, 23 и 35, вероятно, составляли один единый комплекс – наземную постройку с тандыром, тошной и хозяйственными ямами, а сооружения 27, 28, 29 и 32, возможно, являлись объектами другого комплекса – постройки с хозяйственными ямами и очагом (рис. 8).

На раскопе XL с указанным строительным периодом увязываются большинство обнаруженных на раскопе объектов (38): сооружения 4, 5, 6 и ямы 9, 10, 13, 14, 15, 17, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, а также столбовые ямы 1, 2, 3, 4, 5. Из них семь (соор. 4 и ямы 9, 10, 13, 21, 26, 28) относятся к раннему этапу, шестнадцать объектов (соор. 5, 6, хозяйственные ямы 22, 23, 24, 29, 30, 35, 36, 37, 38, 42, 43, 44 и столбовые ямы 1–5) – к позднему этапу данного строительного периода. Стратиграфическое соотношение остальных объектов определить не удалось (рис. 4).

На раскопе XL были изучены остатки мастерской, связанной с гончарным производством. Комплексам и сооружениям 5 и 6 представляют собой производственную постройку, являвшуюся, собственно, зданием мастерской, состоящим из трех помещений. Частично она была исследована в 1977 г. Поволжской археологической экспедицией ИА АН СССР под руководством Г.А. Федорова-Давыдова (В.Г. Рудаков, 2000, с. 201–203). В 2006 г. раскопом XL изучалась восточная часть мастерской.

На территории ремесленного комплекса были обнаружены остатки печей (яма 9 и яма 10), служивших, возможно, для обжига кашинной посуды, и хумы для хранения сырья – извести (яма 35, 38, см. рис. 4). Печи сооружены в ямах прямоугольной формы размерами 256 x 158 см и 254 x 116 см, углубленных в материк на глубину 66–86 см. На дне обеих ям сложена кладка размерами 108 x 60 см из сырцовых кирпичей, скрепленных глинистым раствором. Размеры кирпича от 12 x 25 x 7 см до 32 x 28 x 8 см. Топка печей находилась с юга, кроме того, у одной печи (яма 9) с запада имелось поддувало.

Другое строение представляет собой хозяйственную постройку с центральным прямоугольным помещением с двумя комнатами (ямы 42, 43, 44), к которому с запада и востока примыкали два помещения (соор. 5 и 6). Кладка двух крайних (восточного и западного) помещений зигзагообразной формы общей протяженностью более 15 м и шириной от 21 до 94 см. Она сложена из целых форм и обломков красного обожженного кирпича, скрепленных глинистым раствором. Размеры кирпича 21 x 21 x 5 см

Рис. 2. План-схема Селитренного городища с границами охранной зоны с указанием места раскопов XL и XLII.

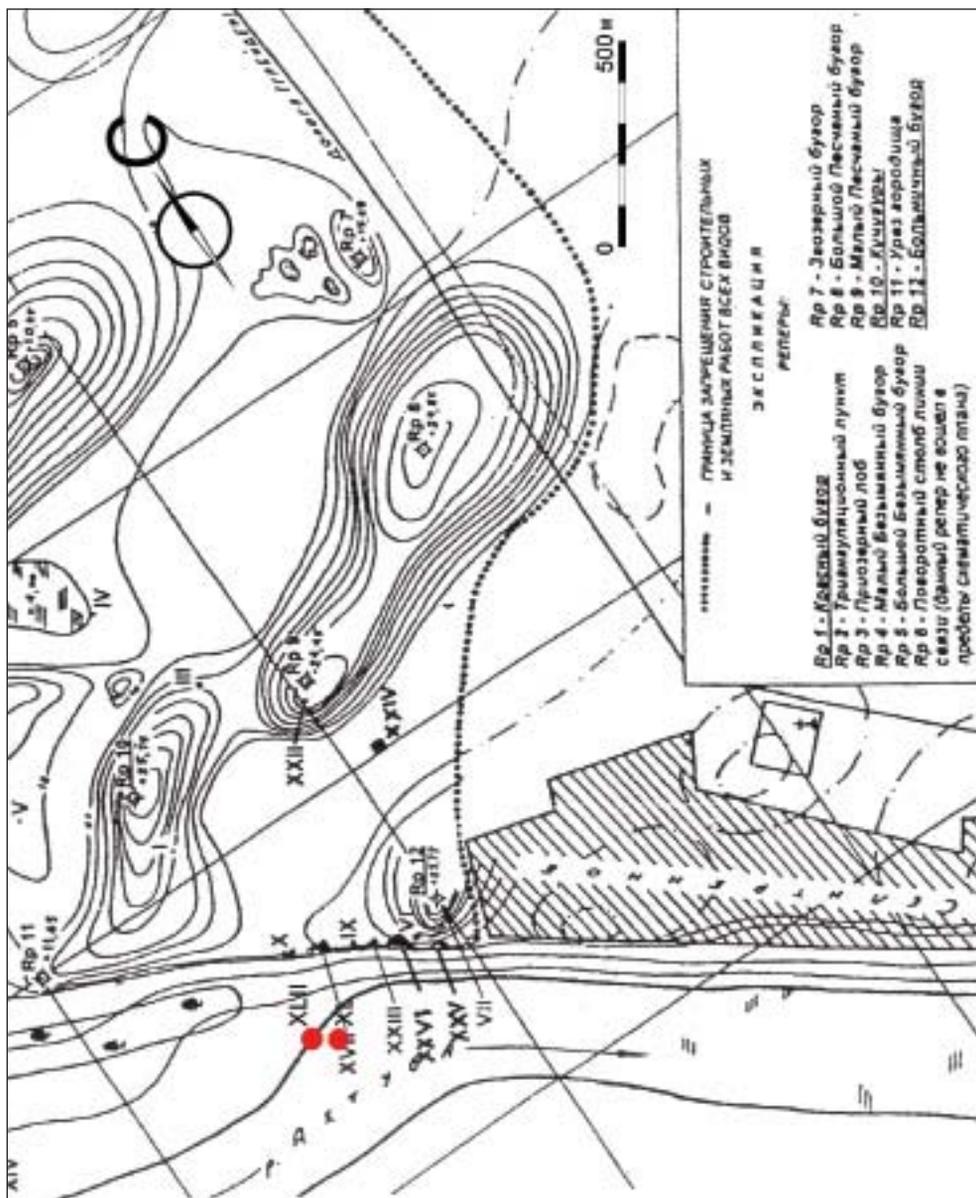

Рис. 3. Топографическая схема Селитренного городища с указанием раскопов XI и XII.

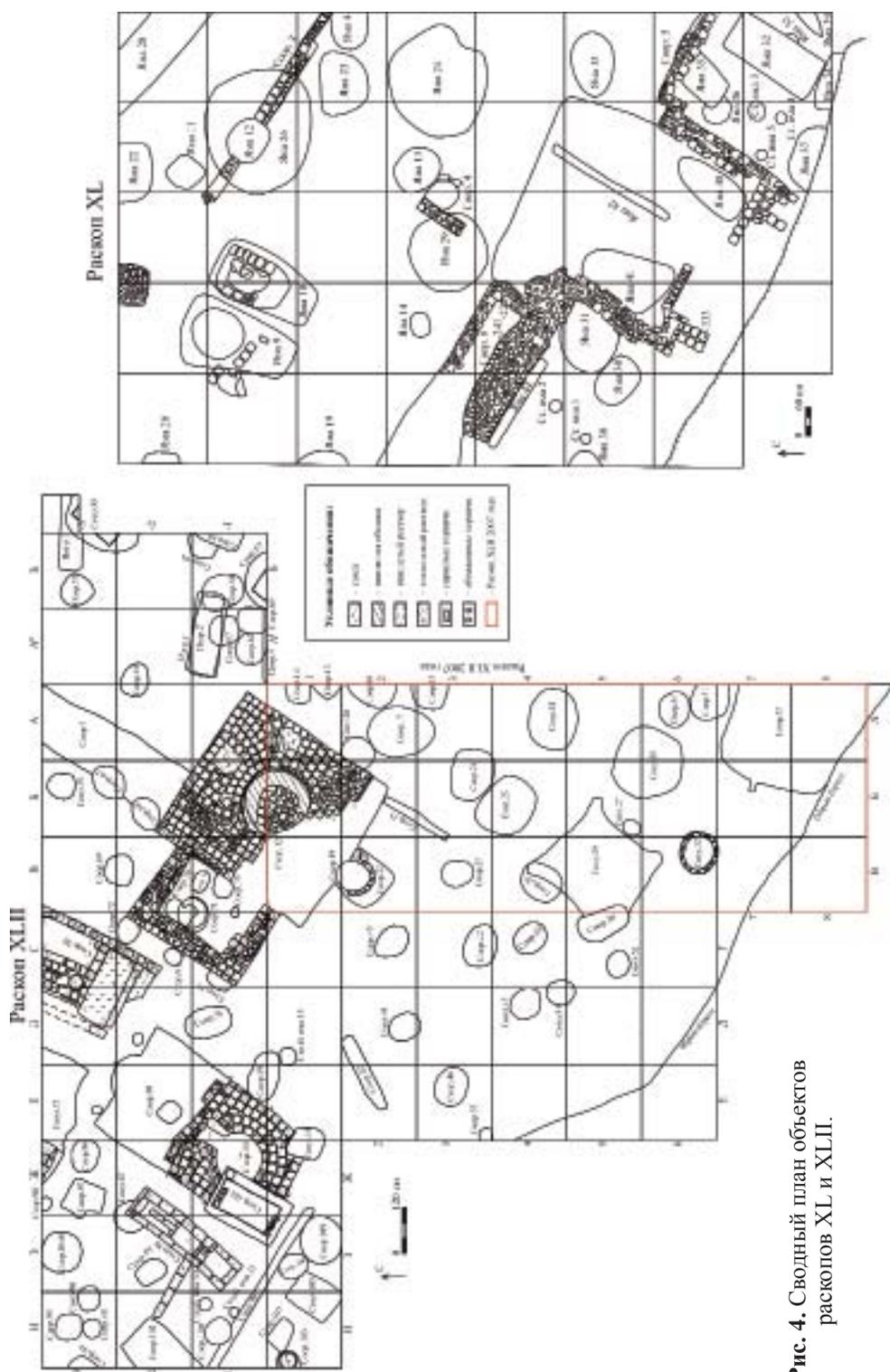

Рис. 4. Сводный план объектов раскопов XL и XLII.

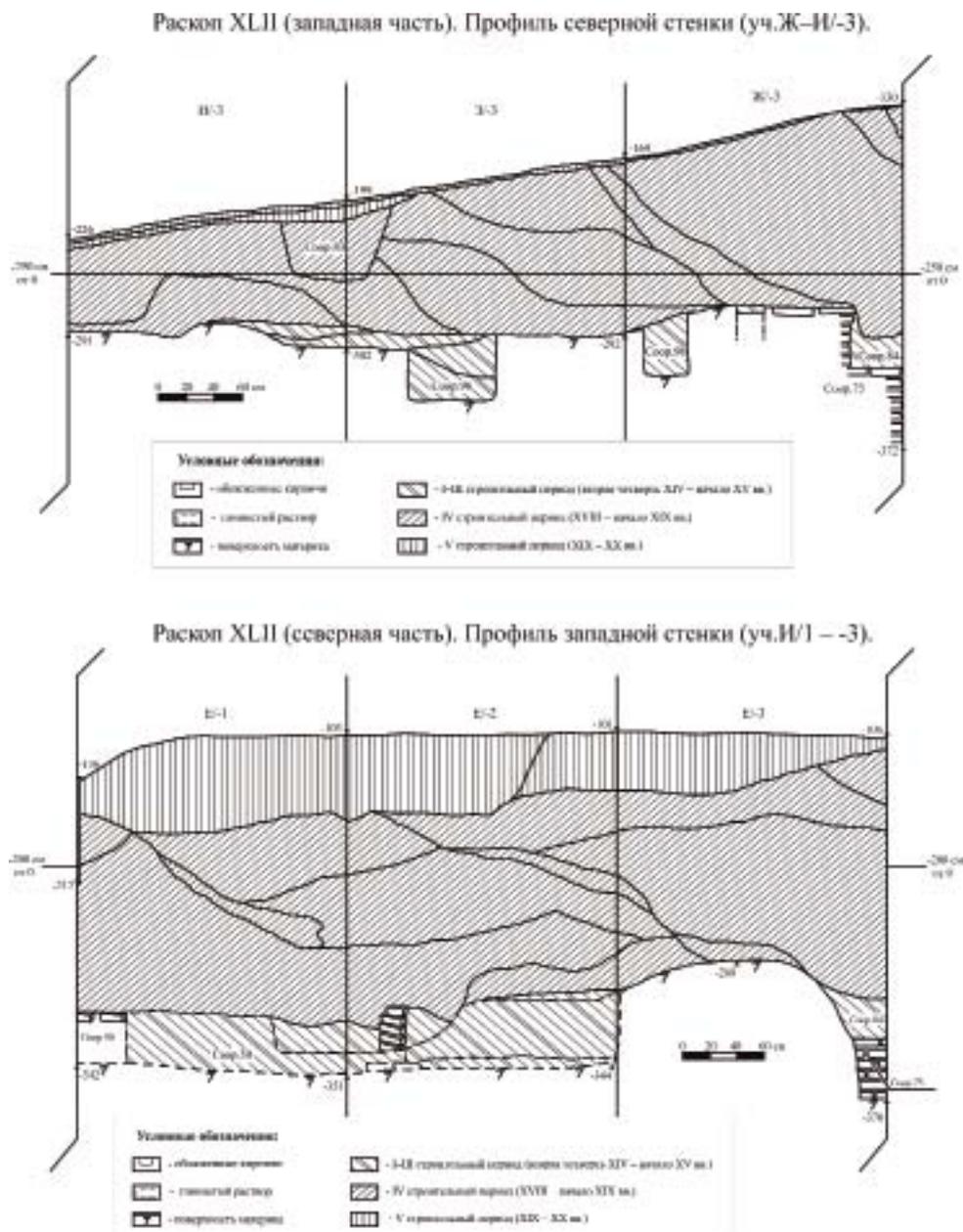
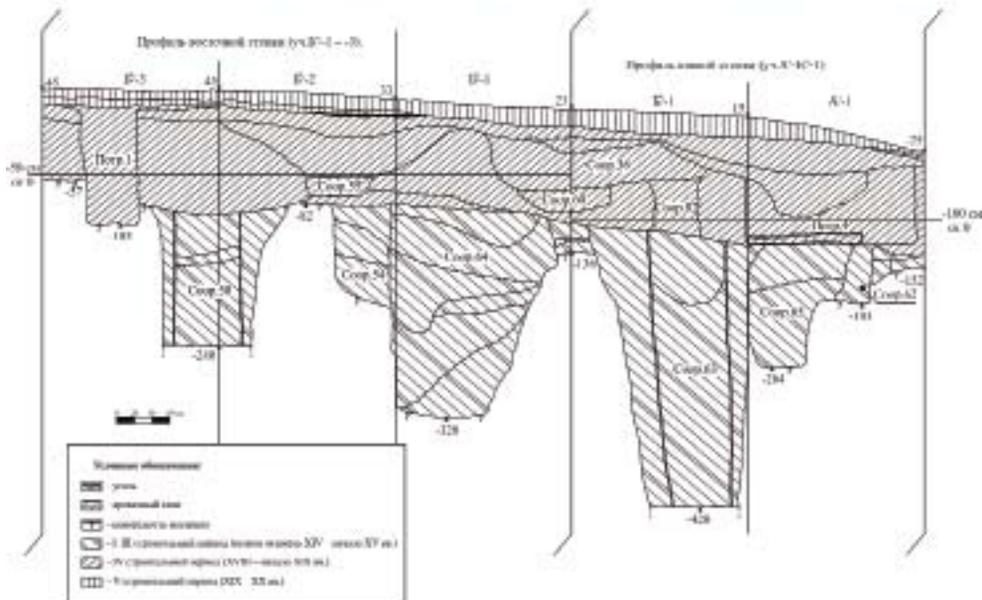

Рис. 6. Раскоп XLII. Профили стенок раскопа.

Раскоп XLII (северная часть). Профили южной (уч. А' Б'/-1) и восточной (уч. Б'/-1 -3) стенок.

Раскоп XLII (западная часть). Профиль западной стенки (уч. Е/-1 -3).

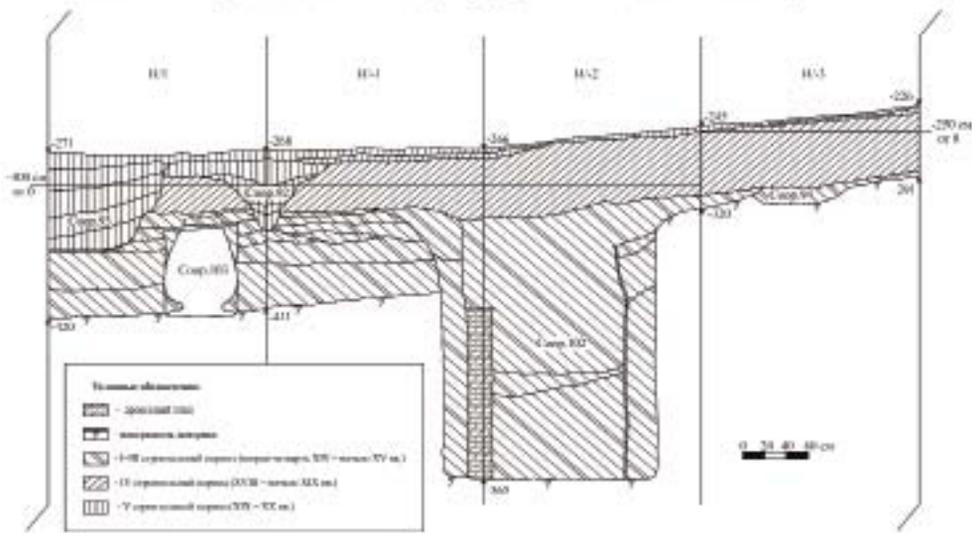

Рис. 7. Раскоп XLII. Профили стенок раскопа.

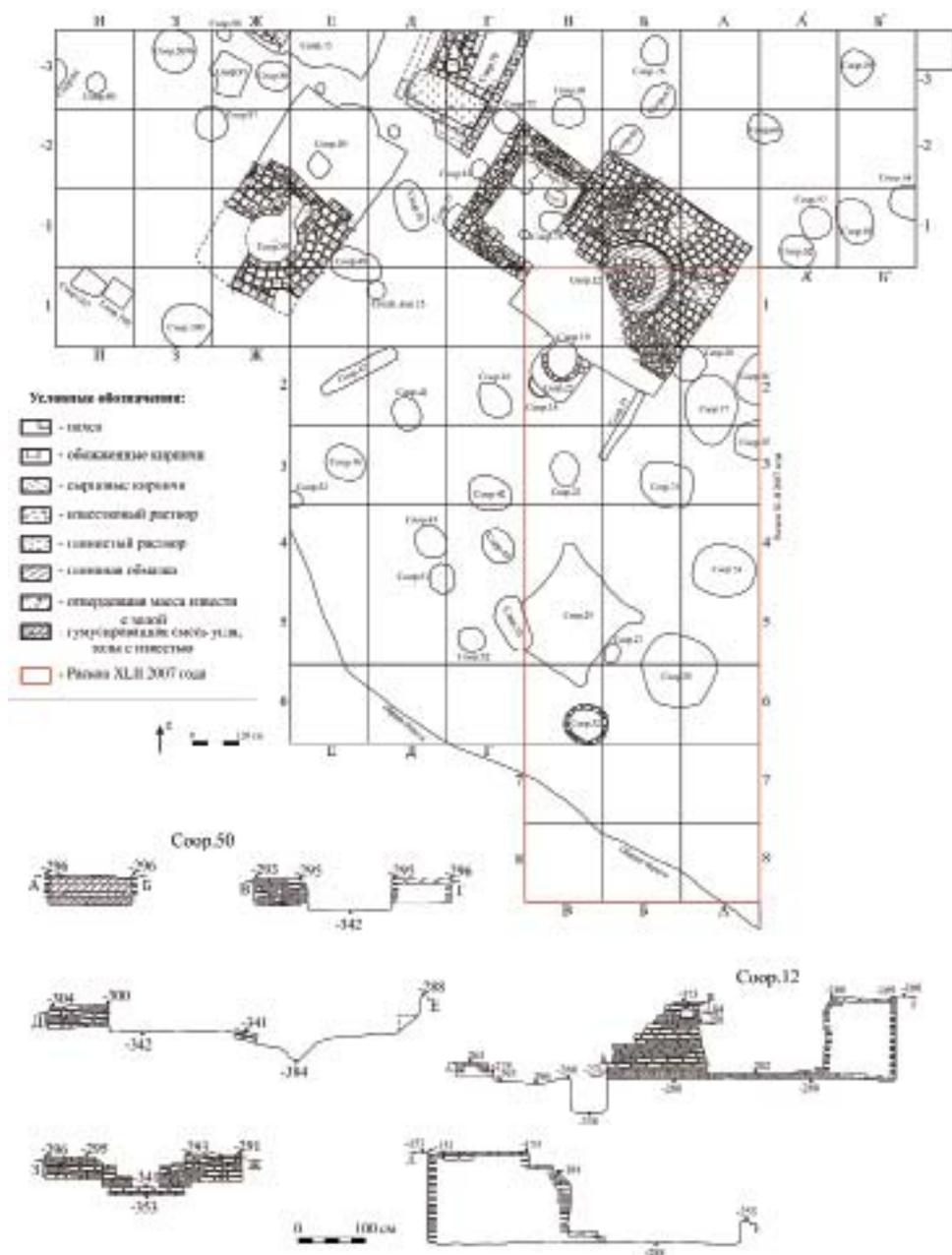

Рис. 8. Раскоп XLII. Сводный план объектов I строительного периода. Сечение и прорисовка фасада coop.50 и coop.12.

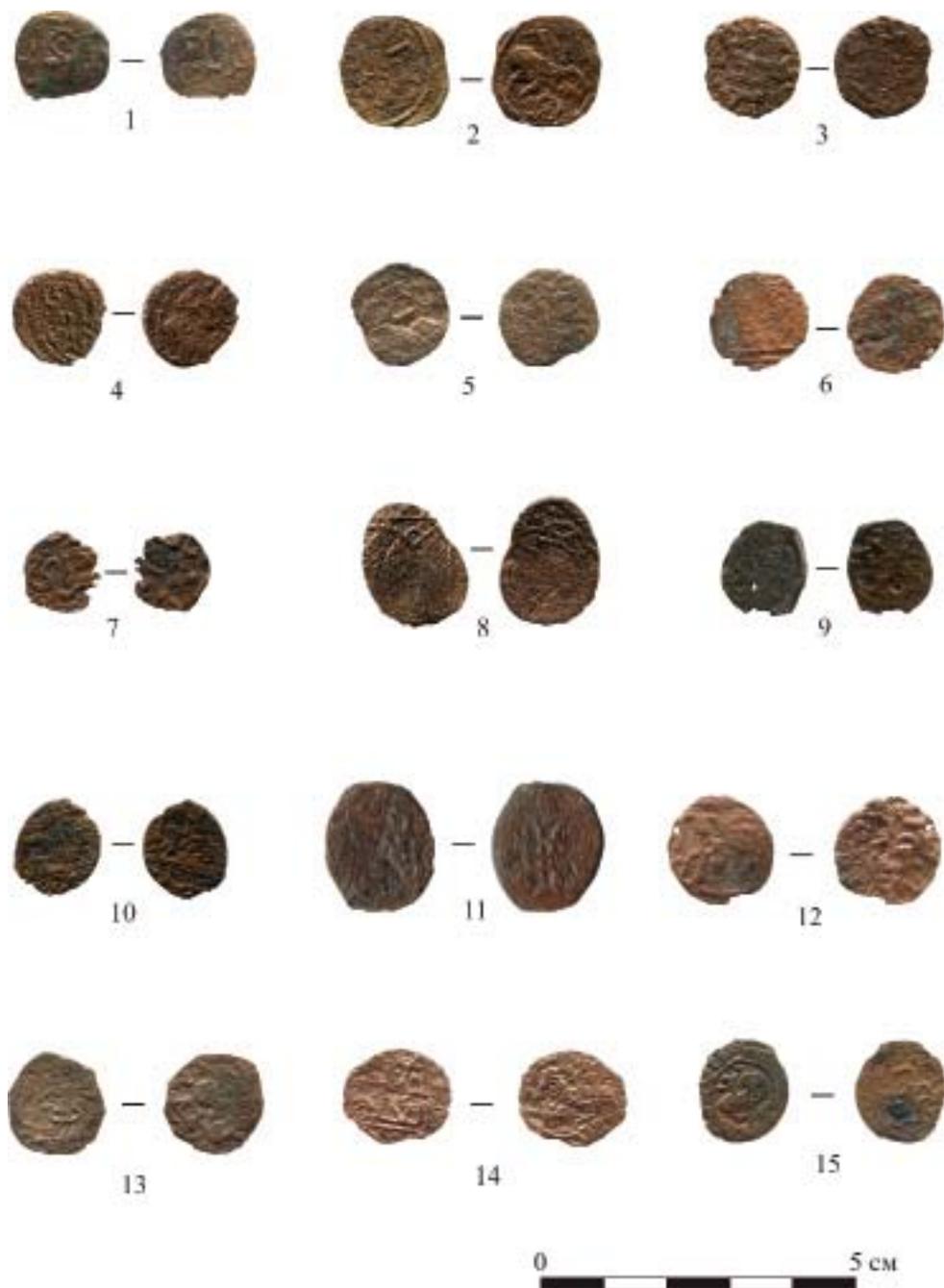

Рис. 10. Раскоп XLII. Медные монеты.

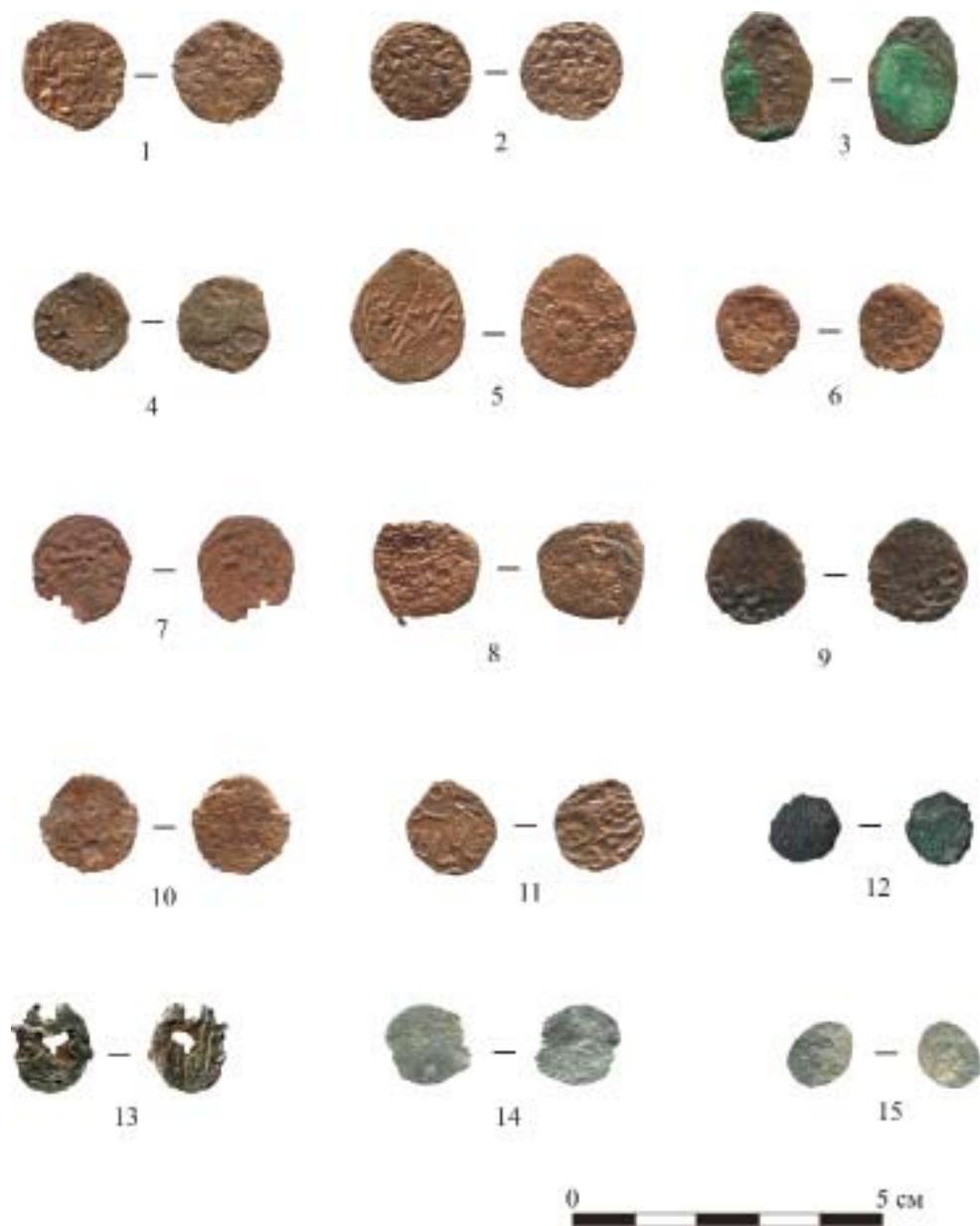

Рис. 11. Раскоп XLII. Медные (1–12), посеребренная фальшивая (13) и серебряные (14–15) монеты.

Рис. 12. Раскоп XLII. Бытовые предметы из меди (1–8), бронзы (9), свинца (10), кости (11–15), глины (16) и чугуна (17).

Рис. 13. Раскопы XL и XLII. Глиняные предметы производственного комплекса: тигли (1–3), шарики (4–5), труба (6), матрица (7), штыри (8–10).

Рис. 14. Раскопы XI и XLII. Глиняные сосуды: светильники (1–3), кружки (4–6), сковорода (7).

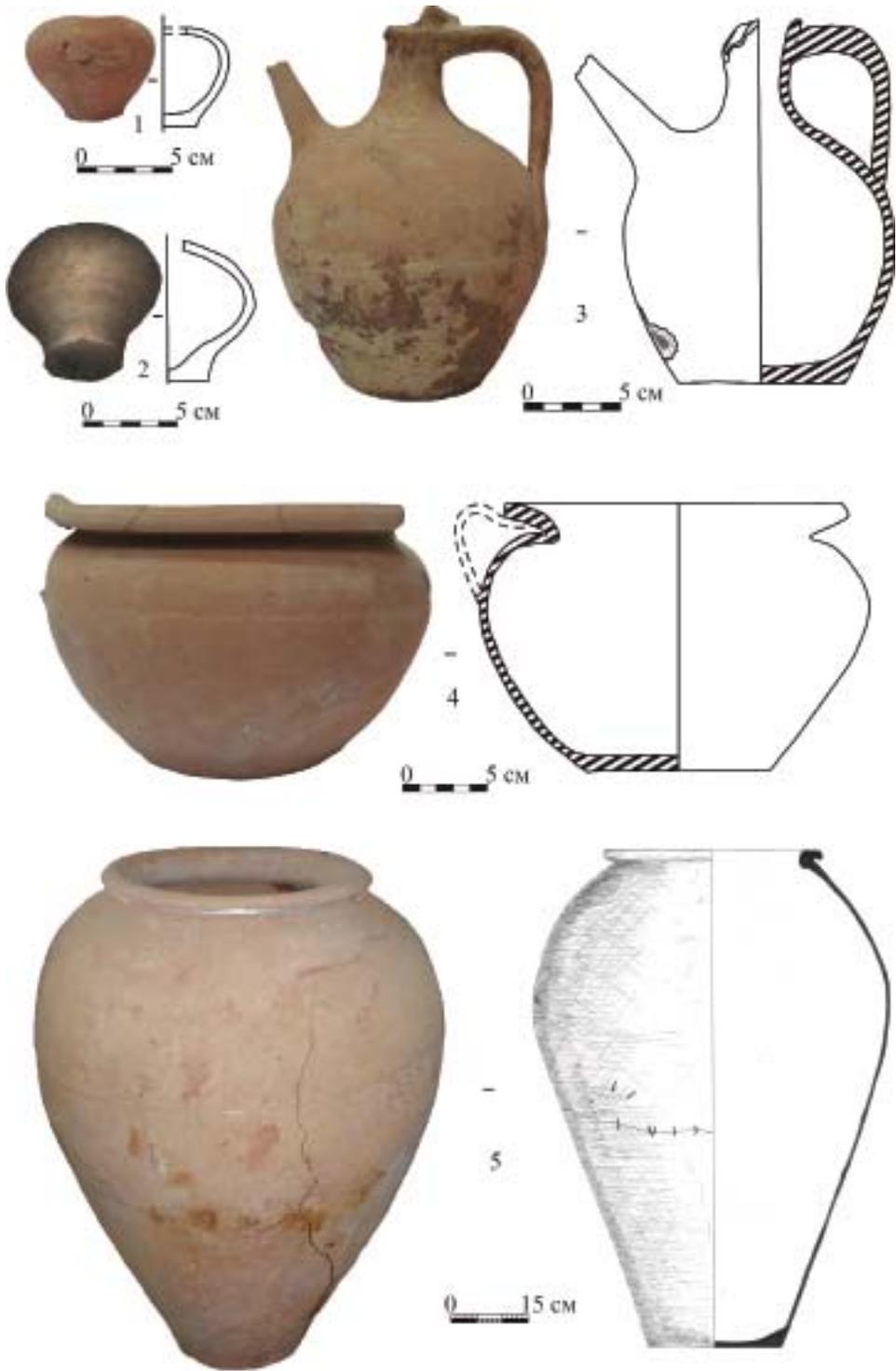

Рис. 15. Раскопы XL и XLII. Глиняные сосуды: копилки (1–2), афтоба (3), горшок (4), хум (5).

Рис. 16. Раскопы XI и XII. Глиняные сосуды: фрагменты селадона (1–2), пиалы (3–4), чаши (5–6), альбарелло (7), кружки (8–9), кувшины (10–12), котлы (13–14), фрагмент дигиря (15), тагора (16), горшок (17), тувак (18).

Рис. 17. Раскопы XL и XLII. Глиняные сосуды: светильники (1–3), чаши (4–5), кружка (6), горшки (7–8), тагора (9), тувак (10), кувшин (11), афтоба (12).

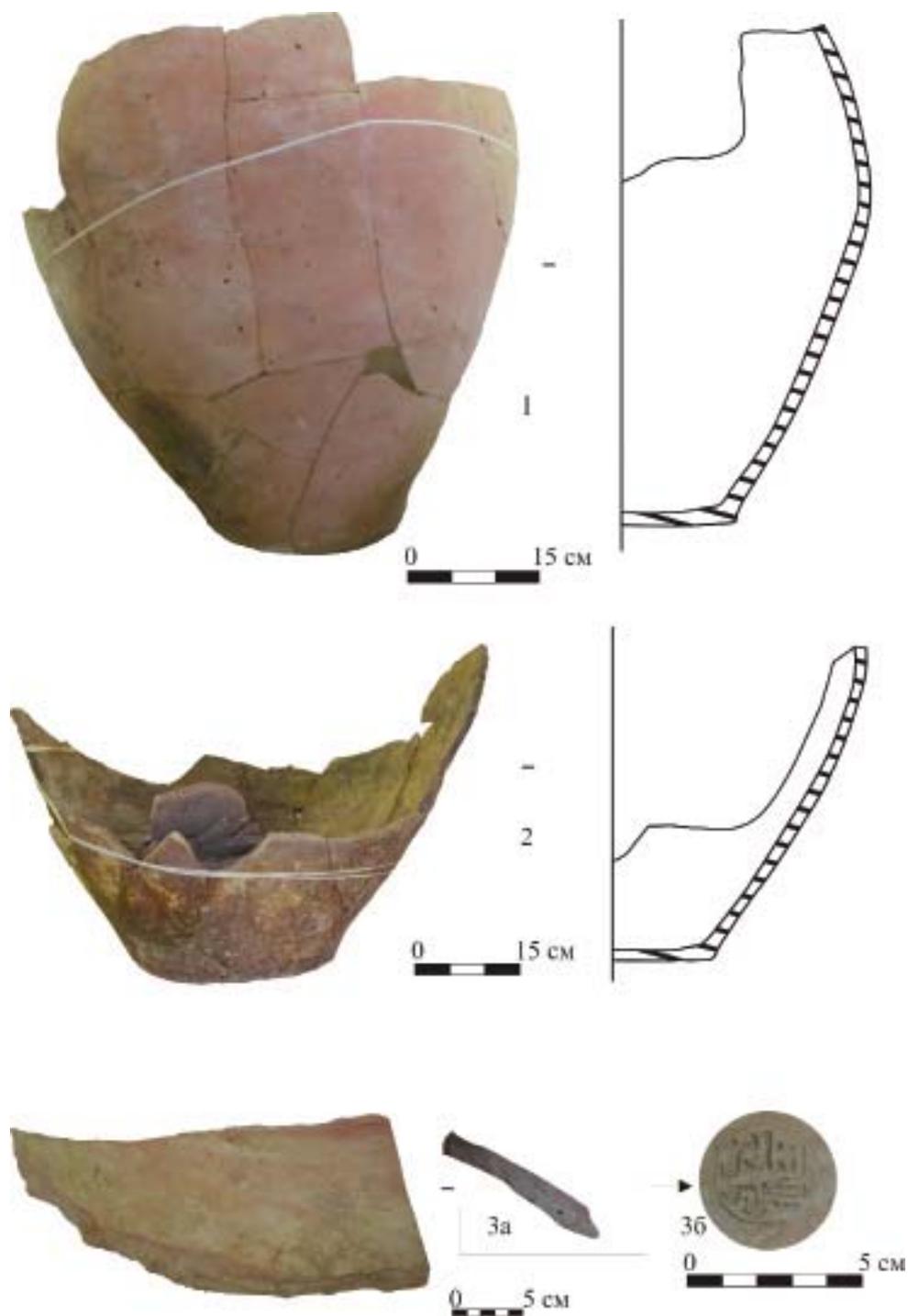

Рис. 18. Раскоп XLII. Хум с соор.87 (1), нижняя часть хума (2) с соор.86 и фрагмент хума с клеймом (3а), клеймо в увеличении (3б).

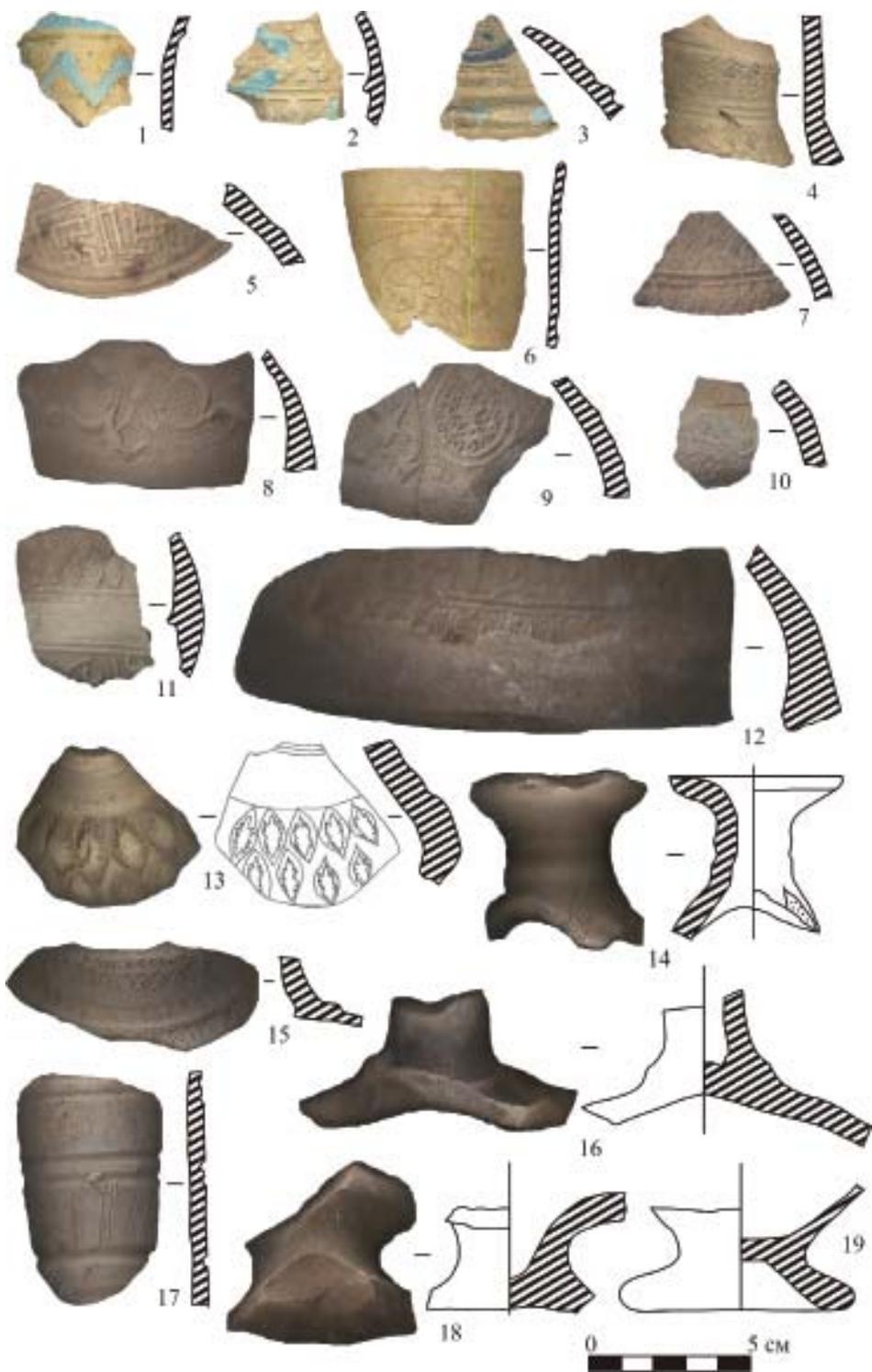

Рис. 19. Раскоп XLII. Фрагменты белоглиняных (1–6) и сероглиняных (7–19) штампованных сосудов с поливой (1–3) и без (4–19).

Рис. 20. Раскопы XI и XII. Красноглиняные поливные сосуды: афтоба (1), блюда (2-3, 7-8), чаши (4-6).

Рис. 21. Раскоп XLII. Фрагменты фарфоровой (1–3), селадоновой (4–8), кашинной посуды (9–18).

Рис. 22. Раскопы XL и XLII. Фрагменты кашинной посуды: чаши (1–4), гулябдан (5).

Рис. 23. Раскоп XLII. Поливные изразцы и фрагмент майоликового панно (6, 8–12 – с позолотой).

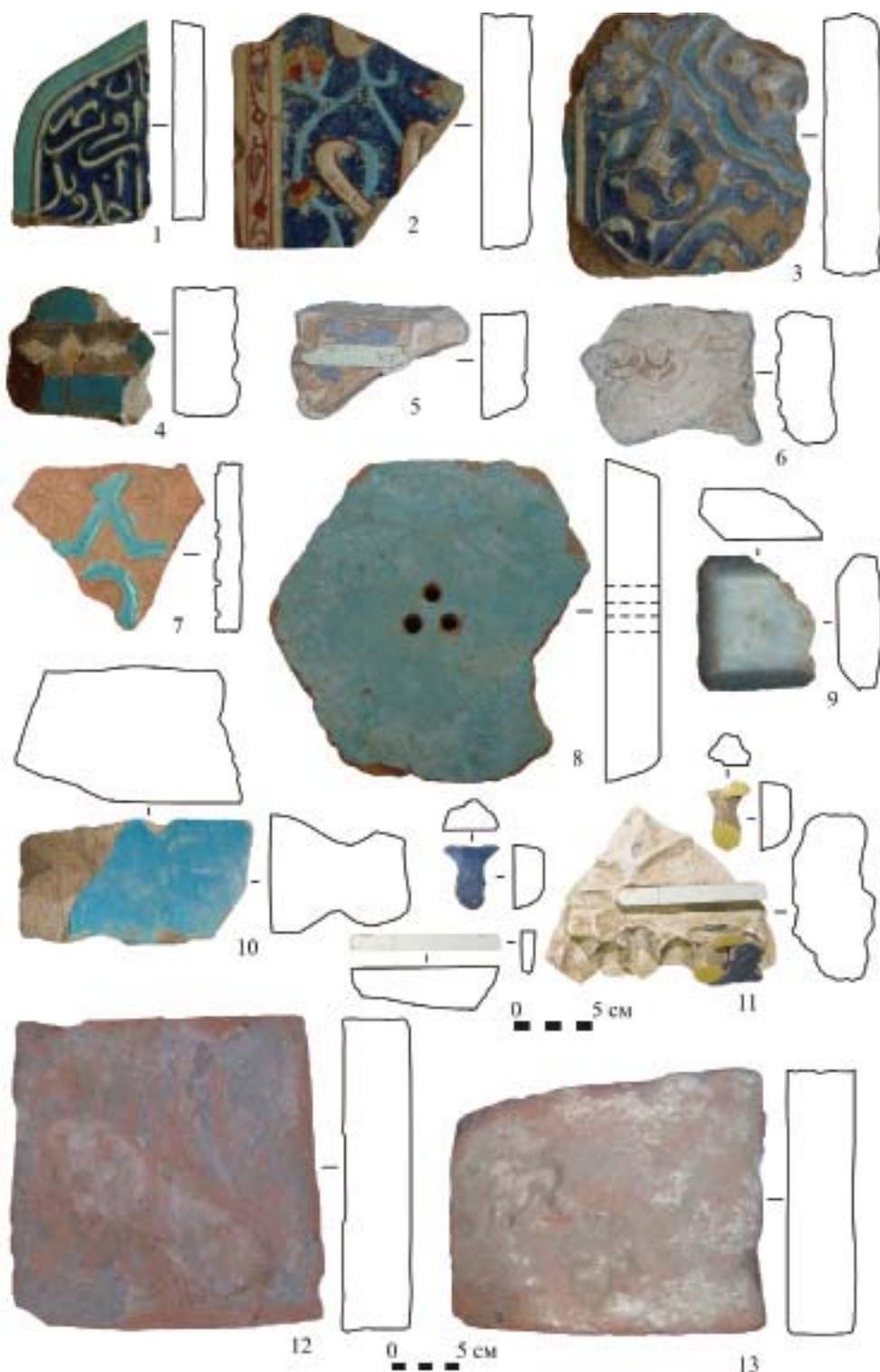

Рис. 24. Раскопы XL и XLII. Архитектурно-строительные детали: изразцы (1–7, 9–10), напольная плитка (8), фрагмент мозаики (11), кирпичи (12–13).

Рис. 25. Раскоп XLII. Изделия из стекла: вставки в украшения (1–3), бусины (4–5), масса стеклянная (6–8), ручки? (9–10), стекло витражное (11, 13, 15, 17), стенки сосудов (14–16).

Рис. 26. Раскоп XLII. Изделия из стекла стенки (1-5), донца сосудов (6-9).

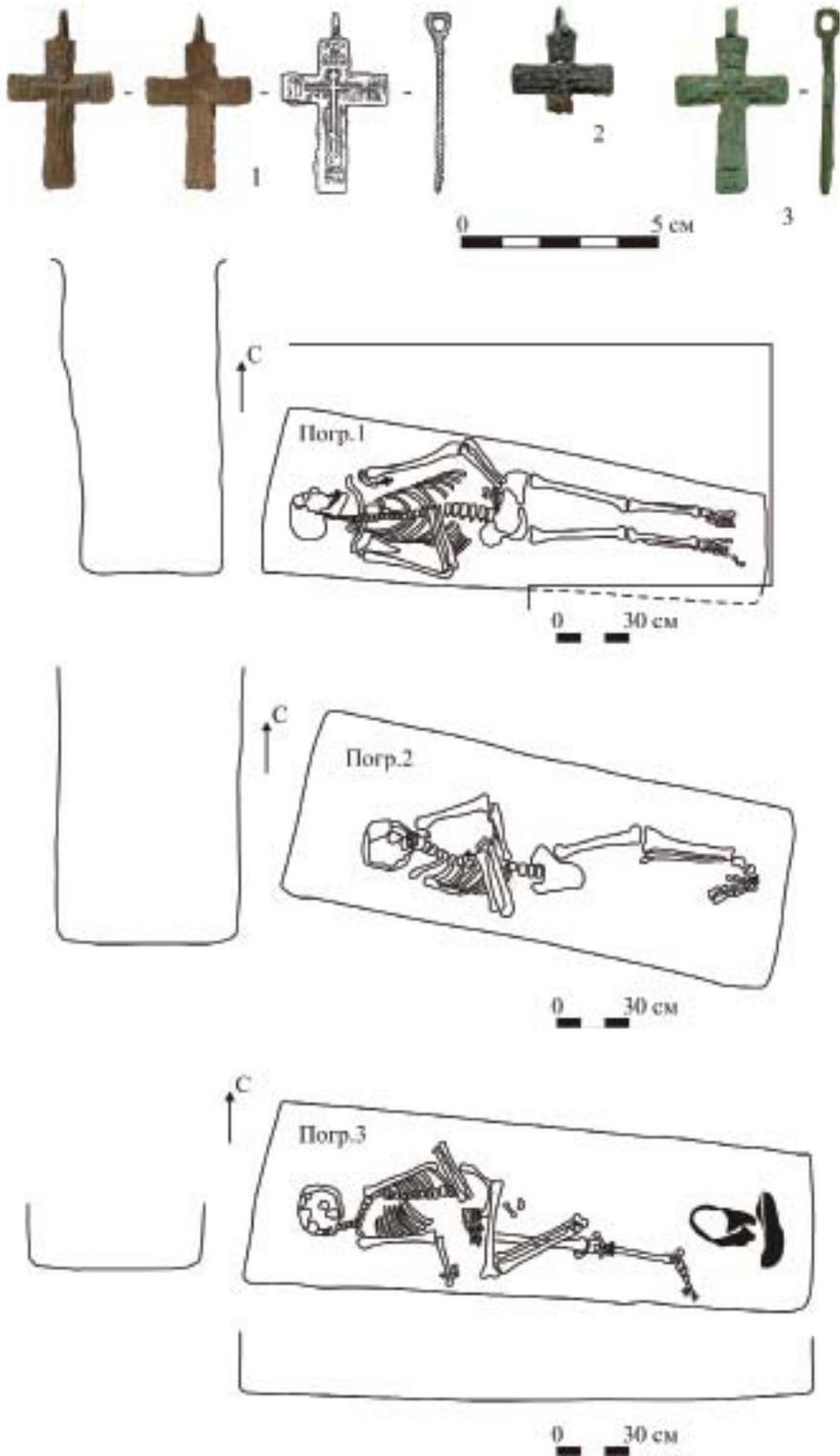

Рис. 27. Медные нательные крестики (1–3) и погребения.

(рис. 24: 13). В кладке имеются вертикально оставленные пазы шириной от 6 до 18 см через интервал 22–62 см.

Здесь же находились ямы, куда были впущены красноглиняные сосуды – хумы (рис. 15). Центральное помещение (яма 43) была заглублена в землю и по центру разделена на две комнаты деревянно-сырцовою перегородкой. На уровне пола фиксировались следы натопа.

Находки обломков кашинной посуды и изразцов, подражаний китайскому селадону (псевдоселадон), запасов белой глины и опоки дают основания предположить, что в этой мастерской, вероятно, изготовляли поливную кашинную посуду или архитектурные изразцы (рис. 24: 5–6).

На участке средневекового города, исследованного раскопом ХЛП, первоначально появились небольшие постройки с жилыми и хозяйственными помещениями, возведенные из глины и древесины. Одна из построек (соор.70) представляла собой жилой дом фахверковой конструкции прямоугольной формы с фиксируемыми размерами 360 х 230 см, с тандыром и обогреваемой суфой. Он установлен на нивелированной площадке и частично углублен в материк на глубину 50 см. Стены шириной 24–30 см сконструированы из бревен диаметром 18–20 см, уложенных горизонтально, на которых установлены вертикальные столбы диаметром 15–20 см. Пространство между ними залито пахсой – глиняной массой. Внутреннее пространство дома поделено на две части: юго-западную – хозяйственную и северо-восточную – жилую. Жилая часть занимает площадь размерами 200 х 200 см и отделено от остальной части перегородочной стеной шири-

ной в один кирпич (24 см), сложенной из сырцовых кирпичей, скрепленных глинистым раствором. Размеры кирпичей 32 х 24 х 6 см, 22 х 14 х 6 см. В перевязь с перегородочной стеной в северо-западной половине жилого помещения была устроена лежанка – суфа, под которой проложен дымоходный канал отопительной системы. Отопительная система представляла собой топочную камеру, устроенную в хозяйственной комнате дома, с отходящим от нее каналом горизонтального дымохода (кана) шириной 20 см. Перекрытие кана выложена фрагментированными и целыми красными обожженными кирпичами (21 х 21 х 5 см), уложенными плашмя в один слой. В юго-западной части суфы находился тандыр диаметром 40 см. В западной части хозяйственного помещения, у устья дымоходного канала, располагалась топочная камера. Пол помещений сформирован глиняной набивкой толщиной 2–3 см. Внутри дома прослежены следы двух пожаров и одного ремонта. После первого пожара, вызвавшего некоторое разрушение, дом был отремонтирован. Следствием ремонта является подъем пола восточной части жилой комнаты на 25 см от первоначального уровня – он сравнялся с уровнем лежанки. В результате ремонта была произведена также штукатурка внутренних стен, прокаленных и прокопченных в результате пожара, глиняным раствором. Поверх штукатурки нанесена известковая побелка толщиной 0,3–0,5 см. В результате второго пожара дом был разрушен и более не восстанавливался. В восточном углу хозяйственного помещения, на уровне пола, под слоем разрушения, обнаружены глиняный светильник и кувшинчик (рис. 14: 3; 16: 12).

С жилым домом связаны располагавшиеся рядом производственные постройки (соор. 50, 75 и 12). Раскопом исследована лишь незначительная часть сооружения 75, однако этого оказалось достаточным для определения его идентичности с сооружением 50 (рис. 8). Последняя состояла из двух частей: печи и рабочего помещения. Для его сооружения был выкопан котлован прямоугольной формы размером 545 x 305 см, углубленный в материк на 22–41 см. В юго-западной половине котлована воздвигнута кладка печи в плане квадратной формы размером 300 x 300 см, сложенная из красных обожженных кирпичей (22 x 22 x 5 см), скрепленных глинистым раствором. На одном из кирпичей фиксируется отпечаток подошвы обуви (рис. 24: 12). Высота кладки составляет 32–40 см (5–6 рядов кирпича). В его центральной части имеется топочная камера круглой формы диаметром 126 см, сложенная в перевязь со стеной, кирпичи которого сильно прокалены, в результате чего крошатся. Заполнение топочной камеры состояло из гумусированной смеси сажи и угля с включениями извести с золой. В нижних горизонтах заполнения фиксируется прослойка отвердевшей массы извести с золой толщиной 6–7 см. С северо-востока от топочной камеры находится проем – предтопок длиной 70–80 см и шириной 60–70 см.

Северо-восточный фасад печи с двух сторон предтопка имеет выступающие кладки, вытянутые вдоль фасада по линии северо-запад–юго-восток шириной в один кирпич, соединяющиеся у основания ленточной кладки шириной в полтора кирпича (40 см) и в высоту два ряда (рис. 8). Они также сложены из красного обожженного кирпича (21 x 21 x 5 см), од-

нако скреплены известковым раствором. Кладка находится на прослойке, образовавшейся в период функционирования сооружения. Данная кладка сооружена гораздо позднее и является свидетельством ремонта печи, она, вероятно, выполняла роль своеобразного контрфорса. Они сложены с отступом от стенки котлована на 20–26 см, где, скорее всего, имелась деревянная опалубка или бревенчатая окантовка северо-восточной части сооружения, представляющая собой рабочее помещение. Вход в помещение (дверной проем) располагался по центру северо-восточной стенки, который фиксируется в виде полуовального углубления шириной 100 см. От навеса или перекрытия помещения у северного и восточного угла котлована, по обе стороны входа, сохранились столбовые ямы диаметрами 26–30 см. В рабочем помещении, у предтопка, находилась яма ромбовидной формы размерами 58 x 50 см. В горизонтах разрушения и заполнения внутреннего пространства здания и прилегающих участках, кроме прочих находок, обнаружены поливной глиняный светильник, огнеупорный тигель и изразцы (рис. 13: 2; 14: 1; 23: 1, 4, 14–15, 18, 21–22; 24: 10).

С вышеописанными сооружениями связаны несколько круглых ям, располагавшиеся в непосредственной близости от мастерских (соор. 86, 87, 96). В них были впущены хумы, предназначенные для хранения сырья (рис. 8; 18: 1, 2).

К середине XIV в. рядом с обветшавшими постройками возводится новая мастерская – сооружение 12 размерами 670 x 470 см, которое вследствие того, что расположено на склоне, частью врезается, т.е. углу-

блен в материк на 32–140 см, частью (западный угол) находится на материковой поверхности (рис. 8). Здание также состояло из двух частей – печи подквадратной формы (434–442 х 454–480 см) и рабочего помещения прямоугольной формы (330–346 х 224–236 см). Кирпичная кладка печи и рабочего помещения сложена в перевязь из красных обожженных кирпичей, скрепленных известковым раствором. Кладка печи сохранилась в высоту в 19 рядов. В центре печи имеется топочная камера круглой формы диаметром 190 см, кирпичи которого сильно прокалены, в результате чего крошатся. Скорее всего, диаметр топки увеличился от первоначального в результате осыпания прокаленных кирпичей. Ровное дно топочной камеры выложено из красных обожженных кирпичей и покрыто глиняной обмазкой толщиной 2–4 см. Заполнение топочной камеры состояло из гумусированной смеси сажи и угля с включениями извести с золой. С северо-запада от топочной камеры находится проем – предтопок длиной 140 см. Сохранившаяся ширина составляет 60 см. Предтопок имел арочный свод, от которого на уровне 88 см выше дна предтопка сохранился кирпич, уложенный под углом 45° на мощный известковый раствор на специально выведенной площадке.

К северо-западу от печи по периметру котлована продолжается кладка стен рабочего помещения. Ширина стен составляет в основном 52 см, лишь ширина северо-восточной стены варьирует в пределах 42–62 см. Стена рабочего помещения сохранилась в высоту на 92 см (8–13 рядов кирпича). При возведении стен в большом количестве использовался

битый кирпич. Вход в рабочее помещение находился в центре северо-западной стены, где прослежен проем шириной 56 см. Порог сформирован на поверхности третьего ряда кирпичей со дна котлована. По внутреннему периметру стен на 9–11 см выше дна котлована образован выступ нижнего ряда кирпичей стены на ширину 4–7 см, вероятно, служивший опорой для дощатого пола, или уровнем пола помещения. Внутреннее пространство рабочего помещения занимало площадь 4,14 кв.м. Перед топкой и в северо-восточной половине располагались небольшие ямы, вероятно, использовавшиеся в производственных целях. С внешней стороны северо-западной стены обнаружены ямы, возможно, являющиеся остатками опорных столбов от перекрытия или навеса у входа сооружения.

В заполнении рабочей части сооружения в прослойках разрушения и периода функционирования мастерской обнаружены фрагменты поливных изразцов, хумов (в том числе с клеймом) и стеклянных сосудов (рис. 18: 3; 23: 6, 9–10, 20; 24: 1–3; 25: 12; 26: 3, 7–9).

Описанные сооружения 12, 50, 75, скорее всего, являются мастерскими по производству поливных изразцов. Данное предположение подкрепляется следующими фактами: 1) в заполнении рабочего помещения сооружения 50, в прослойке, образовавшейся в период функционирования и разрушения мастерских, а также на участках, прилегающих к ним, обнаружены три керамические тигли, сплошь покрытые с застывшей накипью глазури (рис. 13: 1–3); 2) с территории усадьбы происходят глиняные шарики, штыри и матрица, используемые в рабочем процессе керамического

производства (рис. 13: 4–5, 7–8); 3) в заполнениях сооружений и на остальной площадке усадьбы в большом количестве выявлены различные формы мозаичных изразцов с бирюзовой, темно-синей, темно-зеленой, желтой поливой, а также поливные изразцы с растительным орнаментом, некоторые с позолотой (рис. 23: 6–7, 9–10, 14–15, 20–22; 24: 1–3, 8–13); 4) на уровне пола рабочих помещений обнаружены стекловидный шлак и фрагменты стеклянных сосудов, вероятно, в них хранились минералы или ингредиенты, добавляемые в состав поливы (рис. 25: 6–8, 12; 26: 1, 3–4, 6–9); 5) на уровне пола внутри помещений и на площадке с внешней стороны построек прослежены прослойки с большим содержанием извести и золы, связанные с функционированием мастерских; 6) в прослойках периода функционирования и разрушения мастерских и непосредственной близости от них в большом количестве обнаружены фрагменты хумов, стенки которых сплошь покрыты известково-золистой коркой, которые, вероятно, служили тарой для хранения сыря.

II строительный период. Культурные напластования данного строительного периода также сильно переработаны и фиксировались только на отдельных участках раскопов. Прослойки II строительного периода представлены желтой плотной пестроцветной, желтой, бурой и серой плотной супесью с включениями сырца, извести, кирпича, угля. Они, возможно, образовались в третьей четверти XIV в. – в период «Великой замятни», когда городская жизнь приходит в упадок. С данным строительным периодом на двух раскопах увязываются 11 объектов. На раскопе

XLII к нему относятся 7 объектов: сооружения 17, 25, 26, 31, 33, 48, 65, 71, 84. Кроме того, в указанный период продолжали функционировать и некоторые объекты I строительного периода (соор. 12, 70). Соотношение сооружений более подробно определить не удалось (рис. 9). На раскопе XL к II строительному периоду относятся 5 объектов: мощение, сооружение 3 и ямы 5, 18, 20. Находки с заполнения объектов данного строительного периода представлены монетами, фрагментами и целыми формами сосудов (рис. 10: 11–12; 11: 1, 3, 13; 16: 4, 8, 16; 17: 9).

III строительный период. Культурные отложения данного строительного периода, хронологически можно отнести к последней четверти XIV – началу XV вв. Они стратиграфически выделяются плохо, так как сильно переработаны. Культурные напластования III строительного периода представляют собой грунт в виде желтой и бурой плотной пестроцветной супеси с включениями угля, кирпича, извести, сырца, образовавшийся в результате переработки более ранних напластований и жизнедеятельности на данной территории после гибели кирпичных мастерских усадьбы.

С указанным строительным периодом на двух раскопах увязываются 30 объектов. На раскопе XL к данному строительному периоду относятся 7 ямы 3, 6, 7, 8, 12, 34 и сооружение 2 (скопление кирпичей).

На раскопе XLII к III строительному периоду относятся 23 объекта, из которых сооружения 88, 89, 90, 91, 95, 99–106, 109 и столбовые ямы 30–32 увязываются с появлением на исследованном участке нового жилого дома с хозяйственными по-

стройками. Соотношение других сооружений 16, 24, 34, 58, 63, 64 более подробно определить не удалось. Они функционировали после разрушения кирпичной мастерской (соор. 12) или являются синхронными ему (рис. 9). Во второй половине XIV в. на данной территории воздвигается новая наземная постройка (соор. 88), которая являлась жилым домом с хозяйственными помещениями, погребками (соор. 101 и соор. 102) и тошнау (соор. 103). Стены дома сооружены из бревен и сырцовых кирпичей, от которых сохранились контуры в виде древесного тлена, и суфа прямоугольной формы (330 x 90 см), к которой перпендикулярно примыкает перегородочная стена размерами 126 x 22 см. Кладка сложена из сырцовых и частично из битых красных обожженных кирпичей, скрепленных глинистым раствором. Размеры целых сырцовых кирпичей: 42 x 26 x 6 см, 42 x 16 x 6 см. Подошва кладки покоится на культурном слое. Отопительная система представлена двухканальным каном «П-образной» формы, сложенным из сырцовых кирпичей на глинистом растворе. По обе стороны от суфы имелись хозяйственные помещения с ямами-кладовками и погребками. В погребка в плане прямоугольной формы размерами 206 x 130 см и 200 x 140 см были впущены деревянные коробки, от которых сохранился древесный тлен. За пределами стены дома на расстоянии 120 см был устроен умывальник – тошнау. Он представлял собой углубление, куда был впущен глиняный сосуд – хум горловиной вниз. Дно хума, обращено наверх и пробито перед установкой в яму (рис. 7).

Судя по полученным данным и анализу нумизматического материала,

данный район золотоордынского города прекратил свое существование к середине XV в. Монеты, относящиеся к последней четверти XIV – началу XV в., в основном происходят из переработанного слоя позднего времени (рис. 10: 1, 8, 13, 15; 11: 4–5, 7, 12, 14–15). Находки с заполнения объектов данного строительного периода: медный наперсток, костяные «коньки», глиняная игрушка в виде животного, фрагмент чугунного котла, фрагменты и целые формы сосудов, фрагменты поливных изразцов, изделия из стекла (рис. 12: 14–17; 14: 2, 5; 15: 1, 3; 19: 6, 16; 21: 10–11; 22: 1; 23: 5; 25: 2, 4, 17; 26: 5).

IV строительный период. Слои русского времени XVIII – начала XIX в. представляют собой перемешанный грунт (перемес) в виде желтой и бурой плотной и рыхлой пестроцветной супеси с включениями угля, кирпича, извести, сырца. Они образовались в результате последовательной переработки более ранних напластований, а также разрушения зданий и перемещения грунта в процессе добычи кирпича и кладоискательства. Их формирование связано с существованием XVIII – начале XIX вв. крепости и селитроваренного завода, построенных на месте городища в начале XVIII в. Появление этих объектов и образование вокруг них села представляет собой логическое продолжение заселения данной территории. Село, как и золотоордынский город, вытянуто вдоль р. Ахтуба, что объясняется доступом к воде. В этот период в районе исследований располагалось православное кладбище, выявленное в ходе раскопочных работ 2009 г.

Лучшая сохранность этого позднего слоя фиксируется в раскопе XLII.

Его мощность достигает 65–180 см, но он фиксируется не равномерно. На отдельных участках отложения полностью переработаны. По содержанию это грунт в виде желтой, бурой и желто-серой плотной, рыхлой и пестроцветной супеси с включениями угля, золы, кирпича, сырца, прокала, извести. Отложения образовались в результате перекопов более ранних напластований, а также разрушения зданий и перемещения грунта в процессе добычи кирпича. Он фиксируется в профилях раскопа в виде горизонтов выбросов, дневные уровни которых выходят до современной поверхности (рис. 5–6). Верхний горизонт данного слоя прослеживается в виде желтой плотной супеси с включениями кирпича, сформировавшегося в конце XVIII – начале XIX вв.

К данному строительному периоду относятся 15 объектов, из них на раскопе XLII изучены 14: сооружения 7, 12б, 14, 36, 39, 55, 60, 82, погребения 1–4 и столбовые ямы 17, 28; на раскопе XL выявлен всего один объект – яма 16.

Раскопом также исследованы четыре погребения сельского некрополя (рис. 27). Захоронения были совершены в соответствии с православным обрядом в гробах, однако присутствуют некоторые отклонения. Костяк из погребения 1 лежит вытянуто на спине, головой ориентирован на запад, лицо повернуто на север. Левая рука вытянута вдоль тела, кисть лежит в области таза. Правая рука согнута на локте и кисть находится на груди. Костяк из погребения 2 лежит на левом боку, головой ориентирован на запад, лицом на север. Руки согнуты на локте и кисть находится в области живота. Костяк находится в анатомическом порядке, отсутствуют бедренная и

берцовая кости правой ноги, колено левой ноги несколько согнуто. Костяк из погребения 3 лежит в (анатомическом порядке) на правом боку, головой ориентирован на запад, лицом на юг. Руки согнуты на локте, кисть левой руки находится в области таза, кисть правой руки – у южной границы могильной ямы. Правая нога вытянута, левая согнута в колене и покоится на правой. Погребение 4 раскопом XLII исследовано частично. В погребениях 1–3 на костяках в области груди обнаружены медные нательные крестики, у одного погребенного у ног зафиксирована кожаная обувь. Могильные ямы в плане прямоугольной формы, глубиной до 133 см.

Находки со слоя представлены переотложенными предметами золотоордынского периода (рис. 12: 3–4, 6–13; 13: 1, 3, 4–10; 14: 4–7; 16: 7, 9, 11, 13–14, 17; 17: 1–3, 6–7, 11; 19: 2–5, 7–15, 17–19; 20: 1–7; 21: 1–9, 12–17; 22: 2; 23: 1–3, 7–8, 11–13, 15–19; 24: 6–10; 25: 1, 3, 5, 9–11, 13–16; 26: 1).

V строительный период. Современный слой мощностью 3–45 см соотносится с V хронологическим строительным периодом, датируемым XIX–XX вв. Он сформировался в результате перемещения грунта в процессе функционирования наземной постройки, а также надува песка, вызванных природно-климатическими изменениями в начале XIX в., и увязывается с запустением данного участка.

Слой представлен желтой плотной и рыхлой супесью, накопившейся в результате надува и намыва песка, а также коричневой рыхлой гумусированной супесью, образовавшейся от разложения органики. В XIX–XX вв. на исследованном участке стояла на-

земная деревянная постройка, от которой сохранились остатки столбов.

К данному строительному периоду на раскопе XLII относятся 46 объектов: сооружения 1–11, 13, 37, 38, 40, 56, 83, 85, 92, 93 и столбовые ямы 1–14, 16, 18–27. Они, вероятно, связаны с функционированием здесь наземной постройки, от которой сохранились лишь остатки опорных столбов. На раскопе XL к современному строительному периоду относятся 5 объектов: остатки сооружения 1 и ямы 1, 2, 4, 11.

В слое содержатся находки как золотоордынского периода, так и современные предметы (полиэтилен, железные детали техники, шифер, стекло и т.д.).

Материальная культура памятника демонстрирует яркую культуру золотоордынского города, отражая его этапы развития от бурного роста до последующего упадка и появления небольшого поселения в XVIII в. В коллекцию для постоянного хранения взяты многочисленные находки золотоордынского времени (более 5 тыс. ед.), происходящие как из средневековых слоев, так и из более поздних слоев и сооружений, переработавших ранние напластования.

Основной массовый материал составляют *изделия из глины*, представленные цельными формами и фрагментами сосудов следующих групп. Самую значительную группу составляет кашинная поливная керамика, которая среди керамики представлена около 60% от общего числа фрагментов глиняной посуды (рис. 21: 9–15, 17–18; 22). В ней выделяется небольшая подгруппа кашинной поливной керамики, т.н. «псевдоселадон». Ее количество не превышает 1% от об-

щего числа кашинной посуды (рис. 21: 8). Преобладающая часть этой посуды местного производства

Представительной является группа красноглиняной круговой керамики, составляющей более 30% от общего числа изделий из глины. Она подразделяется на поливную (рис. 14: 1; 16: 3–7; 17: 4–5; 20) и неполивную (рис. 13: 6; 14: 2–7; 15; 16: 8–18; 17: 1–3, 6–12; 18). В общем количестве керамики в этой группе неполиваная достигает до 60%. Неполиваная керамика связана преимущественно с местным производством. В отдельную группу выделяется сероглиняная керамика. Ее не более 3% от общего числа керамических находок. В свою очередь, она делится на поливную и неполивную (рис. 19: 7–19). В группе преобладает поливаная, составляющая в ней более 70%. Небольшие группы керамики представлены различными привозными изделиями: селадон (рис. 21: 4–8), фарфор (рис. 21: 1–3), белоглиняная штампованная с поливой (рис. 19: 1–3) и без поливы (рис. 19: 4–6).

В коллекцию отобраны также изготовленные из глины огнеупорные тигли и их фрагменты (рис. 13: 1–3), красноглиняная матрица для изготовления лепнины (рис. 13: 7), шарики (рис. 13: 4–5), штыри для горнов по изготовлению поливной керамики (рис. 13: 8–10), красноглиняная игрушка в виде животного (рис. 12: 16), напрясло, лощило, шарообразные и сплюсненные предметы (рис. 13: 2–3), обожженный кирпич с оттиском подошвы обуви (рис. 24: 12) и отпечатком собачьей лапы (рис. 24: 13).

Особую группу находок раскопа составляют поливные изразцы (около 10% от общего числа находок), которые подразделяются на монохромные

и полихромные. Среди монохромных по цветовому оттенку выделяются три подгруппы: бирюзовые или голубые – около 50% (рис. 23: 16–19, 21; 24: 8–10), синие – 20% (рис. 23: 14–15, 20), желтые менее 1% (рис. 23: 13), другие цвета или прозрачные. Полихромные, по наличию или отсутствию позолоты, что требовало дополнительной технологической операции, делятся на группу изразцов без позолоты 12% (рис. 23: 1–5, 7; 24: 1, 3) и с позолотой 4% (рис. 23: 6, 8–12; 24: 2). Кроме того, с раскопа происходят единичные элементы архитектурного декора в виде мозаичного панно (рис. 23: 22; 24: 4–6).

Значимая группа находок представлена *изделиями из стекла* (около 3%), которые можно разделить на следующие подгруппы: украшения, состоящие из бус (рис. 25: 4–5) и вставок в ювелирные изделия (рис. 25: 1–3); витражное или оконное стекло (рис. 25: 11, 13, 15, 17); фрагменты сосудов (рис. 25: 14–16; 26), ручки изделий или стекломасса (рис. 25: 9–10) и собственно, сама стекломасса (рис. 25: 6–8); шлак.

Небольшую группу находок составляют *костяные изделия* (не более 1%) – «коньки» (рис. 12: 13–15), заготовки рукояти (рис. 12: 11) и неопределенных предметов (рис. 12: 12).

Предметы из черного и цветного металла состоят из единичных фрагментов чугунного котла (рис. 12: 17), свинцового предмета (рис. 12: 10), нескольких фрагментов бронзовых(?) изделий, обломков зеркал (рис. 12:

9) сосудов, замков. В их числе три нательных креста XVIII в. (рис. 27: 1–3), а также находки золотоордынского слоя: кольцо (рис. 12: 7), обломок ювелирного изделия (рис. 12: 6), пряжка (рис. 12: 3), бубенчик (рис. 12: 4), наперсток (рис. 12: 5), гвозди (рис. 12: 1–2), неопределенные предметы и выплески меди (рис. 12: 8).

В особую группу выделяется *нумизматический комплекс*, включающий около 300 медных (рис. 10; 11: 1–12), и не более 10 серебряных (рис. 11: 14–15) монет и один медный (фальшивый) дирхем (рис. 11: 13).

Таким образом, в процессе археологических исследований (1969–2009 гг.) на этом участке берегового обрыва получена достаточная полная картина его развития в различные периоды. Раскопками удалось изучить культурные напластования и объекты, связанные с расцветом города в XIV в., что подтверждается плотностью и интенсивностью застройки и многочисленными находками. Прибрежная полоса города представляла собой наиболее привлекательный участок, о чем свидетельствуют его плотная застройка и планиграфия. Материалы XV в. отражают затухание активной жизнедеятельности на данной территории города, что, вероятно, связано с обострившейся борьбой за власть в Орде, и последующим уменьшением административно-политической значимости города, известного в отечественной историографии как Сарай-Бату.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды: (результаты археологических работ летом 1922 года). – Казань, 1923.

2. Валиев Р.Р. Отчет об археологических охранно-спасательных раскопках на Селитренном городище в Харабалинском районе Астраханской области в 2007 году (раскоп XLII). Часть 1–2. – Йошкар-Ола, 2012. – 240 л.
3. Валиев Р.Р. Отчет об археологических охранно-спасательных раскопках на Селитренном городище в Харабалинском районе Астраханской области в 2009 году (раскоп XLII). Т. I. – Йошкар-Ола, 2012. – 175 л.
4. Валиев Р.Р. Отчет об археологических охранно-спасательных раскопках на Селитренном городище в Харабалинском районе Астраханской области в 2009 году (раскоп №XLII). Том II. Часть 2. – Йошкар-Ола, 2012. – 154 л.
5. Валиев Р.Р. Хумы с клеймами из раскопок Селитренного городища // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы Второй междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвящ. памяти М.А. Усманова. – Казань, 2011. – С. 351–353.
6. Григорьев В.В. О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды // Россия и Азия. (Сб. исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В. В. Григорьевым). – СПб., 1876.
7. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985.
8. Егоров В.Л., Юхт А.И. В.Н. Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // СА. – 1986. – № 1.
9. Загоскин Н.П. Селитренный городок Астраханской губернии, Енотаевского уезда // Тр. IV АС. Т. 1. – Казань, 1884.
10. Кобеко Д.Ф. К вопросу о местоположении города Сарая, столицы Золотой Орды // Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. 4, вып. 3–4. – СПб., 1889.
11. Малиновский К.Н. Поездка в с. Селитренное Астраханской губернии Енотаевского уезда // Протоколы Петровского общества исследователей Астраханского края с 4.10.1874 г. по 31.12.1887 г. – Астрахань, 1888.
12. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, половина 2. – СПб., 1788.
13. Рудаков В.Г. Селитренное городище: история изучения и перспективы исследования // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.В. Синицина (1900–1972). – Саратов. 2000.
14. Рыбушкин М.С. Записки об Астрахани. – М., 1848.
15. Спицын А.А. Отчет о поездке члена Археологической комиссии А.А. Спицына летом 1893 г. на Жареный бугор и некоторые приволжские золотоордынские города // ОАК за 1893 год. – СПб., 1895.

Информация об авторах:

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); VRR80@yandex.ru

Пигарев Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, Историко-культурный центр «Сарай-Бату» (с. Селитренное, Астраханская обл., Россия); pigarev1967@mail.ru

Мухамадиев Азгар Гатауллович, член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия);

Ситдиков Айрат Габитович, кандидат исторических наук, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет, зав. НЦАИ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE «BOLNICHNY BUGOR» OF THE SELITRENNOE SETTLEMENT IN 2006–2009

R.R. Valiev, E.M. Pigarev, A.G. Mukhamadiev, A.G. Sitdikov

The results of the 2006–2009 archaeological research of the Bolnichnyi Bugor (Hospital Hill), a component part of the Selitrennoye (Sarai-al-Maqrus) fortified settlement site, are presented in the article. The objects identified are grouped according to the five construction periods, of which the first three belong to the Golden Horde time (the 14th to first half of the 15th century), the fourth – to the 18th – early 19th centuries, and the fifth refers to the 19th and 20th centuries. The site development stages are analyzed; the description of structures and material culture objects is provided. The first construction period corresponds to the emergence of the Golden Horde city and its heyday in the 14th century. In the layers of the time, in addition to residential and commercial structures, workshops for the production of tableware, glazed tiles and bricks have been discovered. The city decline, which had started in the late 14th century and activity cessation in the territory under study by the mid-15th century probably, resulted from internecine strife aggravation within the Horde.

Keywords: archaeology, the Lower Volga river region, the Golden Horde, Sarai-al-Maqrus, the Selitrennoye fortified settlement site, periodization, residential structures, workshops.

REFERENCES

16. Ballod, F. V. 1923. *Staryi i Novyi Sarai, stolitsy Zolotoi Ordy: rezul'taty arkhelogicheskikh rabot letom 1922 goda (Old and New Sarays, the Golden Horde Capitals: Results of Archaeological Fieldworks in Summer of 1922)*. Kazan (in Russian).
17. Valiev, R. R. 2012. *Otchet ob arkhelogicheskikh okhranno-spatatel'nykh raskopkakh na Selitrennom gorodishche v Kharabalinskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2007 godu (raskop XLII) (Report on Archaeological Rescue Fieldworks in Selitrennoe Hillfort, Kharabali District, Astrakhan Oblast, in 2007: Dig XLII)*. Parts 1–2. Yoshkar-Ola (in Russian).
18. Valiev, R. R. 2012. *Otchet ob arkhelogicheskikh okhranno-spatatel'nykh raskopkakh na Selitrennom gorodishche v Kharabalinskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2009 godu (raskop XLII) (Report on Archaeological Rescue Fieldworks in Selitrennoe Hillfort, Kharabali District, Astrakhan Oblast, in 2009: Dig XLII)*. Vol. I. Yoshkar-Ola (in Russian).
19. Valiev, R. R. 2012. *Otchet ob arkhelogicheskikh okhranno-spatatel'nykh raskopkakh na Selitrennom gorodishche v Kharabalinskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2009 godu (raskop №XLII) (Report on Archaeological Rescue Fieldworks in Selitrennoe Hillfort, Kharabali District, Astrakhan Oblast, in 2009: Dig XLII)*. Vol. II, part 2. Yoshkar-Ola (in Russian).
20. Valiev, R. R. 2011. In *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage) 2*. Kazan, 351–353 (in Russian).
21. Grigor'ev, V. V. 1876. In *Rossii i Aziia (Russia and Asia)*. Saint Petersburg, 259–321 (in Russian).
22. Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaya geografiya Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries)*. Moscow (in Russian).
23. Egorov, V. L., Iukht, A. I. 1986. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology) (1)*, 232–239 (in Russian).

24. Zagoskin, N. P. 1884. In *Trudy IV arkhеologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 4th Archaeological Congress)* 1. Kazan (in Russian).

25. Kobeko, D. F. 1889. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkhеologicheskogo obshchestva (Memoirs of the Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society)* IV (3–4). Saint Petersburg, 287-290 (in Russian).

26. Malinovskii, K. N. 1888. In *Protokoly Petrovskogo obshchestva issledovatelei Astrakhanskogo kraia s 4.10.1874 g. po 31.12.1887 g. (Proceedings of the Peter the Great Society of Explorers of the Astrakhan Land from 4.10.1874 to 31.12.1887)*. Astrakhan (in Russian).

27. Pallas, P. S. 1788. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva (Travel through Various Provinces of the Russian State)* 3 (2). Saint Petersburg (in Russian).

28. Rudakov, V. G. 2000. In Maksimov, E. K., Iudin, A. I., Dremov, I. I. (ed. board). *Vzaimodeistvie i razvitie drevnikh kul'tur iuzhnogo pogranich'ia Evropy i Azii (Interaction and Development of Ancient Cultures of Southern Border Zone between Europe and Asia)*. Saratov: Saratov State University, 201-203 (in Russian).

29. Rybushkin, M. S. 1841. *Zapiski ob Astrakhani (Notes on Astrakhan)*. Moscow: Typography of S. Selivanovsky (in Russian).

30. Spitsyn, A. A. 1895. In *Otchety Imperatorskoi arkhеologicheskoi komissii za 1893 god (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1893)*. Saint Petersburg, 76-97 (in Russian).

About the Authors:

Valiev Renat R. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; VRR80@yandex.ru

Pigarev Evgeniy M. Candidate of Historical Sciences. Municipal State Cultural Institution "Sarai-Batu Historical and Cultural Center". Sovetskaya St., 53, Selitrennoe, Harabali district, Astrakhan oblast, 416022, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

Mukhamadiev Azgar G. Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, Republic of Tatarstan, Russian Federation; am-m@yandex.ru; gatason@yandex.ru

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

ТОРГОВЫЙ ИНВЕНТАРЬ С БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

© 2013 г. М.Д. Полубояринова

При раскопках на Болгарском городище, на участке к юго-западу от Соборной мечети, проводившихся в 1989–1993 гг. и с 2011 г. по настоящее время, были обнаружены находки, свидетельствующие о торгово-ремесленной специализации этого района в XIV в. Это выразительные остатки стеклодельного, ювелирного, косторезного ремесел, следы обработки янтаря и большое количество предметов, связанных с торговлей: гири различных размеров и фрагменты весов. Особый интерес представляет набор предметов торгового инвентаря, большая часть которого найдена в доме, принадлежавшем, по-видимому, богатому купцу. Многие предметы, найденные в исследованном районе, говорят о широких торговых связях Болгара с различными странами и регионами, в том числе такими как Средняя Азия, Кавказ, Индия, Китай.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, золотоордынское время, Болгарское городище, торгово-ремесленный квартал, весы, гири, торговые связи

В 1989–1993 гг. на Болгарском городище велись раскопки на территории к юго-западу от Соборной мечети – в центральном районе города золотоордынского времени и на окраине домонгольского. Работами руководили Г.Ф. Полякова, Н.А. Кокорина и М.Д. Полубояринова. Было вскрыто 472 кв.м. С 2011 г. работы на этом интереснейшем участке возобновились под руководством археологов В.С. Баранова и В.Ю. Коваля, и продолжают в настоящее время.

Особенностью этой части Болгара является очень большая нарушенность культурного слоя. Слой сильно перемешан в результате добычи местным населением в XVIII–XIX вв. камня и кирпича, из которого было построено монументальное здание, верхнего горизонта позднезолотоордынского периода. Были не только разобраны стены, но произведена выборка фундаментов, в результате чего слой был сильно перекопан, особенно его верхняя половина.

За время работ конца XX в. и 2000 г. были открыты объекты, ко-

торые позволили охарактеризовать этот район как торгово-ремесленный. Здесь были найдены остатки стеклодельного, ювелирного, косторезного ремесел, следы обработки янтаря и большое число предметов, связанных с торговлей. На вскрытой площади были открыты три жилища, существовавшие в одно время – наземный деревянный дом с подпольем (раскоп CIV – 1989 г.), полуземлянка А (раскоп CXV – 1992 г.) и полуземлянка Б (раскопы CIX, CXIII, CXV – 1990, 1991 и 1992 гг.). Дом находился в южной части раскопа, рядом с ним на расстоянии двух метров к востоку – полуземлянка Б, а в восьми метрах к северу от нее – полуземлянка А.

Большая часть находок, торгового инвентаря была сосредоточена в подполье наземного деревянного дома и в полуземлянке А. Отдельные предметы, связанные с торговлей, были найдены в полуземлянке Б и на окружающем пространстве. Все эти сооружения относятся к нижнему горизонту позднезолотоордынского слоя.

Дом (соор. № 1 на раскопе CIV – 1989 г.) сохранился лишь частично. Он погиб в пожаре, а позднее был перерезан фундаментным рвом монументального здания и несколькими ямами. От дома остался южный угол сруба, который опирался на большой белый камень, и часть дощатого настила пола из 5 досок и бревна-переводины. Подпольная яма дома (соор. № 1а) круглая, диаметром 3 м и глубиной 1,4 м изнутри была покрыта слоем желтой материковой глины. В подполье провалилась часть сгоревшего дома. В заполнении подполья содержалось множество находок, в том числе три медных монеты – XIII в., 1321 г., 1340 г., которые датируют постройку. Среди бытовых вещей в подполье был найден уникальный набор предметов торгового инвентаря:

Гиря из красной меди усеченноконической формы весом 1010 г. Диаметр по верху 5,5 см, диаметр по низу 6,5 см, высота 4,5 см. На верхней поверхности в центре и по краю три концентрических окружности. На боковой поверхности три пояса линейного орнамента (рис. 1: 9; раскоп CIV-1989 г., соор. № 1а).

Медная гиря дисковидной формы диаметром 5 см, высотой 1,2 см, весом 175 г. В центре верхней поверхности орнамент в виде круга (рис. 1: 10; раскоп CIV-1989 г., соор. № 1а).

Железная гиря весом 680 г цилиндрической формы диаметром 7 см, высотой 3 см (рис. 1: 3; раскоп CIV-1989 г., соор. № 1а).

Железная гиря весом 245 г цилиндрической формы диаметром 4,5 см, высотой 2 см (рис. 1: 1; раскоп CIV-1989 г., соор. № 1а).

Железная гиря четырнадцатигранной формы весом 205 г, длиной 4,5

см, шириной 3,5 см, толщиной 3,2 см (рис. 1: 2; раскоп CIV-1989 г.).

Чашка весов медная, диаметром 6,7 см с отломанным краем, внутренняя поверхность чашки покрыта тонким гравированным узором, выполненным штихелем: круг разделенный радиусами на шесть секторов, в центре шестилепестковая розетка в двойной окружности, от радиусов отходят завитки, отступя 0,5 см от края чашки проходит орнаментальная полоса, заполненная S-видными фигурами и городками (рис. 2: 3; раскоп CIV-1989 г.).

Целая медная чашка весов диаметром 7,5 см без орнамента, с сохранившимся в одном из отверстий обрывком веревочки с узелком (рис. 2: 4; раскоп CIV-1989 г., соор. № 1а).

Сломанная чашка весов без орнамента диаметром 9 см (раскоп CIV-1989 г., соор. № 1а).

В трех метрах к западу от дома была найдена еще одна смятая медная чашка весов диаметром 9 см (раскоп CIV-1989 г., шт. 5, кв. 12).

Рядом с этой находкой в яме также встретился обломок медной чашки весов. Яма стратиграфически датируется несколько более ранним временем – раннезолотоордынским периодом, но по виду эта чашка как будто входит в комплекс вышеописанных (раскоп CIV-1989 г., соор. № 7).

В 10 м к северо-западу от дома найдена железная гиря прямоугольная плоская размером 5 x 4,5 x 0,8 см (раскоп CVIII-1990 г., шт. 3, кв. 8).

Около деревянного дома было открыто несколько одновременных ему ям. Яма № 14 (возможно подпольная часть какой-то легкой постройки) содержала массу находок, в том числе стеклянных бус и перстней, частично

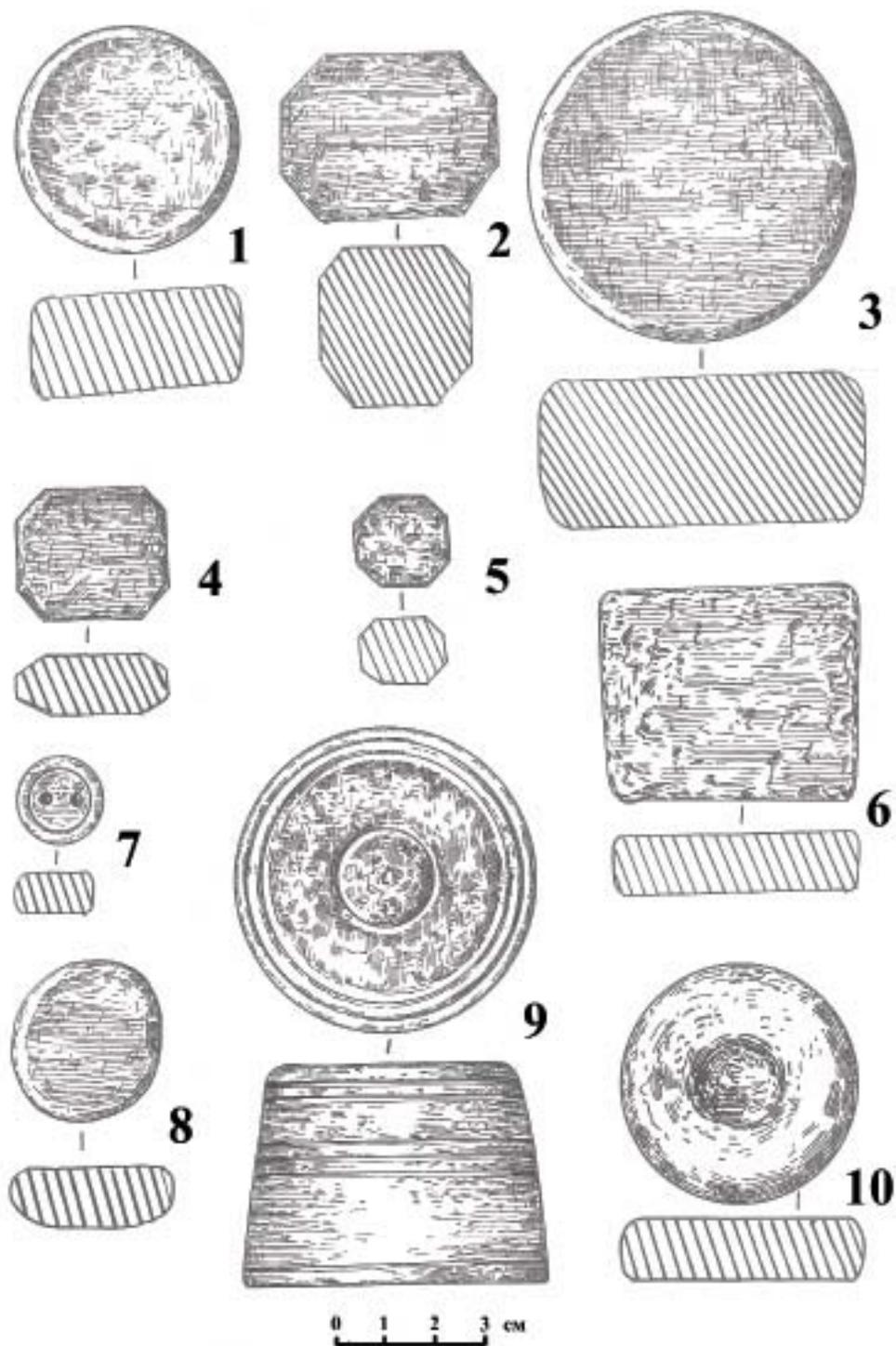

Рис. 1. Гиря с территории торгово-ремесленного квартала города Болгара: 1–6 – железные гиря, 7 – железная гирька в бронзовой обкладке, 8–10 – медные гиря.

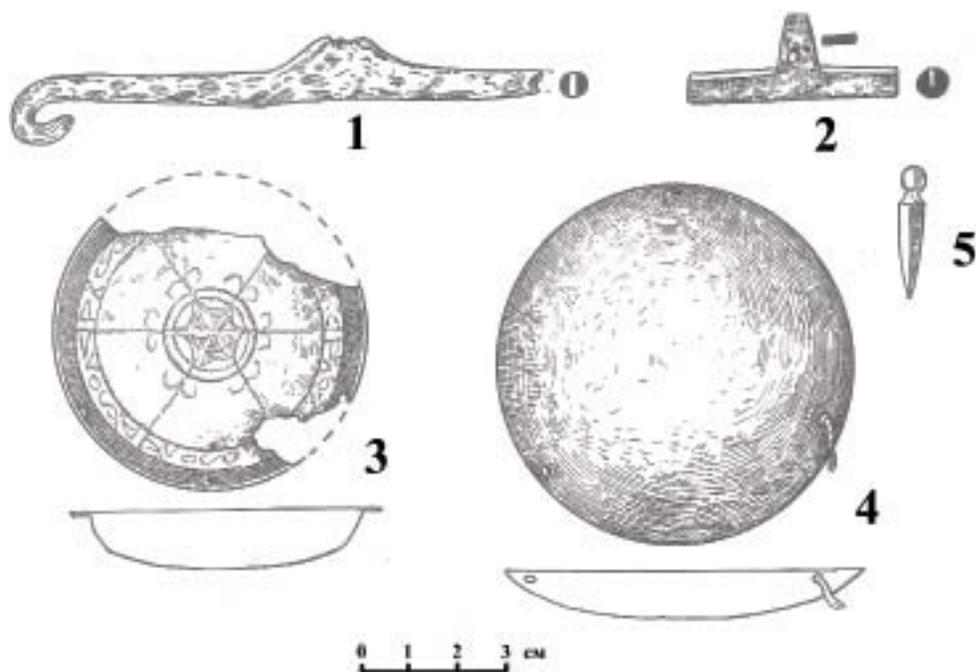

Рис. 2. Детали бронзовых весов для малых взвешиваний:
1–2 – коромысла, 3–4 – чашки, 5 – шпенек.

бракованных, изготовленных в мастерской полуземлянки А, где зафиксировано стеклодельное производство (Полубояринова, 2006, с. 152 и сл.) Несколько таких бус и перстней найдено в подполье дома, что подтверждает связь между этими сооружениями.

В комплексе полуземлянки А были найдены две небольшие железные гири четырнадцатигранной формы. Одна весом 50 г, размером 3,1 x 2,6 x 1,2 см (рис. 1: 4; раскоп СХV-1992 г., шт. 3, кв. 21), другая размером 1,8 x 1,8 x 1,2 см (рис. 1: 5; раскоп СХV-1992 г., шт. 3, кв. 18). Здесь же находилась смятая медная чашка весов (раскоп СХV-1992 г., шт. 3, кв. 19).

Южнее полуземлянки найдена так называемая «сферическая» железная гирька в бронзовой обкладке с двумя ямками на верхней поверхности, обозначающими кратность. Диаметр

гирьки 1,5 см, высота 0,8 см (рис. 1: 7; раскоп СХV-1992 г., шт. 3, кв. 4).

Между полуземлянками А и Б найдена средняя часть бронзовых складных весов. Длина средней части весов 4,8 см. Верх представляет собой пластинку толщиной 0,2 см, длиной 1,6 см. В ней имеется сквозное, немного сдвинутое от центра отверстие (рис. 2: 2; раскоп СХV-1992 г.).

Другие бронзовые весы найдены в засыпи полуземлянки Б. Они представляли собой коромысло с одним обломанным концом. Сохранившийся конец снабжен крючком, за который цепляли чашку. Восстанавливаемая длина коромысла 16 см. Верх весов обломан. Диаметр круглого стержня коромысла 0,5–0,8 см (рис. 2: 1; раскоп СХIII-1991 г., шт. 5, кв. 5).

Возможно, гирькой служил бронзовый слиток эллипсоидной формы, найденный в этом же слое в северной

части раскопа (рис. 1: 8; раскоп CV-1989 г., шт. 2, кв. 2). Рядом со слитком лежали два камня такого же размера и формы, которые также могли служить гирьками.

Итак, на площади раскопов найдены 17 предметов, представляющих торговый инвентарь: два обломка бронзовых весов разной конструкции, одна сферическая (или бочонкообразная) гирька к ним, шесть медных чашек от таких весов, две медные гири от больших весов, шесть железных гирь разных форм и веса, бронзовый слиток служивший, возможно, гирькой. Такое скопление является неоспоримым свидетельством торговли, происходившей на этом участке Болгара в середине XIV в. Дом, в подвале которого сохранилась большая часть набора гирь, принадлежал богатому купцу, который вел торговлю и мелкими разнообразными товарами, требующими взвешивания на маленьких весах, и значительно более крупными, для чего служили большие гири. Возможно, какие-то из найденных предметов, относящихся к торговому инвентарю, хранились в наземной части дома и попали на окружающую территорию в момент его разрушения.

О богатстве хозяина дома свидетельствуют находки в подполье бронзового зеркала, бронзового замочка от шкатулки в виде фигурки бычка, а также обломков китайских селадонных чаш, поливной чаши крымского производства, обломков амфор, т.е. вещей, которые попали в Болгар в результате международной торговли.

На исследованных площадях найдено много предметов, говорящих о разветвленных торговых связях Болгара. Например, 15 экземпляров раковин каури, из которых одна с про-

сверленной дырочкой. Кроме них из Индийского океана происходит, по определению биологов, обломок очень крупной раковины, которая могла использоваться для изготовления перламутровых украшений. Здесь же было найдено 25 фрагментов китайского селадона. Возможно, из Средней Азии доставлены 24 мелких украшений из кашина, покрытые бирюзовой поливой. Встречены также осколки ближневосточных стеклянных сосудов, скорлупа грецкого ореха с Кавказа, хрустальная вставка перстня из Индии (Полубояринова, 2008, с. 91).

Полуземлянка А являлась жилищем ремесленника и его мастерской (Кокорина, 2005, с. 110–112). Здесь сосредоточены следы стеклодельного, ювелирного и косторезного ремесел. Здесь же найдены несколько предметов из перечисленного торгового инвентаря. В мастерской изготавливались стеклянные бусы и перстни (Полубояринова, 2006, с. 152–158). Огромное количество бус и перстней, в том числе бракованных, было обнаружено в мастерской и вокруг. Несколько таких стеклянных украшений найдено в подполье дома и в яме № 14 неподалеку. Эти находки говорят о связи дома и полуземлянки, расположенных рядом и функционировавших в одно и то же время. Вероятно, хозяин дома, богатый купец, владел мастерской, торговал ее продукцией и другими товарами, в том числе и привезенными из далеких стран.

Одни из двух найденных на нашем раскопе весов представляют собой тип складных весов для малых взвешиваний, широко распространенный в Восточной Европе в домонгольское время (рис. 2: 2). Находки таких брон-

зовых весов многократно отмечены на территории Волжской Болгарии особенно на ранних торгово-ремесленных поселениях, таких, как Измерское I и Семеновское I селища, исследованных Е.П. Казаковым. Опубликован один экземпляр таких весов из Биляра (Валеев, 1995, с. 78–79, рис. 1: 3). Коромысла подобных весов и чашек к ним находят в Новгороде в слоях X–XIII вв. (Янин, 1956, с. 172).

Вторые весы, найденные в этом раскопе, относятся к другому типу, но также предназначены для взвешивания мелких предметов. Они цельные, чаще бывают изготовлены из железа, но встречаются и бронзовые. Такие весы известны на болгарских памятниках домонгольского времени (Валеев, 1995, с. 77, рис. 1: 1, 2). К весам обоих типов относятся медные и бронзовые чашки. Судя по их находкам, не только в домонгольских слоях болгарских памятников, но и в золотоордынских, весы подобных конструкций были в употреблении и в это время. Все целые чашки весов нашего раскопа имеют по три дырочки по краю, куда продевались веревочки для подвешивания к весам. Орнамент на одной из чашек находит аналогию на чашке весов из Гнездовского могильника – шестилепестковая розетка в круге на дне чашки (Пушкина, 1991, рис. 1: 6).

Взвешивание на складных весах производилось с помощью так называемых «сферических» или бочонковидных гирек, которые представлены в нашем комплекте одним экземпляром (рис. 1: 7). Гирьки такой формы составляют большинство на территории Руси (Янин, 1956, с. 173). Встречаются они и в Волжской Болгарии (Федоров-Давыдов, 1957, с. 247, рис. 1: 1), в том числе и в золотоор-

дынский период (Валеев, 1995, с. 85, 87).

При взвешивании на таких весах могла использоваться и маленькая железная гирька в виде прямоугольного параллелепипеда со скошенными углами, то есть четырнадцатигранная (рис. 1: 5). Такой формы гирьки Р.М. Валеев относит к подгруппе III железных гирь и считает их характерными только для Измерского селища. Маленькие четырнадцатигранные гирьки для таких весов встречены в Тимеревском и Михайловском могильниках Ярославского Поволжья (Недошвина, 1963, с. 72, 73). В нашем комплекте к этой подгруппе относятся по форме еще две более крупные гири (рис. 1: 2, 4) которые должны были применяться при взвешивании на весах другой конструкции.

Большая железная гиря в форме прямоугольного параллелепипеда относится по классификации Р.М. Валеева к подгруппе II железных гирь (Валеев, 1995, с. 80, рис. 5: 5–8), правда, гири, изображенные на рисунке, намного меньше нашей.

Остальные самые крупные гири с нашего раскопа – две железные цилиндрические и две медные (усеченноконическая и дисковидная) – пока не находят аналогий.

Известно, что с Болгарского городища происходят многочисленные находки гирек и, вероятно, других предметов торгового инвентаря, сосредоточенные в фондах Государственного музея Татарстана и других хранилищах древностей. К сожалению, они еще не нашли своего исследователя и не опубликованы, кроме маленькой заметки Г.А. Федорова-Давыдова в 1957 г. Настоящая публикация носит сугубо предварительный

характер. В ней не затронуты основные вопросы происхождения мер веса, зафиксированных в найденных гириях, тем более что мне в настоящее время известны не все веса публикуемых гири. Надо думать, что эти, пока уникальные для Волжской Болгарии и Золотой Орды объекты найдут свое место в системе весов Средневекового Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валеев Р.М.* Волжская Болгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков. – Казань, 1995.
2. *Кокорина Н.А.* Ювелирная мастерская из Болгара // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Материалы II Всерос. конф. «Поволжье в Средние века». 25–28 октября 2003 г. Казань – Яльчик. – Казань, 2005.
3. *Кокорина Н.А., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф.* Исследования торгово-ремесленного квартала в центральной части Болгара (1989–1993 гг.) // Город Болгар и его округа. Тез. – Болгар, 1994.
4. *Недошивина Н.Г.* Торговый инвентарь // Ярославское Поволжье X–XI вв. – М., 1963.
5. *Полубояринова М.Д.* Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре // РА. 2006. – № 4.
6. *Полубояринова М.Д.* Торговля Болгара // Город Болгар: Культура, искусство, торговля. – М., 2008.
7. *Пушкина Т.А.* Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнездово. – М., 1991.
8. *Федоров-Давыдов Г.А.* О болгарских гириях из собрания Государственного Музея Татарской АССР // СА. – 1957. – № 1.
9. *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. – М., 1956.

Информация об авторе:

Полубояринова Марина Дмитриевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); muss@orc.ru

TRADING STOCK FROM THE BOLGAR SETTLEMENT

M.D. Poluboyarinova

During the excavations on the Bolgar fortified site (the area to the south-west of the Cathedral mosque), conducted in 1989–1993 and from 2011 to the present, the finds have been discovered that serve as evidence of the trade and craft specialization of this area in the 14th century. The items include typical remains of the glass-making, jewelry, bone-carving crafts, traces of amber processing and a large number of objects related to trade: weights of various sizes and fragments of scales. Of particular interest is the set of stock in trade items, found predominantly in the house, which had apparently belonged to a rich merchant. Many of the items discovered in the area investigated attest to the existence of intensive trade contacts of Bolgar city with different countries and regions, including Central Asia, the Caucasus, India, and China.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, the Golden Horde time, the Bolgar fortified site, trade and craft quarter, scales, weights, trade contacts.

REFERENCES

1. Valeev, R. M. 1995. *Volzhskaiia Bulgariia: Torgovlia i denezhno-vesovye sistemy IX – nachala XIII vv. (Volga Bulgaria: Trade, Monetary and Weight Systems of 9th – Early 13th Centuries)*. Kazan: “Fest” Publ. (in Russian).
2. Kokorina, N. A. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (Issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Antiquities of Volga Region: the Middle Ages (Research of the Cultural Heritage of Volga Bulgaria and Golden Horde))*. Kazan: “Shkola” Publ., 109–132 (in Russian).
3. Kokorina, N. A., Poluboiarinova, M. D., Poliakova, G. F. 1994. In Mukhametshin, D. G. (ed.). *Gorod Bolgar i ego okrug (Town of Bolgar and Its Environs)*. Bolgar: Bolgar State Historical and Architectural Museum and Preservation Area, 22–23 (in Russian).
4. Nedoshivina, N. G. 1963. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iaroslavskoe Povolzh'e X–XI vv. Po materialam Timerevskogo, Mikhailovskogo i Petrovskogo mogil'nikov (Yaroslavl Volga Region in 10th–11th Centuries By Materials of Timerevo, Mikhailovskoye and Petrovskoye Graveyards)*. Moscow: State Historical Museum; Yaroslavl Museum-Reserve, 71–74 (in Russian).
5. Poluboiarinova, M. D. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 152–158 (in Russian).
6. Poluboiarinova, M. D. 2008. In Starostin, P. N. (ed.), Poluboiarinova, M. D. (comp.). *Gorod Bolgar: Kul'tura, iskusstvo, torgovlia (The Town of Bolgar: Culture, Art, and Trade)*. Moscow: “Nauka” Publ., 26–102 (in Russian).
7. Pushkina, T. A. 1991. In Avdusin, D. A. (ed.). *Smolensk i Gnezdovo. K istorii drevnerusskogo goroda (Smolensk and Gnyozdovo: to the History of the Ancient Russian City)*. Moscow: Moscow State University, 226–243 (in Russian).
8. Fyodorov-Davydov, G. A. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 247 (in Russian).
9. Yanin, V. L. 1956. *Denezhno-vesovye sistemy russkogo srednevekov'ia. Domongol'skii period (Monetary and Weight Systems of Medieval Russia: Pre-Mongol Period)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

About the Author:

Poluboyarinova Marina D. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation

КЛАД С УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА (СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА 1994 ГОДА)¹

© 2013 г. Д.А. Кубанкин, О.В. Сергеева

Публикуется клад глиняной посуды, металлических светильников, зеркал и лампы, случайно обнаруженный на Увекском городище в 1994 г. Посуда представлена тремя кашинными чашами с подглазурной росписью и красноглиняным кувшином. Два бронзовых светильника находят ближайшие аналогии на Царевском городище и принадлежат к типу, распространенному в золотоордынских городах. Медная лампа относится к изделиям византийского круга, распространенным также на Руси. Два бронзовых зеркала происходят из Китая или изготовлены по китайским традициям. На предметах присутствуют следы пожара. Авторы приходят к выводу о принадлежности этого комплекса зажиточному горожанину, проживавшему в русском христианском квартале. Вероятно, эти вещи были спрятаны в 1360-х гг. в результате трагических событий, связанных с началом «великой замятни» в Золотой Орде.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, золотоордынский период, город Увек, клад, посуда, осветительные приборы, лампа, бронзовые зеркала, христианский квартал, «великая замятня».

В 1994 г. в центральной части Увекского городища на глубине 80 см от поверхности местные школьники обнаружили интересный комплекс вещей золотоордынского времени. Два бронзовых зеркала были куплены у них Л.Ф. Недашковским, переданы в Саратовский областной музей краеведения (Инв. №№: СМК 60502–60503) и позднее опубликованы им (Недашковский, 2000, с. 58–59, рис. 11: 2–3). Д.Г. Баринову удалось приобрести у нашедших оставшиеся предметы из этого комплекса: три кашинные чаши, один красноглиняный кувшин, составной (?) бронзовый светильник или два светильника и бронзовую лампаду. Эти вещи были переданы в Энгельсский краеведческий музей, но остались неопубликованными, за исключением лампы (Кубанкин, 2011, с. 156, рис. 1: 2). Цель данной публикации – введение в научный оборот этого неординарного комплекса.

Описание комплекса. 1) Чаша кашинная с подглазурной ангобной росписью (рис. 1; 4). Глазурь прозрачная. Контуры обведены серо-зеленой краской, по рельефному ангобу выполнены точки бирюзового цвета, которые иногда растекались в пятна. Дополнительная обводка выполнена из линий, образованных мелкими точками серо-зеленого цвета. Внутри – три горизонтальных орнаментальных ряда, разделенные между собой тонкой полосой с бирюзовыми точками по ангобному рельефу. Точки расположены горизонтально и равноудалены друг от друга. В центре на дне девятилепестковая розетка. В каждом лепестке утолщение ангобом с точкой бирюзового цвета. По стенкам горизонтальный ряд из повторяющихся семь раз стилизованных растительных побегов (листьев?) с подводкой тонкими серо-зелеными точками, образующими линии. Внутри растительного побега

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект 12-31-01246. Тип а2.

по две точки с утолщением ангобом и бирюзовой точкой по центру. По венчику горизонтальный ряд из чередующихся стилизованных трилистников с утолщением ангобом и синей точкой по центру. С внешней стороны горизонтальные полосы серо-зеленой краской, разделяющие белое поле с двумя синими точками – утолщениями по ангобу (упрощенная стилизация лепестков лотоса без округлого завершения). По верху венчика с внешней стороны горизонтальный ряд синих точек. Дно на кольцевом поддоне из рыхлого красноватого кашина. Нижняя часть стенок с внешней стороны, как и кольцевой поддон, без глазури. Один край чаши с внешней стороны и верхняя часть с внутренней ошлакованы. Примечательно, что ошлакованы были лишь отдельные фрагменты, т.е. чаша сначала была разбита, а затем некоторые ее осколки подверглись термальному воздействию.

Диаметр по венчику с внешней стороны – 13,3–13,5 см. Диаметр кольцевого поддона с внешней стороны около 5,6 см, высота – 1,8 см. Максимальный диаметр по стенкам с внешней стороны – 10,8–11,5 см, высота 6,5–6,7 см.

2) Чаша кашинная с росписью ангобом (рис. 2; 6). Глазурь бирюзовая прозрачная, подглазурная роспись темно-синей краской. Внутри – три горизонтальных орнаментальных ряда, разделенных между собой тонкой полосой с точками по ангобному рельефу. Точки расположены горизонтально и равноудалены друг от друга. В центре на дне девятилепестковая розетка. В каждом лепестке утолщение ангобом с точкой темно-синего цвета. По стенкам горизонтальный

ряд каплевидного орнамента с обводкой поля вокруг каждого мелкими точками. В центре каждого лепестка утолщение ангоба с точкой. По венчику горизонтальный узкий ряд кривой штриховки и четыре крупных точки ангоба с контуром темно-синего цвета. Точки равноудалены друг от друга. С внешней стороны горизонтальные полосы, разделяющие белое поле с двумя синими точками – утолщениями по ангобу (упрощенная стилизация лепестков лотоса без округлого завершения). По верху венчика с внешней стороны горизонтальный ряд синих точек. Дно на кольцевом поддоне из рыхлого красноватого кашина. Нижняя часть стенок с внешней стороны, как и кольцевой поддон, без глазури.

Диаметр по венчику с внешней стороны 12,8–13,0 см. Диаметр кольцевого поддона с внешней стороны 5,6–5,7 см, высота – 1,7 см. Максимальный диаметр по стенкам с внешней стороны – 11,6–11,7 см, высота 6,1 см.

Изучаемая чаша по орнаментации схожа с найденной на Царевском городище и хранящейся в Эрмитаже (Греков, Якубовский, 1950, рис. 35). Но у более крупного экспоната из Эрмитажа присутствует еще один орнаментальный эпиграфический ряд. Она была покрыта белой прозрачной глазурью, а с внешней стороны «лепестки лотоса» заканчиваются полукругом. Ближайшей аналогией может служить кашинные чаши из Великого Новгорода (Коваль, 2010, с. 100–101, илл. 37: 1) и Москвы (Коваль, 2010, илл. 35: 2). В отличие от образца с Увекского городища, новгородская чаша имеет три ряда каплевидного орнамента, а московская, помимо четырех рядов каплевидного орнамента,

Рис. 1. Чаша кашинная.
(Инв. № ЭКМ 13644).

Рис. 2. Чаша кашинная.
(Инв. № ЭКМ 13643).

Рис. 3. Чаша кашинная.
(Инв. № ЭКМ 13645).

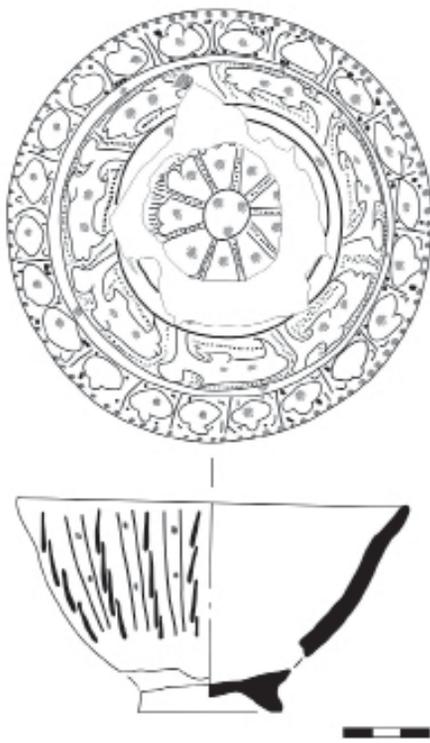

Рис. 4. Чаша кашинная.
(Инв. № ЭКМ 13644).

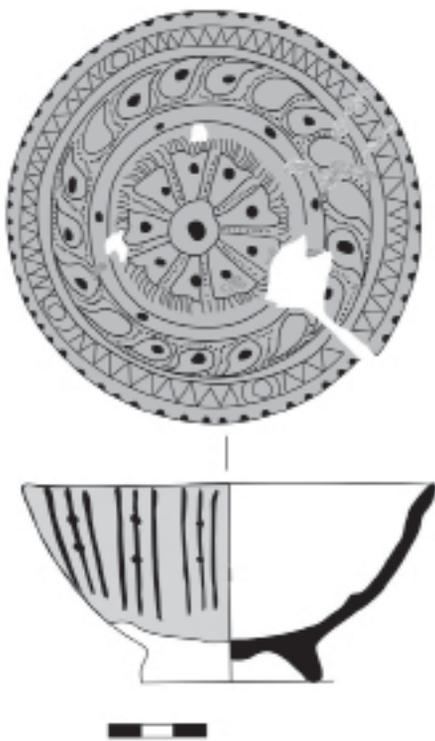

Рис. 5. Чаша кашинная.
(Инв. № ЭКМ 13643).

Рис. 6. Чаша кашинная.
(Инв. № ЭКМ 13645).

Рис. 7. Кувшинчик красноглиняный.
(ЭКМ, без инвентарного номера).

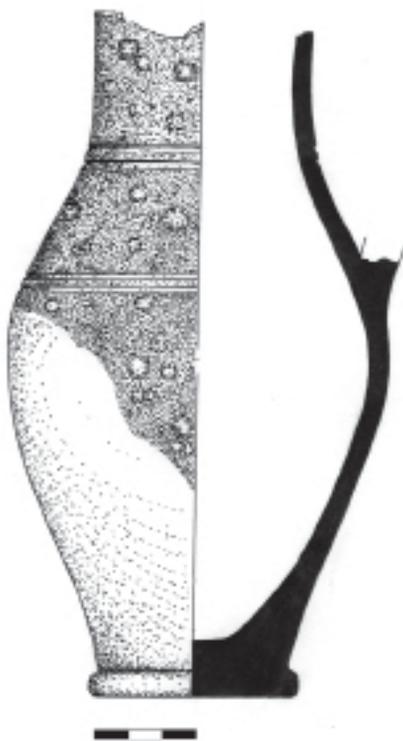

Рис. 8. Кувшинчик красноглиняный.
(ЭКМ, без инвентарного номера).

покрыта бесцветной глазурью. Новгородская чаша найдена в слоях второй половины XIV в.

Первые два экземпляра сближает схожая форма и размеры сосуда, а также рыхлый кашин, относительно толстые стенки, не покрытые глазурью с внешней стороны придонные участки, массивный поддон и красноватая окраска кашина, подглазурный рельефный ангоб. Набор этих признаков делает наиболее вероятным предположение о нижеволжском происхождении двух описанных выше изделий. Видимо, они были произведены в одной мастерской, судя по схожести кашина, пропорций сосудов и их росписи. Возможно, что и третья монохромная чаша изготовлена в Золотой Орде, однако она имеет значительные отличия в кашине и орнаментации.

3) Чаша кашинная монохромная с подглазурной росписью черной или синей краской без ангобного рельефа (рис. 3; 6). Глазурь бирюзового цвета, прозрачная. Форма чаши, в отличие от двух предыдущих сосудов, более вытянутая. С внутренней стороны многочастный орнамент, основным элементом которого является шестилистковая цветочная розетка. В центре дна – небрежно выполненная шестилистковая розетка. В процессе росписи краска расплылась внутрь и черты цветка сохранились лишь по внешнему краю в виде слабовыраженных лепестков. Вокруг этого изображения расположено еще шесть шестилистковых розеток. Нижние лепестки этих цветков соединяются тонкой линией с соседними цветами. В итоге образуется композиция в виде шестилучевой звезды, в центре которой, на дне, расположена цветочная розетка. От этой центральной

розетки через шестилучевую звезду, в пространстве между шестью цветочными розетками, прорастают на тонкой ножке шесть двулистных растительных побегов. Листья этих побегов распускаются над цветочными розетками.

От верхних лепестков цветочных розеток, расположенных по кругу, вверх на тонком стебле отходит стилизованный двулиственный растительный побег. Эти побеги попарно обращены друг к другу, образуя отдельный, повторяющийся шесть раз растительный орнамент с черной точкой в центре. Верхним орнаментальным рядом являются повторяющиеся в меньших размерах двулистные побеги, обращенные друг к другу и расположенные над цветочными розетками. По венчику чаши проходит широкая черная полоса, заходящая на внутреннюю и внешнюю стороны.

Пустое пространство между основными элементами декора с внутренней стороны заполнено мелким орнаментом, который повторяет положение основных деталей декора. В некоторых случаях в мелком орнаменте угадываются отдельные арабские буквы, но чаще это простой набор точек и линий, лишь отдаленно напоминающий текст.

С внешней стороны чаши расположен горизонтальный орнаментальный ряд из двух горизонтальных линий разнонаправленного каплевидного декора, обрамленного сверху и снизу черными линиями.

Кашин более плотный, чем у двух предыдущих сосудов, белого цвета. Глазурь с внешней стороны доходит практически до поддона. С одного края с внешней стороны чаша ошлакована. На стопе поддона след медно-

го окисла от располагавшихся рядом металлических изделий.

Диаметр по венчику с внешней стороны – 12,8 см, диаметр кольцевого поддона с внешней стороны – 5,2–5,4 см, высота – 2,0 см, максимальный диаметр по стенкам с внешней стороны – 11,1–11,5 см, общая высота сосуда – 6,9 см.

За образец росписи была взята кашинная чаша со сложным орнаментом, сочетающим в себе текст с арабскими буквами. Очевидно, что человек, расписывавший этот сосуд, был слабо знаком с арабской письменностью. Именно этим следует объяснить столь схематичное повторение надписей, которое превратилось из текста в рисунок.

4) Кувшинчик красноглиняный (рис. 7; 8).

Тулово яйцевидной формы, горло цилиндрическое. К широкой части тулова крепилась вертикальная ручка. Часть горла и венчик утрачены. По всей поверхности сосуда неравномерно распределенная ошлакованная масса. Возможно, она образовалась от вытекшей жидкости либо от ошлакованной глазури, неравномерно покрывавшей поверхность. Дно плоское, массивное, с внешней стороны следы среза нитью. Общая высота – 19,8 см, диаметр дна – 6,2 см, максимальный диаметр по тулову – 11,2 см, диаметр горла – 6,4 см. Назначение и место изготовления этого кувшинчика для нас остается неясным.

5) Навершие бронзового светильника-лампы (рис. 9; 11).

Состоит из чаши и ножки. Чаша для горючей жидкости у основания шаровидной формы с приплюснутым дном и цилиндрическим горлом. Переход от шаровидного основания

чаши к цилиндрическому горлу обозначен подтреугольным валиком. Еще один валик меньших размеров располагается на месте перехода от горла к венчику. Венчик под прямым углом загнут наружу. Внутри чаши по центру припаян полый цилиндрический стержень для фитиля. Стержень заканчивается небольшим венчиком, отогнутым наружу. По бокам стержня изначально были четыре прямоугольные прорезы. Позднее две перегородки были обломаны, вероятно, для более удобного доступа к фитилю. Максимальный диаметр чаши по шаровидной части – 7,3–7,4 см, диаметр по горлу – 5,8 см, диаметр венчика – 6,9–7,0 см, высота чаша – 5,1 см, высота стержня для фитиля – 4,3 см, диаметр стержня – 1,5–1,6 см.

Ножка лампы в виде конического стержня, сужающегося кверху, диаметром 2,1–2,8 см. Внешняя поверхность в виде сот с вытянутыми овальными ячейками-углублениями. Верхняя и нижняя части ячеистого орнамента обрамлены нанизанными на стержень бронзовыми кольцами с узким выступающим валиком по центру диаметром по внешнему краю 2,9 и 3,7 см соответственно. Участок возле крепления ножки к чаше без ячеистого орнамента. Здесь стержень расширяется в виде бронзовой уплощенной сферы с узкими валиками по верхнему и нижнему краю. В нижней части ножки, по самой подошве прикреплено тонкое круглое в плане основание с широким выступом диаметром по внешнему краю 4,3 см. С внутренней стороны на месте крепления у него заметны многочисленные следы обработки напильником. Общая высота ножки – 13,8 см. Общая высота всего изделия – 19,4–19,5 см.

Ближние аналогии – светильники из раскопок А.В. Терещенко на Царевском городище, которые хранятся в Эрмитаже и экспонировались на выставке в Казани (Золотая Орда, 2005, с. 236, № 669, 670, 673).

б) Основание составного бронзового светильника или подсвечник бронзовый (рис. 10; 12).

Основание конусовидной формы с сужением в центре. В верхней части чашевидная втулка на цилиндрической ножке. Переход от ножки к чаше с дисковидным расширением диаметром 6,6 см. Чаша сужается к центру и расширяется к плоскому отогнутому наружу венчику. Один край чаши утрачен. С наружной стороны на чаше и на основании застывшие капли воска. Предмет полый, с внутренней стороны грубо обработанный, с многочисленными шероховатостями. С внешней стороны шов аккуратно счищен. С внутренней стороны прикипевший древесный уголь. В горизонтально расположенном круге основания сквозное округлое отверстие (крепежное для остальных частей светильника (?) диаметром 8 мм. Высота основания – 9,0 см, диаметр нижней части – 18 см, диаметр средней части – 11,5 см, диаметр верхней части – 13,5 см. Основание и чаша орнаментированы тонкими линиями, образующими окружности. Ножка чаши высотой 4,4 см, диаметром 4,7 см. Высота чаши – 3,4 см, диаметр у основания – 5,9 см, диаметр в центре – 5,0 см, диаметр венчика – 6,3 см.

Близкая аналогия – светильник из раскопок А.В. Терещенко на Царевском городище (Золотая Орда, 2005, с. 236, № 673).

Бронзовые светильники на широком округлом основании были рас-

пространены в Золотой Орде. Подсвечник с гравировкой и инкрустацией серебром был найден в Болгаре, возле армянской церкви. Этот изящный предмет имеет схожие размеры с увекской находкой, датируется по данным торевтики первой половиной XIV в. и относится к произведениям иранских мастеров (Даркевич, 1975, с. 234, 237–238, рис. 2). Еще три подсвечника найдены в Азаке (Бурлака, 2009, с. 70, рис. 2). Среди золотоордынских материалов известны упрощенные копии подобных изделий, которые сохранили свою функциональность, но утратили сложный парадный декор. В Болгаре был найден бронзовый подсвечник, условно датируемый XIV в. (Руденко, 2006, с. 112, 169, рис. 13). С этого памятника происходят находки еще четырех верхних частей подсвечников, также датируемых XIV в. Они имеют сходство как по размерам, так и по внешнему виду (Руденко, 2006, с. 185, рис. 11: 1–4). Подобная форма подсвечников была распространена и часто повторялась в глине или камне. Известен мраморный подсвечник с арабскими надписями (Греков, Якубовский, 1950, рис. 32); в Китае форма металлических канделябров была повторена в фарфоре (Carswell, 2000, 82. a.b).

Относительно назначения увекского светильника есть некоторые сомнения. Возможно, что это не подсвечник, а нижняя часть лампы, т.е. найденный на Увекском городище набор бронзовых осветительных приборов является составными частями одного изделия. В пользу такого вывода свидетельствует необработанная внутренняя поверхность чаши «подсвечника». Здесь сохранились незатертые внутренние швы. На фоне других аккуратно обработанных швов такая не-

брежность выглядит удивительной, а крепление на него свечи неудобным. Вероятно, эта часть использовалась для крепления стержня светильника и не была заметной. В таком случае, у рассматриваемого экземпляра отсутствует средняя часть.

«Подсвечник» из мечети Ходжа Ахмеда Ясави в Самарканде, датированный 1397 г., также является составным. На фотографии видна верхняя часть с чашей, возможно, для масла, и широкое нижнее основание. При этом отсутствует средняя соединяющая часть (Якубовский, 1939, табл. СХХI). Основание еще одного светильника из мечети Ходжа Ахмеда Ясави также состояло из верхней и нижней части. А.Ю. Якубовский упоминает о среднем элементе этого изделия, хранящемся в Лувре (Якубовский, 1939, с. 283, табл. СХХIII). Оба экземпляра верхней части светильников, найденных на Царевском городище также должны иметь дополнительное крепление. Однако детальное изучение данного вопроса не входит в задачи нашей публикации. Поэтому мы лишь обозначили вопрос о вариативности интерпретации бронзовых светильников с Увекского городища.

7) Лампада медная (рис. 13; 14).

В виде расширяющейся кверху чаши на тонком слабовыраженном кольцевом поддоне. Трехгранные стенки обрамлены вертикальными валиками. Между ними выгнутые наружу полукружия. В плане лампада выглядит как цветочная шестилепестковая розетка. В верхней части стенок крепятся три петли для подвешивания на цепь. Петли литые конусовидной формы с тремя горизонтальными валиками размером 3,3 x 0,6–1,1 см. К каждой петле крепилась цепочка. Со-

хранился фрагмент одной цепочки на петле. Шесть восьмеркообразных звеньев, которые заканчиваются крестиком с округлой петлей внизу (вверху петля обломана), с кольчатыми лопастями и сквозным отверстием по центру. Внутри лампы среди окислов выделяется темное пятно (от масла?). Высота изделия – 5,1–5,8 см, ширина у основания – 5,3–6,1 см, у венчика – 10,3–11,3 см, диаметр поддона 4,4–4,5 см, высота поддона – 0,2 см.

Подобные лампы были распространены в Византии и в ее провинциях, а также на Руси, но полной аналогии нам не известно. Похожее по форме изделие происходит из слоя Древнего Гродно возле Нижней церкви (Воронин, 1954, с. 119–120, рис. 65: 2). Схожие крестики были найдены вместе с цепочкой и держателем от лампы в домонгольском жилище Болгара (Полубояринова, 1993, с. 31–32, рис. 8: 7). Аналогичные крестики известны на цепочке с лампадкой, найденной в слое Ярополча Залеского, и датируются они серединой XIII в. (Седов, Седова, 1968, с. 56). Схожая лампада была обнаружена в Херсоне, где она датируется XIII в. (Наследие византийского Херсона, 2011, с. 217, 505, кат. № 162).

8–9). Зеркала бронзовые (рис. 15, 16).

Одно с геометрическим орнаментом, второе – с изображением драконов воздушной и водной стихий. Опубликованы Л.Ф. Недашковским (2000, с. 58, 59, рис. 11: 2–3). Изготовлены в Китае или по китайским традициям. Оба предмета до реставрации содержали фрагменты обуглившейся древесины.

Общие выводы. Рассмотренные выше находки принадлежат к одному

Рис. 9. Навершие бронзового светильника-лампы. (Инв. №: ЭКМ 12496).

Рис. 10. Основание составного бронзового светильника или подсвечник. (Инв. №: ЭКМ 12497).

Рис. 11. Навершие бронзового светильника-лампы. (Инв. №: ЭКМ 12496).

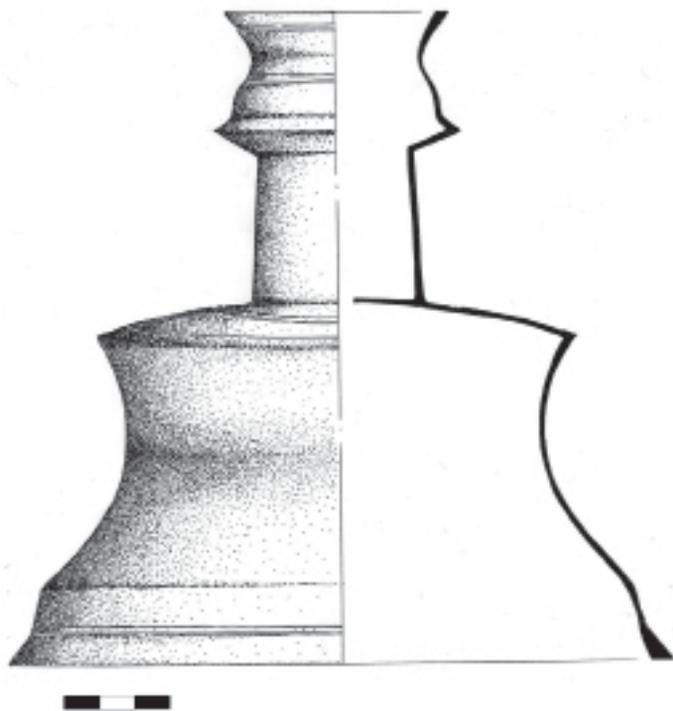

Рис. 12. Основание составного бронзового светильника или подсвечник. (Инв. №: ЭКМ 12497).

Рис. 13. Лампада медная.
(ЭКМ, Инв. №: НВСП 15944).

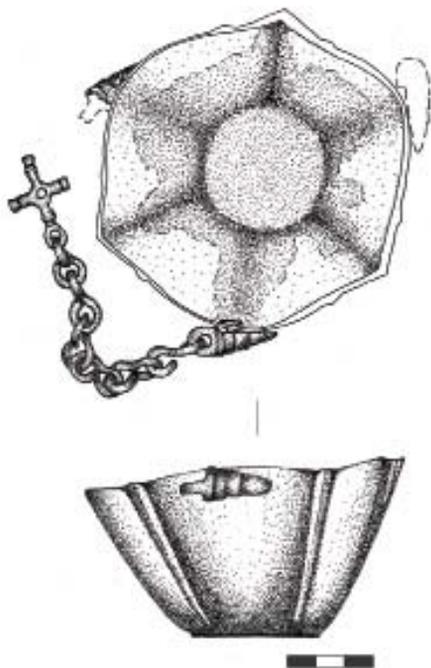

Рис. 14. Лампада медная.
(ЭКМ, Инв. №: НВСП 15944).

комплексу. Об этом свидетельствуют следы пожара практически на всех предметах. На кашинной керамике и на красноглиняном кувшине заметна ошлакованная глазурь. На медных и бронзовых изделиях прослежены прикипевшие фрагменты обуглившегося дерева. На стопе кашинной чаши № 3 заметны следы медных окислов от пребывания вместе с металлическими изделиями (лампада, светильники). Вещи были спрятаны или брошены в результате пожара. Только этим можно объяснить нахождение в полной сохранности довольно значимых предметов из металла, по-

этому данный комплекс мы условно называем кладом.

Датирующим материалом для него являются кашинные чаши золотоордынского (нижневолжского) происхождения, которые начали массово изготавливать со второй трети XIV в. (Коваль, 2010, с. 97). Бронзовые светильники и подсвечники практически без орнамента также наиболее характерны для XIV в. Монеты датируют этот участок 1320 – серединой 1360-х гг. (Недашковский, 2000, с. 59). Наиболее вероятным временем консервации этого комплекса с определенной долей условности следует считать 1360-е годы. Ко времени «замятни» относится разрушение общественной бани, которая располагалась в 30–50 м к северо-востоку от места нахождения клада. В конце XIX в. при раскопках этого общественного сооружения внутри здания были обнаружены скелеты

Рис. 15. Зеркало бронзовое. (СОМК, Инв. №: СМК 75602).

Рис. 16. Зеркало бронзовое. (СОМК, Инв. №: СМК 75603).

и отдельные человеческие черепа. Останки трех человек были найдены в одной из цистерн бани (Кубанкин, 2007, с. 204). Убийства и разрушения часто прослеживаются в слоях золотоордынских городов 1360-х годов. В раскопе III/2010–2011 гг., расположенном в 150 м к северо-востоку от места нахождения клада, слой разрушенной монументальной постройки сопровождается монетами, самая поздняя из которых – пул Хызра, чекан Гюлистана 762 г.х. Таким образом, на территории городища, где был обнаружен клад, фиксируются многочисленные следы разрушений, условно датированные по монетам 1360-ми годами. Наиболее вероятно, что именно в это время был спрятан изучаемый клад.

Нахождение в данном комплексе лампы с нагаром на дне свидетельствует о ее использовании в доме или храме. Светильники с каплями воска также указывают на их применение в быту. Следовательно, часть обнаруженных вещей активно использовалась их владельцем, а не предназначалась для продажи. Если наши выводы верны, то эти вещи вместе с кашинными чашами и бронзовыми зеркалами принадлежали зажиточно-

му горожанину. Лампада указывает на возможную принадлежность ее владельца к христианской общине. Здесь располагался христианский квартал, о чем свидетельствуют частые находки предметов древнерусского христианского происхождения (Кубанкин, 2011; 2012). В 2010–2011 гг. на прилегающей к этому месту территории, в 150 м к северо-востоку от места нахождения клада, был обнаружен мощный слой золотоордынского времени, насыщенный древнерусской керамикой. Частично зафиксирован фундамент храма, каменные архитектурные блоки, в том числе с высеченным крестом, и многочисленные фрагменты фресок. В подвальном складском помещении храма, помимо древнерусской керамики, обнаружены иранские кашинные и византийские красноглиняные поливные чаши, а также сирийские стеклянные изделия (Кубанкин, 2012).

Примечательно, что владелец клада приобретал изделия, характерные для восточного рынка – кашинную посуду, бронзовые подсвечники и зеркала, но при этом использовал в религиозных целях лампаду, подобные которой были распространены на Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлака В.О. Азов – город с тысячелетней историей // Очерки истории Азова. Вып. 12. – Азов, 2009.
2. Воронин Н.Н. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.). – М.: Изд-во АН СССР, 1954.
3. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
4. Даркевич В.П. Медные и бронзовые изделия из Волжской Болгарии (XIII–XIV века) // СА. – 1975. – № 2.
5. Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. – СПб.: «Славия», 2005.
6. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. – М.: Наука, 2010.
7. Кубанкин Д.А. Археологические раскопки на Увекском городище в конце XIX века // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. – Саратов, 2007.

8. Кубанкин Д.А. Древнерусское население золотоордынского города Укека // Тр. III (XIX) ВАС. Т. II. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011.
9. Кубанкин Д.А. Русская община золотоордынского города Укека // ПА. – 2012. – № 1.
10. Наследие византийского Херсона / Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Жуавлев Д. – Севастополь: «Телескоп»; Остин: ИКА Техасского ун-та, 2011.
11. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – М.: «Восточная литература», 2000.
12. Полуобояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. – М.: Наука, 1993.
13. Руденко К. Золотоордынская эпоха в Среднем Поволжье (по археологическим данным // ТА. – 2006. – № 1–2.
14. Седов В.В., Седова М.В. Раскопки во Владимирской земле // АО 1967 года. – М., 1968.
15. Якубовский А.Ю. Мастера Ирана в Средней Азии при Тимуре // III Международ. конгресс по иранскому искусству и археологии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
16. Carswell J. Blue and White. Chinese porcelain around the world. – London: The British Museum Press, 2000.

Информация об авторах:

Кубанкин Дмитрий Александрович, старший научный сотрудник, Саратовский областной музей краеведения (г. Саратов, Россия); kubankin2008@yandex.ru

Сергеева Оксана Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Энгельский музей краеведения (г. Энгельс, Россия); oksana1994@yandex.ru

A HOARD FROM THE UVEK SETTLEMENT (ACCIDENTAL FIND IN 1994)

D.A. Kubankin, O.V. Sergeeva

A hoard of pottery, metal lamps, mirrors and a lampad, accidentally discovered on the Uvek settlement site in 1994 is made public. The pottery items are represented by three Qashan pottery bowls with underglaze painting and a red-clay jug. The two bronze lamps demonstrate the nearest analogy to those found on the Tsarev fortified settlement site and belong to the type that was spread in the Golden Horde cities. The copper lampad is a product of Byzantine circle, also common in Russia. The two bronze mirrors were imported from China or were made according to Chinese tradition. The objects bear traces of a fire. The authors have concluded that the assemblage had belonged to a wealthy who resided in the Russian Christian quarter. The items were probably concealed in the 1360s as a result of the tragic events associated with the start of the “Great troubles” in the Golden Horde.

Key words: archaeology, the Lower Volga river region, the Golden Horde period, the city of Uvek, hoard, pottery, lamps, lampad, bronze mirrors, Christian quarter, the “Great troubles” period.

REFERENCES

1. Burlaka, V. O. 2009. *Azov – gorod s tysiacheletnei istoriei (Azov, a Town with History of a Thousand Years)*. Series: Oчерки istorii Azova (Essays on the History of Azov) 12. Azov: Azov Museum-Reserve (in Russian).

Supported by the Russian Foundation for the Humanities. Project 12-31-01246. Type a2.

2. Voronin, N. N. 1954. *Drevnee Grodno (po materialam arkheologicheskikh raskopok 1932—1949 gg.) (Ancient Grodno (by materials of archaeological excavations in 1932—1949))*. Series: Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 41. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
3. Grekov, B. D., Iakubovskii, A. Yu. 1950. *Zolotaia Orda i ee padenie (The Golden Horde and Its Fall)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
4. Darkevich, V. P. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 232-243 (in Russian).
5. Piotrovskii, M. B. (ed.). 2005. *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura. Katalog vystavki (Golden Horde. History and Culture. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Slavia" Publ. (in Russian).
6. Koval', V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX—XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th—17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Kubankin, D. A. 2007. In Lopatin, V. A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 5. Saratov: Nauchnaia kniga, 200-217 (in Russian).
8. Kubankin, D. A. 2011. In Makarov, N. A., Nosov, E. I. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda. Velikii Novgorod — Staraiia Russa (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod — Staraya Russa)* II. Saint Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod: "Novgorodskii tekhnopark" Publ., 155-157 (in Russian).
9. Kubankin, D. A. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 172-189 (in Russian).
10. Yashaeva, T., Denisova, E., Gin'kut, N., Zalesskaya, V., Zhuravlyov, D. 2011. *Nasledie vizantiiskogo Khersona. Katalog vystavki k 185 letiiu raskopok Khersonesa Tavricheskogo (Legacy of the Byzantine Chersonesos. Exhibition Catalogue to the 185th Anniversary of Excavations of Tauric Chersonesos)*. Sevastopol: "Teleskop" Publ.; Austin: ICA Texas (in Russian).
11. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City of Ukek and its Region)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
12. Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus' i Volzhskaiia Bolgariia v X—XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in 10th—15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Rudenko, K. A. 2006. In Fakhruudinov, R. G. (ed.-in-chief). *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* (1–2), 89-196 (in Russian).
14. Sedov, V. V., Sedova, M. V. 1968. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1967 goda (Archaeological Discoveries in 1967)*. Moscow, 55-57 (in Russian).
15. Iakubovskii, A. Yu. 1939. In Orbeli, I. A. (ed.). *III Mezhdunarodnyi kongress po iranskomu iskusstvu i arkheologii (3rd International Congress on the Iranian Art and Archaeology)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR.
16. Carswell, J. 2000. *Blue and White. Chinese porcelain around the world*. London: The British Museum Press.

About the Authors:

Kubankin Dmitriy A. Saratov Regional Museum of Local Lore. Lermontov St., 34, Saratov, 410000, Russian Federation; kubankin2008@yandex.ru

Sergeeva Oksana V. Candidate of Historical Sciences. Engels Museum of Local Lore. M. Gorky St., 4, Engels, 413100, Saratov Oblast, Russian Federation; oksana1994@yandex.ru

**ПРЕДМЕТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ МОГИЛЬНИКА «КУКШЫЛИДЫ»
В ФОНДАХ ЧУВАШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК П.П. ЕФИМЕНКО 1926 г.)**

© 2013 г. М.И. Федулов, А.В. Волков

Впервые публикуется предметная коллекция марийского могильника XVII века у деревни Кукшылиды (Горномарийский район Республики Марий Эл), раскопанного в 1926 г. Средневолжской археологической экспедицией под руководством П.П. Ефименко. Большинство захоронений совершено в ямах без гробовищ, в положении вытянуто на спине, с преобладанием северо-западной ориентировки. Могильник датирован по нумизматическому материалу. Основную часть погребального инвентаря составляют украшения и детали костюма, представлены разнообразными хозяйственно-бытовые предметы (ножи, топоры, кресала и др.), встречаются наконечники стрел. Находки описываются в соответствии с современной классификацией, определяется их хронологическая и этнокультурная принадлежность.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, позднее средневековье, марийская культура, могильник, погребальный инвентарь, украшения.

В окрестностях дер. Кукшылиды Горномарийского района Республики Марий Эл располагается марийский могильник XVII в. Средневолжской археологической экспедицией Государственной Академии истории материальной культуры под руководством П.П. Ефименко в 1926 г. (19–21 августа) на нем были проведены археологические раскопки и вскрыто 18 погребений¹. С 1926 г. раскопок на его территории не проводилось,

но в 1984 г. экспедицией Марийского госуниверситета, под руководством Д.В. Лакоценина был произведен осмотр дневной поверхности и сбор подъемного материала (Лакоценин, 1986, с. 135). На данный момент могильник считается разрушенным в результате разработки карьера и строительства моста через р. Сундырь (Никитин, 2009, с. 61, № 28; Архипов, Никитина, 1993, с. 69–70, № 72).

Отчет о раскопках 1926 г. хранится в Институте истории материальной культуры РАН (Материалы... Кукшылида), коллекция предметов была передана в Чувашский центральный музей (ныне Чувашский национальный музей; Рукописный фонд...), а итоги исследований кратко опубликованы в материалах Средневолжской экспедиции (Ефименко, 1927, с. 157–160).

Одной из задач экспедиции П.П. Ефименко было проведение рекогносцировочных раскопок чувашских позднесредневековых могильников. В 1926 г. такие работы проведены

¹ Ефименко Петр Петрович (9.11.1884–15.4.1969 г.) – археолог, доктор исторических наук. Работал в Эрмитаже, Музее антропологии и этнографии АН СССР, Государственной академии (Институте) истории материальной культуры (1923–45 гг.). Имя П.П. Ефименко тесно связано с первыми шагами развития археологической науки в Чувашии, разработкой вопросов ее древней истории. В 1926–27 гг. он руководил палеоэтнологическим отрядом комплексной Средневолжской экспедиции ГАИМК, которым на территории Чувашии выявлены и обследованы десятки памятников разных эпох – от мезолита до позднего средневековья.

на кладбищах у деревень Юнгапоси (Материалы... Юнгапоси), Каршлых (Материалы... Каршлых) Моргаушского района и Ядрино Ядринского района, а в 1927 г. у деревень Яндашево Мариинско-Посадского района и Полевые Козыльяры Яльчикского района (Ефименко, 1929, с. 161). Автор сравнивал их материалы с материалами могильника Кукшылида, но напрямую не высказывал предположений о его принадлежности к марийским кладбищам, что вполне объяснимо уровнем имеющихся знаний по марийскому погребальному обряду и практически полным отсутствием сведений по чувашскому обряду. В современной археологической литературе часть авторов относят могильник к числу чувашских (Дроздова, 2007), но наиболее аргументированной будет принадлежность его к числу марийских (Шикаева, 1985, с. 115–116).

Марийская деревня Кукшылиды (в разных источниках Кукшелиды, Кушлиды, Кукшилиды и др.) расположена вдоль сухого оврага на правой стороне р. Большая Сундырка рядом с д. Паулкино на расстоянии 2 км от центра сельского поселения – с. Кузнецово. Марийское название «Кукшылиды» состоит из слов «кукшы» ~ «сухой-сухая» и «лиды» – «ложбина». В старину эта деревня была известна также и как «Пайдулин» и «Ятрушкин», что указывает на имена ее основателей. Впервые на исторической земле Аказиной сотни это поселение упоминается в 1795 г. под названием «выселок Малый Пайдулин» (10 дворов) из старинной марийской деревни Малая Кузнецова (Горномарийский район, с. 334–335). Местность, в которой располагается могильник, называется урочище киреметь, что указывает на

распространенные у средневожских народов места жертвоприношений злomu духу Киреметь.

Материалы отчетной документации раскопок не позволяют нам в полной мере описать погребальный обряд. В сохранившихся сведениях указывается на то, что все захоронения, за исключением двух, где имелась рама, совершены в ямах без гробовищ. Глубина могильных ям до 60 см составляла 26,7%, от 60 до 100 см – 73,3%. Костяки лежали вытянуто на спине. Преобладала ориентировка головой на северо-запад, но встречена и ориентировка на север и запад (С – 31,3%, СЗ – 31,2%, ЮЗ – 12,5%, З – 25%). В засыпи встречались угли, а на дне ям остатки жертвенной пищи (кости) (Никитина, 1992, с. 21, 23, 25, 28, 100, 102). По нумизматическому материалу могильник датируется XVII в. Большая часть монет относится к периоду правления царя Михаила Федоровича.

Коллекция предметов с могильника состоит из вещей, полученных в результате раскопок 1926 г., и сборов Д.В. Лакоценина (нож и серебряная серьга в виде свернувшейся змеи). В описи предметов, сданных в Чувашский национальный музей, содержится 114 пунктов, среди которых: нож (14 экз.), железный наконечник стрелы (4 экз.), огниво (5 экз.), кремь для огнива (4 экз.), медный браслет (4 экз.), подкова сапожная (4 экз.), монеты и их имитации, в том числе в составе украшений (71 экз.), обломок железной косы, наконечник (5 экз.), ножницы, булавка (2 экз.), кольцо железное (3 экз.), топор (4 экз.), перстень (1 экз.), бронзовая пуговица (2 экз.), котелок медный, височное кольцо в виде знака вопроса (4 экз.), железная

Рис. 1. Юпинэ
(5 экз.).

Рис. 2. Топоры.

Рис. 3. Кресала.

и бронзовая пряжка (2 экз.), сюльгам (у П.П. Ефименко застежка, 6 экз.), а также стеклянные и глиняные бусины, бисер, различные подвески и т.д.

Отдельные прорисовки предметов в качестве иллюстративного материала использовались в трудах Т.Б. Никитиной (накосник погр. 4 (Никитина, 1992, с. 150), венчик, браслет погр. 2 (Шикаева, 1985, с. 118), диссертационных исследованиях Г.И. Дроздовой (накосник погр. 4, венчик) (Дроздова, 2007, с. 272) и А.А. Степановой (сюльгам, накосник погр. 4, браслет погр. 5) (Степанова, 2003, с. 270, 280, 285). Остальная часть предметов в научный оборот не вводилась. В своей работе мы используем классификацию, разработанную Т.Б. Никитиной для марийских могильников.

В погребениях Кукшылидского могильника сохранилось большое количество элементов одежды и украшений. В погребении 4 найдена шапочка с открытым верхом, сплошь расшитая монетами, известная у современного марийского населения под названием ошпу (Никитина, 1992, с. 49). Частью головных уборов являются булавки с шарообразной головкой, служащие для только прикрепления женского головного убора к нашмаку. Из головных украшений также найдены височные кольца. В погребениях 2 и 4 они были выполнены из круглой в сечении серебряной проволоки и имеют форму вопросительного знака с украшенным опускающимся вниз стержнем. В качестве украшений стержня использовались обмотка, обоймы, бусины (тип I, подтип 2; см.: Никитина, 1992, с. 52, 142, рис. 15).

Сюльгамы встречены двух типов. Сюльгам, овальной формы из погр. 2, сделан из круглой в сечении проволоки

Рис. 4. 2–4 – ножи,
1, 5, 6 – наконечники стрел.

ки с загнутыми в кольцо концами (тип I, подтип 1; см.: Никитина, 1992, с. 54). Другой сюльгам относится к типу плоских пластинчатых, имеющих рисунок из геометрических композиций из насечек и прорезных линий, с едва приплюснутыми концами (тип I, подтип 1; см.: Никитина, 1992, с. 54, 146).

Украшения рук представлены пластинчатыми браслетами, орнаментированными геометрическим узором из насечек и прорезных линий (Тип Ia, см. Никитина, 1992, с. 57).

Среди железных пряжек выделяются пряжки прямоугольной (тип I, подтип 1) и овальной формы (тип I, подтип 2). Бронзовые пряжки пред-

Рис. 5. 1–3 – сюльгамы, 4 – железная пряжка, 5 – булавка, 6, 7 – височные кольца, 8–10 – бусы, элементы украшений и подвески.

ставлены овальной формой (тип II, подтип 1; см.: Никитина, 1992, с. 59). Из железных элементов одежды встречаются обувные подковы (Никитина, 1992, с. 60), целые и фрагментированные железные кольца (рис. 5).

Специфичным девичьим поясным украшением является юпинэ, состоящее из кожаной основы, шнуров с нанизанными цилиндрическими обоймами, бусами и колокольчатыми привесками (Никитина, 1992, с. 150) (рис. 1).

Интересен по составу хозяйственный и бытовой инвентарь. В погребениях найдено несколько типов кресал: кресала В-образной формы с прямоугольным основанием (тип I), прямоугольной формы с прорезью в центре, с одним или двумя отверстиями у концов прорези (тип II), кресало

каплевидной формы (тип IV). Кресала аналогичны кресалам с Янгосовского и Арзобелякского могильников (Никитина, 1992, с. 66, 159) (рис. 3).

Топоры являются часто встречающейся находкой в марийских могильниках, что отличает их от чувашских некрополей. В Кукшилидском могильнике найдены топоры с уплощенным или плоским обухом, асимметричным опущенным лезвием (тип I, см.: Никитина, 1992, с. 64–65). (рис. 2).

Среди железных наконечников стрел встречаются разные виды плоских черешковых наконечников (тип I, рис. 4).

Наиболее массовыми находками в погребениях являются ножи. Все ножи имеют клиновидное сечение лезвия, поэтому спинка у них толще, чем у современных. При переходе

от черешка к рабочей части заметен уступчик. По способу соединения черешка и лезвия выделяются два типа: с валиком при переходе от черенка к рабочей части – тип I, без валика – тип II (Никитина, 1992, с. 65–66) (рис. 4).

Хранящийся в Чувашском национальном музее инвентарный комплекс могильника Кукшылиды (сюльгамы, кресала, височные подвески, ножи и другие вещи) имеет широкие аналоги в горномарийских могильниках (например, Картуковский могильник). Наиболее близкие этнокультурные параллели могильник обнаруживает с

могильниками северо-западной части современной Чувашской Республики – Верхнеачакским XVI–XVIII вв. и Новоядринским XV–XVIII вв. Это проявляется в единых формах В-образных кресал, сюльгам и височных подвесок, в том числе находке одного топора, что не характерно для чувашского населения (погр. 49) (Вайнер, 1971). Население, оставившее эти присурские могильники, относится к этнографической группе чувашей-вирьял (верховые) (Федулов, Иванов, Денисов, 2012, с. 103–107).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А., Никитина Т.Б.* Атлас археологических памятников Марийской АССР. Ранний железный век и средневековье. – Йошкар-Ола, 1993. – Вып. 2.
2. *Вайнер И.С.* Отчет о работе 3-го Чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 4696.
3. Горномарийский район: сборник документальных очерков. – Йошкар-Ола, 2006.
4. *Дроздова Г.И.* Погребальный обряд народов Волго-Камья XVI–XIX веков: по археологическим и этнографическим материалам: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Казань, 2007.
5. *Ефименко П.П.* Предварительный отчет о работах в Чувашской Автономной Республике этнологической экспедиции по изучению Среднего Поволжья (август–сентябрь 1926 г.) // Чувашское хозяйство. – 1927. – № 1–2.
6. *Ефименко П.П.* Средне-Волжская экспедиция 1926–1927 гг. // Сообщения ГАИМК. – 1929. – Т. 2.
7. *Лакоценин Д.В.* Разведки в Горномарийском районе // АО 1984 года. – М., 1986.
8. Материалы Средневолжской экспедиции 1926 г.: Каршлых // Архив ИИМК. Ф. 2. Ед. хр. 241.
9. Материалы Средневолжской экспедиции 1926 г.: Кукшлуда (раскопки П.П. Ефименко) // Архив ИИМК. Ф. 2. Ед. хр. 239.
10. Материалы Средневолжской экспедиции 1926 г.: Юнгапоси // Архив ИИМК. Ф. 2. Ед. хр. 240.
11. *Никитин В.В.* Археологическая карта Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2009.
12. *Никитина Т.Б.* Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. – Йошкар-Ола, 1992.
13. Рукописный фонд Чувашского национального музея. Папка № 25. Учетный ВМ № 4495. Книга поступлений ЧКМ 2854.
14. *Степанова А.А.* Религиозно-культурные связи чувашей и марийцев по материалам языческих похоронно-поминальных обрядов: XVI – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. – Саранск, 2003.

15. Федулов М.И., Иванов В.П., Денисов П.В. Особенности погребального обряда нижнесурских могильников чувашей // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – Чебоксары, 2012. – № 2.

16. Шикаева Т.Б. Памятники XVI–XVII вв. Марийско-Чувашского Поволжья (к вопросу о культурно-этническом единстве) // Древние этнические процессы Волго-Камья. – Йошкар-Ола, 1985. – Вып. 9.

Информация об авторах:

Федулов Михаил Игоревич, старший преподаватель, Чувашский государственный университет (г. Чебоксары, Россия); mfedulov.chuvsu@mail.ru

Волков Александр Владимирович, научный сотрудник, Чувашский национальный музей (г. Чебоксары, Россия); volkov_aleksandr00@bk.ru

SUBJECT COLLECTION OF BURIAL GROUND «KUKSHYLIDY» IN THE FUNDS OF THE CHUVASH NATIONAL MUSEUM (ON MATERIALS OF EXCAVATIONS BY P.P. EFIMENKO IN 1926)

M.I. Fedulov, A.V. Volkov

The object collection from the 17th-century Mari burial ground site near Kukshylidy village (Gornomariisky district, Mari El Republic), which was excavated in 1926 by the Middle Volga archaeological expedition led by P.P. Yefimenko, is made public for the first time. Most of the burials were executed in pits lacking additional wooden structures (Russian: *grobovishche*), in an extended position on the back, with a predominantly north-western orientation. The burial ground site is dated according to the numismatic material. The grave goods mainly consist of jewelry items and costume accessories; a variety of household items (knives, axes, fire lighters, etc.) are represented, and occasional arrowheads were found. The finds are described in accordance with the modern classification, and their chronological and ethno-cultural identity is attributed.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, the Later Middle Ages, Mari culture, burial ground, grave goods, jewelry.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A., Nikitina, T. B. 1993. *Atlas arkheologicheskikh pamiatnikov Mariiskoi ASSR (Atlas of Archaeological Sites of the Mari Republic)* 2. *Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e (Early Iron Age and Middle Ages)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
2. Vainer, I. S. 1971. *Otchet o rabote 3-go Chuvashskogo otriada Cheboksarskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1971 g. (Report on Fieldwork of 3rd Chuvash Team of the Cheboksary Archaeological Expedition in 1971)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dossier 4696 (in Russian).
3. Ivanov, A. G. 2006. *Gornomariiskii raion: sbornik dokumental'nykh ocherkov (Gornomariysky District: Collected Documentary Essays)*. Series: *Istoriia sel i dereven' Respubliki Marii El (History of Villages and Boroughs of the Mari El Republic)*. Yoshkar-Ola: Archival Committee of the Mari El Republic (in Russian).
4. Drozdova, G. I. 2007. *Pogrebal'nyi obriad narodov Volgo-Kam'ia XVI–XIX vekov: po arkheologicheskim i etnograficheskim materialam (Funerary Rite of the Volga-Kama Area Peoples in 16th – 19th centuries: by the Archaeological and Ethnographical Data)*. PhD Diss. Kazan (in Russian).
5. Efimenko, P. P. 1927. In *Chuvashskoe khoziaistvo (Economy of Chuvashia)* (1–2) (in Russian).
6. Efimenko, P. P. 1929. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 2, 160–174 (in Russian).

7. Lakotsenin, D. V. 1986. In *Arkheologicheskie otkrytiia (Archaeological Discoveries) 1984 goda*. Moscow, 135 (in Russian).

8. *Materialy Srednevolzhskoi ekspeditsii 1926 g.: Karshlykh (Materials of the Middle Volga Expedition of 1926: Karshlykh)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 2, unit 241 (in Russian).

9. *Materialy Srednevolzhskoi ekspeditsii 1926 g.: Kukshlida (raskopki P. P. Efimenko) (Materials of the Middle Volga Expedition of 1926: Kukshlida (excavations by P. P. Efimenko))*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 2, unit 239 (in Russian).

10. *Materialy Srednevolzhskoi ekspeditsii 1926 g.: Iungaposi (Materials of the Middle Volga Expedition of 1926: Yungaposi)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 2, unit 240 (in Russian).

11. Nikitin, V. V. 2009. *Arkheologicheskaia karta Respubliki Marii El (Archaeological Map of the Mari El Republic)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).

12. Nikitina, T. B. 1992. *Mariitsy (konets XVI – nachalo XVIII vv.). Po materialam mogil'nikov (Mari People in Late 16th – Early 18th Centuries: by Materials from Burial Grounds)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).

13. *Rukopisnyi fond Chuvashskogo natsional'nogo muzeia (Collection of Manuscripts of the Chuvash National Museum)*. Folder no. 25. Inventory VM no. 4495. Entry book 2854 (in Russian).

14. Stepanova, A. A. 2003. *Religiozno-kul'turnye svyazi chuvashei i mariitsev po materialam iazycheskikh pokhoronno-pominal'nykh obriadov: XVI – nachalo XX vv. (Religious and Cultural Relations of the Chuvash and Mari People According the Materials of Pagan Funerals and Funerary Feasts (16th – early 20th Centuries))*. PhD Diss. Saransk (in Russian).

15. Fedulov, M. I., Ivanov, V. P., Denisov, P. V. 2012. In *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki (Bulletin of the Chuvash University: Humanities) (2)*. Cheboksary, 103-107 (in Russian).

16. Shikaeva, T. B. 1985. In *Drevnie etnicheskie protsessy Volgo-Kam'ia (Ancient Ethnic Processes in the Volga and Kama Rivers Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 9. Yoshkar-Ola, 100-117 (in Russian).

About the Authors:

Fedulov Mikhail I. Chuvash State University. Moskovsky Ave., 15, Cheboksary, 428015, the Chuvash Republic, Russian Federation; mfedulov.chuvsu@mail.ru

Volkov Aleksandr V. Chuvash National Museum. Red Square, 5/2, Cheboksary, 428000, Chuvash Republic, Russian Federation; volkov_aleksandr00@bk.ru

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПОСУДА ТИХВИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ г. ЦАРЕВОКОКШАЙСКА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ¹

© 2013 г. Е.Е. Воробьева, Ж.С. Калыгина

Статья посвящена результатам охранных раскопок Тихвинского некрополя, расположенного на территории г. Йошкар-Ола Республики Марий Эл. Он датируется концом XVIII – началом XX вв. В ходе раскопок было исследовано 781 погребение. Основная часть захоронений была совершена по православному обряду и содержала значительное количество христианских культовых предметов: нательных крестов, медальонов, икон-образков. Вместе с тем, во многих могилах обнаружены предметы, указывающие на наличие пережитков язычества в погребальном обряде. Среди них следует выделить погребальную посуду – всего 65 стеклянных и керамических сосудов, почти половина которых разбита или повреждена, что отражает древний обряд «порчи вещей». Приводится классификация найденной погребальной посуды по типологическим и технологическим признакам. Данная категория погребального инвентаря представляет большой интерес для изучения погребальной культуры и быта населения г. Царевококшайска конца XVIII – начала XX вв.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Республика Марий Эл, конец XVIII – начало XX вв., Тихвинский некрополь, г. Царевококшайск, культовые предметы, стеклянная и керамическая погребальная посуда, клейма (печати).

Тихвинское кладбище как первое общегородское кладбище возникло в 1772 г. в результате Указа Екатерины II от 24 марта 1771 г. о создании кладбищ для городских жителей за чертой города. На протяжении 150 лет (официально до 1926 г., а фактически до начала 30-х годов XX столетия) на Тихвинском кладбище совершались захоронения людей, в большинстве своем православных. За это время на нем были погребены тысячи жителей Царевококшайска и ближних деревень – прихожан городских храмов, имеющих различный социальный статус: чиновников и купцов, священнослужителей и солдат-ветеранов Отечественной войны 1812 г. и Первой мировой войны, мещан и крестьян, предков многих нынешних йошкар-линцев.

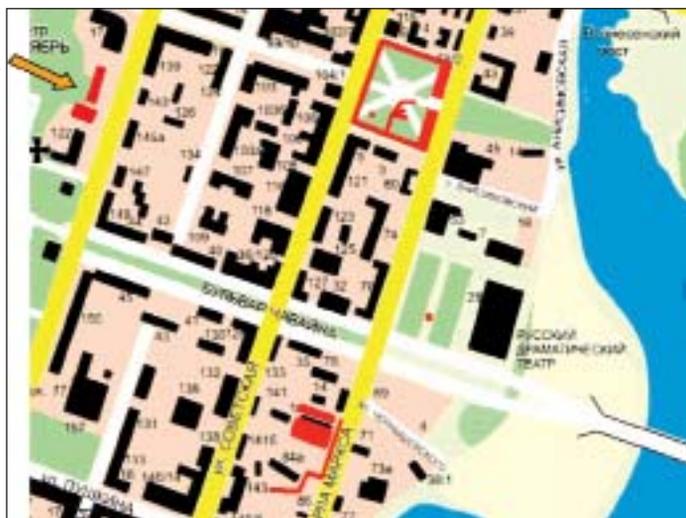
Сегодня территория Тихвинского некрополя удачно располагается в черте современного города Йошкар-Ола (ул. Комсомольская), где размещены Центральный парк культуры и отдыха (в советское время – имени XXX-летия ВЛКСМ), здания общественных учреждений (рис. 1).

В связи со строительством жилого многоэтажного здания на участке бывшей территории Тихвинского некрополя с марта по ноябрь 2012 г. были проведены охранные археологические раскопки. В результате археологических исследований на территории, отведенной под строительство жилого здания, было обнаружено, спасено от разрушения и исследовано 781 погребение на площади 1100 кв.м (рис. 2). Следует отметить, что значительная часть захоронений была

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ: проект №12-11-1200.

Раскопы Центра археолого-этнологических исследований МарГУ на территории Тихвинского некрополя

Рис. 1. План раскопов на территории г. Йошкар-Ола.

совершена по православному обряду в вытянутом положении на спине головой на запад в деревянных гробах.

В рамках охранных археологических раскопок на данном участке Тихвинского некрополя были получены не только значительное количество культовых предметов – нательных крестов, медальонов, икон-образков, – но и предметы, которые указывают на наличие пережитков язычества в погребальном обряде. Всего зафиксировано 1193 артефакта.

Среди общего числа находок следует выделить так называемую погребальную посуду. Несмотря на то, что данная категория погребального инвентаря составляет всего 5,5% от общего числа находок, анализ и введение в научный оборот данного источника позволит пополнить информацию о погребальной культуре, быте населения г. Царевококшайска конца XVIII – начала XX вв.

Погребальная посуда в захоронениях преимущественно (зафиксировано лишь два случая расположения у ног) располагалась в области предплечий: как правого, так и левого (рис. 3).

В процессе исследования погребальной посуды были использованы методы классификации и морфологической характеристики, предложенные Ю.Л. Щаповой (1988).

По материалу изготовления всю найденную погребальную посуду можно условно разделить на два типа (табл. 1): 1) стеклянная (35 предметов); 2) керамическая (30 предметов).

Практически вся стеклянная посуда была изготовлена из прозрачного отожденного стекла. Подавляющее количество стеклянных изделий (20 предметов) имеет белый цвет. Единично представлена стеклянная посуда сине-зеленого (3 предмета), зеленого (5 предметов), желтого (1 предмет) и синего цветов (6 предметов) различной степени интенсивности.

По виду декорирования 21 стеклянное изделие Тихвинского некрополя отличается разнообразием декора. Основная тенденция декора, присутствующая на стеклянной посуде Тихвинского некрополя, это полосы, ямки, нити в цвете предмета, полученные путем номерной шлифовки, алмазной грани, а также гравировки. Семь предметов стеклянной посуды

Рис. 2. Общий вид раскопа.

Рис. 3. Захоронения Тихвинского некрополя.

Таблица 1

Погребальная посуда Тихвинского некрополя г. Царевокошайска

<i>I. СТЕКЛО</i>					
№	название	№ погребения	отметка	сохранность	примечание
1	флакончик	43	-294	целый	Без декора, гладкая поверхность; на горловине отступ в виде носика
2	флакончик	123	-336	целый	Без декора, форма параллелепипеда, утолщенное (0,7 см) дно в форме правильного квадрата по центру которого прокол диаметром 1,5 см
3	банка с крышкой	182	-327	целая	Без декора, округлой формы (диаметр 6,7 см); надпись на крышке «J.S.F.»
4	флакончик	215	-280	целый	Декор в виде продольных выпуклых нитей, овальное дно (3,0x2,2 см)
5	стопка	221	-277	целая	С внешней стороны дна углубление диаметром 1,5 см; утолщенное (3,0 см) дно, гладкая поверхность, без декора
6	рюмка	240	-308	фрагменты	Нижняя часть декорирована матовыми полосами, с внешней стороны утолщенного (0,6 см) дна углубление диаметром 1,5 см
7	флакон	241	-282	целый	Декор в виде продольных выпуклых нитей, овальное дно
8	стакан	249	-301	целый	Декор в виде матовых и граненных полос, нитей, окружностей, звездочек; утолщенное (1,7 см) дно
9	стопка	252	-324	целая	С внешней стороны дна углубление диаметром 1,5 см; утолщенное (2,6 см) дно, гладкая поверхность, без декора
10	стопка	258	-317	целая	С внешней стороны дна углубление диаметром 1,5 см; утолщенное (2,0 см) дно, гладкая поверхность, без декора
11	рюмка	272	-267	целая	Нижняя часть тулова декорирована вдавленными гранями, фигурная ножка, утолщенное (0,4 см) дно

12	флакон	274	-324	фрагменты	Стекло темно зеленого цвета, 8-миграник; толщина стенок 0,4 см; надпись на донце «1863» и буквы на стенке А.,Ж.,К.,Г.,Л.
13	стопка	317	-318	фрагменты	Верхняя часть декорирована матовыми нитями, нижняя часть – граненными полосами; с внешней стороны утолщенного дна (0,5 см) углубление диаметром 1,5 см
14	флакончик	330	-248	целый	Декор одной из широких (3,5 см) грани рельефным изображением по центру двуглавого орла, над которым надпись «Аптека» и под которым надпись «PHARMACIE»; на горловине отступ в виде носика
15	флакончик	360	-244	целый	Декор в виде продольных выпуклых нитей, утолщенное дно (0,5 см) дно овальное (3x2 см)
16	флакончик	368	-255	целый	Декор в виде продольных выпуклых нитей, овальное дно (3,2x2,6 см)
17	рюмка	?	-235	фрагмент	Скол ножки и основания, гладкая поверхность, без декора
18	стопка	376	-257	целая	Декор в виде граненных, матовых полос, окружностей, с внешней стороны утолщенного дна (0,5 см) углубление диаметром 1,5 см
19	флакон	384	-266	целый	Без декора конусовидной формы, утолщение дна к центру сосуда до 1, 4 см
20	флакончик	385	-272	целый	Декор в виде продольных выпуклых нитей, овальное дно (2,8x2,5 см)
21	флакон	388	-254	целый	Огранка боковых граней, на одной из широких сторон (5,0 см) рельефное изображение двуглавого орла и надписи Товарищество Брокаръи К ^о въ Москвѣ», на дне по центру выгравированы заглавные буквы «К.Н.»

22	флакон	393	-241	целый	На одной широкой грани (ширина 4,5 см) – рельефное изображение Киево-печорской лавры, на другой – Пресвятая Богородица, по боковым узким (ширина 2,5 см) надписи «В.К.П.Лавры», «П.Б.Матери»
23	стопка	410	-292	целая	С внешней стороны утолщенного (2,5 см) дна углубление диаметром 1,5 см; гладкая поверхность, без декора
24	флакон	417	-239	целый	Треугольной формы; декорирован выпуклыми линиями и вкраплениями цвета предмета
25	рюмка	421	-277	фрагмент	Скол ножки и основания, утолщенное (1,5 см) дно, без декора
26	стакан	463	-276	целый	Декор в виде огранки высотой 3,7 см в нижней части сосуда
27	рюмка	470	-309	фрагмент	Скол ножки и основания, без декора, фигурная ножка
28	флакон	481	-285		Декор в виде продольных выпуклых нитей, овальное дно (4,7х3,2 см)
29	рюмка	484	-286	фрагменты	Матовое стекло белого цвета
30	флакон	541	-306	целый	Декор в виде продольных выпуклых нитей, овальное дно
31	флакон	542	-282	целый	Декор в виде продольных выпуклых нитей, овальное дно (4,6х3,3 см)
32	рюмка	544	-307	целая	Подставка имеет декор в виде матовой полосы
33	флакончик	553	-322	целый	Прямоугольной формы с овальным дном, без декора
34	стопка	555	-352	целая	С внешней стороны дна углубление диаметром 1,5 см; гладкая поверхность, без декора, утолщенное (2,3 см) дно
35	баночка	615	-316	целая	Гладкая поверхность

Продолжение табл. 1

II. КЕРАМИКА (фаянс, фарфор)					
№	название	№ погребения	отметка	сохранность	примечание
1	кружка	117	-321	фрагмент	Ручка сколота, на дне изображение двуглавого орла и надпись «М.С.Кузнецова Ф.Д.»

2	чашка	255	-306	фрагменты	–
3	чашка	269	-293	фрагменты	–
4	чашка	273	-335	фрагменты	Отсутствие декора
5	чашка	305	-241	фрагмент	Красочный декор, скол ручки
6	чашка	312	-321	целая	Красочный + рельефный декор, клеймо фабрики Барминых
7	чашка	354	-304	фрагмент	Скол ручки, красочный декор, изображение двуглавого орла и надпись «фабрика М.С.Кузнецова в Дульгово»
8	баночка	361	-271	целая	Белая без декора, края горловины без обработки глазурью
9	чашка	379	-258	фрагменты	Клеймо фабрики Барминых с надписью «Ф.В.П. Бармины»
10	кружка	392	-277	фрагмент	Ручка намеренно сколота, красочный декор
11	кружка	400	-298	фрагмент	Сколы, ручка сколота
12	чашка	401	-300	фрагменты	Отсутствие декора
13	чашка	425	-271	фрагменты	Красочный декор
14	чашка	432	-272	фрагмент	Намеренная порча (отсутствие ручки), рельефный декор
15	чашка	444	-290	фрагменты	Отсутствие декора
16	чашка	454	-289	фрагмент	Рельефный декор, скол ручки, клеймо фабрики Кузнецовых
17	чашка	458	-289	целая	Красочный декор
18	чашка	460	-297	фрагменты	Отсутствие декора
19	чашка	467	-294	фрагменты	Красочный декор
20	чашка	483	-300	целая	Клеймо с двуглавым орлом и надписью С.Петербург, наличие красочного декора
21	чашка	480	-273	фрагмент	Скол ручки, красочный декор
22	чашка	493	-284	фрагменты	–
23	чашка	501	-756	фрагменты	Скол ручки, рельефный + красочный декор, на дне надпись «Ф. Малахова №1 Torpenes»
24	чашка	515	-314	фрагменты	–
25	чашка	523	-255	целая	Клеймо фабрики Кузнецовых с указанием года – 1814, красочный + рельефный декор
26	чашка	524	-291	фрагменты	–
27	чашка	545	-301	целая	Красочный + рельефный декор, клеймо фабрики Кузнецовых
28	чашка	546	-298	фрагмент	Рельефный и красочный декор, скол ручки
29	чашка	549	-260	фрагменты	–
30	кружка	666	-346	фрагмент	Белая, отсутствие декора

украшены рельефным узором путем деколя, травления или штампа.

По функциональному признаку стеклянная посуда объединена в сле-

дующие группы: 1) столовая посуда (14 предметов); 2) парфюмерно-косметическая (5 предметов); 3) аптечная (2 предмета); 4) церковная (1 пред-

мет); 5) универсальная (10 предметов).

Следует сразу оговориться, что данная группировка условна, так как в захоронениях посуда несла одну, ритуальную, функцию и использовалась в качестве сосуда для елдя.

Столовая посуда имеет также узкую номенклатуру. Среди столовой посуды в захоронениях Тихвинского некрополя встречаются представители следующих классов:

а) *рюмка* – сосуд на ножке с подставкой (5 предметов). Для рюмок Тихвинского некрополя характерна цилиндрическая форма тулова толщиной 0,1–0,2 см с оттянутым краем и диаметром 4,8–5,5 см, высотой ножки в пределах вариации 2–3 см. Следует заметить, что 4 рюмки имели гладкую, а у 1 предмета зафиксирована фигурная ножка.

б) *стопка* – сосуд средней высоты с прямыми стенками цилиндрической или граненной формы (8 предметов). В данном случае 4 предмета имели ряд характерных особенностей: утолщенное дно (2,0–2,6 см), имеющий с внешней стороны преднамеренный прокол для устойчивости сосуда на неровной поверхности; толщина стенки составляет 0,2–0,3 см при диаметре тулова 4,5–5,0 см.

в) *стакан* – высокий открытый сосуд без горла и ручек (2 предмета). Стаканы, обнаруженные в захоронениях Тихвинского некрополя имеют цилиндрическую форму диаметром 6,5 см при толщине стенок в 0,15 см и 0,3 см.

Парфюмерно-косметическая посуда представлена миниатюрными флакончиками прямоугольной, треугольной, цилиндрической формы (4 предмета) и баночкой круглой формы

высотой 3,2 см с надписью на крышке «J.S.F.».

Аптечная посуда представлена стеклянными изделиями, изготовленными из прозрачного белого стекла. Один из предметов данной группы имеет декор в виде изображения двуглавого орла и надписей над ним «Аптека» и под ним «Pharmacie». Тулово имело также специальное приспособление для отлива жидкости из емкости (носик) (рис. 4).

В погребении № 393 зафиксирован сосуд с изображением на одном ребре здания Киево-Печорской лавры, а на другом – Пресвятой Богородицы. По боковым граням присутствует надпись «В.К.П.Лавры» и «П.Б.Матери».

Самой массовой группой является универсальная, к которой отнесены флаконы с трудно определяемым функциональным назначением (рис. 5).

Классификация керамической посуды Тихвинского некрополя построена на морфологических признаках с учетом особенностей технологии и декора. В результате, керамическая посуда Тихвинского некрополя представлена двумя основными типами: 1) фаянс; 2) фарфор.

Вся посуда белого цвета и покрыта глазурью. Обязательным элементом фаянсовой и фарфоровой посуды Тихвинского некрополя является богатый декор, который можно условно разделить на два вида: красочный и рельефный. Наиболее распространенным декором керамической посуды Тихвинского некрополя является красочный – роспись фаянсо-фарфоровой посуды эмалевыми красками над глазурью. Русские живописцы XVIII – начала XX вв. знали особый рецепт приготовления ярких керамических

Рис. 4. Аптечная посуда.

красок для росписи фаянсо-фарфоровой посуды. Они искусно расписывали изделия способом крытья – синим, розовым, желтым, малиновым кобальтом. Для отделки дорогой посуды использовали золото, гравировали агатом. В захоронениях Тихвинского некрополя обнаружена фаянсо-фарфоровая посуда, украшенная розаном или мелкими цветочками (рис. 6а).

В 1900-е годы в Дулево на фабрике М.С. Кузнецова было налажено производство переводных рисунков (деколь), сюжетом для которых служили романтические пейзажи, букеты цветов с преобладанием желтого, зеленого, синего, голубого, розового, сиреневого цветов в обрамлении штампованного рисунка золотом. Пример русского деколя также присутствует в погребальной посуде Тихвинского некрополя (рис. 6б).

Второй тип декора фаянсо-фарфоровой посуды Тихвинского некрополя – рельефный декор, получаемый граверным путем, перфорацией или посредством рельефообразных завышений. Посуда Тихвинского некрополя имеет как целые формы изделий данного вида декора (рис. 6в), так и в виде ручек (рис. 6г).

Группы керамической посуды определяются по основному объему, где в качестве критериев взяты пропорции. В результате, керамическую посуду представленную 30 предметами, условно можно разделить на 4 группы: 1. чайные чашки – сосуды средней высоты округлой формы с

ручкой; 2. кофейные чашки – низкие сосуды округлой формы с ручкой; 3. кружки – высокие сосуды в форме усеченного конуса или цилиндра с ручкой; 4. баночка.

Зачастую погребальная посуда Тихвинского некрополя имела намеренно отколотые края, ручки (в керамической посуде – 10 предметов), ножки у рюмок (в стеклянной посуде – 3 предмета), разбитая или во фрагментах (керамическая посуда – 14 предметов; стеклянная посуда – 2 предмета). Это является примером известного с глубокой древности так называемого обряда «порчи вещей».

На некоторых предметах погребальной посуды данного кладбища были зафиксированы клеймы (печати) фабрик-изготовителей данной посуды. Наиболее часто встречаемые печати – печати фарфорового завода М.С. Кузнецова, фабрики Малахова,

Рис. 5. Универсальная посуда Тихвинского некрополя.

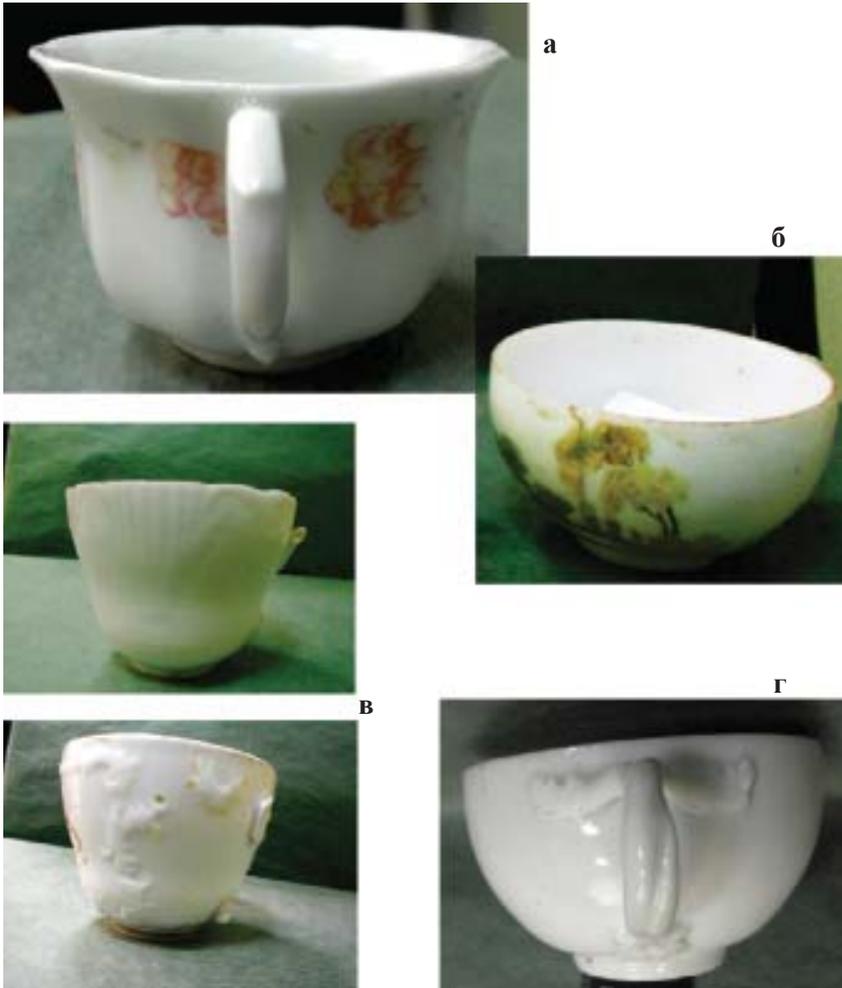

Рис. 6. Фаянсо-фарфоровая посуда.

1810–1850 гг.

1860–1889 гг.

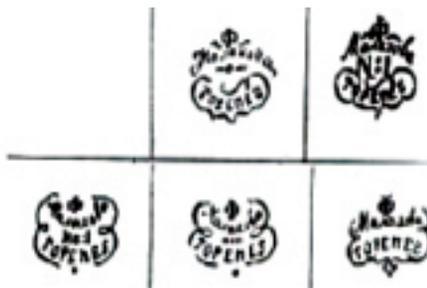

1889–1917 гг.

а) Клейма фабрики М.С. Кузнецова.

б) Клеймо фабрики Домны Андреевны Барминой.

в) Клейма фабрики Григория Макаровича Малахова.

Рис. 7. Клейма (печати) фабрик производителей, встречаемые на посуде Тихвинского некрополя г. Царевokokшайск.

торгового дома братьев Барминых, фабрики Маркова. Данная информация позволяет не только датировать каждое конкретное захоронение, но и дать представление о развитии торговых связей, о быте жителей г. Царевokokшайска. Так, например, клеймо фабрики М.С. Кузнецова в разные временные отрезки имело разные виды (рис. 7а). В захоронениях Тихвинского некрополя встречается посуда всего периода существования фабрики, с 1810 г. по 1917 г. Несколько изделий (4 предмета) имеют клеймо фабрики Барминых: три изделия – периода владения фабрикой Домны Андреевны Барминой (1849–1878 гг.) (рис. 7б); одно изделие – периода существования Торгового дома братьев Филиппа, Василия и Петра Барминых (1895–1917 гг.). На обнаруженных изделиях также при-

сутствует печать фабрики Малахова, действовавшей в 1863–1885 гг. (рис. 7в). Это дает возможность определить датирующий потенциал некрополя, а именно: нижняя граница датировки участка кладбища соответствует второй половине XIX в.

Трудно объяснить, чем руководствовались люди, ставившие в гроб чашки, флаконы, стопки, рюмки, кружки и другие виды посуды. Скорее всего, жители города делали это потому, что так было принято в то время. Вероятно, это традиция связана с пережиточными языческими представлениями, достаточно долго бытовавшими у коренных народов Поволжья (Овчинникова, 2007, с. 279).

Планомерные исследования погребального инвентаря Тихвинского некрополя дали ценный материал, по-

звolyающий расширить имеющиеся в настоящее время данные о социальной неоднородности населения, религиозных конфессиях, этнических особенностях, исторической топографии

города, его экономической жизни, быте, основных занятиях и культуре горожан г. Царевококшайска в последней трети XVIII – начале XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Из истории города Йошкар-Олы. – Йошкар-Ола, 1987.
2. *Овчинникова Н.В.* Изучение погребальной культуры второй половины XVIII – начала XX веков по материалам некрополей Самарской губернии // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г. – Екатеринбург; Сургут, 2007.
3. *Щапова Ю.Л.* Естественно-научные методы в археологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988.

Информация об авторе:

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, Центр археолого-этнологических исследований МарГУ (г. Йошкар-Ола, Россия); veer47@mail.ru

Калыгина Жанна Сергеевна, старший научный сотрудник, Центр археолого-этнологических исследований МарГУ (г. Йошкар-Ола, Россия); zhannet13@bk.ru

THE FUNERAL WARE OF THE TIKHVINSKY NECROPOLIS OF THE TSAREVOKOKSHAISK: PRELIMINARY RESULTS OF THE STUDY

E.E. Vorob'eva, Zh.S. Kalygina

The article is devoted to the results of conservation excavations of the Tikhvinsky necropolis, located in the territory of Yoshkar-Ola (former Tsarevokokshaisk) city, the Mari El Republic. The site dates from the late 17th to the early 20th century. In the course of the excavations, 781 burials have been studied. The majority of the burials had been executed in the Orthodox rite, containing a considerable number of Christian religion objects: baptismal crosses, medallions, and small icons. However, in many graves, objects indicating the presence of remnants of paganism in the funeral rite have been discovered. Among these, it is necessary to note the presence of the funeral ware – all in all 65 glass and ceramic vessels, almost half of them broken or damaged, which reflects the ancient ritual of “spoiling things”. The classification of the funeral ware according to typological and technological features is offered. This category of grave goods is of great interest for the study of the funerary culture and everyday life of the population that inhabited Tsarevokokshaisk in the late 18th – early 20th centuries.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, the Mari El Republic, the late 18th – early 20th centuries, Tikhvinsky necropolis, Tsarevokokshaisk city, cult objects, glass and ceramic funerary ware, stamps.

REFERENCES

1. Sanukov, K. N. (ed.). 1987. *Iz istorii goroda Ioshkar-Oly (Pages from the History of the Yoshkar-Ola Town)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute (in Russian).
2. Ovchinnikova, N. V. 2007. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *XVII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchaniye (17th Ural Archaeological Session)*. Yekaterinburg; Surgut: “Magellan” Publ. (in Russian).
3. Shchapova, Yu. L. 1988. *Estestvennonauchnye metody v arkheologii (Natural Scientific Methods in Archaeology)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

About the Authors:

Vorobeva Elena E. Candidate of Historical Sciences. Mari State University. Ryabinin St., 8A, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; veer47@mail.ru

Kalygina Zhanna S. Mari State University. Ryabinin St., 8A, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; zhannet13@bk.ru

НАТЕЛЬНЫЕ КРЕСТЫ ЦАРЕВОКОКШАЙСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ (К ВОПРОСУ СИСТЕМАТИЗАЦИИ)¹

© 2013 г. Е.Е. Воробьева, Ю.Н. Иванова

Статья посвящена малоисследованному аспекту погребальной культуры позднего средневековья и нового времени – нательным крестам. В работе впервые обобщен материал из царевokokшайских некрополей XVII – первой половины XIX вв. – Богородице-Сергиевого и Тихвинского, исследованных в ходе охранных археологических раскопок на территории г.Йошкар-Ола в 2010 и 2012 гг. Комплексный анализ крестов-тельников позволил дать их подробную типологическую и хронологическую характеристику, проследить эволюцию отдельных типов нательных крестов, выделить среди них «мужские» и «женские» типы. Анализируются данные о роли и месте крестов-тельников в заупокойном культе.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Республика Марий Эл, позднее средневековье, новое время, г. Царевokokшайск, некрополь, нательный крест, типология.

Одним из наиболее устойчивых элементов погребальной культуры позднего средневековья и нового времени является нательный крест.

На территории исторической зоны города Йошкар-Олы (Царевokokшайска) в 2010 и 2012 гг. проводились охранные научно-исследовательские археологические раскопки, в результате которых был получен богатый вещественный материал, в том числе и кресты-тельники.

В 2010 г. охранные археологические исследования проводились на территории существовавшего в XVII – первой половине XIX вв. Богородице-Сергиевого женского монастыря (рис. 1), при котором был обнаружен и исследован могильник XVII – первой половины XIX вв. На месте кладбища из 630 погребений было отобрано 54 нательных креста.

В 2012 г. на территории общегородского кладбища (Тихвинский некрополь), действовавшего с 1747 по 1926 гг., проводились охранные ар-

хеологические работы (рис. 1), в ходе которых 781 погребение представило богатый вещественный материал. Особый интерес вызвала серия крестов-тельников (506 единиц).

Все кресты Богородице-Сергиевого и Тихвинского некрополей были изготовлены преимущественно из меди. Широкое применение меди для изготовления христианских крестов не было случайным. Материал, из которого выполнялись данные изделия, обладал символическим смыслом. Меди как металлу приписывали магические свойства. Согласно Библии, пророк Моисей сделал для исцеления укушенных ядовитыми змеями медного змея и выставил его на знамя, и когда змей жалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив (Библия, Числа 21: 9, с. 132).

На протяжении многих веков крест считается главным символом христианства. Этим объясняется разнообразие форм и декора крестов, в особенности меднолитых. Не исключение и

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ: проект №12-11-1200.

Раскопы Центра археолого-этнологических исследований МарГУ на территории Тихвинского некрополя

Рис. 1. План раскопов на территории г. Йошкар-Ола.

кресты-нательники Царевококшайских некрополей, которые типологически весьма разнообразны. При анализе серии крестов Царевококшайских некрополей основополагающей послужила классификационная схема А.К. Станюковича для нательных крестов позднесредневекового и нового времени (Станюкович, 2003).

Основным морфологическим признаком, взятым за основу выделения групп крестов-нательников взято оформление контура креста. В соответствии с данным признаком нательники исследованных участков Царевококшайских некрополей разделены на две группы: простые, без каких-либо дополнительных деталей в средокрестии (25 экз.); и фигурные, с дополнительными элементами в виде лучей, исходящих из углов средокрестия, шариков, завитков и т.д. (69 экз.) По художественному оформлению ветвей креста в группах различаются типы, внутри которых по внутреннему декору выделены классы. Следует отметить, что при классификации учтены лишь те экземпляры, которые имели хорошую сохранность

для определения их морфологических особенностей – 82 предмета (из них 22 экз. из Богородице-Сергиевого некрополя и 60 экз. Тихвинского некрополя).

Группа I, тип I (25 экз.) относится к распространенному типу простых крестов, которые имеют несложные и упрощенные формы (рис. 2). По ширине концов тельников в типе I выделено два класса.

Тип I, класс А (11 экз.) Кресты-нательники данного класса представлены простым четырехконечным крестом с прямоугольными лопастями. В его центральной части присутствует рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста с копьем и тростью по бокам. Внизу креста – схематическое изображение головы Адама в пещере. На кресте также присутствуют монограммы: в верхней оконечности «**ЦРЬ СВЫ**» (Царь Славы) в две строки под титлами, внизу – «**МЛРБ**» (аббревиатура от «Место Лобное Распят Бысть» с вариантом расшифровки «Место лобное, распят был» или «место лобное, раю быть») (Записка, 1851, с. 45) в две строки,

по сторонам, на боковых оконечностях, – **ИС ХС** (Иисус Христос) и под основной перекладиной Голгофского креста монограмма **НКА** («Победитель» или победа, что, вероятно, символизирует победу над смертью) под титлами. Оглавие креста выполнено в виде одноступчатого округлого ушка (рис. 2а). Существует мнение, что нателные кресты типа I класса А в силу своей простоты имели характер массового производства на территории России с конца XVII в. и на протяжении XVIII в. При этом ряд исследователей датируют возникновение данного типа второй половиной XVII в. (Куницкий, 1985, с. 126; Станюкович, 2003, с. 10).

Тип I, класс Б (14 экз.) – четырехконечные прямые кресты с расширяющимися лопастями. Кресты этого класса типа I имеют некоторые особенности, связанные и с надписями. В отличие от класса А, на тельниках класса Б под основной перекладиной Голгофского креста отсутствует надпись **НКА**.

Оглавие выполнено в форме плоского ушка (рис. 2б).

Своеобразную группу нателных крестов представляют фигурные тельники. Во второй группе выделено 5 типов.

Группа II, тип I (14 экз.) объединяет четырехконечные кресты с выступающими дугами в средокрестии и фигурными концами. Среди крестов данного типа можно выделить следующие классы:

Класс А (рис. 3а) – четырехконечные кресты с расширяющимися лопастями, которые на концах имеют вид трилистников. На некрополе Богородице-Сергиевого женского монастыря было обнаружено 6 крестов данного

класса, а на Тихвинском некрополе – 4 креста.

Класс Б представлен четырехконечным крестом с концами в виде трилистников и лучистым венцом вокруг средокрестия. Лучи венца выполнены в форме стерженьков. Оглавие сделано в виде плоского ушка (рис. 3б).

Класс В – четырехконечный крест с концами в форме сердца и лучистым венцом вокруг средокрестия, лучи которого выполнены в форме стерженьков (рис. 3в).

Очень часто данный тип, благодаря оконечностям, которые выполнены в виде трилистника, относят к группе женских крестов. Прямые аналогии данного типа не выявлены. Однако по своим морфологическим свойствам близок к типу VI нателных крестов XVII–XIX вв. по классификации Э.П. Винокуровой (Винокурова, 1999, с. 326–360, рис. 18). Он отличается от нашего типа тем, что на крестах присутствует лучистый венец вокруг средокрестия.

Залегание в земле, повышенное присутствие органики (погребальные находки) – все это оказало негативное воздействие на сохранность крестов. В результате из всех крестов, найденных на данном некрополе, типологически относящихся к группе II типу I классам Б и В крестов удалось обнаружить лишь по 2 экземпляра (по одному на каждом некрополе).

Для всех крестов-тельников группы II типа I характерно расположение на лицевой стороне рельефного восьмиконечного Голгофского креста с копьём, тростью и Адамовой головой в пещере. На верхней оконечности сделана монограмма **ЦРЬ СВЫ** в две строки под титлами. На боковых оконечностях присутствует надпись

Рис. 2. Группа I, тип I, а – класс А, б – класс Б.

Рис. 3. Группа II, тип I, а – класс А, б – класс Б, в – класс В.

Рис. 4. Группа II, тип II, а – класс А, б – класс Б.

ИС ХС и **НИКА** под титлами. Под Голгофой мы можем наблюдать монограмму **МЛРБ** в две строки. Оглавие тельника выполнено в виде одноступенчатого плоского ушка (рис. 3).

Кресты данного типа в г. Царевкокшайске входили в инвентарь захоронений погребального комплекса с конца XVII – XIX вв.

Тип II (8 экз.) – четырехконечные кресты-тельники с сердцевидными концами и лучистым венцом вокруг средокрестия в виде стерженьков или шариков. Кресты-тельники Царевкокшайских некрополей группы II типа II подразделяются на два класса.

Тип II, класс А (5 экз.) – четырехконечный нательный крест с прямоугольными лопастями и венцом вокруг средокрестия. Лучи венца выполнены в форме стерженьков. На лицевой стороне в центральной части выпуклым рельефом переданы восьмиконечный Голгофский крест с копьем и тростью. По четырем концам креста монограммы, выполненные выпуклым рельефом: монограмма **ЦРЬ СВЫ** в две строки под титлами, на нижней оконечности под Голгофой – **МЛРБ** в две строки, на боковых оконечностях надписи – **ИС ХС** и под титлами – **НИКА**. Оглавие креста имеет вид одноступенчатого округлого ушка (рис. 4а).

Тип II, класс Б (3 экз.) – серия четырехконечных нательных крестов с прямоугольными концами и лучистым двойным венцом вокруг средокрестия (рис. 4б). Лучи венца выполнены в виде шариков. На лицевой стороне выпуклым рельефом переданы восьмиконечный Голгофский крест с копьем, тростью и схематическое изображение Адамовой головы в пещере (гора Голгофы). Обратная сторона плохой сохранности. На оконечностях

мы можем наблюдать прямоугольные клейма с монограммами, которые, к сожалению, не прочитываются. Прочитываются лишь монограммы по сторонам – **ИС ХС** и под титлами – **НИКА**. Оглавие тельника выполнено в виде плоского подквадратной формы одноступенчатого ушка.

А.К. Станюкович данный тип датирует XVII в. и отмечает его широкое распространение на территории России до конца XIX в. (Станюкович, 2003, с. 11).

Тип III (1 экз.) представляет один из самых сложных по декорированию крестов-тельников. К этому типу относятся четырехконечные кресты с расширениями на верхнем и нижнем концах креста и треугольным завершением нижней оконечности (рис. 5). Оконечности горизонтальных лучей и основание имеют ромбическую форму, заполнены геометрическими фигурами, образующими распустившиеся бутоны, вероятно, лилий. Существует предположение, что лилии символизируют, с одной стороны, чистоту и невинность, а с другой – связаны со смертью и загробным миром (Каталог, 1908, с. 11). В центре средокрестия помещены рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста и цаты. На оконечностях креста присутствуют квадратные медальоны, в которых изображены характерные монограммы: вверху в медальон помещена надпись **ЦРЬ СВЫ** в две строки под титлами; внизу в две строки – **НИКА**, под титлами – **МЛРБ**; по сторонам под титлами – **ИС и ХС**.

На оборотной стороне креста размещается растительный орнамент. Оглавие креста имеет вид одноступенчатого плоского ушка. Присутствие достаточно резких и крупных

Рис. 5. Группа II, тип III.

Рис. 6. Группа II, тип IV.

Рис. 7. Группа II, тип V.

элементов декора, а также фиксация крестов данного типа в мужских погребениях, позволяет отнести тельники к мужским крестам.

Тип IV представлен 17 экземплярами тельников только из женских погребений Тихвинского некрополя (рис. 6). Композиция этих прекрасных нательных крестов заключается в обрамлении четырехконечного креста венком, покрытым растительным орнаментом, что придает ему форму резного листа. На лицевой стороне креста в центральной части выпуклым рельефом переданы: восьмиконечный Голгофский крест, по бокам копьё и трость. У подножия креста – схематичное изображение горы Голгофы с головой Адама. В верхней части под ушком, на оконечностях горизонтальных лучей, а также над и под перекладиной восьмиконечного креста надписи, выполненные выпуклым рельефом: вверху – **ЦРЬ СЛВЫ**; над перекладиной, по сторонам – **ИС ХС**; под перекладиной – **СН БЖИИ** (Сын Божий); между древками копья и трости – **НИКА**. На оборотной стороне воспроизводится текст псалма 67 «Да воскреснет Бог и разыдутся врази».

Ушко фигурное, двуступенчатое, с округлым навершием. Лицевая поверхность креста между рельефными элементами покрыта синей эмалью.

Как отмечают исследователи (Станюкович, 2003, с. 11; Винокурова, 1999, с. 335–336), нательные кресты подобного типа

имели большой спрос у населения Российской империи в начале XIX в., в связи с чем представлял массовую продукцию церковного инвентаря.

Наряду с так называемыми «женскими» на Тихвинском некрополе присутствуют и «мужские» нательники, объединенные в **Тип V** (рис. 7). Для нательных крестов данного типа характерны прямоугольные широкие лопасти, рельефный валик-кант, окаймляющий лицевую и оборотную сторону. На лицевой стороне в центральной части помещено рельефное изображение восьмиконечного креста с копьем и тростью по его сторонам. У подножия креста – пещера с головой Адама. На крестах присутствуют надписи: над Голгофским крестом – **ЦРЬ СЛВЫ**, над перекладной – **ИС ХС**, под перекладной – **СН БЖИИ**, между копьем и тростью – **НИКА**. На оборотной стороне воспроизводится текст псалма 67 «Да воскреснет Бог...».

Основание креста прямое. Ушко фигурное, с округлым утолщенным навершием.

Аналогично крестам типа IV, тельники типа VI имели популярность у населения г. Царевokokшайска на протяжении XIX в., о чем свидетельствует их массовость в погребениях Тихвинского некрополя (17 экз.).

При проведении анализа данного вида металлопластики необходимо отметить, что все элементы декора имеют свой символический смысл и их набор не случаен. Четырехконечная форма креста – это символ креста, который нес на своих плечах Иисус Христос. Голгофский крест символизирует крест, на котором был распят

Иисус Христос. Верхняя перекладина – это знак таблички, на которой была написана вина Иисуса, нижняя – подножия, на котором покоились Его ноги. На крестах также помещены орудия страстей – копье и трость. Монограммы – это титулы Иисуса Христа. Важно отметить, что на крестах-тельниках царевokokшайских некрополей присутствуют элементы старообрядчества (восьмиконечный крест, копье и трость – орудия страстей Христовых, монограмма «**ЦРЬ СЛВЫ**» и пр.) Однако мы не можем утверждать, что в ходе археологических исследований некрополей на территории города Царевokokшайска были обнаружены традиции старообрядческой культуры. Существует мнение, что после церковного раскола в XVII в. изготовление меднолитых крестов продолжалось по старым образцам-заготовкам (Самигулов, 2004, с. 191).

Таким образом, несмотря на жесткие канонические нормы кресты-тельники на протяжении XVII – начала XX вв. претерпевают значительные изменения, ярким свидетельством чего являются некрополи г. Царевokokшайска.

Проведенная классификация позволяет датировать кресты тельники исследованных Царевokokшайских некрополей второй половиной XVII – концом XIX вв. и выделить в указанный период наиболее популярные типы нательных крестов у населения г. Царевokokшайска – группа I тип I (рис. 2а, б), группа II тип I (рис. 3а, б), тип IV (рис. 6), тип V (рис. 7).

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Российское библейское общество. – М., 2011.
2. *Винокурова Э.П.* Металлические литые кресты-нагельники XVII в. // Культура Средневековой Москвы. XVII век. – М., 1999.
3. Записка для обозрения русских древностей / сост. и изд. И.Сахаров. – СПб., 1851.
4. Каталог Собрания древностей графа А.С. Уварова. – М., 1908. Отд. 8–11.
5. *Куницкий В.А.* Предметы художественной пластики из Белгорода-Днестровского // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Сб. науч. тр. – Киев, 1985.
6. Самигулов Г.Х. Православные кресты из культурного слоя XVIII в. («старообрядческие» кресты) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы II регион. науч.-практич. конф. – Челябинск, 2004.
7. *Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьев Н.М.* Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. – М., 2003.

Информация об авторах:

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, Центр археолого-этнологических исследований МарГУ (г. Йошкар-Ола, Россия); veer47@mail.ru
Иванова Юлия

**BODY'S CROSSES OF TSAREVOKOKSHAISK NECROPOLISES
 (TO THE QUESTION OF SYSTEMATIZATION) ²**

Е.Е. Vorob'eva, Yu.N. Ivanova

The article is devoted to baptismal crosses, an understudied aspect of the funerary culture of the Later Middle Ages and the Modern Era. For the first time the work summarizes the material from the two Tsarevokokshaisk necropoleis (Bogoroditse-Sergievsky and Tikhvinsky) dated from the 17th to the first half of the 19th centuries, which were studied during the 2010 and 2012 conservation archaeological excavations in the territory of Yoshkar-Ola city. An integrated analysis of the baptismal crosses has made it possible to offer their detailed typological and chronological characteristics, trace the evolution of certain types of baptismal crosses, and identify their “male” and “female” varieties. The data on the role and place of baptismal crosses in the mortuary cult are analyzed.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, the Mari El Republic, the Later Middle Ages, the Modern Era, Tsarevokokshaisk city, necropolis, baptismal cross, typology.

REFERENCES

1. Vinokurova, E. P. 1999. In Beliaev, L. A., Makarova, T. I., Chernov, S. Z. (eds.). *Kul'tura srednevekovoi Moskvy. XVII vek (Culture of Medieval Moscow: 17th Century)*. Moscow: “Nauka” Publ., 326-360 (in Russian).
2. Sakharov, I. (comp., ed.). 1851. *Zapiska dlia obozreniia russkikh drevnostei (Note for Survey of Russian Antiquities)*. Saint Petersburg (in Russian).
3. Uvarova, P. S. 1908. *Katalog sobraniia drevnostei grafa Alekseia Sergeevicha Uvarova (Catalogue of the Collection of Antiquities of Count Aleksei Sergeevich Uvarov)*. Parts 8–11. Moscow (in Russian).

Supported by the Russian Foundation for the Humanities: Project No. 12-11-1200.

4. Kunitskii, V. A. 1985. In Tolochko, P. P. (ed.). *Zemli Iuzhnoi Rusi v IX–XIV vv. (Southern Russian Lands in 9th–14th Centuries)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 124–126 (in Russian).
5. Samigulov, G. Kh. 2004. In Tairov, A. D. et al. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urale (Ethnic Interactions in Southern Ural)*. Chelyabinsk: “Rifei” Publ., 190–193 (in Russian).
6. Staniukovich, A. K., Osipov, I. N., Solov’ev, N. M. 2003. *Tysiacheletie kresta. Proizvedeniia russkoi khristianskoi metalloplastiki X–XX vekov iz chastnykh sobranii (Millennium of the Cross: Articles of the Russian Christian Metal Plastic Art of 10th–20th Centuries from Private Collections)*. Moscow (in Russian).

About the Authors:

Vorobeva Elena E. Candidate of Historical Sciences. Mari State University. Ryabinin St., 8A, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; veer47@mail.ru
Ivanova Yulia N.

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА КАШАН I В 2012 ГОДУ

© 2013 г. М.Б. Шигапов

В статье публикуются результаты новых исследований городища Кашан I (Лаишевский район, Республика Татарстан) – одного из малоизученных городов Волжской Булгарии. В 2012 г. раскопки проводились в северо-восточной части городища, на участке, прилегающем к оборонительному валу. Была исследована стратиграфия вала и культурного слоя и получен материал, уточняющий данные о датировке и материальной культуре города. На основании нумизматических находок и керамических материалов подтверждена датировка городища Кашан I концом домонгольского периода и ранним золотоордынским временем.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Волжская Булгария, Золотая Орда, городище Кашан I, оборонительные сооружения, валы, культурный слой, монеты, керамика.

Этот памятник археологии известен в науке с начала XIX в. (Шпилевский, 1877, с. 64, 348, 550; Археологическая карта, 1981, с.119–120, № 569). В археологических целях первоначально его осматривали Н.А. Толмачев (Толмачев, 1884, с. 72–75) и П.А. Пономарев. Эти исследователи отождествляли городище с исторически известным городом Кашаном и датировал его второй половиной XIV в. – временем упоминания в русских летописях (Пономарев, 1893, с. 138). В 1865 г. на городище Кашан I найден клад золотоордынских монет (Пономарев, 1893, с. 127, 128; Федоров-Давыдов, 1960, № 1, с. 183) и несколько вещевых кладов (Калинин, Халиков, 1954, с. 95).

В 1948 году Н.Ф. Калинин заложил на площадке городища серию шурфов общей площадью 48 кв.м. и на основании полученных данных датировал памятник XII–XIV вв. (Калинин, Халиков, 1954, с. 94, 96).

В 1990–1991 гг. памятник был осмотрен К.А. Руденко. В 1994 г. вал с напольной стороны исследовал А.М. Губайдуллин (Губайдул-

лин, 2002, с. 69–71, рис. 102–104). В 1995–1998 гг. К.А. Руденко проводились дополнительные исследования городища и его ближайшей округи, в результате которых раскопками было изучено 200 кв.м площади, проведена сплошная разведка с фиксацией подъемного материала по секторам, изучены укрепления с напольной стороны и со стороны р. Камы, а также культурные отложения на площадке (Руденко, 1999, с. 111–128; более подробно об истории изучения памятника см.: Хузин, Руденко, 1997, с. 47–62).

В 2010 г. под руководством А.А. Чижевского проводились широкомасштабные охранно-спасательные исследования на месте предстоящего строительства нефтепровода, были выявлены сооружения хозяйственного назначения и комплекс находок домонгольского и золотоордынского времени.

В 2012 году охранные исследования проводились в северо-восточной части Кашанского I городища, возле его укреплений (рис. 1). Как известно, в 2000-е годы оборонительная линия городища в виде вала и рва перед ним

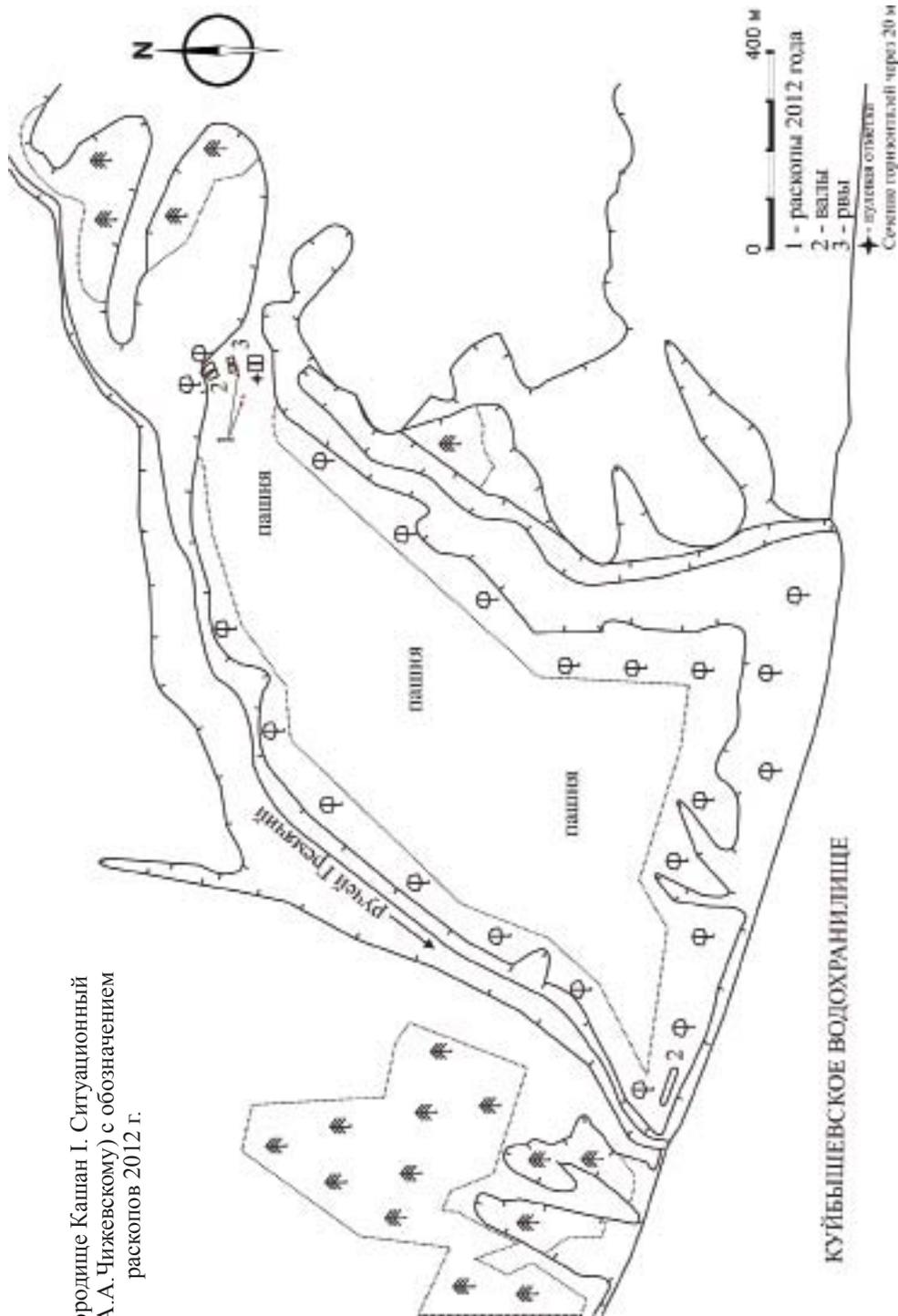

Рис. 1. Городище Кашан I. Ситуационный план (по А.А. Чижевскому) с обозначением раскопок 2012 г.

Рис. 2. Подъемный материал с городища. 1–6 – фрагменты керамической посуды общеполгарского типа, 7 – медная золотоордынская монета.

Рис. 3. Фото общего вида раскопа I перед началом работ.

Рис. 4. План раскопа I на уровне материка.

Рис. 5. Фото сечения вала городища Кашан I.

Рис. 6. Фото сооружения 1а. Вид с юго-запада.

несколько раз была разрезана строительной техникой при прокладке нефтепродуктопроводов и газопроводов.

Подъемный материал с территории распахиваемой площадки городища представлен фрагментами керамической болгарской посуды как позднего домонгольского, так и раннего золотоордынского облика (I группа, по Т.А. Хлебниковой; см Хлебникова, 1984), медной джучидской монетой XIV в. (рис. 2).

Раскоп I площадью 40 кв. м был заложен вдоль северной линии сечения вала у подножия срезанного участка вала (рис. 3). В 3 м к западу от западной границы раскопа на площадке городища находятся следы старого раскопа К.А. Руденко. Наш раскоп был разбит в виде траншеи шириной 2 м и длиной 20 м на 10 участков. Основная часть раскопа прилежала непосредственно к поверхности поперечного сечения вала (рис. 4).

Необходимо отметить, что дерновый массив присутствовал только на участках 1–3 раскопа, тогда как на прочих участках современная поверхность представляла собой неравномерный горизонтальный срез насыпи вала, поросший травостоем.

Стратиграфия культурных напластований городища зафиксирована только на участках 1–3. Под слоем дерна мощностью 7–10 см залегает слой темно-серой рыхлой супеси мощностью 35–45 см, переходящий в прослойку буро-серой плотной супеси мощностью 8–10 см. Слой покрывается на материковом коричневом суглинке. Общая мощность культурного слоя достигает 60 см. На участках 2–3 были сделаны находки фрагментов керамической посуды, которые относятся к первой, общеполгарской группе, по Т.А. Хлебниковой (рис. 7: 1–4, 12).

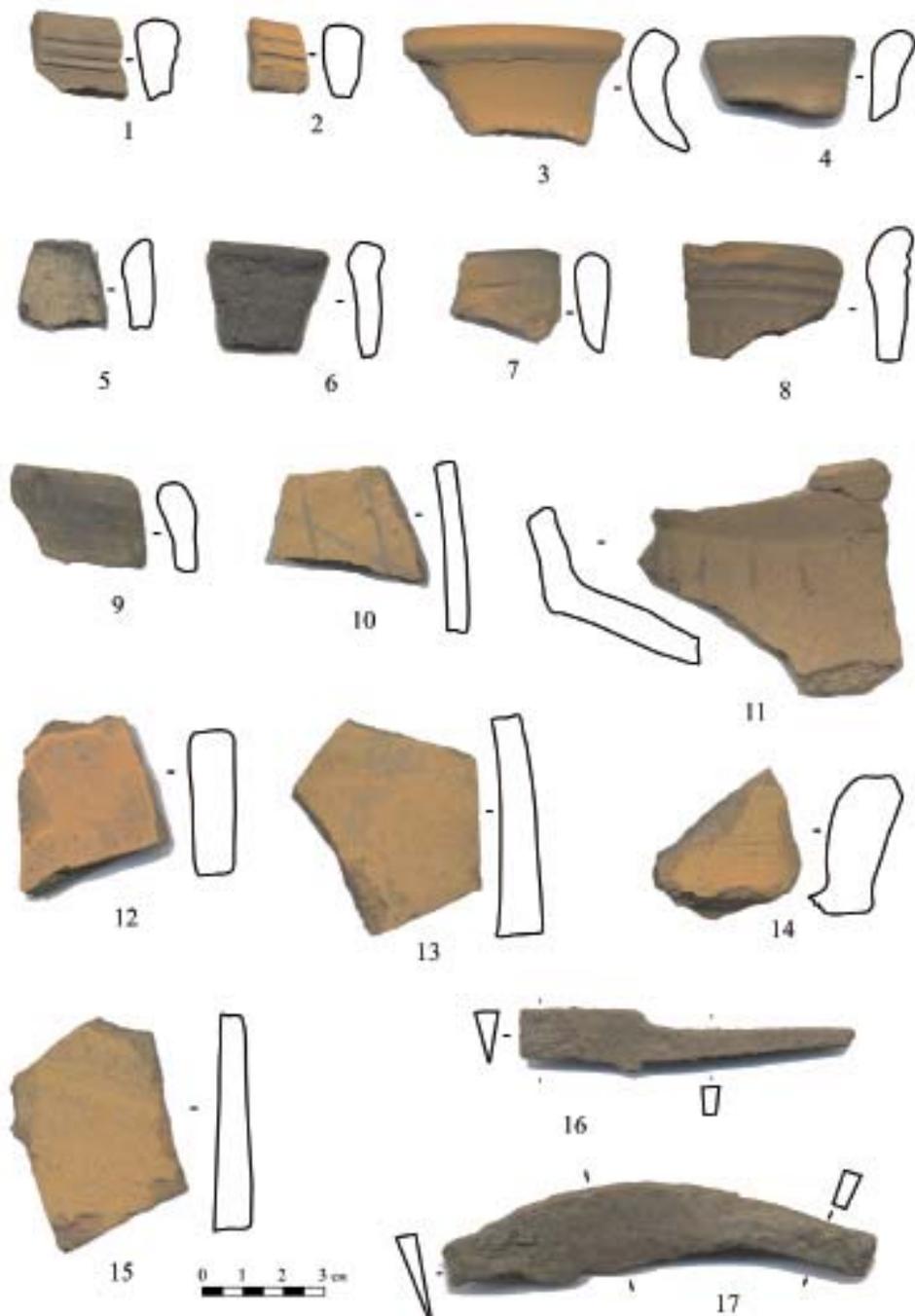

Рис. 7. Находки из раскопов I и II городища Кашан I. 1 – раскоп I, уч. 3, шт. 2; 2 – раскоп I, уч. 2, шт. 2; 3 – раскоп I, уч. 2, шт. 2; 4 – раскоп I, уч. 3, шт. 2; 5 – раскоп II, уч. 9, шт. 1; 6 – раскоп II, уч. 8, шт. 1; 7 – раскоп II, уч. 8, шт. 1; 8 – раскоп II, уч. 8, шт. 1; 9 – раскоп II, уч. 9, шт. 1; 10 – раскоп II, уч. 2, шт. 1; 11 – раскоп II, уч. 7, шт. 2; 12 – раскоп I, уч. 3, шт. 2; 13 – раскоп II, уч. 4, шт. 1; 14 – раскоп II, уч. 4, шт. 1; 15 – раскоп II, уч. 4, шт. 1; 16 – раскоп II, уч. 6, гл. -266 см; 17 – раскоп II, уч. 7, гл. -271 см.

На прочих участках раскопа зафиксированы напластования насыпи оборонительного вала городища.

Стратиграфия вала состоит из четырех мощных слоев и одной прослойки (рис. 5). Описания слоев даны сверху вниз:

1. Слой коричневого рыхлого суглинка мощностью до 225 см.

2. Слой коричневого плотного суглинка с вкраплениями известковой крошки мощностью 40–60 см.

3. Слой буро-серой рыхлой супеси с включением комков коричневого суглинка и угольков мощностью 40–90 см.

4. Слой коричневого плотного суглинка мощностью 16–45 см.

5. Прослойка серой плотной серой супеси мощностью 8–18 см, которая представляет собой выброс из сооружения 1а.

6. Насыпь вала покоится на слое буро-серой рыхлой супеси с включением комков суглинка мощностью 30–40 см; слой представляет собой погребенный чернозем или же участок ранних культурных напластований. Находок здесь не обнаружено.

Наибольшая высота вала от уровня подошвы равна 330 см.

На уровне материка на участках 8–9 зафиксировано *сооружение 1а* в виде продолговатой ямы шириной 100–110 см (рис. 6). Заполнение ямы состоит из двух вертикальных прослоек: прослойки серо-бурой плотной супеси с включением комков коричневого суглинка шириной 80–90 см и мощностью 90–100 см. И прослойки коричневого суглинка шириной 10–20 см такой же мощности. Коричневый суглинок представляет собой забутовку столбовых ям, вырытых в дне сооружения. По восточному краю по-

лосы фиксировались три овальные в плане столбовые ямы диаметром 10–12 см с остатками столбов в виде древесного тлена. Сооружение, вероятно, представляет собой яму под частокол, использованный как опорная канава для дополнительных дерево-земляных укреплений, располагавшихся с внешней стороны насыпи вала (Губайдуллин, 2002, с. 189, рис. 203–204).

Раскоп II площадью 56 кв. м, вытянутый по линии северо-запад – юго-восток (аз. 115°), был заложен в 53 м к западу от раскопа I (рис. 1). Посередине была оставлена продольная бровка длиной 14 м и шириной 30 см. При прокопке первого штыка на всей площади раскопа выявлен равномерный слой темно-серой рыхлой супеси; на участках 1, 2, 4–11 сделаны находки фрагментов керамики, представленной лощеной, нелощеной, красной, красно-коричневой, коричневой посудой хорошего и плохого обжига (рис. 7: 5–11, 13–15). Найдено 2 фрагмента керамики типа «джукетау» (XIII гр., по Т.А. Хлебниковой), 2 фрагмента керамики прикамско-приуральских истоков (VII гр.), характерные преимущественно для культуры домонгольского населения низовий Камы, но встречающиеся и в золотоордынских слоях поселений, а также кусочки керамических и железных шлаков. Из прочих находок следует отметить обломки железных ножа и струга.

При прокопке второго штыка на всей площади раскопа зафиксирован материковый коричневый и бурый суглинок.

Под слоем дерна мощностью 7–10 см залегает слой темно-серой рыхлой супеси мощностью 25–35 см, переходящий в прослойку буро-серой плот-

ной супеси мощностью 6–12 см. Слой покоится на коричневом и серо-буром материковом суглинке. Максимальная мощность культурных напластований, зафиксированных в раскопе, достигает 45 см.

В результате проведенных охраняемых археологических исследований на Кашанском I городище были получены новые материалы, характеризующие исследуемый памятник. Вскрытая площадь составила 96 кв.м. Был исследован характер стратиграфии напластований оборонительного вала городища. Полученная коллекция не-

посредственно в ходе раскопок позволяет увеличить объем имеющихся сведений о памятнике и подтвердить его датировку (городище датируется концом домонгольского периода и ранним золотоордынским временем). Материалы наших исследований в полной мере соответствуют выводам предыдущих исследований, а также существенно дополняют их. В ходе работ подтверждены данные о том, что насыпь оборонительного вала городища имеет относительно сложный конструктивный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / отв. ред. А.Х. Халиков. – М.: Наука, 1981.
2. *Губайдуллин А.М.* Фортификация городищ Волжской Булгарии / отв. ред. П.Н. Старостин. – Казань, 2002.
3. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. – Казань. – 1954.
4. *Пономарев П.А.* Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Булгарский город Кашан // ИОАИЭ. – 1893. – Т. XI. – Вып. 2.
5. *Руденко К.А.* Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании болгарских городов и протогородов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. – Ижевск-Глазов. – 1999.
6. *Толмачев Н.А.* Об остатках древности в пределах Казанской губернии // Тр. IV Археологического съезда. – Казань. – Т. I.
7. *Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. – 1960. – № 1.
8. *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения / отв. ред. С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1984.
9. *Хузин Ф.Ш., Руденко К.А.* Кашан: загадки болгарского города на Каме // История Лаишевского края. – Казань, 1997.
10. *Шпилевский С.М.* Древние города и другие болгаро-татарские памятники Казанской губернии. – Казань: Изд-во Казан. Импер. ун-та, 1877.

Информация об авторе:

Шигапов Марат Баязитович, научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); maratshigapov@gmail.com

INVESTIGATIONS ON THE SETTLEMENT KASHAN I IN 2012

M.B. Shigapov

The results of a new series of investigations on the Kashan I fortified site (Laishevo district, Republic of Tatarstan), one of the understudied cities of Volga Bulgaria, are made public in the article. In 2012, excavations were conducted in the north-eastern part of the site, adjacent to the rampart. The stratigraphy of the rampart and the cultural layer has been studied; the material obtained has been instrumental in amplifying the data about the dating and material culture of the city. On the basis of numismatic finds and ceramic materials, the dating of the Kashan I fortified settlement site from the later pre-Mongol period and the earlier Golden Horde time has been confirmed.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, Volga Bulgaria, the Golden Horde, the Kashan I fortified site, fortifications, ramparts, the cultural layer, coins, pottery.

REFERENCES

1. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1981. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoj ASSR. Predkam'e (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Cis-Kama Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Gubaidullin, A. M. 2002. *Fortifikatsiia gorodishch Volzhskoi Bulgarii (Fortification of Forts in the Volga Bulgaria)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
3. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Itogi arkheologicheskikh rabot za 1945—1952 gg. (Results of Archaeological Works in 1945—1952)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).
4. Ponomarev, P. A. 1893. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XI (2), 111-138 (in Russian).
5. Rudenko, K. A. 1999. In Ivanova, M. G. (ed.). *Novye issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (New Research on Medieval Archaeology of the Volga and Ural Regions)*. Izhevsk; Glazov: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 111—134 (in Russian).
6. Tolmachev, N. A. 1884. In *Trudy IV Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of 4th Archaeological Congress)* I. Kazan: Typography of the Imperial Kazan University (in Russian).
7. Fyodorov-Davydov, G. A. 1960. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* (1), 94-192 (in Russian).
8. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Question of Ethnocultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Khuzin, F. Sh., Rudenko, K. A. 1997. In *Istoriia Laishevskogo kraia (History of the Laishevo Land)*. Kazan, 47-62 (in Russian).
10. Shpilevskii, S. M. 1877. *Drevnie goroda i drugie bolgarsko-tatarskie pamiatniki v Kazanskoj gubernii (Ancient Towns and Other Bulgar-Tatar Sites in the Kazan Province)*. Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).

About the Author:

Shigapov Marat B. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; maratshigapov@gmail.com

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГОИАМЗ – Астраханский государственный объединённый историко-архитектурный музей-заповедник.

АЕС – Археология евразийских степей. – Казань.

АИЗ – Археологические известия и заметки. – М.

АКИО – Ананьинская культурно-историческая общность (область).

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан.

АО – Археологические открытия. – М.

АОТ – Археологические открытия в Татарстане. – Казань.

АС – Археологический съезд.

АЭМК – Археология и этнография Марийского края. – Йошкар-Ола.

БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

ВАС – Всероссийский археологический съезд.

ВАУ – Вопросы археологии Урала.

ВГВ – Вятские губернские ведомости.

ВДИ – Вестник древней истории. – М.

ВРГО – Вестник Русского географического общества.

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры. – М.

ГИМ – Государственный Исторический музей. – М.

ГОМРТ – Государственный объединенный музей Республики Татарстан.

ГЭ – Государственный Эрмитаж. – СПб. (Л.)

ДПДР – Древности Поволжья и других регионов. – М.; Нижний Новгород.

ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел. – М.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. – М.

ЗООИД – Записки Одесского Общества Истории и Древностей.

ЗРАО – Записки Русского археологического общества.

ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН.

ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. – СПб.

ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

ИОИПК – Известия общества изучения Прикамского края. – Сарапул.

ИОЛЕАЭ – Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М.

ИРАО – Императорское Русское археологическое общество.

ИРГО – Императорское Русское географическое общество.

ИСВАЭИ – Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в гор. Казани.

К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет.

КГУ – Казанский государственный университет (ныне К(П)ФУ).

КМВ – Казанский музейный вестник.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. – М.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. – М.

- МАНВР – Материалы по археологии восточных губерний России.
МАНДС – Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград.
МАИ – Московский археологический институт.
МАО – Московское археологическое общество.
МАР – Материалы по археологии России. – М.
МарГУ – Марийский государственный университет.
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция. – Йошкар-Ола.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. – М.
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. – М.
НАН – Национальная академия наук (Украины).
НИИИЯЛ – Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан.
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
ОАК – Отчеты Императорской Археологической Комиссии.
ОЕКУ – Общество естествоиспытателей при Казанском университете.
ОНТИ ПНЦ РАН – Отдел научно-технической информации Пушчинского научного центра РАН.
ОРРК НБ КФУ – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета.
ПА – Поволжская археология. – Казань.
ПАЭ – Поволжская археологическая экспедиция.
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет.
ПГУ – Пермский государственный университет.
ПЗОЕКУ – Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Казанском университете.
ПУАК – Пермская ученая архивная комиссия.
РА – Российская археология. – М.
РАН – Российская академия наук.
СА – Советская археология. – М.
САИ – Свод археологических источников. – М.
СПГУ – Самарский государственный педагогический университет.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. – СПб.
СЕЭС – Степи Евразии в эпоху средневековья. – Донецк.
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина.
СОМК – Саратовский областной музей краеведения.
ТА – Татарская археология. – Казань.
ТМНК – Труды международной нумизматической конференции. – М.
Тр. МАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. – Йошкар-Ола.
УАС – Уральское археологическое совещание.
ЭКМ – Энгельский краеведческий музей.
ЮНЦ РАН – Южный научный центр РАН.
AJA – American Journal of Archaeology.
ESA – Eurasia septentrionalis antiqua.
FUF – Finno-Ugrischen Forschungen. Helsinki.
SMYA – Suomen Muinaismuistohdistyksen Aikakauskirja.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Поволжская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, палеозоология, эпиграфика, нумизматика и др.). Материалы распределяются по разделам: «Статьи», «Публикации», «Дискуссии», «Заметки», «Рецензии», «Хроника». Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласия с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде. E-mail редакции: arch.pov@mail.ru.

Оригинал рецензии на поступающие материалы должен быть заверен подписью рецензента и печатью организации и его необходимо отправить по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30, Национальный центр археологических исследований.

Авторы гарантируют отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации рукописях.

Все поступающие рукописи проходят рецензирование. Решение редколлегии о принятии рукописи к публикации, отклонении или необходимости доработки материалов сообщается автору после заключения рецензентов.

Представление материалов и требования к их оформлению

Объем. Общий объем статьи (включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и аннотации-резюме) не должен превышать 1 а.л. (16 стр. через 1 интервал или 40 тыс. знаков с пробелами) и содержать не более 8–10 иллюстраций. Для раздела «Заметки» допустимый объем рукописи не более 15 тыс. знаков. Некрологи и юбилейные материалы, публикующиеся в разделе «Хроника», не должны превышать 10 тыс. знаков; в конце текста следует давать список лишь наиболее значимых трудов ученого.

Компьютерный набор. Все материалы принимаются в формате MS Word (doc, docx или rtf) (шрифт Times New Roman, кегль 14).

Таблицы, схемы, иллюстрации. Все они должны быть упомянуты в тексте, пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Иллюстрации принимаются в форматах *.tif и *.jpg с разрешением не менее 300 dpi (на реальный размер изображения). Фотографии и цветные рисунки должны быть высокого качества. Список иллюстраций с названиями должен быть дан в конце текста статьи (см. *Образец*). Сами иллюстрации предоставляются в виде отдельных файлов (один рисунок – один файл).

Резюме и ключевые слова. К рукописям (по разделам «Статьи», «Публикации», «Дискуссии», «Заметки», «Рецензии») должны быть приложены краткое резюме на русском и английском языках (не более 0,3 стр.) и ключевые слова (не более 10). Все нестандартные буквенные и иные обозначения в тексте рукописи должны быть четко и разборчиво вписаны от руки.

Сведения об авторах. В конце, после всех материалов к статье (см. *Образец*), приводятся сведения об авторах (фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность и ученая степень, с обязательным указанием почтового и электронного адреса, а также контактного телефона).

Присылаемые по электронной почте материалы должны быть в виде папки, содержащей один файл с текстом статьи, ключевыми словами и резюме на русском и английском языках, списком литературы, списком сокращений, списком рисунков и сведениями об авторах. Рисунки предоставляются в виде отдельных файлов, разрешением не менее 300 dpi, в форматах *.tif и *.jpg.

Оформление рукописи (ОБРАЗЕЦ).

Начало рукописи оформляется следующим образом:

МУСУЛЬМАНСКИЕ НЕКРОПОЛИ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

© 2012 г. Э.Е. Кравченко

Донецкий областной краеведческий музей, г. Донецк (E-mail)

Ключевые слова: на русском языке.

Аннотация на русском языке

Текст статьи.

Постраничные примечания в тексте даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3...).

Ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. *Образец:* (Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке после текста статьи и состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года с ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание. К списку литературы должен быть приложен список сокращений (кроме общепринятых – АО, КСИА, КСИИМК, МИА, РА, СА). Источником библиографического описания является титульный лист издания. Год издания в монографиях и сборниках ставится после места издания, в конце сноски. При ссылках на периодические издания необходимо указать том, № или номер выпуска, включая иностранные издания.

Образец:

ЛИТЕРАТУРА

Амиров Ш.Н. Природная среда верховьев Хабура // РА. – 2000. – № 3.

Арциховский А.В. Основы археологии. – М., 1954.

Беленицкий А.М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. – 1978. – Вып. 154.

Свод памятников археологии Республики Татарстан. – Казань, 2007.

Смирнов К.Ф. Савроматы. – М.: Наука, 1964.

Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII вв. // МИА. – 1962. – № 111. (Тр. Куйбышев. археол. эксп. Т. IV).

Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Шупилов А.В. Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2012.

Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural: Das Gräberfeld von Bolschie Tigani. – Budapest, 1981.

Далее следуют:

НАЗВАНИЕ РУКОПИСИ, ФИО авторов

Ключевые слова и резюме на английском языке.

Образец:

**THE MESOLITHIC – ENEOLITHIC FLINT ASSEMBLAGES
FROM THE NORTH PART OF IK – BELAYA INTERFLUENT AREA**

M.Sh. Galimova

Keywords: Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, flint, blade industries, burial assemblages, Volga-Kama region.

The article deals with a problem of chronological division of basic multilayer settlements of stone – eneolithic age situated near the mouth of Belaya river (left tributary of Kama), on the bank of Azibey lake etc.

Далее прилагаются:

Список сокращений

Список иллюстраций

Сведения об авторах

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, возвращаются авторам на доработку.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.